

**САНДРА
БРАУН**

Смерть в ночном
эфире

Издательство Эксмо

Сандра Браун

Смерть в ночном эфире

OCR Aldebaran

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118579

Смерть в ночном эфире: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-19142-0

Оригинал: SandraBrown, "Hello, Darkness", 2003

Перевод:

Ирина Ю. Крутичева

Аннотация

Пэрис Гибсон, которая ведет развлекательную ночную передачу, звонит неизвестный и обвиняет ее в том, что она разлучила его с подружкой и что семь лет назад она убила своего мужа. Он грозит убить свою девушку, потом покончить с Пэрис. Вместе с полицией делом занимается психолог Дин Мэллой – друг ее мужа, человек, которого она любила и от которого скрывалась все эти годы. Спокойная жизнь Пэрис превращается в кошмар.

Содержание

Пролог	5
1	13
2	28
3	40
4	52
5	62
6	74
7	95
8	114
9	123
10	142
11	163
12	173
13	193
14	211
15	228
16	251
17	263
18	278
19	301
20	327
21	349
22	368

23	387
24	406
25	426
26	443
27	456
28	474
29	490
30	507
31	527
32	547
33	563
34	584
35	599
36	613

Сандра Браун

Смерть в ночном эфире

Пролог

Оставалось шесть минут до конца эфира. Все шло как обычно. – На холмы опустился ночной туман. Спасибо, что провели эти четыре часа с нами на волне 101.3. Вы слушали программу «Песни о любви». С вами была Пэрис Гибсон. Перед тем как мы расстанемся, послушайте еще три песни, которые мне очень нравятся. Я надеюсь, что вы будете слушать их вместе с теми, кого вы любите. Обнимите друг друга покрепче.

Пэрис нажала на кнопку, отключая свой микрофон. Песни будут звучать без перерыва до 1.59.30. В оставшиеся тридцать секунд она снова поблагодарит своих слушателей, пожелает всем спокойной ночи и выйдет из эфира.

Под мелодию песни «Вчера» Пэрис закрыла глаза, pokrутила головой направо-налево, снимая напряжение с плеч. В сравнении с восьмичасовым рабочим днем четыре часа в эфире могли показаться легкой работой, но это заблуждение. К окончанию смены она была вымотана вконец.

Пэрис находилась в студии одна, сама представляла песни, которые заранее отбирала. По ходу дела слушатели про-

силы исполнить то, что нравилось им, и ей приходилось не только быстро перестраиваться, но и следить за временем. Пэрис не пользовалась услугами телефонистки и всегда сама отвечала на звонки.

Она легко, почти автоматически управлялась с оборудованием в студии, но к тому, что и как она говорит, Пэрис относилась очень серьезно. Она никогда не допускала ошибок, поскольку постоянно занималась – с учителями и самостоятельно, – чтобы довести до совершенства так называемую манеру Пэрис Гибсон, которая принесла ей известность.

Сегодня она старалась больше обычного, после двухсот сорока минут в эфире ее шея и плечи просто окаменели от напряжения. И это было верным признаком того, что она хорошо поработала.

После второго куплета знаменитой песни «Битлз» на телефонном аппарате зажглась красная лампочка, сообщавшая о звонке слушателя. Пэрис не хотелось отвечать, но официально до конца эфира оставалось еще почти шесть минут, а она пообещала слушателям, что будет принимать звонки до двух часов ночи. В эфир звонок давать было поздно, но все равно следовало ответить.

Она нажала на мигающую кнопку.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис, это Валентино.

Они уже были знакомы заочно. Мужчина периодически звонил, и ведущая легко запомнила необычное имя. И голос

его тоже трудно было спутать с чьим-то другим. Он говорил еле слышно, почти шептал, либо желая произвести впечатление, либо пытался остаться неузнанным.

Пэрис говорила в микрофон, установленный над приборной доской и выполнявший роль телефонной трубки. Во время программы обычной трубкой она не пользовалась, чтобы иметь возможность менять диски, даже разговаривая со слушателями.

– Как поживаете, Валентино?

– Так себе.

– Мне очень жаль.

– Точно. Ты об этом пожалеешь.

В эфире Анна Мюррей с песней «Мое разбитое сердце» сменила знаменитую ливерпульскую четверку.

Пэрис автоматически посмотрела на монитор – началась вторая из трех запланированных ею песен. Она не была уверена, что правильно расслышала слова Валентино.

– Простите, что вы сказали?

– Ты об этом пожалеешь, – внятно, отчетливо повторил он.

Несколько театральный тон был обычным для Валентино. Всякий раз, когда мужчина звонил на программу, он был или вне себя от радости, или не в себе от тоски. Пэрис никогда не знала, чего от него ожидать, и именно поэтому его звонки всегда представляли интерес. Но сейчас в его голосе, несомненно, звучали зловещие нотки. Такое случилось впервые.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я делал все, как ты мне советовала, Пэрис.

– Я давала вам советы? Когда?

– Каждый раз, когда я звонил. Ты всегда говоришь – не только мне, всем, кто дозванивается, – что мы должны уважать тех, кого мы любим.

– Верно. Я думаю...

– Так вот, уважение – это тупик. И теперь мне плевать, что ты там думаешь.

Пэрис не была ни психологом, ни психотерапевтом, она просто вела музыкальную программу на радио пять раз в неделю, все дни, кроме выходных. И тем не менее она очень серьезно относилась к своей роли человека, выслушивающего чужие признания по ночам.

Когда позвонившему не с кем было больше поговорить, она охотно общалась. Ее слушатели знали Пэрис только по голосу и все-таки ей доверяли. Пэрис Гибсон стала для слушателей программы доверенным лицом, советчиком и исповедником.

Они делились с ней радостью, вываливали на нее свои печали, словом, выворачивали души. Пэрис считала достойными эфира только те звонки, которые могли вызвать сочувствие и одобрение всей аудитории или спровоцировать горячую дискуссию.

Чаще всего звонившему просто надо было выговориться. Тогда она просто слушала, как другие изливали свой гнев на

окружающий мир. Очень редко Пэрис сама становилась объектом ярости позвонившего, но совершенно очевидно, что на этот раз все было именно так. Крайне неприятно.

Если этот Валентино находится на грани нервного срыва, ей не справиться с тем, что довело его до такого состояния, но она способна «уболтать» его, помочь ему отойти от опасной черты, а потом она убедит его обратиться за помощью к специалисту.

– Давайте поговорим о том, что случилось, Валентино. Что у вас на уме?

– Я уважаю девушек. Когда я влюбляюсь, я ставлю девушку на пьедестал и обращаюсь с ней, как с принцессой. Но им этого всегда мало. Девушки никогда не бывают верными. Все они меня обманывали, изменяли мне. Когда девушка уходила от меня, я звонил тебе, и ты всегда говорила, что в этом нет моей вины.

– Валентино, я...

– Ты всегда говорила мне, что я делал все правильно, что я не должен винить себя за то, что она ушла. И знаешь что? Ты совершенно права. Меня не в чем винить, Пэрис, во всем виновата только ты. На этот раз это твоя вина.

Пэрис оглянулась через плечо, посмотрела на звуконепроницаемую дверь студии. Холл за стеклянной стеной показался ей особенно темным, хотя здесь всегда так бывало в те часы, когда она вела свою ночную программу.

Ей захотелось, чтобы мимо прошел Стэн. Даже против по-

явления Марвина она бы не возражала. Пэрис была бы рада, если бы еще кто-нибудь слышал этот разговор и помог ей правильно ответить.

Она подумала о том, чтобы отключить телефон. Никто не знал, где она живет и как выглядит. Это было особо оговорено в ее контракте с радиостанцией. Пэрис никогда не принимала участия в рекламных кампаниях, ее фотографии не появлялись ни в телерекламе, ни в газетах, ни в анонсах. Пэрис Гибсон – это были имя и голос, ничего больше. Она ничем не рисковала. Но совесть не позволила Пэрис повесить трубку. Если этот Валентино принял близко к сердцу ее слова, последовал ее совету, а все получилось не так, как она предполагала, его гнев объясним.

С другой стороны, если разумный человек не согласен с тем, что она посоветовала, он бы просто не стал обращать внимание на ее рекомендации. Оказалось, что Пэрис повлияла на жизнь своего слушателя сильнее, чем она ожидала или желала.

– Объясните, почему вы считаете меня виноватой, Валентино.

– Ты сказала моей девушке, чтобы она порвала со мной.

– Я никогда...

– Я сам все слышал! Она позвонила тебе позавчера. Я слушал твою программу. Она не назвала своего имени, но я узнал голос. Она рассказала тебе нашу историю. Потом она сказала, что я превратился в ревнивого собственника. И тут

ты заявила моей девушке, что если она не чувствует себя достаточно свободной, то ей следует подумать об этом. Иными словами, ты посоветовала ей бросить меня. – Валентино помолчал, а потом объявил: – Теперь ты пожалеешь о том, что дала ей такой совет.

Пэрис не знала, что сказать. За все те годы, что она работала на радио, она никогда не сталкивалась ни с чем подобным.

– Валентино, давайте не будем нервничать и обсудим ситуацию, договорились?

– Я совершенно спокоен, Пэрис. И обсуждать абсолютно нечего. Я заманю ее туда, где ее никто не найдет. Ей не удастся убежать от меня.

После этих слов ситуация из зловещей превратилась в ужасную. Разумеется, он не собирался делать ничего подобного. Пэрис в этом не сомневалась.

Но прежде чем она успела произнести это вслух, Валентино добавил:

– Она умрет через три дня, Пэрис. Я убью ее, и ее смерть будет на твоей совести.

В эфире звучала последняя из трех объявленных песен. Часы на мониторе отсчитывали секунды, оставшиеся до конца программы. Пэрис бросила быстрый взгляд на автоматическое устройство, записывающее звонки, чтобы убедиться, что оно исправно. Умная машина работала без помех. Ее разговор с Валентино записывался.

Пэрис облизала губы и судорожно вздохнула.

– Валентино, это совсем не смешно.

– А я и не собирался тебя веселить.

– Я знаю, что на самом деле вы не намерены...

– Я намерен сделать именно то, что сказал. Я заслужил право на ее время и ее внимание. Я могу провести с ней хотя бы семьдесят два часа, разве ты не согласна? Всего три дня... Я ведь так хорошо к ней относился.

– Валентино, прошу вас, послушайте...

– Я не стану больше тебя слушать. Ты просто дерьмо. Ты даешь вредные советы. Я обращаюсь с девушкой с уважением, потом она уходит от меня и ложится под других мужчин. И ты советуешь ей бросить меня, словно это я разрушил наши отношения, словно это я изменил. Я за справедливость. Так что я буду трахать ее, пока из нее не польется кровь, а потом я ее убью. Через семьдесят два часа, Пэрис. Спокойной тебе ночи.

1

Дин Мэллой осторожно выбрался из кровати. Пошарив рукой в темноте, он нашел свое белье на полу, подобрал его и отправился в ванную комнату. Стараясь не шуметь, закрыл дверь и только потом включил свет.

Но Лиза все равно проснулась. — Дин!

Он оперся о край раковины и посмотрел на свое отражение в зеркале.

– Я сейчас.

На его лице было написано отчаяние или отвращение, Дин и сам не понял, но во взгляде определенно читался упрек.

Дин еще несколько секунд вглядывался в зеркало, потом открыл кран и плеснул в лицо холодной водой. Он натянул трусы и открыл дверь.

Лиза включила ночник у постели и лежала, опершись на локоть. Ее светлые волосы спутались. Под глазом размазалась тушь. Но каким-то образом ей удавалось выглядеть очень привлекательной.

– Ты примешь душ? Дин покачал головой.

– Позже.

– Я бы потерла тебе спинку, – игриво предложила она.

– Спасибо, но...

– Я могу заняться и всем остальным тоже. Дин улыбнулся:

– Как-нибудь в другой раз.

Его брюки украшали собой кресло в углу. Как только он протянул к ним руку, Лиза откинулась на подушки и надула губы.

– Ты уходишь, – обиженно протянула она.

– Я бы с большим удовольствием остался, Лиза.

– Ты уже несколько месяцев не оставался на всю ночь.

– Мне самому это не нравится, но ничего не поделаешь.

– Господи, Дин, ведь парню уже шестнадцать.

– Именно так, шестнадцать. Если бы Гэвин был маленьким, я бы точно знал, где он, с кем и что с ним. Но он уже получил права. А для отца это настоящий круглосуточный кошмар.

– Когда ты придешь домой, Гэвина скорее всего не будет.

– Ему лучше оказаться дома, – пробормотал Дин, заправляя рубашку в брюки. – Вчера он вернулся позже, чем следовало, поэтому утром я велел ему никуда не уходить вечером.

– И как надолго ты его наказал?

– Пока он не исправится.

– А если сын тебя не слушает?

– Не останется дома?

– Не исправится.

Этот вопрос был куда серьезнее. На него требовался более аргументированный ответ, а на это у Дина уже не оставалось времени. Он сунул ноги в ботинки, присел на край кровати и коснулся руки Лизы.

– Это несправедливо, я понимаю. Поведение Гэвина не

должно влиять на твое будущее.

– На наше будущее.

– На наше будущее, – негромко повторил Дин. – Это чертовски несправедливо. Из-за него нам пришлось многое отложить на неопределенное время, и это очень плохо.

Лиза взяла его руку и поцеловала ладонь.

– Мне не удастся убедить тебя остаться у меня на ночь, а я еще надеялась, что к Рождеству мы поженимся.

– Это вполне вероятно. Ситуация может измениться к лучшему быстрее, чем мы думаем.

Она не разделяла его оптимизм, и складка между бровями ясно сказала ему об этом.

– Я была очень терпеливой. Ты согласен, Дин?

– Абсолютно.

– За те два года, что мы вместе, я проявила чудеса терпимости и снисходительности. Я переехала сюда без всяких разговоров. И хотя куда разумнее нам было бы жить вместе, я согласилась снять эту квартиру.

Ее память была избирательной и неверной. Они никогда не говорили о совместном проживании. Дин даже не думал об этом, пока сын жил в его доме. И при чем тут переезд в Остин? Он ей этого не предлагал. Более того, Дин был бы только рад, если бы она осталась в Хьюстоне.

Лиза сама решила переехать следом за ним. Когда она объявила об этом, ему пришлось изобразить радость и скрыть смутное недовольство. Она навязала себя Дину имен-

но тогда, когда ему меньше всего было это нужно.

Но сейчас ему не хотелось начинать дискуссию по этому поводу, и Дин с готовностью согласился с тем, что Лиза была необыкновенно терпеливой, несмотря на его поведение и сложившуюся ситуацию.

– Я отлично понимаю, насколько все изменилось с тех пор, как мы начали встречаться. Ты не собиралась заводить отношения с одиноким отцом, воспитывающим сына-подростка. Ты проявила больше терпения, чем я имел право надеяться.

– Спасибо, – поблагодарила его Лиза, ее настроение смягчилось. – Но мое тело не знает, что такое терпение, Дин. С каждым месяцем в корзинке остается все меньше яиц.

Он улыбнулся при этом мягком упоминании о ее биологических часах.

– Я понимаю, что ты многим пожертвовала ради меня. И продолжаешь жертвовать.

– Я хочу сделать для тебя больше. – Лиза погладила его по щеке. – Потому что, черт бы тебя побрал, Дин Мэллой, ты стоишь того, чтобы пойти ради тебя на жертвы.

Дин знал, что она говорит искренне, но ее искренность не подняла ему настроения, а только усилила его уныние.

– Потерпи еще чуть-чуть, Лиза. Пожалуйста. Гэвин совершенно невозможен, но для его плохого поведения есть основания. Дай нам еще немного времени. Будем надеяться, что нам удастся создать комфортную зону, где бы мы могли жить

встроим.

Лиза скорчила гримаску:

– Комфортную зону? Продолжай употреблять подобные выражения, и очень скоро у тебя будет собственное дневное ток-шоу на телевидении.

Дин улыбнулся, обрадованный тем, что они сумели закончить серьезный разговор на более легкой ноте.

– Ты завтра летишь в Чикаго?

– На три дня. Встреча с людьми из Копенгагена. Все мужчины. Крепкие, белокурые, высокие, настоящие викинги. Ты ревнуешь?

– Позеленел от ревности.

– Ты будешь скучать без меня?

– А ты как думаешь?

– Как насчет воспоминаний, которые будут тебя утешать во время моего отсутствия?

Лиза откинула одеяло. Обнаженная, раскинувшаяся на простынях, на которых они уже занимались любовью, Элизабет Дуглас напоминала скорее изнеженную куртизанку, а не вице-президента по маркетингу крупной международной сети отелей класса «люкс».

Ее фигура была пышной, и ей самой это нравилось. В отличие от большинства своих сверстниц она никогда не подсчитывала каждую проглоченную калорию. Занятия в спортзале ей заменяли те редкие минуты, когда она сама несла свой чемодан, и она никогда не отказывалась от десерта. Из-

гибы ее тела были безупречны.

– Это искушение, согласен. – Дин вздохнул. – Но мне придется довольствоваться поцелуем.

Лиза поцеловала его весьма чувственно, приглашая к новым занятиям любовью. Викинги наверняка посерели бы от зависти. Но именно Дин закончил этот поцелуй.

– Мне в самом деле пора, Лиза, – прошептал он у ее губ. – Пусть твоя поездка будет удачной.

Она натянула на себя простыню и постаралась изобразить улыбку, чтобы скрыть разочарование.

– Я позвоню тебе, когда прилечу в Чикаго.

Дин ушел, изо всех сил стараясь вести себя так, чтобы его уход не был похож на бегство. Воздух на улице охватил его душным влажным одеялом. Дин всюду ощущал запах влажной шерсти. К тому времени, когда он добрался до своей машины, стоявшей всего в нескольких шагах от дома Лизы, его рубашка прилипла к спине. Он завел мотор и поставил кондиционер на максимум. Автоматически включилось радио. Он услышал голос Элвиса Пресли и его незабываемую песню «Ты одинока сегодня вечером?».

В этот час машин на улице почти не было. Дин начал притормаживать на желтый свет, а когда остановился, то и песня закончилась.

– На холмы опустился ночной туман. Спасибо, что провели эти четыре часа с нами на волне 101.3.

Женский голос с хрипотцой заполнил салон машины. Зву-

ковые волны ударили его в живот и грудь. Голос ведущей отлично передавали восемь мощных динамиков. Оборудование работало так, что Дину казалось, что Пэрис Гибсон сидит с ним рядом.

– Перед тем как мы расстанемся, я предлагаю вам послушать три песни, которые мне очень нравятся. Я надеюсь, что вы будете слушать их вместе с теми, кого вы любите. Обнимите друг друга покрепче.

Дин вцепился в руль и опустил голову на руки, пока знаменитая четверка тосковала о вчерашнем дне.

Как только судья Бэрд Кемп получил свою машину от служащего на стоянке у отеля «Четыре времени года» и уселся в нее, он немедленно ослабил узел галстука и скинул пиджак.

– Господи, как я рад, что все закончилось.

– Ты сам настоял, чтобы мы туда пошли, – ответила ему жена.

Мэриан Кемп сбросила босоножки и сняла клипсы. Она потеряла мочки ушей.

– Зачем ты включил нас в список гостей, которые должны были остаться и после приема? – с раздражением спросила она.

– Видишь ли, мне следовало быть среди тех, кто оставался. Там были очень влиятельные люди.

Как все мероприятия, посвященные вручению премий, этот ужин тянулся мучительно долго. После него в зале по-

меньше был устроен коктейль, и судья не мог упустить случай, чтобы не заговорить о своем переизбрании. Весь остаток пути до дома Кемпы обсуждали остальных приглашенных, как о них насмешливо отзывался судья, «хороших, плохих и уродливых».

Оказавшись дома, Бэрд Кемп направился в свой кабинет и устремился к бару.

– Хочу пропустить рюмочку на ночь. Тебе налить?

– Нет, дорогой, спасибо. Я иду спать.

– Включи кондиционер в спальне. Эта жара просто невыносима.

Мэриан отправилась наверх по изогнутой лестнице, которую совсем недавно снимали для дизайнерского журнала. Для фотографии она надевала изысканное бальное платье и кольцо из желтых бриллиантов. Снимок получился просто отличным. Судья остался доволен статьей, в которой его жене воздали должное за то, что она сумела превратить их дом в достопримечательность.

В коридоре наверху было темно, но Мэриан с облегчением заметила под дверью Джейни узенькую полоску света. Даже во время летних каникул судья придирчиво следил за тем, чтобы их семнадцатилетняя дочь не задерживалась вечером допоздна. Как раз накануне Джейни нарушила его распоряжение и вернулась домой перед рассветом. Было ясно, что она пила, и Мэриан даже показалось, что от ее одежды пахнет марихуаной. И что хуже того, Джейни сама вела машину,

на которой вернулась домой.

– Я уже платил за тебя залог, но это было последний раз, – объявил дочери судья. – Если тебя, юная леди, еще раз задержат за управление машиной в пьяном виде, я больше и пальцем не шевельну. Пусть в твоём досье появится соответствующая запись!

– Ну и что? – огрызнулась Джейни.

Они так орали друг на друга, что Мэриан испугалась, как бы их не услышали соседи, несмотря на акры аккуратно подстриженных лужаек и деревья, отделявшие их поместье от соседнего. Ссора закончилась тем, что Джейни убежала к себе в комнату, громко хлопнула дверью и демонстративно заперлась. Весь день она с родителями не разговаривала.

Но, судя по всему, последняя угроза отца произвела на Джейни впечатление. Она была дома, хотя, по ее меркам, было еще совсем рано. Мэриан остановилась у двери в комнату дочери и уже было подняла руку, чтобы постучать. Но тут она услышала голос ведущей, чью программу Джейни всегда слушала, когда была в хорошем настроении. Эта ведущая была приятным исключением в череде вызывающих диджеев на рок – и рэп-станциях.

Джейни всегда устраивала истерику, если ее уединение нарушали. Поэтому мать не решилась поставить под угрозу временное перемирие и, так и не постучав, прошла по коридору в спальню.

Тони Армстронг внезапно проснулась.

Она лежала, не шевелясь, прислушиваясь к звуку, который, вероятно, и разбудил ее. Ее звал кто-то из детей? Или это Брэдли храпел?

Нет, в доме было тихо, если не считать мягкого жужжания вентилятора под потолком. Это не могло ее разбудить. Она не слышала даже дыхания своего мужа, потому что подушка рядом с ней была несмята.

Тони встала, накинула легкий халатик, потом посмотрела на циферблат будильника. Час сорок две. А Брэдли все еще не вернулся.

Прежде чем спуститься вниз, она заглянула к детям. Хотя она каждый вечер укладывала дочек в разные кровати, они все равно оказывались вместе. Между ними было всего полтора года разницы, так что их часто принимали за близнецов. Сейчас они выглядели почти одинаковыми. Они лежали, крепко обнявшись, две кудрявые головы на одной подушке. Тони накрыла девочек простыней, постояла немного, любуясь дочерьми, и на цыпочках вышла из комнаты.

Игрушечные космические корабли и роботы на батарейках устлали пол в комнате ее сына. Она прошла осторожно, стараясь ни на что не наступить. Сын спал на животе, раскинув ноги, одна рука свесилась вниз.

Тони воспользовалась возможностью и погладила его по щеке. Он уже достиг того возраста, когда проявление нежности со стороны матери заставляло его морщиться и уворачиваться. Он был первенцем в семье и считал, что должен вести себя как мужчина.

Но когда Тони думала о том, что он вырастет, ее переполняло отчаяние, близкое к панике.

Пока она спускалась по лестнице, несколько ступенек скрипнули. Тони любила эти звуки и другие несовершенства, которые придавали их дому неповторимые черты. Им повезло, что они его купили. У них были хорошие соседи, и начальная школа оказалась по соседству. Хозяева, спешившие продать дом, существенно снизили цену. Здание нуждалось в ремонте, но Тони решила сама все сделать, чтобы они не вышли за рамки семейного бюджета.

Работа занимала ее, пока Брэдли устраивал свою новую практику. Тони взялась за ремонт основательно. Ее терпение и старание принесли свои плоды: дом стал красивее.

К сожалению, не все можно было поправить так, как этот дом.

Комнаты внизу были темными и пустыми. Войдя в кухню, Тони включила радио, чтобы избавиться от гнетущей тишины. Она налила себе стакан молока и заставила себя выпить его мелкими глотками.

Возможно, она оказывает плохую услугу своему мужу. Вполне вероятно, что он и в самом деле отправился на семи-

нар по налогам и финансовому планированию. Брэдли еще за ужином говорил, что вернется поздно.

– Вспомни, дорогая, – сказал он в ответ на ее удивление, – я предупредил тебя об этом еще неделю назад.

– Нет, ты меня не предупреждал.

– Прости, я думал, что говорил тебе. Во всяком случае, я собирался это сделать. Передай мне, пожалуйста, картофельный салат. Кстати, он просто великолепен. Какие специи ты добавила?

– Укроп. Я впервые слышу об этом семинаре, Брэдли.

– Мои партнеры рекомендовали мне его. То, что они узнали на последнем семинаре, позволило им сэкономить кучу денег на налогах.

– Тогда, возможно, мне бы тоже стоило пойти. Лишние знания в этой области мне не помешают.

– Отличная идея. Мы пойдем вместе на следующий семинар. На них надо заранее записываться.

Брэдли объяснил Тони, где и когда будет проходить семинар, попросил не ждать его возвращения, потому что за лекцией последует дискуссия, которая неизвестно когда закончится. Он поцеловал ее и детей перед уходом. Брэдли направился к своей машине такой гарцующей походкой, какую трудно было ожидать от человека, собиравшегося на семинар по налогам и финансовому планированию.

Тони допила молоко и в третий раз позвонила мужу на сотовый. Как и прежде, голос мужа на автоответчике предло-

жил ей оставить сообщение. Она не стала этого делать. Тони подумала, не позвонить ли туда, где должен был проходить семинар, но зачем, если в такой час там наверняка никого не было.

Проводив Брэдли этим вечером, Тони вымыла посуду, купала детей. Уложив их, она хотела войти в кабинет мужа, но дверь оказалась запертой. К собственному стыду, она принялась метаться по дому в поисках шпильки, булавки, чего угодно, чтобы открыть замок.

На глаза Тони попалась отвертка. Возможно, Тони безнадежно испортила замок, но ей было все равно. К ее огорчению, в комнате не оказалось ничего, что могло бы оправдать ее нетерпение или ее подозрения. Объявление о семинаре, вырезанное из газеты, лежало на письменном столе. Муж сделал пометку об этом событии в своем настольном календаре. Совершенно очевидно, он намеревался там быть.

Но Брэдли славился еще и тем, что отлично умел создавать дымовую завесу.

Тони села за стол и долго смотрела на погасший экран монитора. Она даже нажала кнопку включения на базе, собираясь провести изыскания, которым предаются только воры, шпионы и подозрительные жены. Она не касалась компьютера мужа с тех пор, как он купил ей другой, только для ее нужд. Когда Тони увидела новые коробки на кухонном столе, она воскликнула:

– Ты купил новый компьютер?

– Тебе пора иметь свой собственный. С Рождеством!

– Но сейчас только июнь.

– Значит, я поторопился. Или опоздал. – Брэдли обезоруживающе пожал плечами, как только он умел делать. – Теперь у тебя есть собственный компьютер, так что когда тебе захочется пообщаться по Интернету с родителями, купить что-нибудь в Интернет-магазине или просто поиграть, ты не будешь приставать ко мне.

– Я и не думаю к тебе приставать, ведь я пользуюсь твоим компьютером только тогда, когда ты в клинике.

– Об этом я и говорю. Теперь ты можешь работать на компьютере в любое время.

«И ты тоже», – добавила про себя Тони. Брэдли, очевидно, прочитал ее мысли, потому что тут же сказал:

– Это не то, что ты подумала, Тони. Сегодня утром я зашел в компьютерный магазин и увидел этот розовый маленький компьютер, компактный, но способный на многое. И тогда я подумал: «Машина женственная и эффективная, просто портрет моей любимой жены». Я был уверен, что ты будешь рада. Что ж, я ошибся.

– Я рада, – сказала Тони, смутившись. – Мне очень приятно, что ты подумал обо мне, Брэдли. Спасибо. – Она вопросительно посмотрела на коробки. – Ты сказал, он розовый?

И они оба рассмеялись. Брэдли заключил ее в свои медвежьи объятия. Его тело было таким родным, знакомым, желанным. Смутные страхи Тони рассеялись без следа.

Но вскоре они снова заявили о себе.

Тони все же не стала трогать компьютер мужа. Она испугалась того, что может там найти. Если для доступа потребовался бы пароль, ее сомнения получили бы подтверждение, а она этого не хотела, господь тому свидетель.

Поэтому Тони как смогла привела в порядок замок и отправилась спать. Она уснула с мыслью, что Брэдли разбудит ее, когда вернется. Но Брэдли так до сих пор и не появился.

– Спасибо, что провели эти четыре часа с нами на волне 101.3, – лился из радиоприемника сексуальный женский голос. – Вы слушали программу «Песни о любви». С вами была Пэрис Гибсон.

Ни один семинар не продолжается до двух часов ночи. Ни одно занятие групповой терапией не длится почти до рассвета. Этим Брэдли отговорился в прошлый раз, когда пришел под утро.

Он тогда сказал Тони, что один мужчина из их группы с трудом справляется с навалившимися на него проблемами.

– После занятия парень попросил меня пойти выпить с ним пива, потому что ему надо было кому-то выплакаться. Ему и в самом деле тяжело, Тони. Ты бы не поверила в то, что он мне рассказывал. Большой, честное слово. Я был уверен, что ты поймешь. Ты знаешь, как это бывает.

Она слишком хорошо все помнила. Ложь. Отговорки. Поздние возвращения. Запертые двери. Она знала, как это бывает.

2

Ей стало страшно. По-настоящему страшно.

Он недавно ушел, и неизвестно, когда вернется. Ей все это не нравилось и хотелось исчезнуть отсюда, как можно быстрее.

Но у нее были связаны руки. В буквальном смысле слова. И ноги тоже. Но хуже всего был металлический привкус во рту от клейкой ленты, которой он залепил ей рот.

Четыре или пять раз за прошедшие несколько недель она бывала с ним здесь. Тогда они уходили отсюда опустошенные, обессиленные и счастливые. Она всякий раз вспоминала выражение «утрахались до изнеможения».

Но раньше он никогда ничего подобного не устраивал: не предлагал связать ее, вообще ничего такого... странного. Ничего слишком странного. Такое случилось впервые, и, честно говоря, она бы предпочла обойтись без этих экспериментов.

Когда они только познакомились, ее даже привлекла его опытность. Он очень выделялся из толпы старшекласников и студентов, озабоченных поисками выпивки, наркоты и случайного секса. Он был по-настоящему крутой, но в нем не было ничего от извращенца.

И он тоже выделил ее из толпы. Они с Мелиссой заметили, что мужик смотрит на них с нескрываемым интересом.

– Он может оказаться переодетым полицейским, – предположила Мелисса. – Ты же знаешь, они работают в общественных местах.

Мелисса пребывала в тот день в отвратительном настроении, потому что на следующее утро ей предстояло отправиться с родителями в путешествие по Европе. Эта перспектива представлялась ей сущим кошмаром. Мелисса изо всех сил пыталась напиться, но пока спиртное не оказывало на нее никакого действия. Поэтому на окружающий мир она смотрела мрачно.

– Коп на такой машине? Нет, не думаю. И потом у него слишком дорогие ботинки для полицейского.

Он не просто посмотрел на нее. Парни всегда на нее смотрели. Ее завело то, как он на нее посмотрел. Он неподвижно стоял, прислонившись к капоту машины, скрестив руки на груди, и при этом выглядел совершенно свободным, даже расслабленным.

Он не пялил глаза на ее груди или ноги, как все мужчины, он смотрел ей прямо в глаза. Как будто знал ее. Не просто узнал или вспомнил ее имя, но именно знал ее, сразу понял, какая она.

– Как ты считаешь, он привлекательный?

– Вероятно, – ответила Мелисса. Жалость к себе сделала ее равнодушной ко всему остальному.

– Мне он нравится.

Она не спеша допила свой ром-колу, потягивая напиток

через соломинку, как отрепетировала перед зеркалом. Этот прием потребовал долгих часов тренировок. Двусмысленность этого приема сводила парней с ума, и она об этом знала.

– Я к нему подойду.

Она отклонилась назад, чтобы поставить пластиковый стакан на столик, за которым они с Мелиссой сидели, и выпрямилась с грацией змеи. Она откинула назад волосы, одернула топ, сделала глубокий вдох, чтобы продемонстрировать грудь. словно спортсмен перед соревнованиями, она проводила предварительную разминку.

Так что именно тогда она сделала первый шаг. Оставив Мелиссу, она направилась к незнакомцу. Подойдя к машине, она прислонилась к капоту рядом с ним и произнесла:

– У тебя плохая привычка.

Он повернул к ней голову, улыбнулся и спросил:

– Только одна?

– О других я не знаю. Его улыбка стала шире.

– Тогда нам следует познакомиться поближе.

Не добавив больше ни слова – ведь они оба и так все понимали, – он взял ее за руку, обвел вокруг машины и усадил на переднее сиденье. Несмотря на жару, его рука оставалась прохладной и сухой. Когда они отъезжали, она не удержалась и с торжествующей улыбкой посмотрела на Мелиссу. Но ее подруга копалась в сумочке в поисках наркотиков и не увидела этого.

Он вел машину очень аккуратно, обе его руки лежали на руле, глаза смотрели на дорогу. Он не глазел на нее, не давал волю рукам, и это оказалось для нее внове. Обычно стоило ей сесть к парню в машину, как он тут же распускал руки, словно не мог поверить в то, какое счастье ему привалило, словно она могла испариться, если он до нее не дотронется, или у нее изменится настроение, прежде чем он успеет до нее дотронуться.

Но этот парень казался немного отстраненным, и она решила, что это даже клево. Он был взрослым и уверенным в себе. Ему незачем было глазеть на нее и лапать, чтобы убедить себя в том, что она с ним переспит.

Она спросила, как его зовут.

Остановившись на красный сигнал светофора, он повернулся к ней:

– А разве это имеет значение?

Она театрально пожала плечами, этот жест был тоже тщательно отрепетирован, потому что поднимал грудь вверх лучше любого бюстгальтера.

– Думаю, нет.

Его глаза задержались на ее груди, потом зажегся зеленый, и он снова сосредоточился на дороге.

– Так какая же у меня плохая привычка?

– Ты пялишься на людей. Он рассмеялся:

– Если ты считаешь это плохой привычкой, тогда тебе и в самом деле надо узнать меня получше.

Она положила руку ему на бедро и самым медовым голосом произнесла:

– Жду не дождусь.

Место, куда он ее привез, оказалось совершенно кошмарным. Это была однокомнатная квартира с кухонной нишей в дешевом пансионе. Красная табличка в окне на первом этаже двухэтажного здания оповещала о специальных ценах на этот месяц. Это был ужасный район, жители которого не могли себе позволить ни такую машину, ни такую одежду, как у него.

Заметив ее разочарование, он сказал:

– Здесь настоящая дыра, но это единственное, что мне удалось найти, когда я сюда переехал. Я подыскиваю себе другую квартиру. – А потом спокойно добавил: – Я пойму, если ты попросишь отвезти тебя обратно.

– Не надо. – Она не хотела, чтобы он принял ее за высокомерную, взбалмошную, богатую пай-девочку. – В этом даже есть что-то.

Единственная комната служила одновременно гостиной и спальней. Кухня была крохотной, а ванная еще меньше.

В комнате стояли кровать, ночной столик, кресло-качалка, торшер рядом с ней и складной стол, достаточно большой для того, чтобы на нем уместился компьютер последней модели. Мебель он явно приобрел на распродаже подержанных вещей.

Она подошла к столу. Компьютер был уже подключен.

Несколько раз нажав на клавишу мыши, она нашла то, что хотела. Она улыбнулась ему через плечо и сказала:

– Значит, ты не случайно там оказался.

– Сегодня вечером я искал тебя.

– Именно меня?

Он кивнул. Ей это понравилось, очень понравилось.

Отделанная пластиком барная стойка, отделявшая кухню от жилой комнаты, превратилась в подставку для фотооборудования. У него был фотоаппарат, несколько объективов и множество дополнительных приспособлений, включая переносной треножник. Все это выглядело современным и дорогим, совершенно неуместным в убогой квартирке. Она взяла в руки фотоаппарат и посмотрела на парня через видоискатель.

– Ты профессионал?

– Это всего лишь хобби. Выпьешь что-нибудь?

– Конечно.

Он прошел на кухню и вернулся с двумя бокалами красного вина. Круто. Вино доказывало, что у него утонченный вкус и есть класс. Это совершенно не вязалось с его жилищем, но она догадалась, что он солгал ей о причинах, по которым живет здесь. Вероятно, это не основное его жилье, а лишь место для развлечений. Подальше от жены.

Потягивая вино, она огляделась по сторонам.

– И где же фотографии?

– Я их не выставляю.

– Как это?

– Они предназначены только для моей личной коллекции.

– Личная коллекция? – Игриво улыбаясь ему, она намазывала прядь волос на палец. – Мне нравится, как это звучит. Покажешь?

– Вряд ли...

– Почему?

– Они... очень смелые.

Он снова смотрел ей прямо в глаза, словно проверяя ее реакцию. Под этим взглядом у нее по телу побежали мурашки, кровь громче застучала в висках, чего давно не случалось в обществе мужчины. Это у мужчин частил пульс, когда они оказывались с ней рядом. Ощущение ей понравилось. Понравилось не чувствовать уверенности в том, что произойдет дальше. Это чертовски возбуждало.

Она упрямо стояла на своем:

– Я хочу увидеть твою личную коллекцию.

Он помедлил несколько секунд, потом опустился на одно колено у кровати и вытащил из-под нее ящик, снял крышку и вытащил стандартный фотоальбом в переплете из черной искусственной кожи. Поднимаясь, он крепко прижимал его к груди.

– Сколько тебе лет?

Этот вопрос показался ей оскорбительным. Она гордилась тем, что выглядит старше своих лет. У нее давно не спрашивали права или удостоверение личности в барах. Обычно

хватало одного взгляда на татуировку в виде бабочки на ее груди, чтобы ни у кого не возникло желания требовать у нее документы.

– Какого черта? Какая разница, сколько мне лет? Я хочу посмотреть эти фотографии. – И небрежно добавила: – Мне уже двадцать два.

Он ей, разумеется, не поверил и тем не менее положил альбом на стол. Изображая равнодушие, она подошла к столу и открыла первую страницу.

Первый же снимок был почти графическим и поразил ее. Она догадалась, и, как потом выяснилось, правильно, что это был в определенном смысле автопортрет.

– Ты оскорблена? – спросил он.

– Конечно же, нет. Ты что думаешь, я эрекцию никогда не видела? – Ее ответ прозвучал спокойно, хотя сама она спокойной не была. Интересно, слышит ли он, как бьется ее сердце?

Она переворачивала одну страницу за другой, пока не пролистала весь альбом. Она изучала каждый снимок, стараясь вести себя как настоящий профи. Некоторые фотографии были цветными, другие черно-белыми, но на всех, кроме первой, были молодые женщины в соблазнительных позах. Любой счел бы эти снимки непристойными, но только не она.

Эти снимки нельзя было назвать «обнаженной натурой», они были откровенно порнографическими.

– Тебе нравится? – Он стоял так близко от нее, что она почувствовала его дыхание.

– Нормально!

Он протянул руку, перелистал несколько страниц и остановился на одной фотографии.

– Это моя самая любимая.

Она не увидела ничего такого, что могло бы выделить эту девушку на снимке. Ее соски были похожи на укусы москитов на плоской, костлявой груди. Можно было пересчитать все ребра, и волосы были мертвыми, посеченными на концах. Вуаль скрывала ее лицо, и, может быть, не без причины.

Она закрыла альбом, повернулась к нему и улыбнулась самой соблазнительной своей улыбкой. Очень медленно она сняла топ и бросила его на пол.

– Ты хотел сказать, что она была твоей любимицей до этого дня.

Он затаил дыхание, потом шумно выдохнул. Он взял ее руку и положил на грудь, чтобы она словно предлагала ему ее.

Он улыбнулся ей невероятно нежной улыбкой, какой она никогда раньше не видела.

– Ты само совершенство. Я знал, что так и будет. Ее честолюбие взмыло на небывалую высоту.

– Мы теряем время. – Она расстегнула шорты и собралась их снять, но он остановил ее:

– Нет, оставь так, только опусти пониже на бедра.

Он взял фотоаппарат и посмотрел на нее в видоискатель. Вероятно, пленка была уже в аппарате.

– Получится отличный снимок.

Он подвел ее ближе к торшеру у качалки и повернул абактур, потом сделал шаг назад и снова посмотрел в аппарат.

– Спусти шорты еще немного. Вот так. Он сделал несколько снимков.

– О леди, вы меня убиваете. – Он опустил фотоаппарат и посмотрел на нее с явным наслаждением. – Ты ведешь себя совершенно естественно. Ты наверняка снималась раньше.

– Я никогда профессионально не позировала.

– Странно. А теперь сядь на край кровати.

Он опустился на колени перед ней и помог ей принять нужную позу. Прежде чем снова взяться за аппарат, он поцеловал внутреннюю сторону ее бедра, всасывая кожу и оставляя след.

Еще час он продолжал фотографировать ее, это была сексуальная прелюдия. К тому времени, как он овладел ею, она была так возбуждена, что забыла обо всем. Потом он наполнил их бокалы и лег рядом с ней, глядя ее и повторяя, какая она красивая.

Она тогда подумала, что наконец встретила парня, который знает, как обращаться с женщиной.

Когда они допили вино, он спросил, можно ли сделать еще несколько снимков.

– Я хочу поймать этот момент, ты вся светишься.

– Чтобы у тебя были снимки до и после?

Он рассмеялся и поцеловал ее, быстро, нежно.

– Что-то в этом роде.

Он одел ее, да-да, именно одел, как она когда-то одевала своих кукол, потом отвез обратно в парк у озера, где они встретились, и проследил, чтобы она села в свою машину.

Перед тем как закрыть дверцу, он нагнулся к ней, поцеловал и шепнул:

– Я люблю тебя.

Вот это да! Это ее совершенно сбило с толку. Сотня парней говорили ей, что любят, но в большинстве случаев до того, как залезть к ней в трусы. Очень редко она слышала подобные признания на обратном пути.

Никто не говорил ей о своей любви так мягко, с такой нежностью, с таким значением. Он даже поцеловал ее ладонь, прежде чем отпустить. Это было чудесно, очень по-джентльменски.

После того первого вечера они встречались еще несколько раз. И все было хорошо. Но потом он начал придирааться. Где она была накануне вечером? С кем она была? Он ждал несколько часов, а она так и не пришла. Когда он снова ее увидит?

Его ревность убивала всю радость от встреч с ним. Ушла новизна, все стало привычным. Его фотографии не восхищали ее, а казались пошлыми. Пришла пора положить конец их отношениям.

Возможно, он и сам почувствовал, что она решила порвать с ним, потому что вечер начался плохо. Они сразу же поссорились.

Он напугал ее тем, что связал и оставил связанной на несколько часов. А если эта дыра загорится? А если налетит торнадо или случится что-нибудь еще?

Надо как-то выбраться из квартиры. И чем скорее, тем лучше.

Перед тем как уйти, он включил радио и поймал программу Пэрис Гибсон. Это немного скрасило ей одиночество. Она не чувствовала себя такой потерянной в полной темноте.

Она лежала, связанная, и слушала голос Пэрис Гибсон, гадая, когда он вернется и какие еще игры придумает.

3

Красный свет на контрольной панели погас. Валентино повесил трубку.

Прошло несколько секунд, прежде чем Пэрис поняла, что единственный звук в студии – это биение крови у нее в ушах. Музыка смолкла. На мониторе она увидела ряд нулей на том месте, где обычно высвечивалось время, оставшееся до конца песни. Как давно молчит ее волна?

За двадцать три секунды до конца программы она нажала на кнопку микрофона, чтобы сказать заключительные фразы, но голос начисто пропал. Помолчав, она попробовала еще раз:

– Я надеюсь, что вам понравился вечер «Песни о любви». Жду встречи с вами завтра в обычное время. С вами была Пэрис Гибсон на волне 101.3 FM. Спокойной ночи.

Нажав еще две клавиши, Пэрис вышла из эфира. Она тут же вскочила со своего высокого вращающегося кресла, распахнула массивную дверь студии, пробежала по темному коридору и ворвалась в аппаратную.

Комната была пуста. На столе Стэна стояла картонка с жареной курицей. Пэрис бросилась дальше, повернула направо на пересечении коридоров и буквально налетела на Марвина, возившего грязной тряпкой по стеклянной двери.

Она задохнулась от неожиданности и тут же выпалила:

– Ты не видел Стэна?

– Нет.

Марвин говорил мало. Если он открывал рот, то ограничивался односложными словами.

– Он уже ушел?

На этот раз он вообще не удостоил ее ответом, а лишь пожал плечами.

Оставив в покое уборщика, Пэрис влетела в мужской туалет. Стэн стоял у писсуара.

– Стэн, иди сюда.

Удивленный ее неуместным появлением, он повернул к ней голову:

– Что такое? Видишь ли, Пэрис, я в некотором роде занят.

– Поторопись. Это важно.

Она вернулась обратно в студию и подкатила свое кресло к устройству, записывающему все входящие звонки, чтобы у ведущего была возможность при необходимости связаться со слушателями. На пленку записывалось также и все то, что выходило в эфир, но этим занималась другая машина. В данный момент Пэрис интересовали только входящие звонки.

– Что происходит? – поинтересовался Стэн, поглядывая на свои часы. – У меня есть планы.

– Послушай это.

– Ты помнишь, что моя смена заканчивается в ту секунду, когда ты выходишь из эфира?

– Заткнись, Стэн, и слушай.

Он прислонился к контрольной панели.

– Ладно, но я все равно не могу задерживаться надолго.

– Валентино только что назвал себя. Этот слушатель звонит не в первый раз.

Судя по всему, Стэна больше интересовала складка на его льняных брюках. Но когда Валентино сказал, что Пэрис об этом пожалеет, его брови взлетели вверх.

– Что это все значит?

– Слушай.

Он молчал, пока звучала запись разговора. Когда она закончилась, Пэрис выжидающе посмотрела на него. Стэн недоуменно пожал узкими плечами:

– Этот парень просто псих.

– Вот как? Это твое мнение? Просто псих и все?

– А ты думаешь, он это серьезно?

– Я не знаю. – Пэрис развернулась и нажала клавишу на панели, включая телефонную линию, предназначенную для личного пользования диджеев.

– Кому ты звонишь? – поинтересовался Стэн. – Копам?

– Думаю, мне следует это сделать.

– Почему? Сумасшедшие часто тебе звонят. Разве ты не помнишь того чудака, который на прошлой неделе просил тебя нести гроб с телом его матери?

– Это другое. Каждую ночь я говорю со многими людьми. Но этот... Просто не знаю, – добавила Пэрис взволнованно.

Когда ей ответила диспетчер службы 911, Пэрис назвала

себя и коротко пересказала все, что произошло.

– Вполне вероятно, это ложная тревога. Но я думаю, что кому-нибудь следовало бы послушать этот разговор, – закончила она.

– В свободные вечера я слушаю вашу передачу, мисс Гибсон, – сказала диспетчер. – Вы не производите впечатления паникерши. К вам подъедет патрульная машина.

Пэрис поблагодарила женщину и повесила трубку.

– Они едут. Стэн поморщился:

– Мне остаться?

– Нет, ты можешь идти. Со мной все будет в порядке. Да и Марвин все еще здесь.

– Вообще-то он уже смылся. Я видел, как он уходил, когда шел к тебе из туалета, где меня грубо прервали на середине потока. Знаешь, так парня можно и изувечить.

У Пэрис не было настроения шутить со Стэном.

– Сомневаюсь, что тебе был причинен хоть малейший вред. – Она отмахнулась от него. – Иди. Просто закрой за собой дверь. Я сама могу впустить полицию.

Вероятно, ей не удалось скрыть свою тревогу, и Стэн почувствовал себя дезертиром.

– Нет, я дождусь их вместе с тобой, – мрачно сообщил он. – Иди сделай себе чаю или еще чего-нибудь. Ты неважно выглядишь.

Она и впрямь чувствовала себя плохо. Ну что ж, чай так чай. Пэрис отправилась на кухню для персонала, но войти

не успела. Раздался звонок, оповещающий о том, что кто-то стоит у главного входа.

Пэрис поспешила в вестибюль. За стеклянной дверью она с облегчением увидела двух полицейских в форме. Один из них был так молод, что наверняка недавно начал бриться. Но они казались воплощением деловитости и представились по всей форме.

– Спасибо, что приехали так быстро.

– Мы выезжали по вызову неподалеку и направлялись в участок, когда диспетчер сообщила о вашем звонке, – объяснил один из них.

Они разглядывали ее, как всегда делали люди, видевшие ее впервые. Особенно их заинтересовали солнцезащитные очки.

Не давая понять, что она заметила их пристальное внимание, не объясняя, почему носит темные очки в помещении ночью, Пэрис повела стражей порядка Григса и Кар-сона по лабиринту темных коридоров.

– Телефонный разговор записан на пленку в студии. Невзрачный фасад здания не подготовил полицейских к тому, что они увидят студию, оснащенную по последнему слову техники. Офицеры оглядывались по сторонам с откровенным любопытством и даже с восхищением. Пэрис вернула их к действительности, представив им Стэна Криншоу. Мужчины не пожали друг другу руки, ограничились лишь кивками. Пэрис включила запись своего разговора с Валентино.

Все молчали, слушая запись. Офицер Григс смотрел в потолок, а офицер Карсон в пол. Когда голоса на пленке смолкли, Григс опустил голову и откашлялся, явно смущенный теми грубостями, которые произносил Валентино.

– Вы часто ведете подобные разговоры, мисс Гибсон?

– Мне иногда звонят сумасшедшие или просто странные люди. Бывает, что кто-то просто громко дышит в трубку, порой меня осыпают непристойностями, но ни разу не было ничего подобного тому, что вы только что слышали. Никто никогда мне не угрожал. Этот Валентино уже звонил на передачу. Он рассказывал мне либо о замечательной девушке, с которой он начал встречаться, либо о том, что он расстался с очередной пассией и у него разбито сердце.

– Ты думаешь, что это один и тот же парень?

Все обернулись к Стэну, прервавшему Пэрис. Он продолжал:

– Кто-то еще мог воспользоваться именем Валентино, потому что слышал его во время твоего шоу и знает, что он звонит постоянно.

– Это возможно, – медленно ответила Пэрис. – Я практически уверена, что голос этого человека намеренно изменен. Он никогда не казался мне достаточно естественным.

– Но имя довольно редкое, – заметил Григс. – Вы думаете, оно настоящее?

– Я не могу знать наверняка. Иногда слушатели не хотят называть даже своего имени, не говоря уж о фамилии, пред-

почитают оставаться анонимными.

– Вы можете проследить, откуда был сделан звонок?

– У нас обычная система идентификации звонящего. Один из наших инженеров усовершенствовал записывающее устройство, чтобы в памяти оставался номер телефона звонившего, если его можно определить. Отмечается также дата звонка и время.

Она вывела информацию на экран компьютера. Фамилии не оказалось, был только местный телефонный номер, который Карсон записал в свой блокнот.

– Это хорошее начало, – сказал он.

– Может быть, – согласился Григс. – Но, учитывая то, что он наговорил, зачем ему было оставлять номер телефона, по которому его можно вычислить?

Пэрис все поняла.

– Вы думаете, это был обман? Полицейские не ответили прямо на ее вопрос.

– Я позвоню, и мы посмотрим, кто нам ответит, – предложил Карсон.

Он набрал номер на своем мобильном телефоне, в ответ раздались долгие гудки. Трубку никто не снял.

– Голосовой почты нет. Надо проверить этот номер. Карсон позвонил диспетчеру соответствующей службы и попросил проверить номер, с которого звонил Валентино. Григс пообещал Пэрис и Стэну, что они все выяснят.

– Но я думаю, – добавил он, – что этот парень просто на-

звался тем именем, которое слышал во время вашей передачи, и теперь пытается добиться вашей реакции.

– Как те психи, которые звонят в эфир и изрыгают непристойности, – прокомментировал Стэн.

Григс кивнул головой:

– Именно так. Держу пари, что мы выйдем на пьянчугу или заскучавших подростков, которые просто пытались повеселиться на свой манер.

– Хочется надеяться, что вы правы. – Пэрис обхватила себя руками и потерла плечи, словно желая согреться. – Честно говоря, мне трудно представить человека, который шутил бы подобным образом, но пусть лучше это будет дурная шутка.

Карсон закончил разговор.

– Они вышли на этот номер. Сейчас его проверят, – сообщил он.

– Вы скажете мне, что удалось выяснить? – попросила Пэрис.

– Конечно, мисс Гибсон.

Стэн предложил проводить ее до дома, но сделал это очень неохотно, и у него явно отлегло от сердца, когда Пэрис отказалась. Криншоу пожелал всем спокойной ночи и ушел.

– Как нам связаться с вами, мисс Гибсон, когда у нас будет информация? – спросил Григс, когда они все вместе шли к выходу.

Пэрис дала ему свой домашний номер телефона и предупредила, что он не значится в справочнике.

– Я понимаю, мисс Гибсон.

Полицейских удивило, что именно Пэрис закрывает здание на ночь.

– Вы здесь одна каждую ночь? – спросил Карсон, провожавший ее до машины.

– Если не считать Стэна Криншоу.

– Что он делает на станции и как давно работает? Пэрис задумалась на секунду. Ничем особенным Стэн, собственно говоря, и не был занят, но сказала, что он радиоинженер.

– Стэн всегда рядом на тот случай, если оборудование вдруг выйдет из строя. Он работает на станции пару лет.

– И больше никого в ночной смене?

– Есть еще Марвин. Он работает здесь всего несколько месяцев. Уборщиком.

– И как его фамилия?

– Не знаю. А что?

– Ничего нельзя знать наверняка, – заметил Григс. – Вы ладите с этими парнями?

Пэрис рассмеялась:

– С Марвином никто не может поладить, но он не из тех, кто будет звонить по телефону, чтобы напугать. Он говорит только тогда, когда его о чем-то спрашивают и когда без слов нельзя обойтись. В основном он что-то бурчит себе под нос.

– А как насчет мистера Криншоу?

Пэрис показалось предательством говорить о Стэне у него за спиной. Если она будет откровенной, то описание полу-

чится весьма нелестным. Пэрис не стала входить в подробности.

– Мы отлично ладим. Я уверена, что ни один из них не мог скрываться под именем Валентино.

Григс улыбнулся ей и закрыл свой маленький блокнот.

– Никогда не повредит все хорошенько проверить.

Когда Пэрис открыла дверь в квартиру, ее телефон разрывался от звонков. Она поспешила снять трубку.

– Алло?

– Мисс Гибсон? Это офицер Григс.

– Слушаю.

– У вас все нормально?

– Да, я задержалась, пока отключала сигнализацию. Есть новости?

– Звонили из телефона-автомата недалеко от университетского кампуса. Туда поехала патрульная машина, но ребята никого не видели. Этот телефон рядом с аптекой, она закрывается в десять. Ни на улице, ни на парковке никого не оказалось.

Итак, они вернулись к тому, с чего начали. Пэрис в глубине души надеялась, что они найдут отчаявшегося парня, какого описывал Григс, потерянную душу, человека, который угрожал ей в тщетной попытке привлечь к себе внимание.

Тревога ее вернулась.

– И что теперь?

– Мы ничего не можем сделать, пока он снова не позвонит. Хотя вряд ли он позвонит еще. Возможно, кто-то хотел пощекотать вам нервы. Завтра вечером патрульная машина будет дежурить неподалеку от телефонной будки, полицейские будут наблюдать за всем, что происходит вокруг.

Вряд ли это разумно, но едва ли она может желать большего. Пэрис поблагодарила Григса и его напарника. Они сделали то, что должны были. Но страх уже поселился в душе Пэрис, и никакие доводы разума не могли с ним совладать. Сам звонок был подозрителен. Разве человек, если он и вправду жаждет внимания, не сделал бы все для того, чтобы его могли найти, идентифицировать, чтобы им занялась полиция, чтобы о нем написали в газетах?

Валентино воспользовался телефоном-автоматом специально, чтобы его не смогли выследить. Он не хотел, чтобы его обнаружили.

Эта тревожная мысль не давала Пэрис покоя, пока она шла в спальню. В доме стояла гнетущая тишина.

Соседние дома тоже стояли темные в этот час, но все же разница была. Из тех домов доносились звонкие голоса до сих пор не угомонившихся детей. Люди желали друг другу спокойной ночи, укладывались в свои постели, занимались любовью. В темноте тускло светили ночники в спальнях, жизнь затихала до утра.

В доме Пэрис, безусловно чистом, царил полумрак. Только ее шаги нарушали ночную тишину. Пэрис жила одна. Она

не выбирала такую жизнь, но ей пришлось к ней привыкать.

Но этой ночью одиночество действовало ей на нервы, и все это из-за звонка Валентино.

У нее за плечами был многолетний опыт, она привыкла слушать чужие голоса, обращала внимание на нюансы, понимала невысказанное, отделяла правду от вымысла и слышала больше того, что говорилось вслух. Пэрис могла многое сказать о человеке только по его манере говорить. Звонки слушателей приносили ей радость, заставляли размышлять, анализировать, изредка – раздражали.

Но никому не удавалось напугать ее. До сегодняшнего вечера.

От невозможности пошевелиться у нее затекли руки и ноги, а от острого желания почесать пятку она едва не сходила с ума. Лицо саднило, она чувствовала, как оно опухает. У нее болело все тело.

«Вот сукин сын», – подумала она, не имея возможности обругать его вслух, поскольку рот ее был заклеен скотчем.

И почему она решила, что он особенный? Ведь он не водил ее в роскошные места и не тратил на нее деньги. Они нигде не бывали вместе, кроме этой жалкой квартирки.

Она ничего о нем не знала – ни где он работает, даже его имя оставалось для нее неизвестным. Никакая случайная деталь не помогла ей узнать хоть что-нибудь о нем. Никаких визитных карточек, ни писем, ни переадресованных журналов. Ни-че-го. Он оставался для нее безымянным. Это должно было насторожить ее, во всяком случае, лишить его некоего ореола идеального мужчины, эдакого мачо.

Во время их второй встречи он сам упомянул о природе их отношений, так сказать, объявил основные правила. Он неторопливо втирал ароматное масло в ее тело, чтобы добиться определенного эффекта на фотографиях.

– Твоя подруга... та самая, с которой ты была в тот вечер, когда мы встретились...

– Ты имеешь в виду Мелиссу? – спросила она, чувствуя

укол ревности. Неужели он хочет пригласить еще и Мелиссу, так сказать, устроить секс втроем? – А что такое?

– Ты говорила ей о нас?

– У меня не было такой возможности. Родители увезли ее на каникулы во Францию. Я с ней так и не увиделась.

– Кому-нибудь еще ты говорила обо мне и о том, чем мы здесь занимаемся?

– А как же! Я обо всем объявила родителям за завтраком. – Выражение его лица ее развеселило. Она хихикнула. – Вот глупый! Конечно же, я никому ничего не рассказывала.

– Ну и умница! Между нами возникло нечто особенное, и никто, кроме нас, не сможет это понять. Это наша тайна.

– Мы все будем держать в секрете. Я ведь даже имени твоего не знаю.

– Но ты знаешь меня. Разве этого мало?!

Он пристально посмотрел ей в глаза, и она вспомнила свое первое впечатление. Он как будто смотрел ей прямо в душу. Никаких сомнений, он, как и она, ощутил эту глубокую связь между ними. В конце концов, он в первый же вечер сказал ей, что любит ее.

Все эти ухищрения с квартирой, вероятно, требовались для того, чтобы скрывать его странное «хобби» от жены. Она легко могла представить его женушку, лицемерную ханжу, признающую только скучный секс, не думающую о его желании разнообразия и возбуждения. Заснять мастурбирующую жену? Вы в своем уме? Ни за что на свете. Возможно,

достойная супруга не согласилась бы позировать даже с голой грудью.

В тот вечер он особенно пылко занимался с ней любовью. Он был полностью сосредоточен на ней. Она потеряла счет тому, сколько раз они делали «это». Но каждый раз все было иначе, поэтому она не скучала. Он не мог насытиться ею и сказал ей об этом. Головокружительный опыт, когда мужчина боготворит тебя, и не просто мужчина, а настоящий красавец, который может увлечь любую женщину. Тогда она думала, что ей никогда не захочется прекратить эти встречи.

Но, увы, все осталось в прошлом.

С каждым новым свиданием он становился все более ревнивым, его ревность была невыносима и начала действовать ей на нервы. Даже секс уже не радовал ее. Он не стоил всех этих разговоров о других мужчинах.

В этот раз она уже хотела было послать его подальше, но потом передумала. Едва ли он легко воспринял бы ее нежелание встречаться с ним. Она боялась, что он устроит жуткую сцену, но лучше она сделает его несчастным теперь, а не позже.

Он уже ждал ее в условленном месте. Теперь он уже не выглядел ни классным, ни крутым. Стоило ей только сесть к нему в машину, как он сразу на нее набросился:

– С кем ты была?

Предполагалось, что его ревность должна была ей льстить, но ей все это уже осточертело. Не было никакого настроения

выдерживать еще один допрос с пристрастием.

– У тебя есть косячок?

Он уже знал, что она любит травку, и всегда держал немного для нее.

– В бардачке возьми.

Там было три упаковки. Она закурила и глубоко затянулась.

– Лучшее средство от головной боли. – Она со вздохом закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

– Кто он?

– Ты о чем?

– Не вешай мне лапшу на уши. – От его резкого тона она вздрогнула. – Ты ведь уже была сегодня с мужчиной, верно? – Его пальцы вцепились в руль. – Не утруждай себя, не лги. Я просто знаю, что ты занималась любовью с другим мужчиной. Я чувствую его запах.

Сначала она удивилась и занервничала, потому что он не ошибся. Неужели он следил за ней? Но смятение быстро сменилось гневом. Какого черта? Это не его дело, с кем она спит и когда.

– Послушай, наверное, нам не стоило встречаться сегодня, – сказала она как можно спокойнее. – У меня предменструальный синдром, и мне только не хватало, чтобы кто-то действовал мне на нервы. Давай разойдемся по-хорошему, ладно?

Его ярость испарилась, как весенний снег.

– Прости, что я накричал на тебя. Это просто... Я подумал...

– Что?

– Что у нас с тобой особенные отношения.

Вот когда ей надо было сказать, что она не хочет больше его видеть. Именно в этот момент, когда он сам подставился, но, черт побери, она упустила свой шанс. Вместо этого она заявила:

– Мне не нравится, когда ты выпрашиваешь меня, где я была, что я делала и с кем. Мне этого и дома хватает. – Она снова откинулась на сиденье и затянулась. – Или прекрати на меня давить, или отвези меня обратно к моей машине.

Он притих, казался подавленным и грустным, когда они вошли в квартиру.

– Вина хочешь?

– А разве я когда-нибудь отказывалась?

Она уже чувствовала себя лучше, спасибо травке. Ладно, один перетрах на прощание, и она объявит ему, что им придется видеться пореже – точнее, никогда больше, – а потом она выберется из этой помойки и никогда больше сюда не вернется.

Только свет от экрана монитора освещал эту комнату, где всегда были закрыты жалюзи. Еще одна ее фотография была на мониторе.

Увидев ее, она сказала:

– Это явно одна из тех, что была сделана «после». Я такая

развратная девочка. Развратная, но милая, правда? – Она подмигнула ему, принимая из его рук бокал с вином, который он принес из кухни.

Она выпила его залпом, как воду, громко, сочно рыгнула и снова протянула ему бокал, требуя налить еще.

– Ты ведешь себя как шлюха. – Он спокойно взял у нее бокал, поставил на ночной столик и отвесил ей пощечину. Он ударил ее так сильно, что у нее из глаз брызнули слезы.

Она вскрикнула, но от потрясения не могла выговорить ни слова.

Он опрокинул ее на кровать. Она упала на спину. Комната поплыла у нее перед глазами. Похоже, она накачалась больше, чем думала. Это нехорошо. Она попыталась подняться.

– Эй, я не хочу...

– Нет, ты хочешь.

Он одной рукой прижимал ее к кровати, а другой расстегивал ремень и «молнию» на брюках. Потом он принялся срывать с нее одежду. Она отталкивала его руку, отбивалась, обзывала последними словами, но он не остановился.

Он вошел в нее с такой силой, что она вскрикнула. Он закрыл ей рот ладонью.

– Заткнись! – прошипел он так близко у ее лица, что она почувствовала, как капельки слюны упали ей на щеку.

Она укусила его за руку. Он вскрикнул и отдернул руку.

– Ты, ублюдок, – крикнула она, – а ну-ка, слезь с меня. К ее изумлению, он негромко засмеялся.

– Попалась. Ты решила, что я серьезно. Она перестала отбиваться.

– А?

– Я просто воплотил твою фантазию об изнасиловании.

– Ты псих, – буркнула она.

– Неужели? – Он снова вошел в нее. – И ты можешь сказать, что тебе это не нравится?

– Именно так. Мне это омерзительно. Я тебя ненавижу, сукин ты сын.

Он только улыбнулся, потому что вопреки этим словам ее тело отвечало ему. Когда все закончилось, они оба были без сил, их тела блестели от пота.

Он первым пришел в себя, встал и взял фотоаппарат.

– Не двигайся, – приказал он, делая один снимок за другим.

Сверкала вспышка, и она оказалась идеальной моделью, потому что буквально окаменела.

– Подожди, у меня возникла идея! – воскликнул он. Подождать, не двигаться? Ради бога! Она была такой сонной, что не могла пошевелиться. Скулу дергало. Как она объяснит домашним этот синяк? Господи, она все еще была в сандалиях. Очень смешно. Но она так устала, что не стала снимать их. И пртом, он же сказал ей не двигаться.

Возможно, она задремала на пару минут. Когда она проснулась, то увидела, что он наклонился над ней и связывает ее запястья галстуком.

– Это еще зачем?

– Для фотографии. Ты была плохой девочкой. Тебя надо наказать.

Он спрыгнул с кровати и навел фокус.

Именно в этот момент она поняла, что все идет как-то не так. У нее появились первые странные предчувствия. Она попыталась сесть.

– Разве я не говорила, что не люблю эти игры?

– Неважно, это наказание, – ответил он, подходя к торшеру и поворачивая абажур так, чтобы свет падал на ее тело.

Все, хватит, с нее довольно. Это их последняя встреча. Да, она позировала ему, это было забавно. Что-то новенькое, и ее заводили эти фотографии, когда она их потом рассматривала.

Но он ведет себя отвратительно, требует слишком много и совершенно непредсказуем.

– Послушай, – она помнила, что сказала это сурово, требовательно, – я хочу, чтобы ты немедленно развяжешь мне руки.

Закончив со светом, он принялся устанавливать треножник.

Она попробовала сменить тактику, ее голос смягчился.

– Я сделаю все, что ты захочешь. Ты же знаешь, так и будет. Тебе нужно только попросить.

Но он словно не слышал ее. Пока он отвлекся, ей удалось переползти к краю кровати. Она лежала и прикидывала рас-

стояние до двери. Но когда она взглянула на нее, холодок страха пополз у нее по спине. Со стороны комнаты на двери не было ручки, только медный диск на том месте, где ей следовало быть.

Он наконец закончил возиться с фотоаппаратом. Почувствовав ее тревогу, он улыбнулся ей:

– И куда, интересно, ты собралась?

– Я хочу, чтобы ты меня развязал, – потребовала она.

– Ты испортила мне всю композицию, – мягко укорил он ее.

– Композицию, твою мать! Я уйду!

Недаром она была в команде девушек-болельщиц. С удивительной ловкостью и силой она встала с кровати, но далеко уйти ей не удалось. Он схватил ее за волосы, потянул назад и снова бросил на простыни.

– Ты не можешь держать меня здесь, – крикнула она.

– Ты специально разрушила все, верно? – вдруг спросил он.

– Что разрушила?

– Наши отношения.

– Нет между нами никаких отношений, ты псих ненормальный.

– Ты не утерпела и изменила мне, как и все остальные. И ты думала, что я ничего не узнаю? Видишь ли, я тоже слушаю программу Пэрис Гибсон. Она дала твой звонок в эфир. Тысячи людей слышали, как ты говорила ей, что ты устала

от меня, что я такой ревнивый собственник. Ты собиралась последовать ее совету и бросить меня, так?

– О господи!

Он стоял перед ней, бледный, со злыми глазами, и, кривя рот, бросал слова:

– Но понимаешь, ты не можешь обращаться с людьми, как с туалетной бумагой. Тебе это с рук не сойдет.

Он испугал ее, и она замолчала.

Он сделал еще несколько снимков, потом решил, что и ноги ей тоже надо связать. Она отбивалась так, словно от этого зависела ее жизнь, но в конце концов он ударил ее так, что у нее зазвенело в ушах и больше она ничего не слышала.

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что ее руки и ноги привязаны к столбикам кровати, а рот заклеен. Квартира была пуста. Он ушел. Она была одна, и никто не знал, где она.

Шли часы, она думала о том, как ей выбраться, но возможности таяли одна за другой. У нее не было выхода. Ей не оставалось ничего другого, как дожидаться его возвращения и продолжения сексуальных игр, придуманных его больным воображением.

Господи, во что она ввязалась?

– Я надеюсь, что вам понравился вечер «Песни о любви». Жду встречи с вами завтра вечером. С вами была Пэрис Гибсон на волне 101.3 FM. Спокойной ночи.

Отлично. Теперь даже Пэрис не составит ей компанию.

Гэвин Мэллой напился. Приятный шум в голове от дешевой текилы уже не казался таким приятным. Слишком жарко, чтобы пить текилу. Надо было пить пиво. Но ему требовалось что-то более сильное, чтобы утопить свою тоску.

Черт побери, он никак не мог от нее избавиться.

Вечер был испорчен с самого начала. Выпивка не принесла ничего, кроме странного ощущения пустоты в голове, потливости и тошноты. Слезящимися глазами он посмотрел на ряд чахлах кедров и прикинул, сумеет ли добежать до них прежде, чем его вывернет. Пожалуй, нет.

И потом, некоторое время назад он видел парочку, скрывающуюся за этими деревьями. Если они по-прежнему заняты тем, ради чего туда ушли, то едва ли они обрадуются его появлению.

Он хихикнул при мысли об этом.

– Что тебя развеселило? – спросил его новый приятель, тыча кулаком в его живот.

Звали его Крэг, кажется. Фамилию Гэвин то ли не расслышал, а может, уже и забыл. У Крэга был пикап «Додж Рэм», огромный, черный, оснащенный по последнему слову техники. Такие бывают у плохих парней.

Гэвин, Крэг и еще несколько парней сидели в кузове пикапа, дожидаясь каких-нибудь событий. Чуть раньше мимо

прошли девчонки, выпили с ними за компанию текилы, показали достаточно свои прелести, чтобы их всех завести, а потом ушли, пообещав вернуться, но пока так и не появились.

– Так чего ты ржал? – снова спросил Крэг.

– Просто так. Мысль в голову пришла.

– Какая?

И правда, о чем же он думал? Гэвин не мог вспомнить. Видно, чушь какая-нибудь.

– О моем папаше, – выпалил он. Он действительно помнил об отце весь вечер, как о занозе, которую никак не вытащить.

– А что с ним такое?

– Он будет писать кипятком, потому что я слинял сегодня вечером. Он меня вроде как наказал.

– Хреново.

– Тебя наказали? Тебе что, двенадцать лет? – насмешливо поинтересовался другой парень, имени которого Гэвин не знал. Этот кретин с плохой кожей и зловонным дыханием возомнил себя крутым, чего и в помине не было на самом деле.

Гэвин переехал из Хьюстона в Остин через неделю после окончания весеннего семестра. Найти летом новую компанию было непросто, но он прибился к этим парням. Они приняли его сразу же, как только поняли, что он тоже любит повеселиться.

– Ай-ай, Гэвин испугался папочки, – продолжал при-ду-рок.

– Еще чего! Просто противно, что он опять начнет меня воспитывать.

– Так избавь себя от этого, – посоветовал другой оптимист, который чуть раньше показывал Гэвину свою коллекцию презервативов. – Подожди, пока он заснет, а потом тихонько проберешься в дом.

– Я уже пробовал. Но он прямо как летучая мышь. Как будто у него работает внутренний радар.

Этот разговор превратил неудавшийся вечер в полный провал. Ничто уже не могло бы развеселить Гэвина, ни теки-ла, ни возвращение девчонок. Все шансы были за то, что они вряд ли вернутся. Зачем им тратить время на таких неудачников, как они, как он?

Гэвин поднялся, встал на ноги, покачиваясь:

– Я лучше пойду. Если мне повезет, то я буду дома раньше его. Он у своей подруги.

Гэвин прошел между парнями, спрыгнул на землю. Но он не рассчитал расстояния до земли и не подумал о слабости в коленях, поэтому рухнул лицом в грязь.

Его новые приятели заорали, засвистели, заулюлюкали. Не в силах пошевелиться от хохота, Гэвин с трудом поднялся на ноги. Его футболка, мокрая от пота, была вся в грязи.

– До завтра, парни. – он поковылял прочь. Где же он оставил свою машину?

– Не забудь, завтра твоя очередь, ты приносишь выпивку! – крикнул ему Крэг.

– У меня в карманах пусто.

– Позаимствуй у папаши в баре, – посоветовал приятель.

– Не могу. Он проверяет бутылки.

– Господи, он что, копом работает в свободное время?

– Ладно, я что-нибудь придумаю, – пробормотал Гэвин и побрел в ту сторону, где предположительно стояла его машина.

– А что, если мисс Горячая попка придет и поинтересуется, где ты? – Это спросил прыщавый зануда. По его лицу блуждала мерзкая похабная ухмылка. – Что нам ей сказать? Что ты побежал домой под крылышко к папочке?

– Да пошел ты!

Кто-то из парней толкнул шутника в бок:

– Заткнись, придурок.

– Точно, оставь его в покое, – добавил парень с презервативами.

– Почему? Что я такого сделал? Ему негромко ответил Крэг:

– Она его бросила.

– Да ну? И когда?

Гэвин отошел достаточно далеко и не услышал, продолжения, но только обрадовался этому. Он не хотел больше ничего слышать.

Он увидел свою машину. Это было нетрудно, потому что

среди остальных автомобилей она выглядела просто куском дерьма. Конечно, разве ему могли купить пикап или спортивную машину? Нет, ничего такого для Гэвина Мэл-лоя. О мотоцикле тоже можно забыть. Ему никто ничего такого не купит, пока за все платит его отец.

Машина Гэвина, изрядно повидавшая на своем веку, но все еще надежная, не испортила бы доброе имя даже почтенной матери семейства. Предполагалось, что Гэвин будет за нее благодарен.

Когда он нелестно отозвался о машине, папаша прочел ему нотацию:

– Автомобиль – это не игрушка, Гэвин, и не символ социального статуса. Это надежная первая машина. Когда ты докажешь, что ты достаточно ответственный молодой человек, чтобы заниматься ею и использовать без риска для себя и остальных, я подумаю о том, чтобы купить тебе другую. А до тех пор... – И ля-ля-ля, и ля-ля-ля.

Гэвин стыдился своей машины. Когда осенью начнутся занятия в школе, он, вероятно, станет всеобщим посмешищем. Даже последний козел не захочет с ним общаться.

Он был не настолько пьян, чтобы не понимать, что в его состоянии не следовало бы садиться за руль. Но он усердно пытался сосредоточиться на дороге, отчего голова кружилась все сильнее.

Мэллой-младший не доехал до дома несколько кварталов, когда ему пришлось остановиться и выйти из машины. Его

вырвало. Текила вылилась на несчастные цветы, заботливо посаженные вокруг почтового ящика. Кого-то ожидает отвратительный сюрприз, когда он придет за своей почтой. А что тогда говорить о почтальоне?

Гэвину стало немного легче, он сел в машину и доехал до нового дома, который купил для них отец. Гэвину дом нравился, особенно бассейн. Но он не хотел, чтобы отец знал об этом.

У него стало легче на душе, когда он увидел, что машины старика нет возле дома. Но Гэвин не стал рисковать, предполагая, что отец устроил для него ловушку. Он вошел через заднюю дверь и остановился, прислушиваясь. Его отец с удовольствием застукал бы его пробирающимся в дом и с радостью отобрал бы у него сотовый телефон, компьютер и машину, сделав его разнесчастную жизнь еще несчастнее.

Это было жизненным предназначением его отца – делать Гэвина еще несчастнее.

Довольный тем, что дома никого не было, Гэвин поднялся в свою комнату. Старик наверняка еще у Лизы. Трахаются, как кролики. Они никогда не занимались этим здесь, в отцовской спальне. Неужели они считают его идиотом, не догадывающимся о том, что они занимаются сексом, когда отец остается у нее?

Лизу легко было представить в постели. У нее горячее тело. Но его старик? Занимается любовью? Нет, это невозможно! Гэвин не мог представить ничего более омерзительного.

Войдя в свою комнату, он первым делом включил компьютер, а потом уже свет. Гэвин не мог представить себе жизнь без компьютера. И как люди жили до того, как появились эти потрясающие машины? Если отец действительно хотел его наказать, то должен был отобрать у Гэви-на компьютер.

Гэвин проверил, нет ли электронных писем. Пришло одно от матери. Его он стер, не читая. Она писала ему только для того, чтобы успокоить свою совесть, и он не желал видеть эти послания.

«Когда-нибудь ты поймешь, что так лучше для всех нас.

В первую очередь мы думали о тебе и твоём будущем, Гэвин.

Как только ты привыкнешь к переменам...»

Конечно, мамочка. Как скажешь, мамочка. Полная чушь, мамочка.

Гэвин сел к столу и начал писать письмо, но не матери. Его гнев против нее был ничто по сравнению с ненавистью к этому адресату. Но он и не собирался отправлять это письмо. Именно поэтому он излил всю свою ярость, мучившую его все эти дни.

«Почему ты решила, что ты невероятно сексуальная? – писал он. – Я видел и получше. И имел получше».

– Гэвин!

Когда зажглась люстра под потолком, Гэвин едва не описался от страха. Он быстро стер письмо, прежде чем отец

мог прочитать строчки на экране. Он повернулся к отцу, надеясь, что не выглядит виноватым.

– Что?

– Я дома, – сообщил отец.

– И дальше что?

– Ты в порядке?

– А почему нет? Я не маленький ребенок.

– Ты ужинал?

– Ну да. – Гэвин облизал губы. – Разогрел в микроволновке остатки пиццы.

– Мы с Лизой предлагали тебе присоединиться к нам. Ты отказался.

– Держу пари, это разбило тебе сердце.

Мягким, спокойным голосом, который Гэвин ненавидел, отец ответил:

– Если бы я не хотел, чтобы ты шел с нами, я бы тебя не приглашал. – Он вошел в комнату.

«Только этого не хватало», – подумал Гэвин.

– Чем ты занимался весь вечер?

– Ничем. Бродил по Интернету.

– Что это у тебя на рубашке?

Отлично. Гэвин совершенно забыл о том, что вывалился в грязь. Возможно, еще и следы рвоты остались. Не отвечая на вопрос отца, он снова повернулся к экрану.

– Я занят.

Отец взял его за плечо и развернул к себе.

– Ты выходил. Твоя машина стоит на другом месте, и мотор еще теплый.

Гэвин рассмеялся:

– Ты проверял температуру моего мотора? Тебе что, делать нечего?

– А тебе необходимо наверстать школьную программу. – Отец повысил голос, что случалось редко. – От тебя несет блевотиной, ты пьян. Ты пьяный вел машину и мог кого-нибудь убить.

– Так я этого не сделал. Так что расслабься и оставь меня в покое.

Дин протянул к сыну руку:

– Давай сюда ключи от машины. Гэвин свирепо посмотрел на него.

– Если ты думаешь, что без машины я буду сидеть дома, то ты ошибаешься.

Дин промолчал, но руку не убрал. Гэвин выудил ключи из кармана и бросил отцу на ладонь.

– Я все равно ненавижу эту проклятую рухлядь, так что невелика потеря.

Отец ключи взял, но не ушел. Он присел на край неубранной постели.

– Ну что тебе еще? – рявкнул Гэвин. – Опять собираешься читать мне лекцию о том, как я гублю свою жизнь?

– Ты думаешь, что мне нравится наказывать тебя, Гэвин?

– Да, я так думаю. Я вижу, что ты наслаждаешься ролью

строгого, но терпеливого отца, указывающего мне, что делать. Ты получаешь удовольствие, когда каждый раз говоришь мне, где я снова облажался.

– Чушь какая-то! С чего ты взял?

– Потому что ты ни разу не ошибся в своей чертовой жизни. Ты просто мистер Совершенство. Это же тоскливо до чертиков – все время поступать правильно.

Он удивился, увидев улыбку на лице отца.

– Мне до совершенства очень далеко, и ошибаюсь я частенько. Спроси у своей матери. Она тебе расскажет. Но в одном я, безусловно, прав. – Отец замолчал, сурово посмотрел на Гэвина, надеясь, вероятно, что тот спросит, в чем он прав. – Это правильно, что ты живешь со мной. Я рад этому. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

– Верно. Я не сомневаюсь, что ты просто счастлив оттого, как теперь устроилась твоя жизнь. Тебе нравится, что я путаюсь у тебя под ногами, все переворачиваю вверх дном и мешаю всему.

– Бог с тобой, чему ты мешаешь?

– Всему. – Гэвин выкрикнул это, голос сорвался на высокой ноте. Он надеялся, что отец не примет это за проявление эмоций, которых он не испытывал. – Я мешаю твоей новой жизни, твоей работе, твоим отношениям с Лизой.

– Ты мне не мешаешь, Гэвин. Ты моя семья, ты мой сын. Мы с Лизой хотели провести этот вечер с тобой вместе.

Гэвин усмехнулся:

– И мы бы мило поужинали втроем. Твоя новая семья! А что потом? Что я должен был делать, пока ты бы повез ее домой? Или предполагалось, что я посижу в машине, пока ты поднимешься к ней и она отсосет тебе по-быстрому?

Он мгновенно понял, что зашел слишком далеко. Его отец был не из тех, кто срывается, выходит из себя, швыряет вещи. Мистер Самообладание обычно замирал. Губы сжимались в тонкую полоску, и что-то странное происходило с его глазами. Они превращались в две острые безжалостные пики, пронизывающие насквозь.

Но даже у сдержанности его отца были пределы, и на этот раз Гэвин пересек их.

Прежде чем Гэвин успел сообразить, что происходит, отец вскочил и ударил его по лицу. Он разбил ему губу.

– Ты не хочешь, чтобы с тобой обращались как с ребенком? Отлично. Я буду обращаться с тобой как со взрослым. Я точно так же ударил бы любого взрослого мужчину, который посмел бы сказать мне такое.

Гэвин изо всех сил пытался сдержать слезы.

– Я тебя ненавижу.

– Что ж, очень плохо. Пока что тебе от меня никуда не деться.

Отец вышел из комнаты и бесшумно закрыл за собой дверь.

Гэвин стремительно вскочил с кресла. Он стоял посреди своей неубранной комнаты и тяжело дышал от гнева и досады.

ды. Но, поняв, что ему действительно некуда деться и нет денег, чтобы убежать из дома, он бросился на кровать.

Он стирал с лица сопли, кровь, слезы. Ему хотелось свернуться в комочек и плакать, как маленькому. Жизнь опротивела ему. Он ненавидел все и всех. Отца. Мать. Город Остин. Женщин. Глупых приятелей. Кошмарную машину.

Но больше всего Гэвин Мэллой ненавидел самого себя.

6

Сержант Роберт Кертис пытался рассмотреть ее глаза за темными стеклами очков. Поймав себя на том, что открыто разглядывает женщину, он поторопился предложить ей стул.

– Простите мою невоспитанность, мисс Гибсон. Должен признаться, что меня всегда интересовали известные люди. Садитесь, пожалуйста. Могу я предложить вам кофе?

– Спасибо, не нужно. И я вовсе не знаменитость.

– Позвольте с вами не согласиться.

Кертис работал в отделе расследований управления полиции города Остина. Ему было немного за пятьдесят, он выглядел крепким, подтянутым и аккуратным, от хорошо подстриженных волос до носков начищенных ковбойских ботинок, каблуки которых прибавляли пару дюймов к его росту. Хотя он был не выше Пэрис, вид у него был властный и уверенный. На вешалке висел пиджак спортивного фасона, но галстук был туго завязан под накрахмаленным воротником рубашки. На запонках были выгравированы его инициалы.

На стенах крошечного кабинета-закутка висели подробные карты штата, округа Трэвис и диплом в рамке. На письменном столе громоздились кипы документов и компьютерных дискет, но почему-то это не казалось беспорядком.

Детектив Кертис сел в свое кресло и улыбнулся Пэрис.

– Не каждое утро сюда приходят популярные ведущие ра-

диопрограмм. Чем я могу вам помочь?

– Я не уверена, что можете, но все же...

Теперь, сидя перед детективом, Пэрис пожалела о своем решении прийти сюда.

При свете дня ночные события выглядели иначе. Визит в полицию теперь казался ей самой несколько преувеличенной реакцией на то, что было скорее всего обычным звонком психически нездорового человека.

– Прошлой ночью, вернее, уже сегодня утром, я звонила в службу 911, – начала она. – По вызову приехали два патрульных, Григс и Карсон. Было заведено дело, у меня есть его номер, чтобы вы могли навести справки. – Она повторила номер, который назвал ей Григс.

– И по какому поводу вы звонили в 911, мисс Гибсон?

Она рассказала сержанту о том, что случилось. Он внимательно слушал. Выражение его лица оставалось непроницаемым. Детектив не прерывал ее, не говорил, что Пэрис напрасно занимает его время. Если же он всего лишь изображал внимание, то делал это весьма искусно.

Пэрис закончила свой рассказ, достала кассету с записью разговора из сумочки и протянула ее Кертису.

– Я утром заходила в студию и сделала копию. Бессонница не оставляла ее до рассвета. Пэрис сдалась, встала, приняла душ, оделась и вернулась на радиостанцию к тому моменту, когда Чарли и Чед, диджеи, ведущие утренний эфир, читали утреннюю сводку новостей.

– Я непременно прослушаю вашу пленку, мисс Гибсон, – сказал Кертис. – Но наш отдел занимается убийствами, изнасилованиями и разбойными нападениями. А вот звонки с угрозами... – Он покачал головой. – Почему вы пришли именно ко мне?

– Я читала о вас во вчерашней газете, – призналась Пэрис. – О том, как вы давали показания на суде. Я подумала, что ко мне отнесутся более внимательно, если я попрошу о встрече с конкретным детективом, а не просто свалюсь на голову без предварительной договоренности.

Кертис понимающе кивнул:

– Вероятно, вы правы.

– И если звонивший в самом деле сделает то, что обещает, то дело попадет именно в ваш отдел, ведь так?

Мгновенно став серьезным, Кертис встал и вышел из кабинета. Он спросил у коллег, есть ли у кого под рукой кассетный магнитофон. Через несколько секунд на пороге уже стоял еще один детектив в штатском. В руках он держал магнитофон. Детектив бросил заинтересованный взгляд на Пэрис, протягивая магнитофон Кертису.

– Вот, держи.

– Спасибо, Джо, – сухо поблагодарил Кертис, давая понять, что присутствие постороннего нежелательно. Детектив вышел.

Пэрис выбрала сержанта Кертиса наугад, но теперь она была даже рада, что пришла именно к нему. У него опреде-

ленно имелось влияние, и он им с успехом пользовался.

Кертис снова сел в свое кресло, вставил кассету в магнитофон и негромко заметил:

– Я вижу, наши ребята уже знают, кто вы такая.

«Все может быть», – подумала Пэрис. Или детектив просто хочет, чтобы она сняла свои солнечные очки. В этом помещении было не слишком светло. Впрочем, в комнатке вообще не было окон.

Кертис и его коллеги скорее всего думают, что она не снимает очки, чтобы, как настоящая знаменитость, скрываться от публики или добавить себе некий таинственный ореол, что она отгораживается ими от людей. Никому и в голову не могло прийти, что она носит темные очки, чтобы спрятаться самой.

– Давайте послушаем, что этот мистер... Валентино, так, кажется, нам скажет. – Кертис нажал на кнопку «пуск».

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис. Это Валентино...

Когда пленка закончилась, Кертис задумчиво потер лоб и спросил:

– Не возражаете, если я прослушаю запись еще раз? Не дожидаясь согласия Пэрис, он перемотал пленку и снова включил звук. Слушая, он все больше хмурился, крутя кольцо выпускника Техасского университета на пальце. Когда пленка закончилась, Пэрис спросила:

– Что вы об этом думаете, сержант? Неужели я устроила

слишком много шума из-за звонка психически неуравновешенного человека?

Он ответил ей вопросом на вопрос:

– Вы пробовали звонить по оставленному номеру?

– Я была так ошарашена, что не подумала о том, чтобы перезвонить немедленно. Мне следовало это сделать?

Взмахом руки он отмел ее тревогу.

– Вероятнее всего, он не ответил бы вам.

– Позже по этому номеру звонили Григс и Карсон. Там действительно никто не ответил. Автоответчика тоже не оказалось. Просто никто не снимал трубку.

– Вы говорили, что номер принадлежит телефону-автомату?

– Я уверена, что детали вы найдете в рапорте. Туда посылали патрульную машину. Но к тому времени – полчаса спустя – у телефонной будки уже никого не было.

– Его могли видеть в телефонной будке. Полицейские опросили свидетелей?

– А некого было опрашивать. По словам Григса, на улице не было ни души, когда приехали патрульные. – Вопросы Кертиса подтверждали, что она тревожилась не напрасно, и, разумеется, только усиливали ее беспокойство. – Вы полагаете, что Валентино говорил правду? Неужели он действительно похитил девушку и собирается ее убить?

Кертис надул щеки и с шумом выдохнул воздух.

– Я не знаю, мисс Гибсон. Но если это так и он дал нам

три дня времени, то мы не можем просто сидеть и разговаривать. Мне не нужно еще одно дело о похищении-изнасиловании-убийстве, я постараюсь этого избежать. – Он встал и протянул руку за пиджаком.

– Что мы можем сделать?

– Попробуем выяснить, серьезно ли настроен этот Валентино или просто еще один чокнутый пытается обратить на себя внимание.

Они вышли из кабинетика и направились мимо таких же отсеков к двойным стеклянным дверям, через которые Пэрис входила.

– А как это можно выяснить?

– Мы обратимся к специалисту.

Дин собирался на работу, когда Лиза позвонила из Хьюстонского аэропорта.

– Ты уже в Хьюстоне?

– Я вылетела из Остина в шесть тридцать.

– Жестокое испытание.

– Кто бы говорил! – Немного помолчав, она спросила: – Что произошло между тобой и Гэвином, когда ты вернулся домой вчера вечером?

– Небольшая стычка, обе стороны нанесли удары и теперь зализывают раны.

Он удерживал трубку радиотелефона между подбородком и плечом, наливая себе апельсиновый сок. Ночью он почти не спал, а когда заснул, то словно провалился. Будильник

надрывался полчаса, прежде чем Дин проснулся. Выпить кофе ему уже не удастся.

– Ну, хотя бы он был дома, когда ты вернулся, – заметила Лиза. – Он тебя не послушался.

Не желая пересказывать свой разговор с Гэвином, Дин пробормотал что-то нечленораздельное в знак согласия.

– Когда у тебя первая встреча в Чикаго?

– Как только я приеду в отель. Я надеюсь, что этот О'Хара не слишком занудный и я быстро со всем справлюсь. Чем сегодня собираешься заняться?

Дин сообщил ей о своих планах. Лиза сказала, что ей пора бежать, что она позвонила просто пожелать ему доброго утра и поговорить перед вылетом. Он ответил, что рад тому, что она его застала, и пожелал счастливого полета. Она шепнула:

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, – ответил ей Дин.

Закончив разговор, Дин опустил голову, закрыл глаза и несколько раз ударил себя трубкой по лбу, словно исполнял ритуал самобичевания на современный манер.

Звонок Лизы не стал приятным началом дня, как ей хотелось думать, напротив, он вывел Дина из себя. Добавьте к этому остинскую жару и пробки в час пик. Так что ничего удивительного в том, что через пятнадцать минут Дин входил в свой кабинет в отвратительном настроении.

– Доброе утро, мисс Лестер, – поздоровался он с секретаршей, – есть для меня сообщения?

Мисс Лестер была безупречным секретарем, знающим и доброжелательным. В первый же день она сообщила Мэллоу, что разведена, одна воспитывает двух дочерей, и попросила называть ее по имени.

Если глаза его не обманывали, а у него не было оснований сомневаться в остроте своего зрения, с того дня вырез на блузках мисс Лестер становился все глубже, а юбки все короче. Это постепенное уменьшение покровов могло быть связано с жарой, но Дин в этом сомневался. В целях безопасности он упорно называл ее мисс Лестер.

– Все сообщения у вас на столе. Кофе скоро будет Готов, я принесу вам чашечку.

Она не обязана была готовить ему кофе, но этим утром его порадовала ее предупредительность.

– Отлично, спасибо, мисс Лестер.

Дин вошел в свой кабинет и закрыл дверь, чтобы не продолжать разговор с секретаршей. Он повесил пиджак на вешалку, распустил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Усевшись за стол, он пробежал глазами сообщения и вздохнул с облегчением, поскольку среди них не оказалось срочных. Ему требовалось минут пять, чтобы прийти в себя.

Мэллой поправил жалюзи, чтобы ему было видно улицу. Солнце сияло, но не поэтому Дин закрыл лицо руками и устало потер щеки.

Что ему делать с Гэвином? Сколько можно наказывать сына? Чего еще его можно лишить? Сколько еще сцен, подоб-

ных вчерашней, ждет его? Такие ссоры наносят непоправимый вред отношениям.

Дин уже жалел о том, что ударил Гэвина. Не то чтобы Гэвин не заслужил оплеуху, но все-таки... Он – отец, взрослый человек и должен был вести себя соответственно. Это так по-детски, терять самообладание. Кроме того, это опасно. Отсутствие самоконтроля может привести к роковым последствиям, кому, как не Дину, знать об этом.

И потом, он хотел быть положительным примером для Гэвина, а накануне вечером он дал волю своему гневу и теперь сожалел об этом.

Дин провел пальцами по волосам и вспомнил про кофе. Пора бы уже выпить чашечку.

Не отослать ли Гэвина обратно к его матери? Впрочем, это не выход из положения. Нет, этого нельзя делать. По многим причинам, в том числе и потому, что они с Патри-сией договорились о том, с кем будет жить их сын. Дин Мэллой не умел признавать поражений. Ни в чем.

Гэвин упрекал его в том, что он всегда поступает правильно. Сын сказал, что, должно быть, чертовски скучно всегда поступать как должно. Едва ли ты прав, Гэвин. Дин давно не чувствовал, что поступает правильно, особенно в отношениях с сыном.

Или с Лизой. По отношению к ней он ни разу не поступил правильно. Как долго можно откладывать решение их проблем?

– Доктор Мэллой!

Думая, что мисс Лестер наконец принесла долгожданный кофе, Дин ответил, не оборачиваясь:

– Поставьте на стол, спасибо.

– К вам пришли. – Дин повернулся к двери. – Сержант Кертис из полицейского управления просит вас уделить ему несколько минут, – сообщила секретарша. – Я приглашу его?

– Разумеется.

Дин однажды уже встречался с детективом, и тот показался ему прямым и честным человеком. Дин также знал, что сержант пользуется уважением в управлении полиции Остина. Он встал, ожидая появления Кертиса.

– Доброе утро, сержант Кертис.

– Просто Кертис, прошу вас. Меня так все называют. А вы предпочитаете, чтобы вас называли доктор или лейтенант?

– Как насчет Дина?

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Я не вовремя? – поинтересовался Кертис. – Простите, что явился к вам без предупреждения, но дело может оказаться очень важным.

– Никаких проблем. Сейчас нам принесут кофе.

– Я пришел не один. – Кертис приоткрыл дверь и жестом пригласил кого-то войти.

Пэрис испугалась. Неужели выражение ее лица было таким же красноречивым, как у Дина, и этого не скрыли даже

черные очки.

Он выглядел ошарашенным. Таким же, как и она несколько минут назад, когда прочитала фамилию на двери кабинета, в который должна была войти.

Несколько секунд Дин смотрел на нее, приоткрыв рот, и только потом проговорил изумленно:

– Пэрис?

Кертис с удивлением смотрел на них обоих.

– Мне принести еще кофе, доктор Мэллой? – прозвучал строгий голос секретарши.

Дин ответил, не отводя глаз от Пэрис:

– Да, пожалуйста, мисс Лестер.

Она вышла, оставив Дина, Пэрис и Кертиса застывшими, словно актеры в немой сцене. В конце концов Кертис взял Пэрис под локоть и чуть подтолкнул ее вперед. Пэрис шагнула в кабинет Дина.

Дин, несомненно, был здесь самой значительной фигурой, и не столько потому, что был хозяином кабинета, сколько благодаря своим физическим данным: высокому росту и широким плечам. С первого взгляда было ясно, что перед вами человек высоких принципов, непоколебимых убеждений и страстной решимости, словом, сильная личность. Дин Мэллой мог быть либо преданным другом, либо врагом, которого следовало опасаться.

Пэрис знала его и в том, и в другом образе.

У нее перехватило горло, как будто его сдавила невидимая

рука. Она вдруг задышала часто, тщетно пытаясь сохранить внешнее спокойствие.

Дину тоже было явно не по себе, очевидно, шок заставил его забыть о хороших манерах. Кертис сам подвел Пэрис к креслу. Это вывело Дина из оцепенения.

– Да-да, садитесь, пожалуйста, садитесь.

Пока пришедшие усаживались, Кертис, усмехнувшись, сказал:

– Вы оба, как я заметил, уже знакомы.

Пэрис всегда полагалась на свой голос, он давал ей возможность зарабатывать на жизнь, но на этот раз он ее не слушался. Тогда заговорил Дин.

– Мы познакомились в Хьюстоне много лет назад, – пояснил он. – Я работал в управлении полиции, а Пэрис...

Он выжидающе посмотрел на нее, призывая принять участие в разговоре.

– Я работала репортером на одном из телеканалов, – нехотя сообщила она.

Кертис изогнул бровь.

– На телевидении? Я думал, вы всегда работали на радио.

Пэрис взглянула на Дина, потом ответила:

– На радио я пришла с телевидения.

Кертис кивнул, словно подтверждая, что понял, почему она это сделала, хотя на самом деле он не понял ничего.

– Прошу прощения, – в комнату вошла мисс Лестер с подносом. Ставя его на стол Дина, она спросила: – Кому доба-

вить сливки и положить сахар?

Все отказались. Секретарша налила кофе из металлического кофейника и спросила Дина, не нужно ли еще что-нибудь. Он покачал головой и поблагодарил ее.

Кертис посмотрел ей вслед. Повернувшись снова к Дину, он заметил:

– Я потрясен. В нашем отделе расследований нет персональных секретарей.

– Что? – Дин недоуменно посмотрел на него, потом на закрывшуюся дверь. – А, мисс Лестер... Она не моя секретарша. Она просто... очень любезна. Она ко всем здесь так внимательна.

«Здесь» относилось к пристройке к зданию полицейского управления. Сюда можно было попасть через подземную парковку, чем и воспользовались Кертис и Пэрис. Детектив определенно не поверил словам Дина, не поверила и Пэрис, но оба воздержались от комментариев.

Пэрис обхватила обеими руками дымящуюся кружку с кофе. Кружка была упоительно горяча. Дин сделал глоток и скорее всего обжег себе язык.

Кертис заговорил снова:

– Я и понятия не имел, что буду способствовать воссоединению давних друзей.

– Пэрис не знала о моем переводе в Остин, – ответил Дин, пристально глядя на нее. – Или если и знала...

– Я не знала. Я думала, что ты все еще в Хьюстоне. Кертис

поспешил объяснить ситуацию:

– До того как к нам присоединился доктор Мэллой, мы привлекали к работе гражданских специалистов и выплачивали им гонорар. Но нам давно требовался штатный психолог, работник департамента, человек опытный, знающий работу и полицейского, и психолога. В начале этого года мы получили ассигнования и смогли переманить к нам доктора Мэллоя.

– Чудесно. – Пэрис улыбнулась им обоим неуверенной улыбкой.

– Вы говорили о деле, которое может стать важным, – обратился Дин к детективу.

Кертис поудобнее уселся в кресле.

– Вы слушаете программу, мисс Гибсон?

– Да, каждый вечер.

Ее сердце забилося быстрее, она удивленно посмотрела на Дина. Их глаза на мгновение встретились, но Дин поспешил перевести взгляд на Кертиса.

– Тогда вам известно, что мисс Гибсон отвечает на звонки слушателей и выполняет их заявки, – продолжал детектив. Дин утвердительно кивнул. – Прошлой ночью ей позвонил один из ее слушателей. Разговор встревожил ее, и не без оснований.

Кертис пересказал Дину то, что знал о звонке Валентино, и в заключение добавил:

– Я подумал, что вы могли бы послушать запись и выска-

зять свое профессиональное мнение.

– Буду рад помочь. Давайте послушаем пленку. Кертис принес магнитофон с собой. Он поставил его на стол, перемотал пленку, несколько раз нажал на пуск, прежде чем магнитофон заработал и в кабинете раздался голос Пэрис:

– Говорит Пэрис.

К этому времени она уже знала диалог наизусть. Пока они слушали запись, Пэрис смотрела на свою кружку с кофе, но боковым зрением наблюдала за Дином. Вот он сложил руки на столе перед собой, переплел пальцы, потирая большие пальцы друг о друга. И от этого жеста у Пэрис вдруг заняло что-то внизу живота.

Только однажды она позволила себе взглянуть ему в лицо. Мэллой смотрел прямо перед собой, но, видимо, почувствовал ее взгляд, потому что поднял голову, и их глаза встретились. Этот взгляд и сейчас заставил ее почувствовать себя бабочкой, пригвожденной к стене.

Много лет назад ей нравилось, что на нее смотрят так пристально. Теперь этот взгляд принуждал ее вспомнить о вещах, которые давно следовало бы забыть. Он воскресил чувства, которые она так старалась похоронить. Еще несколько минут назад Пэрис считала, что ей это удалось. Она снова уткнулась в свою кружку.

Когда запись закончилась, Дин спросил, можно ли сделать копию.

– Разумеется, – ответил Кертис.

Дин вынул кассету и вышел в коридор, где сразу же отдал ее мисс Лестер и попросил переписать. Когда он вернулся, Кергис задал вопрос:

– Значит, вы не думаете, что этот парень просто шутит?

– Я хочу прослушать пленку еще несколько раз, но мое первое впечатление, что это действительно тревожный звонок. Тебе когда-нибудь звонили подобные люди, Пэрис?

Она покачала головой.

– Слушатели сообщали мне о НЛО, террористах, нашествии насекомых, привидениях на чердаке. Как-то раз позвонила женщина и сказала, что в ее ванной змея. Она спрашивала, не знаю ли я, как определить на глаз, ядовитая она или нет. Каждую неделю мне хотя бы один раз делают предложение. Я выслушиваю сотни непристойных предложений. Но ничего подобного не было. Этот звонок... он совсем другой.

– Я понял, что этот парень звонил тебе раньше.

– Человек, называющий себя Валентино, звонил мне время от времени. Похоже, это один и тот же человек, но утверждать определенно я не могу.

– Ты думаешь, это кто-то из знакомых? Пэрис замаялась, прежде чем ответить.

– Я всю ночь не спала, думала об этом. Но я не узнала его голос, а голос знакомого я бы узнала наверняка.

– Да, ты умеешь различать голоса, – задумчиво сказал Дин. – Но мне показалось, что мужчина старался изменить голос.

– Вот и мне тоже.

– Значит, это все-таки может быть кто-то из твоих знакомых.

– Не представляю, кто мог сыграть такую шутку.

– Ты с кем-нибудь ссорилась в последнее время?

– Если я кого-то и рассердила, то я об этом ничего не знаю.

– Ты ругалась с кем-нибудь?

– Не припомню ничего подобного.

– Ты могла сказать что-то такое, что могло быть воспринято как оскорбление? Коллеге, банковскому служащему, официанту, продавцу, парню на автомойке?

– Нет! – резко ответила Пэрис. – У меня нет привычки оскорблять людей.

Не реагируя на ее тон, Дин продолжал спрашивать:

– Ты поссорилась с приятелем? Порвала отношения? Разбила кому-нибудь сердце?

Пэрис с яростью посмотрела на него, потом медленно покачала головой.

Играя роль рефери в поединке, смысл которого он не понимал, Кертис кашлянул в кулак.

– Накануне этим занимались полицейские Григс и Карсон, – сообщил он Дину. – Утром они собирались проверить персонал радиостанции. Я выясню, удалось ли им что-то узнать. Извините меня, я вас ненадолго оставлю.

Пэрис не успела возразить. Кертис снял сотовый телефон с пояса и вышел.

Керамическая кружка больше не грела руки Пэрис. Пэрис поставила кружку на край стола и некоторое время сосредоточенно смотрела на нее.

Наконец, сообразив, что глупо вести себя как девочка-подросток, Пэрис взглянула на Дина.

– Поверь, когда я пришла сюда утром, я даже понятия не имела... Я не знала, что ты теперь в Остине.

– Я мог бы сказать тебе об этом на похоронах Джека. Но ты бы ведь не стала со мной разговаривать?

– Не стала бы.

– Почему?

– Это было бы неуместно. Нагнувшись к ней, он спросил негромко:

– Через семь-то лет?

Когда-то Джек первым заметил, что Пэрис сумела подобраться к Дину так близко, как не удавалось никому. Казалось, она была единственным человеком на земле, которому удалось пробиться сквозь броню его самообладания.

– Я думал, что черные очки предназначены только для похорон, – пробормотал Дин. – Я вижу, ты все еще...

– Я не буду говорить об этом, Дин. Я бы ушла, если бы могла. Если бы я знала, к кому меня ведет сержант Кертис...

– Ты бы поджала хвост и убежала. Это твоя манера. Прежде чем она успела ответить, вернулся Кертис.

– Они проверяют уборщика Марвина Паттерсона. Пока ничего серьезного, какая-то путаница, в которой они пыта-

ются разобраться. Скоро у них будет информация. Что касается Стэна Криншоу... – Он замолчал и внимательно посмотрел на Пэрис. – Он родственник владельца радиостанции?

– Он племянник Уилкинса Криншоу.

– Издержки родственных отношений?

– Определенно, – согласилась Пэрис. – Стэн старается делать как можно меньше, но даже это у него получается плохо. Его лень раздражает и портит нервы тем, кто с ним работает, но чисто по-человечески мы ладим. Ни он, ни Марвин не могли звонить от имени Валентино. Они были в здании, когда я приняла звонок.

– Сейчас телефоны уже совсем не те, что раньше. Наши электронные гении из управления работают над этой проблемой. Полицейские опрашивают людей из аптеки, рядом с которой расположен этот телефон-автомат. Может быть, они что-то припомнят. Вдруг это окажется фармацевт или постоянный клиент, ставший вашим фанатом. Но... – Кертис замолчал и потеревил мочку уха. – Пока у нас нет убийства. Только угроза.

– Серьезная угроза.

– Верно, – задумчиво согласился детектив. – Валентино сказал, что слышал, как его девушка звонила на вашу программу. Вы помните звонок, на который он ссылается?

– Нет, так сразу я не вспомню. Наверное, это было совсем недавно, и я давала этот звонок в эфир. Это сужает круг по-

исков. Только я никогда бы не посоветовала слушательнице бросить назойливого парня.

– Он мог и солгать на этот счет, – вмешался в их разговор Дин. Пэрис и Кертис молчали, ожидая пояснений. – Этот Валентино мог выдумать звонок подружки, чтобы иметь оправдания – даже перед самим собой – для собственного поступка.

Предположение прозвучало мрачно. Все замолчали. В этот момент вошла мисс Лестер, которая принесла оригинал пленки и копию. Дин еще раз поставил запись.

– Кое-что меня по-настоящему беспокоит, – признался он, когда голоса смолкли. – Он говорит о девушках, а не о женщинах.

– То есть он принижает статус персоны женского пола, – уточнил Кертис.

– Да, именно так. Это дает нам ключ к тому, как мыслит этот парень. Его инстинктивное неприятие женщин и страх перед ними проявились совершенно отчетливо. Если бы мне пришлось составлять его психологический портрет только на основе этой записи, я бы отнес его к категории мстительных насильников, вымещающих свою злобу на жертве.

Кертис, судя по всему, был неплохо подкован в этой области.

– Он ненавидит женщин за нанесенные ему обиды, реальные или мнимые, – добавил детектив.

– Это очень опасная мотивация, – заметил Дин. – Секс –

это его метод наказания. Обычно подобные ситуации заканчиваются зверским изнасилованием. Если Валентино жаждет крови, как он объявил Пэрис, то он без колебаний убьет свою пленницу. – Губы Мэллоя сжались в жесткую линию. – И вот еще что. Я слышал только об одном Валентино. Это был Рудольфе Валентино.

– Звезда немого кино, – подсказала Пэрис.

– Именно. И его самым известным фильмом был «Шейх».

– Где он похищает и практически насилует молодую женщину, – закончила за него Пэрис. Она помнила этот фильм. Они с Джеком видели его когда-то на фестивале классического кино. – Ты думаешь, что именно поэтому он использует это имя?

– Это может быть простым совпадением, но я так не думаю. – Дин помолчал немного и добавил: – Честно говоря, Кергис, я не считаю этот звонок пустым. Я рекомендую вам отнестись серьезно к его угрозе.

Детектив мрачно кивнул, соглашаясь:

– К сожалению, я того же мнения.

– Я рад, что вы обратились ко мне. Возможно, эта угроза всего лишь чья-то глупая шутка, – желая разрядить мрачную обстановку, добавил Мэллой.

– Или правда, – негромко сказала Пэрис.

Судья Кемп удовлетворил просьбу защитника о получасовом перерыве. Адвокат подсудимого хотел проконсультиться со своим подзащитным. Кемп надеялся, что он уговорит подсудимого принять «согласованное признание вины». На этом судебное заседание закончится, и у судьи освободится вторая половина дня.

Он воспользовался перерывом для того, чтобы запереться в своем кабинете и удалить волосы из ноздрей крохотными серебряными ножницами. Кемп пользовался зеркалом с пятикратным увеличением. И все-таки процедура была очень деликатной. Неожиданный звонок телефона едва не стоил ему проколотой ноздри.

Судья раздраженно рявкнул в трубку:

– Алло!

– Джейни нет в ее комнате, – услышал он взволнованный голос жены. – Она не ночевала дома!

– Ты же сказала мне, что она у себя, когда мы вчера вернулись.

– Я так решила, потому что у нее играло радио. Утром я услышала, что оно все еще работает. Мне это показалось странным. Ты ведь знаешь, как поздно Джейни встает. Вот я и решила, что она заснула и не выключила приемник. Около десяти я постучалась к ней. Я хотела взять ее с собой на ленч

в новую чайную. Мы могли бы поесть вместе. И потом это очень милое местечко. Мы с Би были там на прошлой неделе, и там готовят потрясающее гаспаччо.

– Мэриан, у меня всего лишь перерыв в заседании. Она продолжала, больше не отвлекаясь на пустяки:

– Джейни не ответила, когда я постучала. Я решила войти и разбудить ее. Комната была пуста, на кровати явно никто не спал. Ее машины не оказалось в гараже, и никто из слуг Джейни не видел.

– Возможно, она встала рано, убрала свою постель и уехала?

– Это так же возможно, как и то, что сегодня после обеда небо упадет на землю.

Жена была права. Абсурдное предположение. Джейни ни разу в жизни не убрала за собой постель. Отказ делать это послужил причиной того, что девочку отослали из летнего лагеря, когда первый и последний раз они отправили дочь туда, невзирая на ее протесты.

– Когда ты видела Джейни в последний раз?

– Вчера днем, – ответила Мэриан. – Она загорала у бассейна. Я убедила ее уйти в дом. Она испортит свою кожу. Джейни отказывается пользоваться кремом от загара. Я пыталась поговорить с ней, но, разумеется, она не стала меня слушать. Наша дочь утверждает, что крем от загара – это невероятная глупость, потому что он не позволяет достичь цели. И вот еще что, Бэрд. Думаю, тебе надо с ней поговорить о том, что

она загорает без лифчика. Я понимаю, что это происходит на нашей территории, но на участке часто работают мужчины, и я отказываюсь устраивать для них бесплатное шоу с участием нашей дочери. И так уже она загорает в этих ужасных трусиках-танго, которые, если хочешь знать мое мнение, не только выглядят совершенно отвратительно и недостойно, но еще и невероятно неудобны.

На этот раз Мэриам опомнилась сама и вернулась к основной теме разговора.

– В общем, вчера мне удалось уговорить Джейни уйти в дом в самую жару. Я напомнила ей, что мы с тобой идем на званый ужин и что ты велел ей сидеть дома. Она убежала к себе, не сказав мне ни слова, хлопнула дверь и заперлась.

Судя по всему, Джейн и ушла из дома сразу после нашего отъезда и с тех пор не возвращалась.

Судья не заметил, что машины дочери нет в гараже, потому что накануне оставил свой автомобиль на улице, поленился отогнать его в гараж. В следующий раз, когда ему придется наказывать Джейни, надо не забыть отобрать у нее ключи от машины. Это, конечно, не удержит девчонку, она все равно удерет из дома, чтобы увидеться с этими своими «друзьями», чье влияние, без сомнения, и было причиной послушания, но все-таки.

– Ты звонила ей на сотовый?

– У нее включен автоответчик. Я оставила ей несколько сообщений.

– Ты проверила ее подруг?

– Я звонила нескольким, но все клянутся, что не видели Джейни вчера вечером. Разумеется, они ее просто покрывают.

– А как насчет этой шлюхи, Мелиссы, с которой она проводит так много времени?

– Она в Европе с родителями.

В дверь кабинета судьи Кемпа негромко постучала секретарша, потом заглянула к нему и сказала, что все уже вернулись в зал заседаний.

– Послушай, Мэриан, я уверен, что она просто наказывает нас за то, что мы наказали ее. Она хочет тебя напугать, и ей это удастся. Она вернется. Она не в первый раз не ночует дома.

В прошлый раз, когда Джейни не вернулась домой ночевать, она едва не оказалась в окружной тюрьме за непристойное поведение. Она вместе со своими приятелями сняла номер в гостинице, и они всей компанией полезли в джакузи. Постояльцы пожаловались на шум. Охранники, вынужденные открыть дверь в номер, обнаружили группу молодых людей в разной степени опьянения и раздетости, увлеченных разнообразными сексуальными играми.

Его дочь оказалась среди самых пьяных. Если верить полицейскому, который лично выудил ее из воды, он с трудом оторвал ее от юнца, с которым она слилась воедино.

Полицейский завернул ее в одеяло и доставил домой, а

не в участок. Он поступил так не из доброго отношения к девушке, которая осыпала его проклятиями и ругательствами до самого порога родительского особняка. Ему хотелось оказать услугу судье.

Офицеру вручили сто долларов в знак благодарности, что предполагало его молчание и отсутствие фамилии Джейни в полицейском протоколе.

– Слава богу, пресса тогда не пронюхала об этой истории. – Мэриан словно читала его мысли. – Ты представляешь, какой вред это нанесло бы твоей репутации? – Она еле слышно вздохнула и спросила: – Что мы будем делать, Бэрд?

То есть она опять сбросила проблему на него.

– Я целый день в суде. У меня нет времени заниматься поисками Джейни.

– Но ты же не думаешь, что я стану ездить по всему городу и искать ее?! И потом, связи есть только у тебя.

«Связи и стодолларовые купюры», – мрачно подумал судья. Последние несколько лет он раздавал их направо и налево, чтобы скрыть безобразное поведение дочери.

– Я подумаю, что можно сделать, – проворчал он. – Но когда она все-таки появится – а я уверен, что она вот-вот вернется, – не забудь сообщить мне об этом на пейджер. Я поставлю его в режим вибрации на время заседания. Набери 33, и я буду знать, что она дома, и не стану тратить время на поиски.

– Спасибо, дорогой. Я знала, что ты все устроишь.

Кертис пригласил Дина пообедать с ним, и тот согласился, понимая, что стоит за этим приглашением. Мэллой догадывался, что детектив примется расспрашивать его о Пэрис. Едва ли он мог упрекнуть Кертиса в излишнем любопытстве, особенно после того, как детектив стал свидетелем их встречи.

Дин решил не рассказывать ничего, кроме того, что можно почерпнуть из его официальной биографии.

Они уже спускались по ступенькам на тротуар, когда Кертиса окликнули. Молодой полицейский бегом догнал их. Он извинился, пытаясь перевести дух.

– Простите, что задержал вас, сержант Кертис.

– Мы всего лишь идем обедать. Вы знакомы с доктором Мэллоем?

– Только заочно. Я с опозданием приветствую вас в управлении полиции Остина. Я Эдди Григс. – Он протянул руку. – Рад познакомиться, сэр.

– Спасибо, – поблагодарил Дин, и они обменялись рукопожатием. – Вы побеседуйте, а я подожду вон там, в тени.

– Я не думаю, что сержант Кертис будет возражать против того, чтобы вы услышали то, что я собирался сказать. Вы ведь вместе работаете над тем звонком. Мое сообщение касается именно его. Ну, то есть косвенно.

– Давайте все-таки отойдем в тень, – предложил Кертис.

Они подошли ближе к стене, чтобы укрыться в узкой по-

лоске тени, которую отбрасывало здание. Мимо по трассе проносились машины, но Григс говорил достаточно громко, чтобы его было слышно.

– Вы просили проверить тех, кто числится в розыске, – сказал он Кертису.

– Верно.

– Так вот, сэр... Вы знаете судью Кемпа?

– А что с ним такое?

– У него есть дочь, учится в старших классах, дикая, как мартовская кошка. Абсолютно отвязная девица, чего она только не вытворяет! Ее знают все патрульные, которые дежурят ночью. – Григс огляделся по сторонам и, понизив голос, продолжил: – Судья очень щедр к тем, кто привозит его дочь домой, а не в участок, и не заносит ее имя в протокол.

– Я представляю картину, – заметил детектив.

– Так вот, сегодня, – продолжал Григс, – судья обратился с просьбой к своему знакомому. Судья по всему, Джейни, так зовут его дочь, не была дома прошлой ночью. Всем дежурным полицейским дали ее приметы, а судья пообещал отблагодарить того, кто доставит ее домой.

Дин еще ни разу не встречал судью Кемпа, но слышал его фамилию. Во время беседы с одним из арестованных первой задачей доктора Мэллоя было разговорить его, чтобы он выдал своего подельника, более опасного преступника, все еще остававшегося на свободе.

Парень наотрез отказался сотрудничать с полицией.

– Мне плевать на их авансы, мистер.

На «их», а не на «твои», потому что Дину удалось убедить арестованного, что он на его стороне. Мэллой хорошо знал свое дело.

– Когда меня судили, все было подстроено! – разошелся парень. – Ты слышишь, что я говорю, мистер? Это судья давил на присяжных. Козел!

Его взгляд на судью мало чем отличался от точки зрения других осужденных. Кто же будет хорошо отзываться о человеке, который последним ударом своего молотка отправляет подсудимого за решетку?

В конце концов Дину удалось получить от него информацию о сообщнике, но парень продолжал поносить судью Кемпа. Судя по тому, что только что сказал Григс, тот человек не очень-то заблуждался.

Кертис сказал:

– Только в этом округе около сотни подростков не возвращаются домой вечером, и большая часть родителей об этом не подозревают. И это еще не самый высокий показатель.

Дин вспомнил о собственном сыне, который не раз доводил мать до истерики тем, что приходил только под утро.

– Согласен. Пока еще рано делать выводы по поводу этой девочки, особенно если она часто не ночует дома.

– Судья Кемп выйдет из себя, если его просьба окажется достоянием гласности, – с видимой неприязнью заметил Кертис. – Но все равно, спасибо, Григс, что дал нам знать.

Почему ты сегодня здесь так рано?

– Переработка, сэр. И потом, мне хотелось помочь Пэ-рис Гибсон. Вчера она выглядела такой встревоженной.

– Уверен, что она оценит твою расторопность.

Кертис снисходительно улыбнулся. Он определенно заметил то же, что и Дин. Парень просто потерял голову из-за Пэрис.

– Давайте дадим мисс Джейни Кемп несколько часов на то, чтобы протрезветь и найти дорогу домой, прежде чем мы свяжем ее исчезновение с тем человеком, который звонил Пэрис Гибсон.

– Слушаюсь, сэр. – Манеры молодого полицейского были по-военному четкими. Дин не удивился бы, если бы он отдал честь. – Приятного вам аппетита, сэр, и вам, доктор Мэллой.

Кертис зашагал вперед по тротуару, а Дин задержался, чувствуя, что у Григса есть еще что-то на уме. Если дело касалось Пэрис, то он хотел знать, что это такое.

– Простите, Григс. Если вас что-то тревожит, мы хотели бы услышать об этом.

Было очевидно, что молодой парень не хотел ставить в неловкое положение детектива и старшего по званию, тем более в присутствии доктора Мэллоя. И все же у него явно отлегло от сердца, когда Дин предложил ему высказаться.

– Дело в том, что эта девушка просто нарывается на неприятности, сэр. – Григс понизил голос до доверительного шепота. – Один из наших сотрудников, который работает

под прикрытием в школе, говорит, что она красивая и знает об этом. Просто милашка. Он говорит, что она его завлекла, да так, что он едва не забыл о своем значке. – У Григса покраснели уши. Даже кожа на голове под коротким ежиком волос стала розовой.

Пытаясь помочь ему справиться с неловкостью, Дин сказал:

– Ненавижу такие ситуации. Вот почему я никогда не работал под прикрытием.

Григс улыбнулся, словно обрадовавшись тому, что Дин такой же мужик, как и все остальные.

– Я хочу сказать, сэр, что Джейни могла сама спровоцировать опасную ситуацию.

– Флиртовала с опасностью и получила больше, чем ожидала? – спросил Дин.

– Что-то в этом роде, сэр. Если судить по тому, что мне о ней известно, она делает то, что хочет, когда хочет, и ни с кем не считается, даже с родителями. Отличная кандидатура для того, чтобы ей дали немного рогипнола, если она сама его не принимает. Если их пути с Валентино пересеклись и он сделал то, что собирался, то некоторое время об этом никто ничего не узнает. А это плохо.

Кертис спросил, искали ли Джейни Кемп там, где она обычно бывала.

– Так точно, сэр. Именно об этом просил судья. Все было сделано, разумеется, не привлекая внимания. Патрульные

смотрят, но сейчас лето, и «Секс-клуб» устраивает встречи почти каждую ночь. Место встречи меняется очень часто, чтобы наркоторговцы и родители...

– «Секс-клуб»? – переспросил Дин и посмотрел на Кертиса, ожидая объяснений. Детектив пожал плечами, и мужчины уставились на Григса.

Молодой полицейский снова занервничал, переступил с ноги на ногу.

– Вы ничего не знаете о «Секс-клубе»?

Пэрис вернулась домой обессиленная. Обычно в это время дня она только просыпалась. Она завтракала в то время, когда все остальные обедали. Но сегодня она выбилась из графика. Если она не поспит хотя бы несколько часов, ко времени начала передачи она будет похожа на зомби.

Но едва ли ей удастся заснуть после неожиданной встречи с Дином.

Она сделала себе сэндвич с ореховым маслом, хотя есть совершенно не хотелось, села у кухонного стола и положила на колени салфетку. За едой Пэрис просматривала почту.

Когда она взяла в руки бледно-голубой конверт со знакомым логотипом в верхнем левом углу, она замерла. Пэрис выпила целый стакан молока, словно оттягивая момент, когда надо будет открыть конверт.

Письмо было от администратора больницы «Мидоувью» Сэма Брикса. Вежливо, но твердо, не давая повода для дво-

якого толкования написанного, он просил ее забрать личные вещи бывшего пациента стационара для хронических больных покойного Джека Доннера.

«Так как вы не отвечали на мои неоднократные телефонные звонки, я могу предположить, что вы не получали этих сообщений. Ставлю вас в известность, что вещи мистера Доннера будут вывезены с территории больницы, если вы их не заберете».

Брике предлагал сделать это не позднее следующего дня. Он даже подчеркнул дату.

Пока Джек был пациентом этого учреждения, Пэрис знала по именам весь персонал больницы. Но теперь Сэм Брике обращался к ней, как к незнакомой. Он исчерпал все пределы терпения, потому что Пэрис игнорировала сообщения, оставленные им на ее автоответчике.

Пэрис не бывала в больнице с того самого дня, как умер Джек. За прошедшие полгода ей так и не хватило смелости вернуться туда, не говоря уж о том, чтобы забрать его вещи. За те семь лет, которые Джек провел в больнице, она бывала у него почти каждый день. Но после его смерти она не могла заставить себя вернуться.

И дело было не только в ее эгоизме. Пэрис не хотела вспоминать Джека на больничной кровати, беспомощного, словно младенца, не способного произнести ни слова, не способного самостоятельно есть. Он только занимал место и мог рассчитывать на помощь персонала, чтобы удовлетворить

все свои естественные нужды.

В таком состоянии Джек жил, вернее, существовал все последние семь лет. Он заслуживал лучшей памяти, чем подобные воспоминания.

Пэрис положила руки на стол и опустила на них голову. Закрыв глаза, она представила Джека Доннера таким, каким он был в день их первой встречи. Сильный, красивый, обаятельный, самоуверенный Джек...

– Так это ты та новенькая, что произвела настоящий фурор? – раздался у нее за спиной мужской голос.

Когда Пэрис повернулась к говорившему, ее поразила начальная улыбка парня. В ее закутке в зале службы новостей едва можно было повернуться. Все было завалено коробками, которые она распаковывала. Симпатичный громил не пожелал заметить, что бт его присутствия стало еще теснее.

Очень холодно она ответила:

– Да, я новенькая.

– О тебе только и говорят. Не заставляй меня повторять все, что я слышал, иначе против меня можно будет возбудить дело о сексуальном домогательстве.

– Я только что стала членом бригады новостей, если вы это имеете в виду.

– Очень успешной бригады, – поправил он. Его улыбка стала еще шире. – Или ты не обращаешь внимания на рекламу нашей службы?

– Вы из отдела рекламы?

– Нет, я возглавляю приветственный комитет. Вернее, я и есть приветственный комитет. В мои обязанности входит приветствовать всех вновь поступающих сюда на работу.

– Благодарю. Вы меня поприветствовали. А теперь не могли бы вы...

– Меня зовут Джек Доннер. – Парень протянул ей руку. Она ее пожала.

– Пэрис Гибсон.

– Хорошее имя. Настоящее или псевдоним?

– Настоящее.

– Не хотите пообедать?

В его смелости не было ничего оскорбительного. Она рассмееялась:

– Нет. Я занята. – Пэрис рукой указала на коробки. – Мне понадобится целый день, чтобы разобраться с этим. И потом, мы только познакомились.

– Ах да, верно. – Словно пытаюсь решить сложную задачу, Джек прикусил нижнюю губу. Он наверняка знал, насколько неотразимо при этом выглядит. Вдруг Джек просиял. – А как насчет ужина?

В тот вечер Пэрис не пошла с ним ужинать. Он приглашал ее еще три раза, но она отказывалась снова и снова. Следующие несколько недель она работала, выкладываясь на все сто процентов. Пэрис старалась быть в эфире как можно чаще, понимая, что только так она заставит аудиторию запомнить

ее имя, лицо и голос.

Пэрис мечтала стать ведущей вечернего выпуска новостей. Ей могло понадобиться около двух лет, чтобы этого добиться. Надо было многому научиться, доказать, на что она способна, но она считала себя вправе стремиться к вершине. Пэрис была слишком занята своей карьерой на телевидении Хьюстона, чтобы ходить на свидания.

А Джек Доннер был слишком уверен в себе, чтобы она могла не попасть под его обаяние. Этот приятный парень был по-американски красив и обладал неотразимым чувством юмора. Все женщины в здании, от девочек-стажерок до пожилой бухгалтерши, были от него без ума. Удивительно, но мужчины тоже относились к нему прекрасно. Джек Доннер был одним из лучших рекламных агентов, неоднократно становился лидером по продаже рекламного времени, и ни для кого не было секретом, что его готовят на роль управляющего.

– Это будет высокий пост, – признался Джек в разговоре с Пэрис. – Я хочу быть генеральным менеджером, и, кто знает, возможно, однажды у меня будет собственная станция.

У Джека определенно были и амбиции, и харизма, чтобы достичь всего, чего он хотел. Свидание с Пэрис стало его задачей номер один. В конце концов он уговорил ее, и она согласилась.

В тот первый вечер они отправились в китайский ресторан. Еда оказалась ужасной, обслуживание и того хуже, но

Джек смешил ее целый вечер, придумывая невероятные истории про каждого угрюмого официанта. С каждой выпитой рюмкой рисовой водки его истории становились все веселее.

Когда Джек развернул свое печенье с предсказанием, то свистнул.

– Послушай это. – Он сделал вид, что читает: – «Поздравляем. Вы несколько месяцев пытались соблазнить одну леди, и сегодня вам повезло».

Пэрис развернула свое печенье и достала предсказание.

– А в моем написано: «Не верь в свое везение».

– Ты не будешь спать со мной?

Она рассмеялась при виде его обескураженного лица.

– Нет, Джек, я не буду с тобой спать.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Но через четыре месяца свиданий она переспала с ним. Через шесть месяцев все на телевидении считали их парой. Перед Рождеством Джек сделал ей предложение, а перед Новым годом она согласилась.

В феврале шел снег. Хьюстон, где снег выпадал крайне редко, замер, и бригады новостей работали круглые сутки, рассказывая обо всем, что было связано с капризами погоды, от закрытия школ до состояния приютов для бездомных и многочисленных аварий на заснеженных дорогах. Пэрис отработала шестнадцать часов подряд, подкрепляясь еле теплым кофе, но успела сделать программу к сроку.

Когда она вернулась домой, Джек стоял на кухне и помещивал суп в кастрюле.

– Если бы я тебя раньше не любила, – сказала Пэрис, поднимая крышку кастрюли и втягивая носом удивительный аромат, – то сейчас я бы тебя непременно полюбила.

– Я буду готовить для тебя каждый вечер, если ты переедешь ко мне.

– Нет.

– Почему?

– Мы уже обсуждали это тысячу раз, Джек, – устало сказала Пэрис, снимая промокшие ботинки.

Он присел перед ней на корточки и принялся массировать холодные ступни.

– Давай все же поговорим об этом. Я все время забываю твои смехотворные аргументы. Я слишком возбуждаюсь, видя тебя, и мое внимание рассеивается. Разве тебя это не радует?

Она вытащила ногу из его теплых ладоней. Массаж придется отставить, если они снова станут обсуждать ее переезд к Джеку.

– Пока мы не поженились, я буду сохранять независимость. – Видя, что Джек готов начать спор, Пэрис добавила: – И если ты будешь на меня давить, я отложу свадьбу еще на полгода.

– Ты суровая женщина, Пэрис Гибсон, будущая миссис Доннер.

Они съели суп и допили бутылку вина, которую Джек открыл перед ее приходом. Он даже не попросил разрешения остаться на ночь, видя, насколько она измучена. И Пэрис была ему благодарна за его предупредительность.

Прощаясь у двери, Пэрис заметила, что снежные заносы, парализовавшие город, заметно уменьшились. Все их отснятые для новостей сюжеты будут никому не нужны, если снег станет так интенсивно таять.

– Слава богу, завтра суббота, – вздохнула Пэрис, прислоняясь к косяку. – Буду спать целый день.

– Только проснись к вечеру.

– А что у нас завтра вечером?

– Ты познакомишься с моим шафером.

Джек уже говорил ей, что его лучший друг, с которым они познакомились в колледже, вернулся в Хьюстон, получив какую-то там степень в каком-то университете. Пэрис толком не запомнила. Она знала только, что Джек очень обрадовался возвращению друга и не мог дождаться момента, чтобы их познакомить.

– Как ему нравится в управлении полиции? – поинтересовалась она, зевая.

– Еще пока рано говорить, но он думает, что ему понравится. Днем мы с ним попытаемся организовать игру в баскетбол в нашем спортивном клубе, пока ты будешь спать. Мы заедем за тобой около семи.

– Хорошо. – Пэрис уже собиралась закрыть дверь, но спо-

хватилась и крикнула вслед уходящему Джеку: – Прости, Джек, я забыла, как его зовут.

– Дин. Дин Мэллой.

Пэрис резко выпрямилась и тряхнула головой.

Она сидела в своей кухне, но ей потребовалось время, чтобы прийти в себя. Уйдя мыслями в прошлое, Пэрис задремала. Солнечные лучи, падавшие через окно, переместились влево. Руки затекли. Пэрис потрясла ими, но неприятное ощущение не проходило. Она потянулась к звонившему телефону. Именно он и разбудил ее.

По привычке она ответила:

– Говорит Пэрис.

8

– Эми, когда ты в последний раз была у зубного врача?

– Не помню. Несколько лет назад, наверное. Доктор Брэд-ли Армстронг сурово нахмурился:

– Это слишком большой срок, зубы надо проверять чаще.

– Я боюсь стоматологов.

– Ты просто не была у хорошего врача. – Он подмигнул ей. – До сегодняшнего дня.

Эми хихикнула.

– Тебе повезло, я нашел только одну дырку. Она маленькая, но надо поставить пломбу.

– Это больно?

– Больно? – Доктор изобразил удивление. – В этом кабинете боль – это всего лишь слово из четырех букв. – Армстронг похлопал юную пациентку по плечу. – Мое дело залечить твой зуб, а твое дело лежать спокойно и расслабиться, пока я буду это делать.

– Валиум мне точно помог. Я уже какая-то сонная.

– Это короткая процедура.

Ассистентка Армстронга договорилась с матерью Эми о том, что девочке дадут маленькую дозу успокоительного, чтобы снять тревогу и облегчить процедуру как для пациента, так и для доктора. Мать Эми должна была вернуться за ней через некоторое время, чтобы отвезти ее домой. А пока

у доктора Армстронга оказалось достаточно време – ни, чтобы разглядывать свою пациентку, пока та дремала в кресле.

Если верить записи в карте, Эми было пятнадцать, но она уже сформировалась. У нее были красивые сильные ноги. Короткая юбка позволяла оценить их достоинства.

Доктор Армстронг любил лето. Жара раздевала женщин.

Доктор с тоской думал о наступлении осени и зимы, когда женщины надевали ботинки, сапоги или закрытые туфли и напяливали плотные колготки. Юбки становились длиннее, плечи, обнаженные летом, скрывались под теплыми свитерами и куртками. В пользу свитеров Брэдли Армстронг мог сказать только одно: иногда они плотно облегли тело, и мысли о том, что они скрывают, очень возбуждали.

Эми глубоко вздохнула, и бумажная салфетка на груди сбилась на сторону. Брэдли захотелось приподнять ее, чтобы посмотреть на грудь молоденькой пациентки. Если девочка начнет протестовать, он всегда может сказать, что просто поправлял салфетку, и ничего больше.

Но Армстронг одернул себя. Сестра могла войти в кабинет в любую минуту, и в отличие от пациентки она не была одурманена валиумом.

Брэдли снова посмотрел на ноги Эми. Полусонная девочка чуть раздвинула колени. Интересно, носит ли она трусики? Мысль об их отсутствии воспламенила доктора.

Он подумал о том, девственница ли она. После четырнадцати девственниц почти не было. Если верить статистике,

то вполне вероятно, что Эми уже переспала с мужчиной. Она знает, чего ожидать от возбужденного мужчины. Она не будет шокирована, если...

– Доктор Армстронг! – Его привел в чувство голос ассистентки. – Ей уже можно вводить лекарство?

Он никогда не позволял произносить слово «укол». Брэдли сорвался с низкого стула, делая вид, что изучает рентгеновский снимок.

– Да, приступайте. Я начну работать через десять минут.

– У меня все будет наготове.

Армстронг сбросил резиновые перчатки и ушел в свой личный кабинет. Он плотно прикрыл за собой дверь. Его лицо горело. Сердце отчаянно стучало. Если бы не халат, ассистентка заметила бы его эрекцию. Если бы не ее своевременное появление, он бы натворил глупостей. Брэдли Армстронг не мог снова позволить себе этого.

Хотя в тот раз это была совершенно не его вина.

Та девочка, Саманта, трижды посещала его в течение двух месяцев. С каждым разом она становилась все раскованнее. Да что там, черт возьми, Саманта просто кокетничала с ним. Она отлично понимала, что делает. Девчонка провоцировала его, улыбалась ему, лежа в кресле. Разве это не было приглашением к тому, чтобы он ее погладил?

Но когда он это сделал, Саманта подняла жуткий крик. В кабинет вбежали ее родители, другие стоматологи и посетители клиники. А негодяйка стояла посреди кабинета и кри-

чала, обвиняя его.

Если бы ей было двадцать пять, на которые она выглядела, этим обвинениям не придали бы особого значения. Дело можно было бы замять. Но Саманте было четырнадцать. Армстронгу предложили оставить практику. На следующее утро, когда он пришел в свой кабинет, его партнеры встретили его у дверей и предложили подыскать себе другое место, вручив в качестве компенсации чек выписанный на сумму, равную его трехмесячной зарплате. Они сочли, что поступили с ним справедливо.

Лицемерные козлы!

Но на этом, увы, история не закончилась. Дело получило огласку. Родители девочки, не желавшие принимать во внимание то, что здоровый, гетеросексуальный мужчина просто ответил на заигрывания их суперсексуальной дочурки, подали иск против него, обвиняя в развратных действиях по отношению к ребенку. Ничего себе ребенок! Можно подумать, она не сама на это напросилась. Можно подумать, ей не понравилось, когда его руки скользили по ее бедрам.

Армстронга привели в суд, словно уголовного, и по совету своего бездарного адвоката он извинился перед торжествующей маленькой сучкой. Он признал себя виновным, чтобы получить легкий приговор. Ему назначили испытательный срок, и он дал обязательство посещать психотерапевта.

Но приговор суда в любом случае оказался мягче, чем реакция его жены, Тони.

– Это последний раз, Брэдли, – предупредила она.

А он-то считал, что они могут праздновать, раз он избежал тюремного заключения. Но нет, у его жены были другие планы. Она снова и снова возвращалась к обсуждению его «пагубного пристрастия».

– Еще одну такую историю мне не выдержать, – сказала тогда Тони. А потом еще несколько часов бубнила о его «деструктивном поведении».

Ладно, согласен, было еще несколько случаев, например, в той клинике, где он начинал работать. Он показал коллеге-стоматологу несколько фотографий. Кто мог знать, что эта стерва окажется такой верующей? Она, вероятно, считала, что дети должны рождаться на свет сразу с фиговым листком. Она распространила о нем такие кошмарные слухи, что он ушел по собственному желанию. Тони до сих пор этого не забыла.

В конце концов она заявила:

– Давай выясним все до конца, Брэдли. Я не согласна испытывать впредь нечто подобное. Я не позволю, чтобы из-за этого пострадали наши дети. Я люблю тебя, – со слезами на глазах прошептала она, – и я не хочу с тобой разводиться. Я не хочу разрушать нашу семью, наш дом. Но я уйду от тебя, если ты не обратишься за помощью и не справишься со своим пагубным пристрастием.

«Пагубное пристрастие», придумала тоже. Что делать, если он такой сексуальный? Что в этом плохого? Если послу-

шать ее, то он настоящий извращенец.

Но он себе не враг. Он понимал, что должен приспособиться к окружающему миру. Если общество ведет себя по-пуритански, значит, он должен играть по его правилам. Он должен идти по той дороге, которую указывают церковь и государство, а в этом вопросе они были едины. Один неверный шаг, и он мог оказаться не только грешником, но и преступником.

Даже легкий флирт с пациенткой мог обернуться для него крушением карьеры. Ему потребовалось восемь месяцев, чтобы найти себе работу в Остине, месяцы спустя после того, как кончились полученные деньги. Пришлось даже залезть в сбережения.

Эта клиника была не такой процветающей, как предыдущая. Его нынешние коллеги не были такими известными специалистами, как прежние, но работа оплачивала закладную на дом. И его семье понравилось в Остине. Здесь никто не знал, почему они переехали.

Долгие недели после того заседания суда Тони морщилась, стоило ему только к ней прикоснуться. Она продолжала спать с ним в одной постели, хотя он догадывался, что она делает это только ради детей.

В конце концов жена позволила ему обнять ее и поцеловать. А после того как руководитель их групповой терапии вручил ему «золотую звезду» за успешные шаги по пути к «выздоровлению», они снова начали заниматься любовью.

Тони выглядела вполне довольной... До той ночи, несколько дней назад, когда он повел себя неосмотрительно и пришел домой только под утро.

Тогда он выдумал довольно правдивую историю, и жена продолжала бы в нее верить, если бы накануне он снова не проштрафился. История с семинаром по налогам не прошла. Он действительно отправился на этот семинар, вписал себя в число участников, чтобы иметь подтверждение своего присутствия. Но он не собирался там оставаться и ушел во время первого перерыва, отсидев скучнейший час в своей жизни.

Ему досталось от жены. Утром Тони выпроводила детей из-за стола, отправила их наверх чистить зубы после завтрака и сразу же спросила:

– Где ты был ночью, Брэдли?

Никакого предисловия перед яростной, гневной, неожиданной атакой. И он, конечно, вышел из себя.

– Ты знаешь, где я был.

– Я не спала до двух часов ночи, а ты все еще не вернулся. Ни один семинар по налогам не может заканчиваться так поздно.

– Я задержался. Семинар закончился около одиннадцати. Я там познакомился с ребятами. Мы пошли выпить пива, поняли, что проголодались, заказали еду.

– Что за ребята?

– Не знаю. Просто ребята. Мы называли друг друга только по именам. Джо, кажется, сотрудник компании «Моторола».

Еще Грант или Грег, что-то в этом роде, он владелец трех магазинчиков. И еще там был...

– Ты лжешь! – воскликнула Тони.

– Спасибо, что ты во мне все время сомневаешься.

– Ты обманываешь меня, Брэдли. Я пыталась войти в твой кабинет вчера вечером, но дверь оказалась заперта.

Он резко встал, сердито оттолкнул стул, и тот проехал по полу, царапая его.

– Подумаешь, большое дело. Я ее не запираю. Это сделал кто-то из детей. Но что ты там искала, скажи на милость? Хотела найти улики против меня? Шпионила за мной?

– Да.

– Хорошо, что ты в этом призналась. – Он с шумом выдохнул, делая вид, что пытается взять себя в руки. – Тони, что с тобой происходит последнее время? Стоит мне уйти из дома, как ты устраиваешь мне допрос с пристрастием.

– Потому что ты стал часто уходить из дома, возвращаешься поздно, и, где ты проводишь все это время, мне неизвестно. Ты же ничего толком мне не говоришь.

– Я взрослый человек! Или мне не разрешается уходить и приходить, когда мне хочется? Может быть, я должен спрашивать у тебя разрешение всякий раз, когда мне захочется выпить пива? А когда мне захочется отлить, мне тоже прежде нужно позвонить тебе и спросить дозволения?

– Этот номер у тебя не пройдет, Брэдли. – Тони говорила с бесившим его спокойствием. – Я не позволю тебе устроить

скандал и не буду переживать из-за того, что я спросила, где ты гулял до утра. Отправляйся на работу. Ты опоздаешь.

Это были ее последние слова. Она вышла из кухни с гордо поднятой головой, будто шомпол проглотила.

Он не стал ее удерживать. Он слишком хорошо ее знал. Если она достигла этой степени праведного возмущения, то, что бы он ни делал, что бы ни говорил, ничего не помогало. Тони все равно будет дуться несколько дней. В конце концов она оттаает, но пока...

Черт побери! Ну разве не понятно, почему ему не хочется возвращаться домой сегодня вечером? Кому охота сидеть рядом со Снежной королевой? Если он не придет вечером домой, то в этом будет виновата Тони, а не он.

Как хорошо, что он нашел новый выход своему «пагубному пристрастию». Теперь ему доступен секс во всех его разновидностях. Думая о том, что теперь есть в его распоряжении, Армстронг улыбнулся.

Сунув руку под халат, он погладил себя. Ему нравилось оставаться в состоянии полувозбуждения, чтобы в течение дня иногда рассматривать фотографии в ящике стола. Если ему не мешали, он мог посещать любимые сайты в Интернете. Ему хватит пары минут. Некоторые люди пьют кофе, чтобы взбодриться. А он открыл нечто куда более стимулирующее, чем кофеин.

Впереди долгий день, но восхитительно само ожидание. Скорее бы наступил вечер!

Когда Пэрис вошла в комнату, ее уже ждали. Дин, Кер-тис и еще один незнакомый ей молодой человек встали. Они договорились встретиться в этом небольшом кабинете, где обычно допрашивали свидетелей или подозреваемых. Не слишком роскошно, зато конфиденциальность гарантирована.

Кертис подвинул ей стул, Пэрис кивком поблагодарила его и села. Солнечные очки она так и не сняла. Дин едва мог разглядеть ее глаза за серыми стеклами. Ему не хотелось думать о том, почему она их никогда не снимает.

– Я надеюсь, мы не причинили вам особых неудобств, попросив вернуться? – спросил Кертис.

– Я приехала, как только смогла.

Они все разом посмотрели на часы на стене. Было почти два часа дня. Никому не надо было напоминать, что прошло уже двенадцать часов из срока, отпущенного Валентино своей жертве.

Детектив представил третьего мужчину в комнате.

– Это Джон Рондо. Джон, познакомься с Пэрис Гибсон.

Она немного подалась вперед и протянула ему руку.

– Здравствуйте, мистер Рондо.

– Рад познакомиться с вами, мисс Гибсон. Я ваш большой поклонник.

– Приятно слышать.

– Я постоянно слушаю вашу передачу. Для меня честь познакомиться с вами лично.

Дин пристально посмотрел на офицера. Рондо был молод, хорош собой и аккуратен. Если судить по его бицепсам, парень интенсивно тренировался. Когда он смотрел на Пэрис, его лицо сияло, словно рождественская елка. Судя по всему, Джона Рондо, как и новичка Григса, Пэрис сразу же покорила. Дин подозревал, что детектив Кертис тоже не остался равнодушным.

Им все-таки удалось пообедать вместе. Дин и Кертис отправились в «Стаббс», достопримечательность Остина, ресторан, известный барбекю, пивом и живой музыкой. Он располагался всего в нескольких кварталах от управления полиции, поэтому машина им не потребовалась.

В обеденное время оркестр не играл, но голодные чиновники столицы штата и работники офисов выстраивались в очередь, чтобы заказать поджаренное на углях мясо, залитое острым соусом.

Решив не ждать, пока освободится столик, Дин и Кертис заказали по сэндвичу с рубленой говядиной. Они съели их, стоя в тени деревьев, Дин ждал, что Кертис начнет его спрашивать о Пэрис, но предполагал, что детектив не станет делать это напрямик. Но Кертис не стал искать никаких обходных путей.

– Что между вами и Пэрис Гибсон? Старая любовь? –

спросил он напрямик.

Возможно, именно прямота детектива помогала ему раскрывать дела. Он заставлял людей врасплох. Храня невозмутимость, Дин откусил кусок от своего сэндвича и только потом ответил:

– Это больше похоже на воду под мостом.

– Под этим мостом утекло много воды, я полагаю. Дин продолжал жевать.

– Не хотите говорить об этом? – не отставал детектив. Дин вытер рот бумажной салфеткой.

– Не хочу.

Кертис кивнул, словно подтверждая его правоту.

– Вы женаты?

– Нет, а вы?

– Я в разводе четыре года.

– Дети есть?

– Мальчик и девочка, они живут со своей матерью.

– Ваша жена снова вышла замуж? Кертис отпил глоток чая со льдом.

– Я не хочу об этом говорить.

На этом они закончили разговор о личном и снова принялись обсуждать дело Валентино, которое еще не было заведено официально, хотя они опасались, что придется. Но теперь Дин знал, что Кертис одинок, и понимал, что детектив не упустит возможности продемонстрировать свое рыцарское поведение перед Пэрис.

Мужчины всегда так относились к Пэрис. Она не была жеманной. Все то время, что они были знакомы, Дин ни разу не видел, чтобы она кокетничала. Она никогда не флиртывала, не привлекала к себе внимания намеренно, не одевалась провокационно. Она не делала ничего такого. Просто это была Пэрис.

Хватало одного взгляда, чтобы мужчинам хотелось смотреть на нее не отрываясь. Пэрис не могла похвастаться фигурой с пышными формами, как Лиза. Напротив, ее фигура оставалась по-мальчишески угловатой. Пэрис была намного выше среднего роста. Ее волосы, светло-каштановые с выгоревшими на солнце прядями, казались по-мальчишески взъерошенными, что было, на взгляд Дина, очень сексуально. Но этого было недостаточно, чтобы привлечь интерес мужчин.

Возможно, их привлекал ее крупный рот. Женщины идут на болезненные инъекции коллагена, чтобы добиться того, чем Пэрис наградила природа. Или дело было в ее глазах? Господь свидетель, они были потрясающими. Голубые, бездонные, манящие, зовущие изведать их глубину. Но теперь они все время скрывались за темными очками.

Но юному Джону Рондо явно было на это наплевать. Он буквально не отводил от Пэрис взгляда.

– Вы уже что-нибудь узнали? – спросила она.

– Да, но мы пока не знаем, важно ли это. – Пэрис обраща-

лась к Кертису, но ответил ей Дин, вынуждая взглянуть на него, чего Пэрис прилежно избегала с того момента, как переступила порог кабинета. – Мы собрались, чтобы обсудить это.

Кертис вмешался в разговор:

– Рондо работает в отделе, который занимается компьютерными преступлениями.

– Я не понимаю, – сказала Пэрис, – какое отношение компьютерные преступления имеют к тому, что вы попросили меня сделать?

– Мы объясним это чуть позже, – ответил Кертис. – Вы правы, на первый взгляд эти вещи совершенно не связаны между собой, и возможно, так оно и есть.

– С другой стороны, – добавил Дин, – существует вероятность, что именно этот элемент поможет увязать все остальное воедино. Мы это и пытаемся выяснить. Ты принесла кассеты?

Он кивком указал на ее сумку.

– Да. Здесь тысяча минут записанного материала.

– Значит, когда поступает звонок, система его автоматически записывает? – спросил Кертис. – Так вы отслеживаете звонки и не позволяете непристойностям попасть в эфир?

Пэрис улыбнулась:

– Некоторые пытаются наговорить гадостей. А так у меня есть возможность стереть разговор или выпустить его в эфир.

– Как вы переводите запись на кассету? – задал вопрос Дин.

– Один из инженеров решил оказать мне любезность и придумал для этого особое устройство. Периодически он сбрасывает – это его выражение, не мое – записи с устройства на кассеты.

– Зачем?

Пэрис пожала плечами:

– Может быть, это ностальгия. И потом, чем больше разговоров будет записано, тем более удачную демонстрационную пленку я сумею сделать.

– Понятно. Но какими бы ни были причины вашего поступка, я рад, что у вас есть эти записи, – заметил Кертис.

– Я надеюсь, вы понимаете, что при перезаписи теряется качество, – предупредила Пэрис. – Эти пленки уже не такие четкие, как оригинал.

– Это не имеет значения, – успокоил ее Дин. – Качество нам понадобится позже, если будет необходимо определить голос. Сейчас нам необходимо выяснить, был ли звонок, на который ссылается Валентино, или он все это выдумал.

– Если еще не слишком поздно, – негромко заметила Пэрис.

Судя по выражению лиц собравшихся мужчин, они все подумали о том же.

– Вы можете вспомнить звонок, подобный тому, о котором говорил Валентино? – задал вопрос Кертис.

– Мне кажется, я его нашла. Я не переставала думать об этом после нашей утренней встречи. Я припоминаю, что похожий разговор произошел три дня назад. По дороге сюда я слушала нужную кассету в машине и сделала на ней маркировку.

Дин нашел кассету среди остальных, вставил ее в магнитофон и нажал на клавишу «пуск». «Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис.

– О чем вы хотите нам рассказать?

– Видите ли, несколько недель назад я познакомилась с парнем. Мы просто запали друг на друга. То есть, вы понимаете, между нами было все очень, очень, очень горячо. (Хихиканье.) Ну, типа, экзотика.

– Для семейного шоу нам эти детали просто необходимы. (Снова хихиканье.)

– Но мне нравится быть и с другими парнями тоже. И вот теперь он все время меня ревнует. Просто в собственника превратился, представляете?

– Вы хотите перевести отношения на другой уровень?

– То есть вы спрашиваете, люблю ли я его? Нет, конечно.

Мы просто повеселились вместе, вот и все.

– Но он может понимать ваши отношения иначе.

– Тогда это его проблема. Я просто не знаю, что мне с ним делать.

– Если вы чувствуете, что не можете больше с ним быть, возможно, вам следовало бы прекратить встречаться. Как

можно быстрее, но как можно менее болезненно. Было бы жестоко с вашей стороны держать человека при себе, если ваше сердце ему больше не принадлежит.

– Ладно, спасибо».

– Вот и все, – сказала Пэрис, – на этом она повесила трубку.

Дин выключил магнитофон. Несколько секунд в комнате стояла тяжелая тишина, потом все заговорили разом. Кертис дал слово Пэрис.

– Я собиралась сказать, что этот звонок мог не иметь никакого отношения к Валентино. Получался довольно глупый разговор. Я пустила звонок в эфир, потому что девушка была очень возбуждена. Я догадалась по голосу, что она очень молоденькая. Моя аудитория – это в основном люди среднего возраста. Мне всегда хотелось привлечь более молодых слушателей, поэтому, когда мне звонит молодежь, я всегда даю звонок в эфир.

– Вы записали номер телефона?

– Я проверила нашу систему. Там отмечено, что номер телефона не определен.

– А другие слушатели отозвались на этот разговор?

– Да, все записано. Некоторые предложили интересные выходы из положения. Других я поблагодарила за звонок, но не пустила их высказывания в эфир, а потом стерла запись. Я не помню, чтобы на этой неделе говорила с кем-нибудь еще о разрыве отношений, даже вне эфира. Но я каждую ночь го-

ворю с десятком людей. Моя память не дает абсолютно верного ответа.

– Вы не будете возражать, если мы ненадолго оставим эти пленки у себя? – спросил Кертис.

– Они ваши. Я сделала дубликат.

– Сколько времени потребуется, чтобы все прослушать?

– Боюсь, несколько часов. Я взяла записи за последние три недели. Это пятнадцать программ, но, разумеется, большую часть звонков я стерла.

– Я найду человека, который все прослушает и проверит, не было ли похожих звонков.

– Валентино позвонил в тот вечер?

– Когда я разговаривала с девушкой? Нет. Он всегда называл свое имя. Вчера я услышала его впервые после долгого молчания. В этом я абсолютно уверена.

Кертис встал.

– Спасибо, Пэрис. Мы ценим вашу помощь.

Он явно вознамерился проводить ее до выхода, но она осталась сидеть. Кертис замялся.

– Что-то еще?

Дин понял, почему Пэрис не хочет уходить. В ней проснулся репортер. Она хотела узнать всю историю целиком и не собиралась останавливаться на полпути.

– Полагаю, Пэрис хочет знать, что происходит, – сказал Дин.

– Это так. – Она кивнула. Кертис уклонился от прямого

ответа.

– Это дело полиции, – заметил он.

– Для вас это так, но для меня это мое личное дело, сержант. Особенно, если окажется, что кто-то из моих знакомых называет себя Валентино. Я чувствую себя ответственной за происходящее.

– Ты ни за что не отвечаешь. – Голос Дина прозвучал резче, чем ему хотелось. Все посмотрели на него. – Если этот Валентино реальное лицо, то он психопат. Он бы все равно сделал нечто подобное, поговорил он с тобой или нет.

Кертис согласился с ним:

– Мэллой прав, Пэрис. Если этот парень вбил себе что-то в голову, то он бы все равно сорвался раньше или позже.

– Вы просто были его аудиторией, мисс Гибсон, – раздался голос Рондо.

– Именно поэтому ты единственное связующее звено между нами и им. – Дин посмотрел на Кертиса, все еще стоявшего за стулом Пэрис. – Вот почему, как мне кажется, Пэрис имеет право знать, что происходит.

Кертис нахмурился, потом взглянул на Пэрис и заговорил с присущей ему прямоотой:

– Нам стало известно о том, что пропала одна девушка. Вероятно, пропала.

– Вероятно?

Дин смотрел на Пэрис, пока она слушала Кертиса, вкратце пересказывавшего сведения о судьбе Бэрде Кемпе и его доче-

ри Джейни. Мэллой уже знал все это, поэтому просто смотрел на Пэрис, не сводившей внимательного взгляда с детектива.

Очевидно, она имеет большую аудиторию на радио, но не жалеет ли она о своей карьере репортера? Как актер привыкает к гриму, так и телевизионщики не мыслят жизни вне телевидения.

Пэрис была такой естественной, она легко завоевала доверие зрителей своими яркими честными репортажами. Ей хватило ума понять, что зрители будут воспринимать ее как пустышку, проложившую себе дорогу через постель, если она будет слишком кокетливой или вычурной. Если бы Пэрис впала в другую крайность, то ее сочли бы стервой, пробивающей себе дорогу локтями.

Невесте его лучшего друга Джека удалось создать свой собственный образ. Она была достаточно активной, но ни разу не пожертвовала своей женственностью. Пэрис могла бы подняться по карьерной лестнице так высоко, как захотела бы сама.

Если бы она только захотела.

Негромкое восклицание молодой женщины заставило Дина Мэллоя вернуться к действительности.

– О девушке никто ничего не знает в течение суток, а ее родители только сейчас начали беспокоиться?

– Трудно в это поверить, верно? – заметил Дин. – Они не заявили о ее исчезновении официально. О других пропав-

ших пока тоже никто не заявлял. Это может быть простым совпадением, но мы с Кертисом считаем, что исчезновением Джейни Кемп следовало бы заняться.

Пэрис задумалась на минуту.

– А если окажется, что звонила эта самая Джейни?

– Вот почему мы попросили тебя принести пленки, – объяснил Дин. – Девушка назвала свое имя?

– Нет, к сожалению. Ты же слышал запись. И ее имя мне ни о чем не говорит. Если бы я недавно слышала имя Джейни или фамилию Кемп, я бы запомнила. Слишком мало данных для начала расследования.

– Мы тоже так думали. Пока не услышали о «Секс-клубе», существующем в Интернете.

– О чем? Рондо оживился:

– Вот почему я пришёл. – Он посмотрел на Кертиса, словно спрашивая разрешения продолжать.

Кертис пожал плечами.

– Давай рассказывай, иначе Пэрис сама все начнет раскапывать.

Рондо оживленно начал:

– Этот сайт существует пару лет. Джейни Кемп была одной из... основательниц, я бы так сказал. Сначала это был просто сайт для общения местных подростков. Они использовали только свои прозвища и адреса электронной почты. Со временем послания стали более откровенными, темы изменились, пока сайт не стал таким, какой он теперь. Это пер-

сональные колонки в Интернете. Так сказать, флирт в киберпространстве.

– Флирт? – возмутился Дин. – Послания, которыми они обмениваются, больше похожи на порнографию.

Молодой полицейский засмутился:

– Я не хотел шокировать мисс Гибсон.

– Она достаточно взрослая, и здесь не воскресная школа. – Дин смотрел на Пэрис. – Единственной целью «Секс-клуба» является приглашение к сексу. Детишки пишут, что они сделали и что хотели бы сделать с подходящим партнером. Если появляется желание побыть наедине с кем-то, они уходят на чат и говорят друг другу непристойности. Приведу пример. – Дин открыл папку и вынул листок, который он распечатал с компьютера в кабинете Кертиса.

Пэрис прочитала написанное, явно удивленная, потом подняла глаза и сказала:

– Но они всего лишь дети.

– В основном ученики старших классов, – подсказал Рондо. – Каждый вечер они собираются в условленном месте. Это огромная тусовка.

– Один из способов развлечения – найти человека, основываясь только на его прозвище, угадать, кто есть кто, – сказал Кертис.

– И если пара, болтавшая в чате, находит друг друга, то они занимаются сексом, – продолжил за него Дин.

– Или нет, – поправил его Рондо. – Иногда им не нравит-

ся то, что они видят. Вероятный партнер не соответствует ожиданиям. Или появляется кто-то лучше. Никто никого ни к чему не принуждает.

– Ребята из отдела компьютерных преступлений первыми обнаружили этот сайт. А поскольку пользователи не достигли совершеннолетия, то они обратили на него внимание наших людей, так как детская порнография и сексуальные действия в отношении детей попадают в сферу деятельности нашего отдела. – Кертис сложил руки на мощной груди. – Это важное расследование, на которое мы можем бросить большие силы.

– Это хорошая новость, – заметил Рондо. – Плохо то, что остановить их фактически невозможно.

Пэрис покачала головой, не веря своим ушам.

– Хочу убедиться, что я правильно все поняла. Девушки, подобные Джейни Кемп, идут в условленное место и встречаются с совершенно незнакомыми молодыми людьми, которым они обещали через Интернет заняться сексом.

– Вы не ошиблись, – подтвердил Рондо.

– Они что, не в своем уме? Неужели они не понимают, какому риску подвергаются? Если при встрече выяснится, что их собеседник совсем не похож на Бреда Питта, и они не захотят провести с ним время, то они окажутся в распоряжении мужчины, которого распалили и который явно этим разочарован. И это меньшее, что о нем можно сказать.

– Едва ли они в чем-то распоряжении, мисс Гибсон, –

спокойно сказал Рондо. – Мы же говорим не о монашках. Это же проститутки. Они часто заставляют мужчин платить за секс с ними.

– Они просят денег?

– Не просят, а требуют, – ответил Рондо. – И получают их, и поверьте, немало.

В комнате повисло тягостное молчание. Наконец Кертис заговорил:

– Пэрис, нас тревожит то, что членом этого так называемого клуба может стать любой. Чтобы узнать пароль и получить доступ на этот сайт, достаточно несколько раз нажать на клавишу «мыши». А это означает, что любой сексуальный маньяк, любой извращенец будет знать, где ему искать следующую жертву.

– И более того, – добавил Дин, – его жертва скорее всего добровольно пойдет с ним. Преступнику не придется прилагать лишних усилий.

– Это очень тревожный факт, независимо от того, имеет это отношение к Валентино или нет, – согласилась с ними Пэрис.

– Но мы заранее обречены на поражение, – заявил Рондо. – Мы уничтожаем сайты с детской порнографией, но вместо одного появляется десяток новых. Мы работаем вместе с ФБР, с государственным комитетом по борьбе с преступлениями против детей в Интернете. У нас работы выше головы. Так что подростки, обменивающиеся непристойностями

по электронной почте, это – наименьшая из наших забот.

– Это все равно что выписывать штраф за переход улицы в неполюженном месте, когда по городу разъезжают шайки бандитов и стреляют друг в друга, – усмехнулся Кертис.

– А как насчет родителей Джейни? – поинтересовалась Пэрис. – Они знают об этом клубе?

– Кемпы немало намучились с дочерью, – ответил ей Кертис. – Ее не раз задерживали за нарушение общественного порядка, но, вероятно, даже они не подозревают о подлинном размахе ее деятельности. Мы не хотели тревожить их, заявив о возможной связи между ее исчезновением и звонком Валентино, пока у нас нет достаточной информации. Мы надеялись, что ваши пленки нам помогут.

– Но они пролили не слишком много света, верно? – предположила Пэрис. – Мне жаль.

В дверь негромко постучали, и в комнату заглянул еще один детектив.

– Прости, что прерываю, Кертис, но для тебя есть сообщение.

Сержант извинился и вышел из комнаты. Пэрис посмотрела на часы:

– Если я больше ничем не могу вам помочь, то мне пора... Рондо буквально сорвался со своего стула, чтобы проводить Пэрис.

– Когда вам надо быть на радиостанции, мисс Гибсон?
– К половине восьмого. И, прошу вас, называйте меня Пэ-

рис.

– А долго вы готовитесь к программе?

– Я сама выбираю музыку и отбираю необходимые диски, располагаю их в нужном порядке. Другая служба заранее размещает рекламу. Но большая часть моей программы – это импровизация. Я ведь никогда не знаю заранее, какую песню попросят исполнить слушатели. Правда, я могу сразу же дать ее в эфир, потому что программа выбора песен у нас компьютеризирована.

– Вы волнуетесь, когда выходите в эфир? – продолжал свои расспросы Рондо.

Пэрис рассмеялась и тряхнула головой. Ее волосы рассыпались по плечам, от этого Пэрис стала только привлекательнее.

– Я слишком давно работаю, чтобы нервничать.

– Вы сами управляете оборудованием?

– Если вы говорите о контрольной панели, то да. И еще я сама отвечаю на телефонные звонки. Я предпочитаю сама за всем следить.

– Когда вы только начинали, вам пришлось многому учиться заново?

– Да, я училась, но, честно говоря, вы наверняка знаете куда больше о работе компьютера, чем я о радиоволнах.

Скрытый комплимент явно был приятен Рондо. На его лице появилась смущенная улыбка.

– Вам не скучно работать в одиночестве?

– Нет. Я люблю музыку. И слушатели не дают мне расслабиться. Каждая программа не похожа на другие.

– А вы не чувствуете себя одинокой?

– Откровенно говоря, мне это очень нравится.

Не дав возможности Рондо задать очередной вопрос, Дин вмешался в разговор:

– Я провожу тебя к выходу, Пэрис. Когда они выходили, Пэрис сказала:

– Я хотела бы быть в курсе событий. Пожалуйста, попросите сержанта Кертиса позвонить мне, когда ему будет что-либо известно о пропавшей девушке.

Она обращалась к Рондо. Просила позвонить сержанта Кертиса, а не его, Дина. Подчеркнутое игнорирование его было очевидным, и это здорово разозлило Дина. Он был таким же полицейским, как сержант Роберт Кертис. И более того, он был старшим по званию.

Дин потянулся к ручке двери, чтобы открыть ее, когда та вдруг распахнулась, и перед ними предстал Кертис. Он был заметно краснее обычного. Его жидкие светлые волосы, казалось, стояладыбом.

– Мы получили то, что хотели, – объявил он. – Каким-то образом судебный хроникер узнал, что полиция ищет Джейни Кемп. Он обратился с вопросом к судье, когда тот возвращался после перерыва. Его честь очень недовольны.

– Жизни его дочери угрожает опасность, а Кемп беспокоится об откликах в прессе? – воскликнула Пэрис.

– Меня это тоже удивляет, – поддержал ее Дин. – Мне плевать, доволен судья или нет.

– Отлично. У вас будет возможность сказать ему об этом в лицо. Шеф приказал нам немедленно встретиться с Кемпом и пригладить его перышки.

Пэрис подъехала к дому судьи Кемпа следом за сержантом Кертисом. Они вышли из машин одновременно. Прежде чем Кертис успел сказать что-либо, она его опередила:

– Я иду вместе с вами.

– Это дело полиции, мисс Гибсон.

Если он обратился к ней по фамилии, это значило, что он еле сдерживается. Но Пэрис не собиралась сдаваться.

– Я начала все это, когда сегодня утром приехала к вам. Если я никогда больше не услышу о Валентино и его звонок окажется блефом, то я принесу глубочайшие извинения лично вам, всей полиции Остина и семье Кемп. А если это не блеф, то я такой же участник, как вы и родители Джейни. Следовательно, я имею право с ними поговорить.

Детектив посмотрел на Дина, словно спрашивая у него совета, как поступить с этой упрямой женщиной. Но тот только пожал плечами:

– Вам решать, Кертис. Пэрис умеет разговаривать с людьми, в этом она профессионал.

Комплимент из уст опытного, специально обученного переговорщика оказался неожиданным. Кертис думал лишь секунду, потом неохотно проворчал:

– Ладно, согласен, только я не могу понять, зачем вам впутываться в это дело еще больше, чем вы уже впутались.

– Я не впутывалась. Меня впутал Валентино, – огрызнулась Пэрис.

Пэрис и Дин пошли следом за Кертисом. Она сказала очень тихо, чтобы ее слышал только Дин:

– Спасибо, что поддержал меня.

– Не стоит благодарности. Едва ли нас ожидает теплый прием.

Высокие двери дома открылись в ту же секунду, как они ступили на лестницу. Судья Бэрд Кемп, высокий, утонченный и даже красивый, с мрачной гримасой уставился на Кертиса, которого, очевидно, знал.

– Я изо всех сил стараюсь, чтобы никто ничего не узнал, а что позволяет себе полиция? Вы притащили в мой дом полицейских! Что происходит, скажите на милость? И кто эти люди?

Надо отдать Кертису должное, он хорошо держался, хотя его лицо и шея побагровели.

– Судья Кемп, разрешите представить вам доктора Дина Мэллоя. Он психолог в нашем управлении.

– Психолог? – ухмыльнулся судья.

Дин не стал протягивать судье руку, заранее зная, что ответного жеста не будет.

– А это Пэрис Гибсон, – Кертис кивком указал на нее. Если ее имя и было знакомо судье Кемпу, он не подал виду. Быстро оглядев женщину, он уставился на Кертиса.

– Это вы пустили слух о том, что моя дочь пропала?

– Нет, судья, я этого не делал. Это сделали вы. Вы сами позвонили полицейскому, который у вас на жалованье, и велели ему начать поиски.

На лбу Кемпа выступила жила.

– Я уже сказал вашему шефу, что требую немедленно выяснить, кто в ответе за разглашение, хотя все было в высшей мере преувеличено. А он послал ко мне вас, психолога и... – Он бросил взгляд на Пэрис. – Еще неизвестно кого. Зачем вы здесь, черт побери?

– Ради всего святого, Бэрд. – Из дома вышла женщина и суровым взглядом призвала судью к сдержанности. – Не могли бы мы продолжить разговор в доме, где нас никто посторонний не услышит? – Она обвела приехавших непроницаемым взглядом и холодно произнесла: – Вы не хотите войти?

Пэрис и Дин последовали за Кертисом. Их провели в вычурно и богато обставленную гостиную. Декоратор не пожалел выделенных ему средств на парчу, позолоту и гобелены.

Судья решительным шагом подошел к столику с напитками, налил в рюмку из хрустального графина и залпом выпил. Миссис Кемп присела на элегантную ручку дивана, словно не собиралась задерживаться надолго.

Кертис остался стоять, он выглядел настолько же неуместным в этой гостиной, как пожарный гидрант.

– Миссис Кемп, Джейни дала о себе знать? Женщина посмотрела на мужа и только потом ответила:

– Нет. Но когда наша дочь вернется домой, ее ждут боль-

шие неприятности.

Пэрис подумала о том, что серьезные неприятности могли быть у Джейни именно сейчас, но промолчала.

– Она ведь подросток, что вы хотите! – Судья по-прежнему стоял, свирепо глядя на них, словно собирался приговорить их всех к двадцати годам каторжных работ. – Подростки всегда нарушают установленные правила, но когда это делает моя дочь, то любые мелочи попадают на первые страницы газет.

– Неужели вы не понимаете, что отрицательные отзывы в прессе только усугубляют ситуацию? – Голос супруги судьи звучал возмущенно.

Для кого? Пэрис изумилась тому, что миссис Кемп так обеспокоена ненужной рекламой, вместо того чтобы думать в первую очередь об исчезновении дочери. Важно, что будет с девочкой, а не что об этом будут говорить.

Кертис все еще старался быть дипломатом.

– Судья, я пока не знаю, кто в департаменте полиции говорил с этим репортером. Вполне вероятно, мы никогда об этом не узнаем. Виновный не выйдет вперед и не признается, а репортер будет защищать своего осведомителя. Я предлагаю забыть сейчас об этом и...

– Вам легко говорить.

– Совсем нелегко, – сказал Дин, и его тон был настолько властным, что все обернулись к нему. – Я бы очень хотел, чтобы мы втроем пришли к вам только затем, чтобы прине-

сти извинения за допущенную ошибку, за разглашение информации, за ложную тревогу. К сожалению, мы пришли к вам по иному поводу. Вашей дочери может грозить серьезная опасность, вот почему мы здесь.

Миссис Кемп соскользнула с ручки дивана на подушки. Судья раскачивался на каблуках взад и вперед.

– Что вы имеете в виду? Откуда у вас такие сведения?

– Возможно, мне следует рассказать, почему я пришла к вам, – вмешалась в разговор Пэрис.

Глаза судьи превратились в щелочки.

– Как ваше имя? Я забыл. Это вы школьный надзиратель, который не давал нам покоя весь прошлый учебный год?

– Нет. – Пэрис еще раз назвала себя. – Я веду программу на радио. Она идет по рабочим дням с десяти вечера до двух ночи.

– Радио?

– О! – воскликнула миссис Кемп. – Пэрис Гибсон. Ну конечно. Джейни слушала вашу передачу.

Пэрис переглянулась с Кертисом и Дином, прежде чем снова повернуться к судье, которому явно было ничего не известно ни о ней, ни о ее шоу.

– Мне звонят слушатели, иногда я даю их звонки в эфир, – пояснила она.

– Ток-шоу на радио? Кучка левых радикалов, болтающих о том о сем и ни о чем конкретно.

Судья Кемп был на редкость несимпатичным человеком.

Пэрис давно не сталкивалась с подобными типами.

– Нет, – ровным голосом ответила она. – Это не то, что вы подумали. – Она попыталась рассказать ему о своей программе, но Кемп прервал ее:

– Я все понял. Так в чем дело?

– Иногда наши слушатели рассказывают о своих личных проблемах.

– Совершенно незнакомому человеку?

– Я не чужой человек для моих слушателей.

Судья изогнул седеющую бровь. Он определенно не привык к тому, чтобы ему противоречили или поправляли его. Но Пэрис не интересовала реакция человека, о котором у нее уже сложилось не лучшее мнение.

Судья Кемп еще раз продемонстрировал свои дурные манеры и, не дослушав Пэрис, повернулся к Кертису:

– Я все же не понимаю, что в моем доме делает диджей.

– Полагаю, это поможет вам понять. – Детектив достал портативный магнитофон и поставил его на кофейный столик. – Позвольте включить?

– Это еще что? – вскинулся судья.

– Сядь, Бэрд! – резко приказала миссис Кемп. Пэрис заметила злой взгляд женщины. До нее, кажется, начала доходить вся серьезность ситуации. – Что на пленке? – спросила миссис Кемп Кертиса.

– Мы хотим, чтобы вы послушали. Возможно, вы узнаете голос вашей дочери.

Судья недоуменно посмотрел на Пэрис:

– Джейни вам звонила? Зачем?

Пэрис не ответила, промолчали и все остальные. Зазвучали голоса на пленке:

«Видите ли, я познакомилась с этим парнем несколько недель назад».

Пэрис заметила, что Дин неотрывно наблюдает за миссис Кемп. Ее реакция была очевидной, но было это от того, что она узнала голос, или от описания коротких, но таких горячих отношений?

Когда пленка закончилась, Дин наклонился к миссис Кемп:

– Это голос Джейни?

– Похож на ее. Но она редко говорит с нами так оживленно, поэтому точно определить трудно.

– Что скажете вы, судья? – поинтересовался Кертис.

– Я не могу быть на сто процентов уверен. Но какая, черт побери, разница, она это или нет? Мы знаем, что Джейни заводит себе приятелей. Она перелетает от одного к другому с такой скоростью, что мы не успеваем уследить за ней. Наша дочь весьма общительная девица. Но я не могу понять, в чем проблема?

– Мы очень надеемся, что проблемы нет, – ответил Кертис. – Но это может быть связано со звонком другого слушателя программы мисс Гибсон. – Говоря это, детектив поменял кассету. Прежде чем нажать на «пуск», он обратился к

миссис Кемп: – Я заранее прошу прощения, мэм, за грубые выражения, которые есть в этой записи.

Они прослушали ее в молчании. К тому времени, когда Валентино пожелал Пэрис спокойной ночи, судья отвернулся к окну. Миссис Кемп зажала рот ухоженной рукой.

Кемп подошел к Пэрис и спросил ее:

– Когда вы получили этот звонок?

– Вчера ночью перед самым концом эфира. Я сразу же позвонила в 911.

Кертис продолжил ее рассказ и ввел Кемпов в курс дела:

– Джейни единственная, кого объявили пропавшей.

Если это она звонила Пэрис раньше, то Валентино мог говорить о ней.

– Если бы я услышал подобные доказательства в суде, я бы немедленно отверг их.

– Вы, судья, вероятно, так бы и поступили, но я этого сделать не могу. – Голос Кертиса звучал твердо. – После того как репортер обрушился на вас с вопросами, вы отменили неофициальные поиски дочери, и я вас понимаю. Но вы, сэр, должны знать, что пока мы с вами разговариваем, патрульные усилили поиски, наши сотрудники проверяют все возможные варианты.

Судья выглядел так, словно вот-вот взорвется.

– И кто за это отвечает?

– Я, – сказал Дин. – Я рекомендовал это, и сержант Кертис со мной согласился.

Миссис Кемп повернулась к Дину: – Простите меня, нас не представили. Я не знаю, кто вы. Мэллой назвал свое имя и должность и еще раз объяснил, почему принимает участие в этом деле.

– Вполне вероятно, что все это окажется блефом, миссис Кемп. Но пока мы не знаем этого наверняка, мы должны принимать слова позвонившего всерьез.

Женщина неожиданно встала.

– Кто-нибудь хочет кофе?

И прежде чем ей успели ответить, миссис Кемп стремительно вышла из комнаты. Судья выругался сквозь зубы.

– Неужели в этом была необходимость? – спросил он Дина.

Тот едва сдерживался. Пэрис заметила, как Дин напрягся, когда он обратился к судье:

– Я от всего сердца надеюсь, что у вас будет повод подать на меня официальную жалобу. Я надеюсь, что ваша дочь танцующей походкой войдет сюда, и я буду выглядеть полным идиотом. И тогда у вас будет возможность требовать моего увольнения. Но пока ваша грубость непростительна, а ваше упрямство граничит с глупостью. Этот Ва-лентино дал нам семьдесят два часа, и вы истратили из них двадцать минут, потому что ведете себя по-идиотски. Я предлагаю нам всем забыть о гордости и заняться поисками вашей дочери.

Дин и судья смотрели друг на друга. Никто не хотел уступить в этом молчаливом противоборстве воли. Кертис от-

кашлялся и спросил:

– Когда вы видели Джейни в последний раз, судья? Кемпу явно стало легче, потому что появился предлог отвести глаза от Дина.

– Вчера, – резко ответил он. – Во всяком случае, Мэриан видела ее вчера. Во второй половине дня. Вчера вечером мы поздно вернулись домой. Мы подумали, что Джейни у себя в комнате. Только сегодня утром выяснилось, что она не ночевала дома. – Он сел и перекинул ногу на ногу, но его беззаботная поза выглядела искусственно. – Я уверен, что она со своими друзьями.

– У меня сын возраста Джейни, – обратился к нему Дин. – С ним нелегко. Иногда может показаться, что мы с ним ненавидим друг друга. Если не считать обычных взлетов и падений, которые всегда бывают в отношениях с подростками, вы можете сказать, что вы в хороших отношениях с дочерью?

Казалось, судья готов выпалить, что его отношения с дочерью Дина не касаются. Но он взял себя в руки и ответил:

– С ней было достаточно трудно временами.

– Она возвращалась позже, чем следовало? Экспериментировала с алкоголем? Общалась с ребятами, которые вам не нравились? Вы понимаете, я говорю, исходя из собственного опыта.

Дин сознательно поставил себя и судью на одну плоскость, и это помогло преодолеть барьеры, выставленные Кемпом. Кергис обрадовался такому повороту событий и не вмеши-

вался.

– Всего понемногу, – признался судья и повернулся к Пэ-рис: – Сержант Кертис сказал, что этот дегенерат уже звонил вам раньше.

– Да, был звонок от человека, назвавшегося этим именем.

– Вам что-нибудь известно о нем?

– Нет.

– Вы не имеете представления, кто бы это мог быть?

– К сожалению, ни малейшего.

– Вы намеренно провоцируете такую откровенность ваших слушателей?

Вопрос застал Пэрис врасплох. Но прежде чем она сумела подобрать слова для ответа, вмешался Дин:

– Пэрис не может нести ответственность за действия тех, кто слушает ее программу.

– Спасибо, Дин, но я сама способна себя защитить. – Она с высоко поднятой головой встретила враждебный взгляд судьи. – Меня совершенно не волнует, что вы думаете обо мне и моей программе, судья Кемп. Мне не требуется ваше одобрение, и я его не жду. Я здесь только потому, что первая услышала угрозы Валентино, и я разделяю тревогу доктора Мэллоя. Я уважаю его мнение и как психолога, и как криминалиста. Детективные способности сержанта Кертиса трудно переоценить. Было бы весьма разумно с вашей стороны при-слушаться к тому, что они вам говорят.

А моя точка зрения основывается на многолетнем опы-

те. Мне звонили люди в самом разном эмоциональном состоянии. Они говорили со мной и сквозь смех, и сквозь слезы. Они делились со мной радостью, горем, печалью, душевной болью, восторгом. Иногда они мне лгали. Обычно я могу понять, когда слушатели обманывают меня, когда они лишь изображают чувства, надеясь произвести на меня впечатление. Иногда они идут на это, надеясь, что такой спектакль заставит меня дать их звонок в эфир. – Пэрис указала на магнитофон. – Валентино даже намеком не дал мне понять, что хочет, чтобы я дала его звонок в эфир. Он позвонил не для этого. Он хотел сообщить о своем поступке мне. Я думаю, что он готов сделать то, о чем говорил – Вы можете оскорблять меня, если вам от этого легче, но что бы вы мне ни говорили, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь полиции вернуть вашу дочь в целостности и сохранности.

Гнетущую тишину, повисшую в комнате после слов Пэрис, нарушило появление Мэриан Кемп. Казалось, она намеренно выбрала время.

– Я решила, что всем придется по вкусу чай со льдом.

За ней в гостиную вошла горничная с серебряным подносом. На нем стояли высокие стаканы с напитком, куда были добавлены лимон и свежая мята. Каждый стакан стоял на вышитой льняной салфетке. К серебряной сахарнице с кусточками сахара прилагались тонкие серебряные щипчики.

Как только все взяли чай и горничная вышла, Кертис поставил свой стакан на кофейный столик.

– Есть еще кое-что, о чем вы должны знать, – обратился он к Кемпам. – У вашей дочери есть компьютер?

– Она от него не отходит, – ответила Мэриан.

Судья и его жена слушали в напряженном молчании, пока Кертис рассказывал им о «Секс-клубе». Когда он закончил, Кемп требовательно поинтересовался, почему его супруга должна была выслушивать все эти непристойности.

– Потому что нам необходимо проверить компьютер Джейни.

Кемп запротестовал. Они с Кертисом пустились в яростное обсуждение процедуры изъятия улики, неприкосновенности личной жизни и грубого нарушения прав личности.

В конце концов Дин не выдержал:

– Неужели безопасность вашей дочери не выше требований закона? – Его восклицание заставило спорящих замолчать, и он воспользовался этой возможностью: – Нам необходимо скопировать все, что есть на жестком диске в компьютере Джейни.

– Я этого не позволю, – отрезал судья. – Если нечто подобное этому «Секс-клубу» и существует, то моя дочь не имеет к нему никакого отношения.

– Искать сексуальные отношения с незнакомыми людьми... – Мэриан Кемп передернула плечами. – Омерзительно.

– И с точки зрения родителей это не может не пугать, – обратился к ней Дин. – Но я бы предпочел быть информи-

рованным, чем незнающим, а вы?

Судя по всему, они были другого мнения, понял Дин, когда ни судья, ни миссис Кемп ему не ответили.

– Мы не хотим нарушать ничью личную жизнь, ни вашу, ни вашей дочери, но ее компьютер может помочь найти ее.

– Каким образом? – поинтересовался судья.

– Он может рассказать нам о ее друзьях и знакомых, о которых вы не знаете, о людях, которые отправляли ей послания по электронной почте.

– Если вы найдете что-то противоправное, то это не будет иметь никакой силы в суде, потому что вы получили эти сведения в обход закона, – поспешил заявить Кемп.

– Тогда о чем вам беспокоиться?

Судья попался в ловушку, которую сам себе устроил, и понял это. А Дин продолжал:

– Если у Джейни есть записная книжка с адресами электронной почты, в чем я практически уверен, мы можем послать всем адресатам сообщение с просьбой связаться с вами, если они видели ее или что-то слышали о ней.

– С тем же успехом мы с ее матерью можем объявить всему миру, что не способны уследить за нашей дочерью.

Дину не нравились эти люди, но у него не хватило духа озвучить очевидный факт. Если бы Кемпы ладили со своей дочерью или лучше следили за ней, ни он сам, ни Кертис не сидели бы теперь у них дома.

– Ее друзья узнают адрес и прочитают письмо, – продол-

жал Мэллой. – Мы подпишем письмо вашим именем, никто не узнает, что его посылала полиция. Мы пообещаем всем, кто что-то знает о Джейни, полную анонимность.

– Миссис Кемп, – мягко сказала Пэрис, – электронная почта намного эффективнее полицейских, прочесывающих город в поисках Джейни. И потом, молодые люди начинают нервничать при приближении полицейских, даже если они не сделали ничего плохого. Друзья Джейни не захотят разговаривать о ней с полицейскими. А по электронной почте, вполне возможно, ответят.

Это было убедительно, да и произнесла это Пэрис своим неподражаемым голосом. Миссис Кемп бросила выразительный взгляд на мужа и обратилась к Пэрис:

– Я провожу вас в ее комнату.

Судя по всему, приглашение относилось только к Пэрис. Она встала и направилась следом за хозяйкой дома.

Не говоря ни слова, судья развернулся и вышел из комнаты.

Кертис хлопнул себя по колену и поднялся.

– Все прошло хорошо, как думаете? Дин усмехнулся этому замечанию:

– Я полагаю, его честь считает себя выше этого неприятного дела.

– Держу пари, что Кемп уже звонит начальнику департамента полиции и устраивает ему разнос по поводу нового психолога.

– Мне все равно. Я готов подписаться под каждым своим словом и, если потребуется, повторю все снова.

– Мне приходилось давать показания в суде, когда он председательствовал. Я выступал и на стороне защиты, и на стороне обвинения. Но полагаю, в следующий раз, когда я окажусь на месте свидетеля, мои показания будут дискредитированы. – Кертис провел рукой по редеющим волосам. – Я выйду на улицу, позвонить. Проверю, нет ли новостей.

Дин прошел за ним в холл.

– Я подожду Пэрис.

– Думаю, вам следует это сделать, – усмехнулся Кертис.

У Дина не нашлось удачного ответа на эту шпильку, он промолчал. Сунув руки в карманы брюк, он принялся осматривать холл. Пол был выложен гладкими мраморными плитами, в которых отражалась хрустальная люстра. Свет играл на полированной поверхности двойных консолей, стоявших друг против друга в просторном холле.

Над одним из столиков висел портрет Мэриан Кемп, написанный маслом. С противоположной стены на нее смотрела босая девочка лет семи в летнем платьице из легкой белой материи. Художнику удалось изобразить, как солнечные лучи пронизывают ее белокурые локоны. Ребенок был похож на ангела в своей беззащитности и невинности.

В боковом кармане завибрировал сотовый телефон. Дин проверил, кто ему звонит, и увидел номер Лизы. Он не ответил, сказав самому себе, что момент для этого неподхо-

дящий. Она уже дважды звонила, и оба раза ему казалось неловким ответить.

Дин услышал шаги на лестнице, приглушенные толстым ковром. Он поднял голову и увидел спускавшихся Пэрис и Мэриан. Пэрис еле заметно кивнула ему. Подойдя ближе, она передала ему дискету. Дин сунул ее в карман.

– Спасибо, миссис Кемп.

Хотя она и согласилась им помочь, ее отношение к ним, похоже, не изменилось.

– Я провожу вас, – сухо сказала жена судьи. Миссис Кемп распахнула дверь, увидела размалеванную девицу, разговаривавшую с сержантом Кертисом, и не удержалась от восклицания:

– Мелисса? Я думала, ты в Европе.

Услышав свое имя, девушка повернулась к ним. Она была высокой, стройной и скорее всего красивой, если бы не косметика, щедро наложенная на лицо.

– Привет, миссис Кемп. Я только что вернулась.

– Это подруга Джейни? – спросил Дин у Мэриан Кемп.

– Это ее лучшая подруга, Мелисса Хэтчер.

Рядом с машиной Пэрис стояла последняя модель «БМВ» с откидным верхом, но по одежде девушки никто бы не догадался, что она из состоятельной семьи. С коротко обретенных джинсовых шортов был срезан еще и пояс, так что они чудом удерживались на бедрах. Два крошечных сапфира сверкали в проколоте пупке. Ворот и рукава на футболке

были вырезаны настолько сильно, что ни для кого не было секретом, что под ней больше ничего не надето.

Полосатые гольфы выглядели не по-летнему плотными, а черные ботинки до щиколотки больше подошли бы серьезному путешественнику или наемнику, знающему свое дело. Но сумочка, свисавшая с плеча Мелиссы, оказалась от «Гуччи», что совершенно не сочеталось со всем ее видом.

– Ты говорила с Джейни после возвращения? – спросила миссис Кемп.

– Нет, – ответила Мелисса. – Этот тип уже задавал мне этот вопрос. Что случилось? – Девушка явно была удивлена.

– Джейни не вернулась домой вчера вечером.

– Ну и что? Она, вероятно, засела у кого-нибудь. Вы же знаете. – Девушка пожала плечами, и футболка съехала с одного из них. Она с вызовом посмотрела на Дина.

– Вы не могли бы назвать нам кого-нибудь из ее друзей? Мелисса повернулась к Кертису, задавшему этот вопрос, и удивленно переспросила:

– Зачем?

– Нам нужны имена тех людей, у которых Джейни могла остаться ночевать.

– Вы сбрендили? – Мелисса покрутила пальцем у виска.

Детектив отвернул полу пиджака и показал свой жетон, прикрепленный к поясу.

– Вот дерьмо! – воскликнула девица. – Что она натворила?

– Пока ничего, насколько нам известно.

– Джейни может угрожать опасность, Мелисса. – Пэрис спустилась по ступенькам и направилась к девушке.

Та с любопытством уставилась на нее:

– Опасность? Какая опасность? Вы тоже коп?

– Нет, я работаю на радиостанции. Меня зовут Пэрис Гибсон.

Мелисса открыла рот от изумления.

– Не гоните! Это типа шутка, да?

– Нет.

– Ничего себе! – Ее радость была, вероятно, самой искренней из всех ее эмоций, которые она продемонстрировала за последние несколько месяцев. – Ничего себе, клево! Я слушаю ваше шоу. То есть когда не слушаю диски. Но иногда нет настроения их слушать, ну вы знаете. Так что я включаю вашу программу. Иногда музыка там у вас отстойная, но вы просто классная, супер!

– Спасибо.

– И мне нравятся ваши волосы. Это вы перышки сделали, да?

– Мелисса, ты не знаешь, Джейни не звонила мне на передачу?

– Звонила, точно. Пару раз. Но это с месяц назад. Мы звонили по ее сотовому и говорили с вами, но мы себя не называли, и вы не пустили нас в эфир. И это было здорово, потому что мы как следует накачались, и вы, наверное, это просекли.

Пэрис улыбнулась девушке:

– Может быть, в следующий раз вам повезет больше.

– А недавно Джейни не звонила Пэрис? – поинтересовался Дин. Темные глаза, обведенные черным карандашом, уставились на него. Пэрис представила его как доктора Мэлоя. Он протянул Мелиссе руку.

Его вежливый жест словно поставил ее в затруднительное положение, но она пожала протянутую руку.

– И что вы за доктор?

– Психолог.

– Психолог? Господи, что Джейни сделала? У нее пере-доз или что?

– Мы не знаем. От нее нет известий уже сутки. О ней волнуются родители и мы тоже.

– Вы? И вы тоже коп?

– Да, я работаю в полиции.

– Гм-м.

Мелисса обвела их подозрительным взглядом, и Дин почувствовал, как она насторожилась. Она больше не станет с ними разговаривать, Дин в этом не сомневался. Несмотря на то что она поклонница Пэрис Гибсон, ее верность на стороне подруги. Мелисса ничего не скажет о Джейни.

– Я вам уже сказала, что я ничего не слышала о Джейни и не знаю, у кого она может быть. Я только что вернулась из Франции. Я не спала уже часов тридцать, поэтому я еду домой, чтобы отоспаться. Когда Джейни появится, скажите ей, что я приехала. Ладно, миссис Кемп?

Ее сумочка описала большую дугу, Мелисса развернулась и направилась к машине. Она уже собралась открыть дверцу, когда вдруг развернулась, хлопнула себя ладонью по лбу, сверкнув камнями многочисленных колец.

– Черт побери! До меня только что дошло! – Она ткнула пальцем в Дина. – Понятно, почему вы такой клевый. Вы же отец Гэвина!

– Просыпайся, соня!

Джейни открыла глаза. Он наклонился к ней, его лицо было очень близко, дыхание согревало ей кожу. Он поцеловал ее в лоб. Она жалобно застонала.

– Ты скучала без меня?

Когда она кивнула, он рассмеялся. Он ей не поверил, и правильно сделал. Потому что при первой же удобной возможности она убьет этого ублюдка.

Джейни постаралась сыграть в искренность, демонстрируя полную покорность. Этот псих хотел поиграть, хотел, чтобы она умоляла его, хотел подчинить ее себе.

Что ж, отлично! Она будет для него послушной игрушкой до того момента, как он повернется к ней спиной. Тогда она разmozжит ему голову.

– Это еще что такое? – Он заметил мокрое пятно на простыне и укоризненно поцокал языком.

Да, она обмочилась. А чего он ждал? Он оставил ее здесь одну на черт знает сколько времени. Она терпела до тех пор, пока могла, но в конце концов у нее не осталось другого выхода.

– Тебе придется перестелить постель, – сказал он. *«Отлично, я перестелю постель. Только развяжи меня, дай мне свежую простыню, я и задушу тебя ею»*, – подумала Джейни.

ни.

Он пробежал пальцами по ее спутанным волосам.

– От тебя пахнет потом и мочой, Джейни. А чем это ты тут занималась? – Его взгляд обежал комнату, пока не остановился на стене над кроватью. – Ага. Стена поцарапана. Ты раскачивала кровать взад и вперед, чтобы спинка билась о стену, верно?

Проклятие! Джейни действительно надеялась, что шум подействует на нервы соседей. Она надеялась, что монотонный стук выведет их из себя и они потребуют прекратить безобразие. Соседям бы никто не открыл, и они отправились бы к управляющему, чтобы тот проверил, откуда доносится этот грохот.

Люди нашли бы Джейни, сообщили бы ее отцу, а уж он бы проследил, чтобы этого козла отправили куда подальше. Его бы заперли в камеру в подвале тюрьмы и позволили бы всем психам-заключенным навещать его каждый день.

Ее мечты об освобождении И мести рассеялись как дым, когда он отодвинул кровать от стены.

– Этого мы допустить не можем, Джейни. – Он снова наклонился к ней и поцеловал ее в лоб. – Прости, что нарушаю твой симпатичный план, дорогая.

Она посмотрела на него с отчаянием, и это не было притворством. Джейни умоляюще застонала.

– Тебе надо в туалет? Джейни кивнула.

– Хорошо. Но ты должна пообещать мне, что не попыта-

ешься убежать. Ты только сделаешь себе больно, а мне не хочется причинять тебе боль.

– Обещаю. – Она еле смогла выговорить это слово под ужасной пленкой, залепившей ей рот.

Сначала он развязал ей ноги. Джейни думала, что как только он освободит ее, она начнет отбиваться, но, к своему ужасу, обнаружила, что онемевшие ноги плохо слушаются ее. Когда Джейни встала, колени у нее подломились.

Он развязал ей запястья, потом поднял на руки и донес до ванной комнаты. Опустив ее на пол около унитаза, он поднял крышку и потом осторожно помог ей сесть.

Джейни дотронулась до клейкой ленты на губах.

– Можешь ее снять, – разрешил он, – но, если ты закричишь, ты об этом пожалеешь.

И Джейни ему поверила. Было очень больно отдирать ленту, но как только рот Джейни освободился, она несколько раз глубоко вздохнула.

– Прошу тебя, дай мне воды. – Ее голос был еле слышен.

– Сначала сделай все здесь.

Он даже не собирался выходить! У Джейни на глазах выступили слезы.

– Выйди и закрой дверь. Он нахмурился:

– Брось, твоя стыдливость просто нелепа. Поторопись, пока я не передумал, а не то тебе снова придется лить под себя.

Делать было нечего. Какие еще унижения он придумает? Потом она снова попросила пить.

– Разумеется, Джейни, но только после того, как поменяешь постельное белье. Ты оставила после себя такой беспорядок.

Она умирала от жажды, но покорно сняла мокрые простыни, постелила сухие. Закончив эту несложную работу, она еле переводила дух. На лбу от слабости выступил холодный пот.

Он усадил ее в кресло и достал из холодильника пластиковую бутылку с водой. Джейни надеялась, что он даст ей стакан. Она могла бы разбить его и вонзить осколок уроду в горло. Если бы ей только хватило сил! Она чувствовала невероятную слабость, неожиданную даже для человека, пролежавшего связанным долгие часы. Неужели накануне он дал ей наркотики? А что он добавил в воду сейчас?

Но Джейни уже было все равно. Она так хотела пить, что жадно выпила почти всю бутылку.

– Ты хочешь есть? – Да.

Он сделал сэндвич с сыром и скормил его ей, отламывая небольшие кусочки и кладя ей в рот. Она подумала о том, чтобы укусить его за пальцы, но одна рука у него все равно осталась бы свободной. Джейни не забыла оплеуху, от которой перед глазами поплыли круги и в ушах зазвенело.

Но с каким наслаждением она вонзила бы зубы в его плоть, чтобы потекла кровь. Увы, в ее нынешнем состоянии это было невозможно, он намного сильнее. Удовлетворение окажется мимолетным, а последствия такого поступка

– ужасными. Пока ей придется сдерживаться, не сердить его, а тем временем думать о способах спасения.

Когда Джейни доела сандвич, он похвалил ее:

– Такой ты мне нравишься, Джейни. – Он погладил девушку по волосам и пальцами попытался распутать их. – Твоя покорность очень возбуждает. – Он сжал ее соски. – Ты становишься такой желанной.

Он отвернулся только на мгновение, чтобы взять фотоаппарат, свой проклятый фотоаппарат. Именно фотоаппарат и навел ее на мысль о том, что он особенный. Ну да, конечно, ни на кого не похожий извращенец. Теперь Джейни ненавидела этот фотоаппарат. Больше всего на свете ей хотелось схватить его и колотить по ненавистному лицу.

Она была слишком напугана, чтобы сопротивляться, когда он заставил ее позировать для непристойных фотографий. Джейни решила, что будет умолять его, пообещает ему деньги, поклянется, что она никогда никому ничего не расскажет, если только он отпустит ее. Но, возможно, у нее будет больше шансов уговорить его, если она еще раз сделает то, что ему хочется.

Поэтому она лежала на кровати и исполняла все его приказы. Когда он закончил снимать, у нее не было сил даже поднять голову. Теперь Джейни не сомневалась, что мучитель снова накачал ее наркотиками.

Джейни с трудом повернула голову и с ужасом смотрела, как он достает из ящика бобину с клейкой лентой.

– Нет, – прохныкала она, – прошу тебя, не надо.

– Мне очень неприятно делать это, Джейни, но ты шлюха.

Твоя любовь – это грязная любовь. Ты нечестна со мной. Тебе нельзя доверять. Ты обязательно будешь кричать, я знаю.

– Клянусь, я не буду этого делать.

Он позволил ей произнести эти слова, и лента снова залепила ей рот. На этот раз он такой же лентой прикрутил ее запястья и щиколотки к столбикам кровати, замотав так плотно, что она даже не могла пошевелиться.

Потом он опустился на нее и удовлетворил свое желание.

Потом он принял душ, оделся. Стоя возле кровати, он невозмутимо застегивал ремень.

– Ты плачешь, Джейни? Почему? Ты же всегда была проституткой.

Он сунул мокрое белье в мешок для стирки, взял ключи. Он был почти у двери, когда вдруг щелкнул пальцами и повернулся к ней.

– Чуть не забыл. У меня для тебя сюрприз.

Он достал из кармана аудиокассету и вставил ее в плеер.

– Это я записал вчера ночью. Думаю, тебе покажется интересным.

Он нажал на клавишу «пуск», послал ей воздушный поцелуй, вышел и запер дверь снаружи.

После тридцати секунд молчания из колонок донесся звонок телефона. Он звонил достаточно долго, а потом Джейни услышала знакомый голос.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис. Это Валентино. Так его зовут Валентино?

Это было ее первой мыслью, потому что она сразу же узнала его голос. Обычно он разговаривал иначе, но таким полупшепотом он обращался к ней в постели. Она считала это забавным. Он понижал свой голос, почти шептал, словно обещал сделать что-то грязное. Что он обычно и делал.

Но теперь, когда она слышала этот голос в стереофоническом звучании, у нее по коже побежали холодные мурашки.

Джейни слушала, как он рассказывал Пэрис их историю. Она часто-часто дышала носом, словно зачарованная, смотрела на плеер. Сначала она слушала с тревогой, а потом с ужасом. Когда он рассказал Пэрис Гибсон, что собирается с ней сделать, она начала кричать, насколько ей позволяли заклеенные липкой лентой губы.

Но, разумеется, ее никто не слышал.

Тони Армстронг появилась в стоматологическом кабинете мужа почти перед самым концом рабочего дня. Один из его коллег-дантистов остановился, чтобы поболтать с ней. Он извинился, что все еще не пригласил их с Брэдли на ужин, хотя давно собирался это сделать. Они договорились о том, что скоро согласуют день.

Тони поняла, что пока Брэдли еще удастся соблюдать внешние приличия. Она будет делать то же самое, пока смо-

жет.

Когда она вошла в его приемную, секретарша явно удивилась ее приходу.

– Я оставила детей с няней и хочу пригласить мужа на незапланированный ужин в ресторане, – объяснила Тони.

– Мне жаль, миссис Армстронг, но доктор Армстронг ушел пару часов назад.

Она надеялась, что в глазах этой женщины ее тревога выглядела всего лишь как разочарование.

– Ну что ты будешь делать! Сюрприз не удался. Муж не сказал вам, куда он идет?

– Нет, но я уверена, что он взял с собой свой сотовый телефон.

– Я ему позвоню. Скажите, я не задержу вас, если поговорю из его кабинета?

– Нет, что вы! Мне еще надо заполнить карты перед уходом.

Так как Брэдли стал работать в клинике совсем недавно, ему отвели самый маленький кабинет. Тони приложила максимум усилий, чтобы сделать его уютным. Она подобрала одинаковые рамки для его дипломов и степеней, и они хорошо смотрелись на стене. На полках у письменного стола рядом с книгами по медицине стояли семейные фотографии. На столе все было в полном порядке.

Тони оставалось только надеяться, что все здесь на самом деле так невинно, как выглядит.

Присев у письменного стола, она начала поиски. Все ящики оказались запертыми, но она предполагала это и вооружилась заранее. Согнутая под нужным углом шпилька отлично заменила ей ключи.

Она на самом деле пригласила на вечер няню, это было правдой. Она привела в порядок ногти, сделала прическу и оделась специально, чтобы удивить Брэдли и предложить ему поужинать в городе. Ей хотелось помириться с ним после утреннего разговора.

Весь день Тони думала об их ссоре. Брэдли ушел из дома ужасно разозленный. Она была не только сердита, но и опечалена. Уборка дома, готовка и множество других домашних забот занимали все ее время. Но она не могла не думать об их утреннем разговоре и о возможности, пусть и минимальной, что Брэдли говорил правду.

Ну вдруг Брэдли действительно был на семинаре, а потом засиделся в баре с новыми знакомыми?

Возможно, Тони искала неприятности на пустом месте. Если муж не обманывал ее, то каково ему было объясняться с ней, зная заранее, что она ему не поверит и предположит худшее.

Существовала ничтожная вероятность того, что он все-таки был на семинаре, а потом пошел выпить пива. Чтобы не разрушать семью, она должна была верить в лучшее.

Поэтому после обеда Тони решила сделать приятный сюрприз, протянув своего рода оливковую ветвь. Она заказала

столик в итальянском ресторане, где Брэдли хотел побывать. Они бы провели вечер вдвоем, вдали от дома и от детей, выпили бы бутылочку вина, а дома занялись бы любовью. Тони надеялась заслужить прощение мужа и оставить неприятный эпизод в прошлом.

Но его не оказалось на рабочем месте. Он ушел без объяснений и не сказал, куда направляется. Все повторялось снова. Это было знакомое поведение, понятный сигнал, и происходящее оправдывало обыск в столе мужа.

Спустя несколько минут ее опасения полностью подтвердились. В самом нижнем ящике под бумагами она нашла стопку порнографических снимков. Среди них были и расплывчатые, и очень четкие, некоторые из наиболее непристойных фотографий были явно сделаны фотографом-любителем.

Брэдли снова поддался своей пагубной страсти. Как и все рабы привычки, в периоды обострения он мог совершить необдуманый поступок, как, например, показать эти снимки коллеге или оскорбить действием несовершеннолетнюю пациентку.

И одному господу известно, что еще он мог вытворить.

Когда Дин вошел в холл, первое, что он увидел, – мокрые плавки сына на полу. Гэвин полулежал на диване в гостиной и щелкал клавишами пульта дистанционного управления, переключаясь с одного телевизионного канала на другой. Вокруг бедер у него было обмотано полотенце, волосы были еще влажными.

– Привет, Гэвин.

– Привет.

– Ты плавал в бассейне?

Не отрывая глаз от экрана, сын ответил:

– Нет, мне просто нравится сидеть в полотенце.

– Когда понесешь мокрое полотенце в сушилку, подними плавки с пола.

Гэвин пробежался еще по нескольким каналам. Дин снова обратился к нему:

– Прими душ, а потом мы поедем ужинать.

– Я не голоден.

– Прими душ, а потом мы поедем ужинать, – повторил

Дин чуть громче.

– А если я этого не сделаю, то ты снова меня ударишь, так?

Дин бросил на сына выразительный взгляд, давая понять, что его терпение на исходе. Гэвин выключил телевизор, бросил пульт на диван и вышел из комнаты. На полдороге он

сдернул с себя полотенце, продемонстрировав отцу голую задницу. И Дин мысленно выставил ему высокую оценку за изобретательность и многозначительность жеста.

Не дожидаясь согласия Гэвина, Дин отвез его в ресторан. Гэвин дулся, односложно отвечал на все вопросы отца, пытавшегося завести разговор.

Когда им принесли заказанные блюда, Дин спросил, поджарен ли бургер Гэвина так, как тот любит.

– Все отлично.

– Я виноват в том, что мы редко ужинаем дома, и прошу за это прощения.

– Мне плевать. Ты готовишь омерзительно. Дин улыбнулся:

– Не стану спорить. Думаю, что ты скучаешь без маминого соуса к спагетти и тушеного мяса в горшочках.

– Точно.

– Но тебе всегда больше нравились пицца и бургеры. Гэвин тут же занял оборону и мрачно поинтересовался:

– А что в этом такого?

– Ничего. Я в твоём возрасте питался точно так же. Гэвин выразительно фыркнул, давая понять, что, с его точки зрения, подобные продукты питания не могли существовать в столь далекие времена. Дин сделал еще одну попытку:

– Сегодня я встретился с моей давнишней приятельницей. Ты помнишь Пэрис Гибсон?

– Ты что, считаешь меня дебилом? – немедленно после-

довал ответ сына в сопровождении мрачного взгляда.

– Это было очень давно, ты был еще совсем ребенком. Я не думал, что ты ее помнишь, – примирительно произнес Дин.

– Разумеется, я помню и Пэрис и Джека. Они собирались пожениться, но потом он погиб.

– Он не погиб, он выжил. Джек умер всего несколько месяцев назад.

– Да ну? А она сейчас работает на радио. Дин удивился:

– Так ты знал об этом?

– Все об этом знают. Она популярна.

– Да, конечно, у нее есть своя аудитория. Пэрис говорила мне, что хочет привлечь более молодых слушателей. Ты когда-нибудь слушал ее программу?

– Иногда слушаю, не каждую ночь, правда. – Гэвин обмакнул жареную картошку в кетчуп. – Ты ей позвонил или что?

– Гм, нет. Накануне ей позвонил какой-то псих, из ее слушателей.

– Не врешь?

– Пэрис сообщила об этом в полицию. Детектив, к которому она обратилась, решил, что мне стоит подключиться к этому делу.

– Детектив? Все так плохо?

– Очень плохо.

Дин знаком подозвал официантку и попросил принести Гэвину еще колы. Для человека, который не хочет есть, его

сын в рекордное время справился со своим чизбургером.

– И принесите нам еще порцию картошки и пару чизбургеров, – попросил Дин, отлично зная, что даже если Гэвин не наелся, то ни за что не признается в этом. – Кстати, – обратился он к сыну, – я видел сегодня твою подружку, – словно между делом заметил Дин.

– У меня нет здесь подружек. Все мои друзья остались в Хьюстоне, где, как тебе известно, я жил раньше, пока моя мать не вышла замуж за этого козла.

«Так, началось», – подумал Дин.

– Она долго жила одна, Гэвин.

– Ну да, потому что ты с ней развелся.

– Забавно! Вчера вечером ты сказал, что это она развелась со мной. В общем-то, ты прав в обоих случаях. Мы оба согласились на развод, потому что знали, что так будет лучше.

– Мне все равно. – Гэвин вздохнул и со скучающим видом отвернулся к окну.

– Ты не думаешь, что у твоей матери есть право быть счастливой?

– Кто может быть счастливым с ним?

Выбор Патрисии не произвел благоприятного впечатления и на Дина тоже. Ее муж был довольно вялым, настолько тусклым, что с ним не о чем было даже разговаривать. Но они были влюблены друг в друга.

– Ну что поделаешь, если он человек неэнергичный? Разве нельзя порадоваться за мать? Она полюбила того, кто ис-

кренне любит ее.

– Да рад я, рад, я просто вне себя от радости, доволен? Мы можем теперь поговорить о чем-нибудь другом?

Дин мог бы напомнить Гэвину, что тот сам начал разговор на эту тему, но счел за благо промолчать. Подошедшая официантка принесла их дополнительный заказ.

– Что-нибудь еще?

Она обращалась к Гэвину, а не к нему, и Дин впервые попытался взглянуть на сына глазами молодой женщины. С чувством отцовской гордости Дин отметил, что Гэвин хорош собой. Каштановые волосы немного вились, это он унаследовал от матери. Дин часто тайком любовался ими, потому что Гэвин – хвала Создателю – не обрился наголо и не перекрасился в какой-нибудь невероятный цвет.

Глаза Гэвина орехового цвета были очень выразительны. Ростом он был выше шести футов, хотя парень сутулился и это было незаметно. У него была хорошая фигура и грация прирожденного атлета.

Дин улыбнулся официантке:

– Спасибо, больше ничего не нужно. – Когда она отошла, Дин заметил: – А она хорошенькая.

Гэвин равнодушно проводил ее взглядом:

– Ничего.

– Она куда интереснее той девицы, которую я сегодня встретил, этой Мелиссы Хэтчер. – Дин пристально посмотрел на сына.

Он не ошибся, имя было знакомо Гэвину. Дин в этом и не сомневался. Но Гэвин сделал вид, что не понял:

– Кого?

– Мелисса сказала, что знает тебя.

– Мы незнакомы.

– Тогда почему она заявила, что знакома с тобой?

– Почему мне знать? Она или имя перепутала, или приняла меня за кого-то другого. – Гэвин играл с соломинкой, избегая встречаться взглядом с отцом.

– Я назвал себя. Мы немного поговорили, а потом Мелисса вдруг объявила: «Вы отец Гэвина». Она тебя знает.

– Возможно, ее предупреждали, чтобы она со мной не общалась, потому что ты коп.

– То есть ты хочешь сказать, что никто не захочет общаться с сыном полицейского?

Гэвин мрачно посмотрел на отца.

– Что-то в этом роде.

– Джейни Кемп так говорила?

На этот раз Гэвину оказалось труднее скрыть свою реакцию. Он тут же насторожился:

– Кто?

– Джейни Кемп. Если верить тому, что я о ней узнал, она не захотела бы дружить с сыном полицейского. Ты ее знаешь?

– Я о ней слышал, – буркнул Гэвин.

– И что ты слышал?

Гэвин откусил кусок чизбургера и с набитым ртом про-
бормотал:

– Ну, ты знаешь. Всякое.

– Например? Что она неуправляемая? Что ее легко зата-
щить в постель?

– Так говорили.

– Ты с ней встречался?

– Вероятно, я видел ее пару раз. – Где?

– Господи, это что, испанская инквизиция?

– Нет, я приберег испанские сапоги на потом. Пока мне просто интересно услышать, где ты встречался с Джейни Кемп и ее подругой Мелиссой. Едва ли это было однажды, раз мое имя для нее не пустой звук. И потом, она узнала меня, потому что мы с тобой похожи.

Гэвин заерзал на стуле, ссутулился еще больше.

– Все эти богатые отпрыски тусуются вместе. Я просто ви-
дел их, вот и все, в кино; в торговом центре. Ну, ты знаешь.

– У озера тоже?

– У какого? Городского или озера Трэвис?

– Не знаю, хотел бы услышать от тебя.

– Я видел их несколько раз, но не помню где, устраивает? –
с вызовом спросил Гэвин.

Дин рассмеялся:

– Гэвин, не вешай мне лапшу на уши. Если бы я был в
твоем возрасте и встретил Мелиссу Хэтчер, одетую прибли-
зительно так, как сегодня, я бы помнил все до мельчайших

деталей. – Он отодвинул в сторону тарелку и Добавил: – Расскажи мне, что ты знаешь о «Секс-клубе».

– О чем? – Выражение лица Гэвина осталось бесстрастным, но глаза выдали его.

– Вчера вечером, когда ты послушался меня и отправился гулять, ты был на озере Трэвис?

– Может быть. Ну и что?

– Я знаю, что подростки собираются в условленных местах вокруг озера. Ты видел там вчера Джейни Кемп? И прежде чем ты решишь отделаться пустым замечанием, хочу тебе сказать, что о ней нет никаких известий в течение суток.

– Она пропала?

– Вчера вечером Джейни не вернулась домой. Никто ее не видел, она никому не звонила. Сегодня, как раз перед тем, как я собрался уходить, патрульные нашли ее машину. Она была припаркована около озера среди кедров рядом с площадкой для пикников. Судя по всему, она с кем-то встрети-лась там вчера вечером и ушла с этим человеком. Ты видел ее? С кем она была?

Гэвин опустил глаза на тарелку и долго смотрел в нее.

– Я ее не видел, – наконец ответил он.

– Гэвин, – Дин понизил голос, – я помню о золотом правиле, согласно которому друзей не предают. Это же правило действовало, когда я рос. Но сейчас мы говорим не о верности или предательстве. Все куда более серьезно. Прошу тебя, не думай, что тебе удастся защитить Джейни или ко-

го-то еще, если ты будешь скрывать от меня информацию. Выпивка, наркотики и все остальное, что происходило вчера вечером, меня сейчас не интересуют. Если Джейни ушла не с тем парнем, ее жизни может угрожать опасность. Теперь, когда ты об этом знаешь, ты абсолютно уверен, что не видел ее вчера?

– Да! – Гэвин судорожно оглянулся, увидел, что своим выкриком привлек внимание людей за соседними столиками, и съезжился, опираясь локтями о колени. – Что ты ко мне прицепился?

– Я к тебе не цепляюсь.

– Ты ведешь себя как полицейский. Дин глубоко вздохнул:

– Ладно, согласен. Я считал тебя источником информации. Расскажи мне, что ты знаешь о «Секс-клубе».

– Не понимаю, о чем ты. Мне надо отлить. – Гэвин собирался подняться со стула, но окрик отца заставил его остановиться.

– Ты с трех лет приучен терпеть, так что подожди несколько минут. Я спрашиваю: что ты знаешь о «Секс-клубе»?

Гэвин раскачивался взад и вперед, глядя в окно. На его лице застыло враждебное выражение. Дин думал, что сын откажется отвечать, но в конце концов Гэвин заговорил:

– Ладно, я слышал, как парни говорили об этом сайте, где они обмениваются посланиями с телками. Вот и все.

– Не совсем, Гэвин.

– Мне известно только это. Ты не забыл, что я с ними в

школе не учился? Меня вырвали с корнями и пересадили сюда, так что...

– Ты обзавелся приятелями почти в тот же день, как мы переехали. Так что твои причитания по поводу расставания с друзьями начинают действовать мне на нервы. Тебе придется придумать еще какой-нибудь повод для плохого настроения. В эту минуту Джейни, возможно, сражается за свою жизнь. Поверь мне, я не преувеличиваю. Давай-ка прекращай жалеть себя и прямо ответь на мой вопрос. Что ты знаешь об этом клубе и участии в нем Джейни Кемп?

Гэвин помолчал немного, потом, словно решив сдаться, откинулся на стенку кабинки.

– Джейни встречается с парнями, с которыми знакомится через Интернет, и они занимаются сексом. Она делает все, что угодно. Она и эта Мелисса.

– Так ты их знаешь!

– Я знаю, кто они такие. В этом клубе много девчонок. Я не всех знаю по именам. Они из школ со всего города. Это виртуальная доска объявлений, и члены клуба не скрывают, чем они занимаются.

– Ты член этого клуба, Гэвин? Он выпрямился.

– Черт, нет, конечно. Надо знать пароль, а я не спросил, чтобы не показаться болваном, потому что ничего не знаю.

– Это не такой уж большой секрет. Отдел компьютерных преступлений департамента полиции в курсе событий.

Гэвин рассмеялся:

– Неужели? Ну и что они собираются делать? Им этого не остановить, и копы отлично об этом знают.

– Приставать к мужчинам – это преступление.

– Тебе лучше знать, – хмуро пробормотал Гэвин, – ты же у нас коп.

Он припарковался среди дубов, рядом с другими машинами. У него был с собой ящик пива и бутылка вина в ведерке со льдом. Он выбрал пиво, взял с собой бутылку и направился к озеру, к тому, месту, где дощатый причал уходил в озеро на тридцать ярдов.

Это было нынешнее место встречи.

Он пришел, чтобы проверить, как обстоят дела.

Он оделся так, чтобы слиться с толпой. Мешковатые шорты и футболка от фирмы «Гэп», точно такие, как носят подростки. Но бейсболку он надвинул пониже, чтобы лицо оставалось в тени.

Некоторые из собравшихся были ему знакомы. Он видел их и раньше на подобных сборищах или в клубах на Шестой улице недалеко от университетского городка. Были в толпе и новички.

Любое удовольствие – наркотики, выпивка, секс – было доступно. Этим вечером можно было даже делать ставки. На берегу девушка, одетая только в трусики-бикини и ковбойскую шляпу, стоя на коленях, делала минет парню. Ставки делались на то, как быстро парень сломается.

Он присоединился к жизнерадостным болельщикам, окружившим парочку, поставил пять баксов и проиграл. Оставалось только восхищаться самоконтролем парня, потому что девица свое дело знала.

Ему некуда было спешить, он прошелся вдоль пирса. Он не привлекал к себе внимания, но обычно этого и не требовалось. Так оказалось и на этот раз. Очень скоро к нему подошли две девушки, которые просто сгорали от желания. Он сразу понял, что они употребляют «экстази».

Они обнимали его, гладили, целовали в губы, говорили, что он великолепен. Луна с завистью смотрела вниз, ночной воздух был волшебным, а жизнь прекрасной.

Они попросили его подержать их одежду, пока они искупаются голышом. Он смотрел сверху, как они резвятся, будто русалки, прерываясь только для того, чтобы помахать ему рукой и послать воздушный поцелуй.

Потом они вышли из воды, оделись, во всяком случае, частично, и он отвел их к своей машине, где угостил пивом.

Одна из девушек остановила на нем взгляд.

– Тебе нравится развлекаться?

– Я же пришел сюда, верно? – Отличный ответ. Ни к чему не обязывает. Согласие только предполагается.

Она сунула руку ему в шорты и хихикнула:

– Точно, ты пришел по адресу.

– Нам очень нравится развлекаться, – низким голосом призналась вторая.

Они действительно любили повеселиться. В течение следующего часа на заднем сиденье его машины они показали, как умеют разлекать и развлекаться. Когда он наконец сказал им, что ему пора ехать, они не хотели расставаться с ним, умоляли остаться, целовали, гладили, обещали новые утехы.

Наконец ему удалось вырваться и уехать. Пока он выкруливал со стоянки, он заметил нескольких парней, с завистью смотревших на него. Вероятно, они видели, как он выбирался с заднего сиденья с двумя крошками в обнимку, пытаясь отбиться от ласковых рук и вызванных наркотическим дурманом излиятий нежности.

Он был готов держать пари, что этим недоноскокам хотелось быть такими же удачливыми в любви, как он:

Но он заметил и парня, в котором узнал полицейского из отдела наркотиков, работавшего под прикрытием. Ему было тридцать, но выглядел он не старше восемнадцати. Он разговаривал с известным торговцем наркотиками через открытое окно машины.

«Какая разница между полицейским из отдела по борьбе с наркотиками, покупающим дурь, и мной, который занимается сексом?» – подумал Джон Рондо.

Никакой разницы нет. Чтобы эффективно бороться с преступниками, необходимо понимать суть происходящего. Как только в его отделе стало известно о существовании «Секс-клуба», Джон сам вызвался провести кое-какие исследования. Разумеется, после работы и на месте.

Ему хотелось, чтобы его перевели в отдел расследований. Там было сердце управления полиции. Именно там была самая интересная работа, и этим же хотел заниматься Джон Рондо.

Чтобы получить повышение, он должен был отличиться в деле Кемп. Расследование обещало известность, в нем были завязаны секс и малолетки. Соединить все вместе, и можно смело надеяться на перевод в отдел.

В его отделе про «Секс-клуб» уже знали все. О его существовании стало известно несколько месяцев назад. Но, поняв тщетность попыток прекратить его существование, в Отделе практически забыли о нем.

Сообщения, оставленные на виртуальной доске объявлений, не выходили у Джона из головы. Рондо вменил себе в обязанность проверять ситуацию, чтобы знать, осуществляют ли члены клуба на практике то, о чем пишут, или просто изливают свои самые дикие фантазии в электронных посланиях. Он выяснил, что большинство обещаний выполняется исправно.

Хорошо, что он провел это расследование. Если бы он этого не сделал, он бы не сумел так кратко, четко и по делу ответить на все вопросы Кертиса, Мэллоя и Пэрис Гибсон. Так что Джон Рондо провел свое свободное время с пользой для департамента полиции, не так ли?

Но требовалось проявить себя еще раз, иначе не видать ему повышения и нового назначения. Это была его работа,

его обязанность. Он работал под прикрытием, так это можно было назвать.

Когда Тони Армстронг вернулась домой, Брэдли еще не было, и это ее не удивило. Она объяснила изумленной няне, что плохо себя почувствовала, так что они с мужем отменили все планы на вечер. Она заплатила женщине за пять часов.

Тони трижды звонила Брэдли на сотовый. Трижды она натыкалась на автоответчик, оставляла сообщения, но муж ей так и не перезвонил. Она покормила детей, поиграла с девочками в лото, пока сын смотрел повтор «Стартрек».

Дети как раз отправились наверх, чтобы лечь спать, когда появился Брэдли с шоколадками и медвежьими объятиями. Для Тони предназначался букет желтых роз, которые он презентовал ей с добродушной усмешкой.

– Давай помиримся, а?

Не в силах видеть неискренность в его глазах, Тони опустила голову. Он принял это за согласие и быстро поцеловал ее в щеку.

– Вы поужинали?

– Дети поели, а я ждала тебя.

– Отлично, я уложу их, а ты приготовь что-нибудь. Я умираю с голода.

Когда он спустился в кухню, он увидел на столе совсем не то, что ожидал. Брэдли замер на пороге.

– Где ты все это взяла? – рассерженно спросил он. – Нет,

не отвечай. Я знаю, откуда это.

– Да, я взяла их в ящике твоего стола, когда зашла к тебе сегодня. Меня насторожило то, что тебя не оказалось на месте. Ты никому не сказал, куда идешь, не отвечал на мои звонки. Поэтому не заставляй меня оправдываться. Я отказываюсь извиняться за то, что рылась в твоих личных вещах, потому что среди них оказалось это.

Уличенный в своей слабости, Брэдли потерял способность и желание сопротивляться. Он словно стал меньше ростом, взял стул и устало опустился на него.

Тони достала из ящика мешок для мусора и бросила в него непристойные фотографии и порнографические журналы. Она крепко завязала мешок и вынесла в гараж.

– Утром я отправлю все в помойку, – сказала она, вернувшись. – Я сама это выброшу, потому что я сгорю со стыда, если наши соседи или даже мусорщики увидят, что в этом мешке.

– Тони... Я... У меня нет оправданий.

– На этот раз их действительно нет.

– Ты собираешься уйти от меня? – Брэдли взял ее за руку. Его ладонь была влажной. – Прошу тебя, не надо. Я люблю тебя, я люблю детей. Пожалуйста, не разрушай нашу семью.

– Я ничего не разрушаю, Брэдли. – Она вырвала руку. – Это делаешь ты.

– Я не могу с собой справиться.

– Это еще одна причина, по которой я должна уйти и за-

брать детей. Что будет, если кто-то из них увидит эти фотографии?

– Я осторожен.

– Ты осторожен ровно настолько, насколько осторожны наркоманы, прячущие заначку, и алкоголики, у которых всегда есть бутылка на крайний случай.

– Да брось! – воскликнул он.

Чувство неловкости постепенно проходило. Брэдли все еще оборонялся, но уже агрессивно. Так уже случалось. Его превращение из раскаивающегося грешника в мученика было расписано буквально по нотам, и Тони узнавала наступление каждой следующей фазы.

– Если сравнивать с наркоманией, мое пристрастие совершенно безобидно, и ты об этом знаешь, – с горячностью заявил Брэдли.

– Безобидно? На некоторых снимках маленькие девочки. Их эксплуатируют безнравственные, жестокие люди ради твоего развлечения. И как ты можешь говорить о безвредности этой пагубной привычки, если она разрушает твою карьеру, наш брак и нашу семью?

– Брак? – неприятно усмехнулся Брэдли. – У меня давно нет жены, я живу с тюремщицей.

– Если будешь продолжать в том же духе, то ты и в самом деле скоро окажешься за решеткой, Брэдли. Ты этого хочешь?

Он округлил глаза.

– Я не попаду в тюрьму.

– Дело может кончиться именно этим, если ты сам не знаешь, что ты извращенец, и не обратишься за помощью.

– Извращенец. – Он подавил смешок. – Ты хоть слышишь, как глупо это звучит, Тони?

– Доктор Морган не считает, что это звучит глупо.

– Господи! Ты ему звонила?

– Нет, он сам позвонил. Ты уже три недели не посещал занятия.

– Потому что это пустая трата времени. Все эти ребята говорят только о своих отклонениях. Разве это правильно?

– Суд обязал тебя посещать эти занятия.

– Полагаю, ты донесешь на меня Хэтавэю. – Брэдли ненавидел приставленного к нему офицера, в обязанности которого входило осуществлять надзор за условно освобожденными. – Расскажи ему, что я был плохим мальчиком. Я не посещал занятия вместе с другими извращенцами.

– Мне не придется ничего ему говорить. Доктор Морган уже сделал это.

– Доктор Морган – самый главный психопат в группе! – завопил Брэдли. – Он сам лечится. Ты об этом знаешь?

Тони продолжала, не обращая внимания на его выкрики.

– Доктор Морган обязан сообщать в случае пропуска двух занятий подряд. Мистер Хэтавэй ждет тебя завтра в десять утра. Это обязательно.

– Полагаю, никого не интересует, что ради этого я дол-

жен отменить прием пациентов и вызвать недовольство моих коллег.

– Это последствия твоего поступка, тебе придется расплачиваться за него.

– И еще мне придется спать на диване в гостиной.

– Я бы предпочла, чтобы ты спал именно там. Его глаза сузились, превратились в щелки.

– Ну, конечно. Тебе все равно не нравится то, чем мы занимаемся в постели.

– Это нечестно.

– Нечестно? Я скажу тебе, что нечестно. Нечестно иметь жену, которая предпочитает шпионить, а не трахаться. Когда мы занимались сексом в последний раз? Ты хотя бы помнишь? Сомневаюсь. Как ты можешь думать о сексе, если только и делаешь, что вынюхиваешь и подсматриваешь?

Брэдли встал и подошел к жене. Его пальцы обхватили ее шею сзади и сжали так, что это движение никак нельзя было принять за ласку.

– Возможно, если бы ты спала со мной почаще, мне не пришлось бы смотреть на эти грязные картинки.

Он притянул ее к себе. Тони повернула голову, стараясь избежать поцелуя, и уперлась руками мужу в грудь. Но Брэдли прижал ее к столу. Она в ужасе крикнула:

– Прекрати, Брэдли. Это несмешно!

Но ее гнев словно подхлестнул его. Лицо налилось кровью, он прижался к ней всем телом.

– Чувствуешь, Тони? Нравится?

– Оставь меня в покое!

Она с силой оттолкнула его, Брэдли отлетел к стене. Прикрывая рот рукой, Тони пыталась заглушить рыдания. Она была оскорблена и напугана. Она никогда не видела мужа таким. Брэдли словно превратился в незнакомца.

Он выпрямился, явно приняв какое-то решение, схватил свой пиджак, ключи от машины и направился к двери. Дом вздрогнул, с такой силой Брэдли хлопнул дверь. Тони кое-как доковыляла до ближайшего стула и рухнула на него. Она долго плакала, тихо, неслышно, чтобы не испугать детей.

Ее жизнь разваливалась на глазах, а она не могла ничего с этим поделать. Даже теперь она любила Брэдли. Он отказался принять помощь, не желая избавиться от своей болезни. Почему он уничтожил любовь, которую судьба подарила им? Почему он намеренно отдает предпочтение своему «безвредному хобби», забывая о ней, об их детях? Неужели ему дороже его...

Она быстро вскочила на ноги и выбежала в гараж. Мешка с фотографиями там не оказалось. Любовь своей жизни Брэдли забрал с собой.

На радиостанции у Пэрис был свой офис, где она работала в те часы, когда не вела программу. Хотя слово «офис» плохо подходило к крохотной комнатке. В ней не было окон, лет десять назад стены выкрасили в грязно-коричневый цвет, акустические плитки на потолке провисли, на них появились пятна от бесконечных протечек. Письменный стол Пэрис покрывал унылый серый пластик с обломанными краями. Скорее всего это было делом рук предыдущего хозяина кабинета, доведенного убогой обстановкой до крайней степени отчаяния.

В этом кабинете Пэрис не принадлежало ничего. Никаких дипломов на стенах, ни постеров с модных курортов, ни забавных фотографий улыбающихся друзей, ни степенных семейных снимков. Помещение было лишено чего бы то ни было личного, и это было сделано намеренно. Фотографии всегда вызывают множество вопросов.

«А кто это?

– Это Джек.

– Кто такой Джек? Твой муж?

– Нет, мы были помолвлены, но так и не поженились.

– Почему? А где Джек сейчас? Это из-за него ты все время носишь черные очки? Из-за него живешь одна? И вообще одна?»

Даже дружеские расспросы коллег могли вызвать душевную боль, поэтому Пэрис старалась сохранять с ними деловые отношения и не допускала в своем кабинете никаких намеков на личную жизнь.

И все же в ее кабинете царил беспорядок.

Уродливую поверхность письменного стола скрывала груда писем. Каждый день приносили их мешками. Это были письма поклонников, рейтинги, материалы внутреннего характера и бесконечные предложения от звукозаписывающих компаний, представляющих новые записи. Так как в кабинете не оставалось места даже для небольшого шкафа, Пэрис как могла сортировала этот поток, но этой работе не было видно конца.

Отобрав записи для предстоящей программы, Пэрис принялась разбирать почту. Она занималась этим около часа, когда на пороге появился Стэн с несчастным выражением на лице.

– Спасибо тебе большое, Пэрис.

– За что это?

Он вошел и закрыл за собой дверь.

– Угадай, кто меня сегодня навестил? – спросил он.

– Терпеть не могу эти игры в угадайку, – отмахнулась Пэрис.

– Двое в штатском.

Пэрис отложила в сторону нож для бумаги, которым вскрывала конверты, и посмотрела на Стэна.

– Полицейские?

– И за это я должен поблагодарить тебя.

– Они приходили к тебе домой? – Пэрис искренне считала, что либо Карсон, либо Григс просто позвонят Стэну и зададут несколько вопросов.

Он отодвинул в сторону стопку конвертов и присел на край стола.

– Полицейские допрашивали меня и записывали ответы в маленький черный блокнот. Это было очень похоже на гестапо, – с упреком произнес он.

– Перестань драматизировать, Стэн.

Из-за того, что ей пришлось возвращаться в управление, а потом она сама вызвалась поехать вместе с детективом Кертисом и Мэллоем к Кемпам, Пэрис не удалось поспать. Прежде чем она сможет отдохнуть, ей необходимо провести четырехчасовую передачу в прямом эфире и не допустить ни одной ошибки. Эта перспектива ее не радовала.

И у нее, разумеется, не было ни сил, ни времени залечивать раненую гордость Стэна, потому что совсем скоро диджей вечернего эфира должен был передать слово ей.

– Сегодня утром я разговаривала с детективом Кертисом и сообщила ему о звонке Валентино, – объяснила Пэрис. – Как оказалось, в этом районе пропала молодая женщина. Полиция пытается выяснить, существует ли связь между ее исчезновением и звонком Валентино. Они проводят обычную проверку и опрашивают всех, кто имеет к этому отношение,

пусть и самое отдаленное. Так что не обижайся. Они приходили не только к тебе. С Марвином они тоже должны были побеседовать.

– Здорово! Я в одном списке с уборщиком. Мне теперь стало гораздо лучше.

На этот раз его сарказм показался Пэрис оправданным.

– Мне жаль, честное слово, – сказала она. – Полиция ведет себя так потому, что они уверены, так же как и я, что этот звонок – не блеф. Я буду счастлива, если все это окажется ложной тревогой. Но если наши догадки верны, то жизнь девушки в опасности. И тем не менее, повторяю, я очень сожалею, что ты оказался втянут во все это.

Стэн немного успокоился. Он всегда в первую очередь думал только о себе.

– Полиция уже разговаривала с нашим генеральным менеджером. Разумеется, он немедленно позвонил дяде Уилкинсу. Тот тут же перезвонил начальнику управления полиции, и я уверен, тому мало не показалось.

– Значит, с тебя сняты все подозрения.

– меня что, подозревали? – воскликнул Стэн.

– Я неловко выразилась, забудь об этом. Иди и купи себе какую-нибудь новую электронную игрушку. В магазинах всегда найдется то, чего у тебя еще нет. Побалуй себя. Тебе станет лучше.

– Это не так легко, Пэрис, – важно заявил Стэн. – Мой дядя еще больше вышел из себя, чем я. Он целый день названи-

вал генеральному менеджеру, выясняя, что происходит. Разумеется, я перефразирую его слова. Так что будь уверена, тебя скоро вызовут в святая святых.

– Я там уже побывала.

Генеральный менеджер радиостанции позвонил Пэрис на сотовый в тот момент, когда она выезжала из поместья Кемпов. Он попросил о встрече, но это был приказ, а не просьба. Ей устроили выволочку за то, что она, не сообщив о звонке Валентино руководству компании, сразу обратилась в полицию. В первую очередь менеджера заботила репутация радиостанции.

– Мне пришлось поставить ему запись звонка, – объяснила Пэрис Стэну. – Это его взволновало, как взволновало всех, кто слышал. Он говорил с сержантом Кертисом, который ведет расследование.

Генеральный менеджер разговаривал по громкой связи, так что Пэрис слышала их разговор. Он согласился с тем, что Пэрис и все остальные сотрудники радиостанции должны сотрудничать с полицией, но особо оговорил, что если исчезновение Джейни Кемп станет новостью номер один, то о радиостанциях будет упомянуто только в случае крайней необходимости.

На что Кертис ему ответил:

– Честно говоря, сэр, меня куда больше волнует судьба девушки, чем появление аббревиатуры вашей радиостанции в газетах и на телевидении.

Перед тем как отпустить Пэрис, менеджер язвительно напомнил, что ее столь оберегаемая анонимность может быть разрушена. Она уже сама об этом думала и надеялась, что до этого не дойдет. Годами Пэрис оберегала свою личную жизнь с фанатизмом золотоискателя, охраняющего золотую жилу. Она не хотела снова стать основной фигурой сенсационной истории.

Но Пэрис не могла не согласиться с Кертисом. Спасение жертвы Валентино стояло на первом месте. Если сравнивать, то нарушение ее тайны – это ерунда.

Чтобы окончательно успокоить Стэна, она сказала:

– Не сомневайся, мне досталось по первое число за то, что я нарушила субординацию. Так что тебе не одному пришлось несладко сегодня. А теперь, может быть, ты дашь мне поработать?

– Это были наручные часы со встроенным радиоприемником.

– Что? – не поняла Пэрис.

– Я уже купил себе новую игрушку.

Пэрис рассмеялась, Стэн послал ей воздушный поцелуй и направился к двери. Уже на пороге он обернулся через плечо и объявил:

– Кстати, Марвин звонил и сказал, что заболел.

– Заболел?

– Мне оставили об этом сообщение на автоответчике.

Больше я ничего не знаю.

Насколько было известно Пэрис, Марвин никогда не болел раньше. Ей стало любопытно, почему он сказался больным именно сейчас? Она снова отложила сортировку почты и направилась в маленькую кухню, расположенную в задней части здания.

В эти вечерние часы в коридорах и кабинетах было тихо, горели только лампы дежурного освещения. Сотрудники уже давно ушли, двери офисов были закрыты, свет там не горел. Пэрис привыкла к этой тишине и темноте, к запахам пыли, нагретого оборудования, подгоревшего кофе. От коврового покрытия пахло табачным дымом, основательно пропитавшим его в те времена, когда еще не было запрещено курить на рабочем месте.

Станцией FM 101.3 управлял медиаконгломерат Уилкинса Криншоу, в который входили пять газет, три телестанции, станция кабельного телевидения и семь радиостанций. Офисы корпорации занимали три верхних этажа небоскреба в Атланте, со стеклянными лифтами и двухэтажным водопадом в стерильном гранитном вестибюле.

Но радиостанция в Остине, выкупленная у обанкротившегося владельца, напоминала неповоротливого старого мамонта. Здесь в холле скромно журчал лишь фонтанчик с питьевой водой, который вдобавок часто отключали.

Непривлекательное одноэтажное кирпичное строение одиноко стояло на холме в пригороде Остина, в нескольких милях от местного Капитолия. Здание было построено в на-

чале пятидесятых и имело соответствующий вид. Оно переходило из рук в руки, сменив двадцати двух владельцев, надеявшихся получить прибыль.

Плохо финансирувавшаяся, жалкая радиостанция оставалась почти вне поля зрения корпорации, если не считать того времени, когда проверялись рейтинги. FM 101.3 была родимым пятном на теле корпорации, но она стабильно давала прибыль.

Несмотря на убожество здания, Пэрис его любила. У него была душа, сохранившаяся, несмотря на шрамы и швы.

После темных коридоров дневной свет на кухне показался особенно ярким. Даже Пэрис пришлось постоять, привыкая к нему, несмотря на темные очки. Она взяла пакетик с чаем из своего личного ящика и положила его в кружку с водой, которую она подогрела в микроволновке. Вода только начала приобретать желтоватый цвет, когда до Пэрис донеслись голоса.

Выглянув в коридор, она с изумлением увидела Дина, идущего следом за Стэном. Стэн по дороге объяснял:

- Она не предупредила меня, что ждет посетителя.
- Мисс Гибсон меня не ждет. Увидев Пэрис, Стэн сказал:
- Этот человек позвонил в парадную дверь. Я впустил его только после того, как он показал удостоверение полицейского.

Пытаясь не показать Стэну свое неудовольствие, Пэрис представила Дина:

– Доктор Мэллой работает в департаменте полиции Остина. Сержант Кертис обращался к нему за консультацией, чтобы составить психологический портрет Валентино.

– Он тоже так сказал. – Стэн оглядел Дина с ног до головы. – Два по цене одного. Коп и психолог в одном флаконе.

– Что-то в этом роде. – Дин напряженно улыбнулся. Стэн переводил взгляд с него на Пэрис и обратно, но так как оба молчали, он наконец понял, что оказался лишним. Криншоу обратился к Пэрис:

– Если я тебе понадобится, я буду в аппаратной.

Дин посмотрел вслед Стэну. Когда тот отошел на достаточное расстояние, Мэллой повернулся к Пэрис и спросил:

– Это и есть Криншоу? Племянник владельца? Он гей?

– Понятия не имею. Что ты здесь делаешь, Дин?

Он вошел в кухню, и помещение словно уменьшилось в размерах.

– Кто-то должен быть здесь с тобой во время твоей программы.

– Со мной Стэн.

– Ты бы доверила ему свою жизнь? Пэрис слабо улыбнулась:

– Ты прав.

– Пока мы не узнаем больше о человеке, называющем себя Валентино, ты должна находиться под охраной полиции.

– Кертис предлагал прислать Карсона или Григса, но я отказалась.

– Я знаком с Григсом. Он хороший полицейский и настоящий бойскаут, но ни он, ни...

– Карсон?

– Они не умеют разговаривать с теми, кто удерживает заложников. Я должен быть здесь, если Валентино позвонит снова. Если я почувствую его слабость, то, возможно, мне удастся уговорить его назвать имя девушки, которую он держит у себя, и сказать, где он ее прячет.

Пусть это было его поле деятельности и таким образом можно было оправдать его присутствие, Пэрис все же сомневалась в его искренности.

– Валентино может и не позвонить. Ты даром потеряешь вечер.

– Я не потеряю ничего, Пэрис. Я пришел еще и потому, что хотел увидеть тебя.

– Ты меня видел.

– Я хотел остаться с тобой наедине.

Она поставила чашку с чаем на стойку и повернулась к нему спиной.

– Дин, прошу тебя, не надо.

Он подошел совсем близко к ней, и Пэрис затаила дыхание, боясь, что он к ней прикоснется. Она не знала, что с ней тогда будет, и не хотела испытывать судьбу.

– Ничего не изменилось, Пэрис, – тихо произнес он. Она усмехнулась:

– Все изменилось.

– Когда сегодня утром ты вошла в мой кабинет, прошлое вернулось. Я был поражен так же, как в тот раз, когда впервые увидел тебя. Помнишь? Это был вечер после снегопада.

Снегопад в Хьюстоне сменился холодным дождем, ворвавшимся в квартиру, когда она открыла дверь, впуская Джека и Дина.

Она махнула рукой, торопя их, чтобы быстрее захлопнуть дверь. Джек представил своего друга, но это было в суматохе, пока они снимали пальто и боролись с зонтами, ни в какую не желавшими закрываться и ронявшими капли на пол в прихожей.

Повесив пальто на вешалку, поставив зонты в уголке, она повернулась и улыбнулась лучшему другу своего жениха.

– Давайте начнем все сначала. Здравствуйте, Дин. Я Пэрис. Рада с вами познакомиться.

– Я тоже рад.

У него оказалось крепкое рукопожатие, дружелюбная и теплая улыбка. Он был на пару дюймов выше Джека, волосы на висках поседели раньше времени. Он не обладал классической красотой, как Джек, но не проигрывал от этого. Джек говорил Пэрис, что Дину приходится буквально отбиваться от женщин. И теперь она понимала почему. Асимметричные черты его лица завораживали. Хотелось вечно смотреть в эти серые глаза, опущенные темными длинными ресницами. Потрясающее сочетание.

– Я думал, Джек меня обманывает, – сказал Дин.

– Джек никогда не лжет! – возмутилась Пэрис.

– Когда я спросил его, как вы выглядите, он сказал, что у меня дух захватит, когда я вас увижу. Я решил, что он преувеличивает.

– Иногда Джек к этому склонен.

– Но не в этот раз, – покачал головой Дин.

Джек с улыбкой смотрел на них с другого конца комнаты.

– Пока вы обсуждаете мои недостатки, я пойду и принесу всем нам выпить.

Потом они поужинали в любимом ресторане Джека. После еды они переместились в бар по соседству, где устроились перед камином пить кофе. Пэрис и Дин легко перешли на «ты». Мужчины развлекали Пэрис историями из их жизни в колледже. Разумеется, в разговоре лидировал Джек, но Дин явно с охотой уступил ему центральное место. Джек был талантливым, ироничным рассказчиком.

А Дин отлично умел слушать. Он расспрашивал Пэрис о работе, и, пока она рассказывала, из чего состоит ее обычный рабочий день, он не спускал с нее глаз. Он смотрел на нее с таким вниманием, словно слушал оракула, предрекающего будущее всему роду человеческому. Это был дар, которым судьба наградила Дина Мэллоя. Его собеседник чувствовал себя центром Вселенной.

Джек от души наслаждался вечером и выпил слишком много бренди. Он спал на заднем сиденье, когда Дин остановил

машину возле дома Пэрис.

– Полагаю, мы его потеряли, – заметил Дин.

Пэрис оглянулась на своего жениха, спавшего с чуть приоткрытым ртом и негромко храпевшего.

– Да, пожалуй. Ты довезешь его до дома и уложишь в постель?

– Согласен, только не проси меня поцеловать его на ночь.

Она рассмеялась:

– Я так много слышала о тебе от Джека, что ты стал и моим другом тоже. Пообещай, что мы еще встретимся за ужином все трое.

– Обещаю.

– Вот и хорошо. – Она собралась открыть дверцу.

– Подожди, я провожу тебя до квартиры. Несмотря на протесты Пэрис, Дин вышел из машины, взял зонтик, раскрыл его и помог ей выйти. Он прошел с ней до входной двери. Он даже взял у нее ключ, открыл ей дверь и дождался, пока она отключит сигнализацию.

– Спасибо, что проводил меня.

– Не за что. Так когда это произойдет?

– Ты о чем?

– О свадьбе. Я должен внести ее в мой календарь. Шафер не может пропустить такое событие, ты же понимаешь.

– Я еще не назначила дату. В сентябре или в октябре, я думаю.

– Так долго ждать? – удивился Дин. – Со слов Джека у

меня создалось впечатление, что это случится раньше.

– Если бы все решал он, так бы и было. Но я хочу использовать осенние краски.

– Это будет красиво. Вы венчаетесь в церкви?

– Да, в пресвитерианской.

– А где будет прием?

– Скорее всего в загородном клубе.

– Надо столько всего продумать, правда?

– Да, – согласилась Пэрис.

Казалось, Дин не обращал внимания на то, что капли стекают с зонта ему на ботинки. А Пэрис не замечала, что дождь забрызгал пол в прихожей. Даже в тот первый вечер они слишком долго смотрели друг на друга.

Дин первым пришел в себя и торопливо попрощался:

– Спокойной ночи, Пэрис.

– Спокойной ночи.

Когда мужчина знакомит будущую супругу с лучшим другом, очень часто между ними с первого взгляда вспыхивает неприязнь, осложняя жизнь тому, кто любит их обоих. Дин сразу понравился Пэрис.

Она сочла это хорошим предзнаменованием.

Дин взял ее за руку и заставил повернуться к нему. Теперь, в кухне старого здания, он смотрел на нее точно так же, как в тот первый вечер, и это снова поразило Пэрис. Она почувствовала, что еще мгновение, и она не сумеет сдержаться.

– Дин, пожалуйста, давай забудем об этом.

Пэрис попыталась обойти его, но он преградил ей дорогу.

– Возможно, обстоятельства изменились, Пэрис, но это не имеет значения.

– Джек всегда имел значение, – возразила Пэрис.

– Он прошел через ад, я знаю это.

– Ты не можешь знать, во что превратилась его жизнь после той ночи.

Дин склонил к ней голову и произнес:

– Ты права, я не знаю. Потому что ты ясно дала мне понять, что я не должен навещать его. Никогда.

– Он бы не захотел, чтобы ты увидел его таким, именно ты. – Ее голос дрогнул. – Поверь мне на слово. Джек умер еще тогда, но только семь лет спустя его сердце наконец перестало биться.

– Я сожалею о том, что случилось с ним, – прошептал Дин. – Разве ты об этом не знаешь? Неужели ты думаешь, что я мог забыть? Господи, Пэрис, неужели ты считаешь меня таким жестокосердым? Я жил с тем, что случилось, так же как и ты. – Он шумно выдохнул, провел рукой по волосам, потом снова взглянул на нее. – Даже рискуя рассердить тебя, я все-таки скажу. В том, что случилось с Джеком, виноват только он сам. Ни твоей вины, ни моей в этом нет.

– Ничего бы не произошло, если бы...

– Но несчастье произошло. И мы не можем вернуться назад и все исправить.

– Это сеанс терапии, доктор Мэллой?

– Да, прости, я увлекся. Скажу проще. Я не дам сожалениям сожрать меня заживо. Я стараюсь избавиться от них.

– Молодец!

– Значит, твой способ справиться с чувством вины лучше? Полезнее для эмоционального состояния? Ты полагаешь, что надо выкопать нору поглубже и в ней спрятаться? – Он мрачно оглядел грязную кухню. – Ты только посмотри. Здесь кошмарная, грязная, пугающая крысиная нора.

– Мне нравится, – сухо сказала Пэрис.

– Потому что ты считаешь, что лучшего не заслуживаешь.

Когда Дин подошел на шаг ближе, Пэрис захотелось выставить локти вперед, чтобы защититься от его приближения. Она пыталась спрятаться и от его слов, которые были правдой. Пэрис признавала правоту Дина, но это только укрепило ее в нежелании слушать его.

– Пэрис, никто не станет спорить с тем, что ты блестяще работаешь на радио. Твои слушатели любят тебя. Но ты могла бы стать звездой теленовостей, – убеждал Дин.

– Что ты об этом знаешь?

– Я знаю, что я прав. И более того, ты знаешь, что я прав. Не в силах смотреть ему в глаза, Пэрис опустила голову и уставилась в пол. Она подавила порыв схватить его за лацканы пиджака, хорошенько потряхнуть и потребовать, чтобы он либо сменил тему, либо немедленно доказал ей, что она искупила свою вину.

– Я сделала то, что должна была сделать, – прошептала она.

– Потому что считала это своим долгом?

– Это и было моим долгом.

– Было. – Дин сделал ударение на этом слове. – Что еще ты должна Джеку теперь, когда он умер? – Он взял ее за плечи. Впервые за семь лет Дин коснулся ее. Теплая волна накрыла Пэрис, и она подавила желание прижаться к нему всем телом.

Вместо этого она сказала:

– Дин, прошу тебя, не надо. Мне пришлось нелегко, но я сделала выбор. Что сделано, то сделано, ты сам это понимаешь. В любом случае я не намерена спорить с тобой об этом.

– Спорить я тоже не хочу.

– И говорить об этом не надо, – добавила Пэрис.

– Не будем.

– И думать об этом я тоже не желаю.

– А я никогда не перестану думать об этом. – Дин понизил голос. Его руки крепче обняли ее плечи. Он придвинулся к ней. Пэрис ощутила его дыхание.

– Почему ты прячешься в темноте, Пэрис? – спросил Дин едва слышно.

– Я не прячусь.

– Неужели? Я едва нашел дорогу в этом коридоре.

– К этому просто надо привыкнуть.

– Здравствуй, тьма, моя старинная подруга.

– Ты цитируешь Саймона и Гарфанкеля? – удивилась она.

– Разве это не главная песня в сегодняшней программе?

– Возможно, тебе следовало бы стать диджеем. – Она улыбнулась, надеясь перевести разговор в более безопасное русло. Но Дин не собирался сдаваться.

Его глаза не отрывались от ее лица.

– Ты красива, но никто из твоих слушателей не знает, как ты выглядишь.

– В этом нет необходимости. Радио воздействует на людей иначе.

– Но обычно радиоведущие показываются в рекламе. У тебя же есть только голос.

– Мне не нужно ничего другого. Я не хочу, чтобы на меня обращали внимание.

– Неужели? Тогда, может быть, тебе следовало бы снять защитные очки?

– Она не может. Ее глаза слишком чувствительны к свету, – раздался знакомый голос.

Они не подозревали, что Стэн стоит рядом. Они обернулись к нему, Дин отпустил плечи Пэрис.

Стэн с подозрением посмотрел на него, но обратился к Пэрис:

– Сейчас без пяти десять. Гарри расскажет последние новости, потом реклама и твой эфир. Тебе пора.

– Эй, Гэвин!

Он обернулся, увидел Мелиссу Хэтчер и остановился, чтобы она смогла догнать его. Когда девушка подошла поближе, ее улыбка увяла.

Гэвин перешел прямо к делу:

– Ты сошла с ума, Мелисса! Ты что, такая дура, что не понимаешь – надо держать рот на замке?

– Ты злишься? – спросила Мелисса.

– А ты как думаешь?

– Из-за чего? Что я такого сделала?

– Ты сказала моему отцу, что мы знакомы! – возмущенно воскликнул Гэвин.

– Подумаешь, большое дело! – фыркнула она.

– Мы сегодня с ним ужинали, и он стал расспрашивать меня о «Секс-клубе». Что ты на это скажешь?

Она хлопнула себя ладонью по бедру.

– Можно подумать, это я все рассказала твоему папочке.

– Значит, он слышал от кого-то еще.

– Возможно, от того, другого копа, лысого коротышки. –

Она затянулась косяком и передала его Гэвину. – Держи, тебе надо остыть.

Он оттолкнул ее руку.

– Что ты знаешь о Джейни?

– Она по уши в дерьме. Ее ищут копы, ищут родители. – Увидев знакомых, Мелисса помахала им рукой и крикнула: – Эй, я вернулась из Франции и такого вам порасскажу!

Гэвин встал перед ней, чтобы она смотрела только на него.

– Джейни в самом деле пропала?

– Думаю, да. Так мне твой отец сказал. Кстати, он у тебя клевый. У него есть подружка?

Нельзя было обвинять только наркотики в том, что у Мелиссы в голове пустота. У нее, видимо, с рождения серого вещества не хватало. Но разве это оправдание для такой тупости?

– Мелисса, что тебе известно о Джейни?

– Ничего, – пожала плечами Мелисса.

– Ты же ее лучшая подруга. – Гэвин искренне недоумевал.

– Меня здесь не было, – рассердилась Мелисса. – Я несколько недель не видела ее высочество. Что тебе еще? – Она снова затянулась. – Слушай, меня народ ждет. Почему бы тебе не остыть малость, а?

Она быстро зашагала к компании, развлекавшейся тем, что, насадив садовый шланг на канистру с пивом, они пытались пить из него. Пиво проливалось на землю, но, похоже, никому не было до этого дела. Выпивки почему-то всегда было в избытке.

Гэвин подошел к своим приятелям, собравшимся, как обычно, вокруг пикапа Крэга. Он отдал им бутылку бурбона, которую украл из бара в доме. Его старик был так занят ро-

зысками Джейни Кемп, что пройдет немало времени, прежде чем он обнаружит пропажу.

Крэг стал срезать сургучную печать с бутылки перочинным ножом.

– Тебе вчера здорово влетело? – поинтересовался он.

– Влетело, – отозвался Гэвин, прислоняясь к борту машины и разглядывая толпу в поисках знакомого лица.

– Ты здорово наклюкался.

– Меня вывернуло по дороге домой.

– Ничего себе!

Они захохотали, но их смех оборвался, когда один парень спросил:

– Ты слышал, что Джейни пропала?

– Это было в газетах, – ответил другой. – Моя мать спрашивала, не знаю ли я ее.

– Спорим, ты не сказал ей, насколько хорошо ее знаешь.

– Точно, ты же не сообщил мамочке, что познал Джейни в библейском смысле этого слова?

– Да что ты знаешь о Библии?

– Мой кузен священник.

– И что, ты много с ним общаешься?

– Он пытался спасти меня. Я не поддался. Передай бутылку.

Посыпались непристойные шутки, бутылка пошла по кругу. Крэг спрыгнул на землю и подошел к Гэвину.

– Ты сегодня какой-то кислый. В чем дело?

– Ни в чем.

– Просто дуешься, да? – Крэг подождал, давая Гэвину возможность объяснить свое настроение, но потом сдался, пожал плечами и остался просто стоять рядом, так же внимательно разглядывая толпу. Неожиданно он возбужденно прошептал: – Эй, смотри, видишь вон того парня?

Гэвин посмотрел туда, куда указывал Крэг, и увидел мужчину, выбиравшегося с заднего сиденья автомобиля. Он поправил одежду и надвинул бейсболку пониже на глаза. Следом за ним вышли две девушки. Они были просто куколки, блондинки, грудастые, хотя их худые фигуры наводили на мысль об имплантатах.

– У них сиськи дутые, – прокомментировал Гэвин.

– Да наплевать!

Крэг продолжал пялиться на них.

– Интересно, цыпочки знают, что он коп? Гэвин изумленно посмотрел на него:

– Коп? Быть такого не может.

– Говорят.

Пока они смотрели, троица крепко обнялась. Потом мужчина попрощался с девицами, смачно шлепнув каждую напоследок по заднице и пообещав скорое свидание.

Девушки пошли прочь, к сожалению, в противоположном от Гэвина и Крэга направлении. Мужчина сел в свою машину, и пока он объезжал пикап Крэга, Гэвин встретился с ним взглядом.

– Чертов сукин сын, – выругался Крэг.

– Ты уверен, что он коп?

– На девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента.

– Тогда что он здесь делает?

– То же самое, что и мы, и на этот раз ему привалила удача.

– Да, двойная, – усмехнулся Гэвин.

– Везучий ублюдок. – Они смотрели вслед машине, пока красные огни не скрылись за деревьями. – Я видел, ты трепался с Мелиссой.

– Только на это она и годится. Мелет языком, как заводная. – Гэвин рассказал о встрече Мелиссы с его отцом около дома Кемпов. – Мой старик знает о «Секс-клубе».

– Не волнуйся на этот счет. – Крэг презрительно фыркнул. – Что они станут делать? Отберут все компьютеры?

– Именно об этом я его и спросил. Их это здорово заедает.

Гэвин говорил грубо, хотел показаться круче, чем он был на самом деле. У него в душе поселилась тревога. Вот почему он снова не послушал отца и ушел вечером из дома. Ему опять влетит, но разве в этом дело? Одной ссорой больше, одной меньше, какая разница?

Несколько недель назад, предвидя сложности, которые возникли теперь, он сделал дубликат ключей от машины. Как только отец завез его домой, а сам поехал на радиостанцию, Гэвин тоже уехал почти следом. Но он не чувствовал никакой особой доблести в том, что сумел удрать из дома. Ему

было скорее тошно от того, что могло произойти в следующие несколько дней.

– Как ты думаешь, где она?

Вопрос Крэга удивил Гэвина. Тот словно прочитал его мысли.

– Кто, Джейни? Откуда, черт побери, мне знать?

– Я думал, что ты знаешь.

– Почему?

Крэг раздраженно посмотрел на него:

– Ну я же видел вас вчера вечером.

Прозвучали последние строчки песни «Я никогда больше не буду так любить», и Пэрис включила свой микрофон:

– Это была Диона Уорвик. Я надеюсь, что в вашей жизни есть человек, готовый воплотить в жизнь все ваши фантазии.

Этим вечером студия казалась ей тесной, она задыхалась в четырех стенах, и все из-за Дина. Последние три часа шестнадцать минут он сидел на таком же высоком вращающемся кресле, как у нее, правда, достаточно далеко, чтобы у Пэрис была свобода движения и возможность дотянуться до нужной кнопки. Но все равно забыть о его присутствии она не могла. Он сидел практически неподвижно, почти все время молчал, но его глаза неотступно следили за каждым ее движением.

Пэрис особенно остро почувствовала его взгляд, когда заговорила о фантазиях и их воплощении.

– На улице тепло, сейчас час шестнадцать минут ночи. Я буду ставить для вас песни о любви на волне 101.3 FM. Расскажите мне, о чем вы думаете этой ночью. Позвоните мне. Марджери и Джим празднуют сегодня тридцатилетие своей совместной жизни. Они попросили меня передать песню, которая звучала на их свадьбе. Это группа «Кар-пентер» и песня «Рядом с тобой». Поздравляем вас, Марджери и Джим.

Зазвучали первые аккорды, Пэрис отключила свой микрофон и, посмотрев на Дина, нажала на красную кнопку, сигнализирующую о звонке слушателя.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис. Это Роджер.

В течение всей программы, принимая очередной звонок, они с Дином и боялись, что это будет Валентино, и в то же время ждали этого. Дин принес с собой портативный кассетный магнитофон и держал его наготове.

Дин вздохнул облегченно, Пэрис тоже заметно успокоилась, отвечая:

– Привет, Роджер.

– Не могли бы вы поставить для меня песню?

– Есть какой-то повод?

– Никакого. Просто эта песня мне очень нравится.

– Этого достаточно. Какую песню вы хотели бы услышать?

Она легко нашла песню и приготовила ее к прослушиванию, заменив ту, что выбрала заранее. Потом Пэрис потерла кулаками поясницу, встала и потянулась.

– Устала? – спросил Дин.

– Прошлой ночью я совсем не спала, и днем подремать тоже не удалось. Ты, наверное, тоже устал. Ты ведь не привык бодрствовать в такое время.

– Я привык к этому, и куда больше, чем ты думаешь. Теперь мне редко удается выспаться ночью. Я дремлю, прислушиваясь, не вернулся ли Гэвин.

– Он проводит с тобой лето?

– Нет, он со мной насовсем.

– С Патрисией ничего не случилось? – Пэрис и не пыталась скрыть свое удивление.

– Нет-нет, с ней все отлично. – Дин постарался побыстрее успокоить ее. – Просто замечательно, если честно, она наконец снова вышла замуж. Он хороший парень, нравится всем, кроме Гэвина.

Пэрис встречалась с бывшей женой Дина на одной из игр младшей лиги, в которой участвовал Гэвин. Их с Джеком даже приглашали к Мэллоям в дом на день рождения Гэвина. Пэрис помнила, что Патрисия была хрупкой симпатичной женщиной, серьезной и организованной.

Ей не пришлось ни о чем спрашивать, Джек сам рассказал ей, что Дин женился на Патрисии сразу после колледжа. Их союз просуществовал чуть больше года. Как только Дин привез Патрисию с новорожденным сыном из больницы, они почти сразу же расстались. Эти двое настолько не подходили друг другу, что решили, так будет лучше для всех,

даже для ребенка. Они развелись тихо, без скандалов.

Хотя Гэвин остался с Патрисией, Дин навещал его несколько раз в неделю и принимал активное участие в его жизни. Он ходил вместе с Патрисией на родительские собрания, тренировал футбольную и волейбольную команды, так что Гэвин рос у него на глазах. Когда супруги разводятся, как правило, о ребенке заботится тот из родителей, с кем ребенок живет. Пэрис восхищалась тем, что Дин так серьезно относился к своим родительским обязанностям.

– Гэвин не поладил с отчимом? – спросила она Дина.

– Это вина Гэвина. Он не просто отвратительно вел себя, он стал совершенно невыносимым. Мы с Патрисией обсудили ситуацию и решили, что лучше ему пока пожить у меня. Я хочу, чтобы у нас с ним все получилось.

– Я уверена, что так и будет со временем. Гэвин замечательный мальчик.

Дин рассмеялся:

– Я не могу с тобой согласиться. Но я надеюсь, что тот замечательный мальчик, которого ты помнишь, все же прячется под этой враждебностью и грубостью, пусть и глубоко.

В половине второго Пэрис прочитала сводку новостей с монитора, затем прошла реклама, во время которой она принимала звонки. Один из позвонивших попросил ее о свидании, Пэрис вежливо отказалась.

– Тебе следовало бы согласиться, – поддразнил ее Дин. – Парень был в полном отчаянии.

– Разумеется, он ведь был отчаянно пьян, – ответила она с улыбкой, стирая запись разговора.

Следующий звонок был от веселой пары. Они только что обручились.

– Питер попросил меня открыть бутылку вина, а сам протянул мне бокал, в котором лежало кольцо. – Даже хихиканье не могло скрыть очаровательный английский акцент. – Мои подружки в Лондоне мне не поверят! Когда-то мы все вместе смотрели «Даллас», не пропуская ни одной серии, и мечтали встретить красивого техасца.

Смеясь вместе с молодой женщиной, Пэрис спросила, какую песню они хотели бы услышать.

– «Она ни на кого не похожа». Питер говорит, что Билли Джоэл написал ее обо мне.

– И я уверена, что он прав. Вы не будете против, если наш с вами разговор услышат остальные слушатели?

– Это просто фантастика!

Пэрис записала их имена и ответила еще на несколько звонков. После рекламы она пустила в эфир разговор с молодой парой, поставила ту песню, которую хотели услышать будущие супруги, а потом еще две, выбранные ею самой.

Она автоматически управлялась с многочисленными кнопками и клавишами, продолжая разговаривать с Ди-ном о Гэвине.

– Что он сказал тебе по поводу встречи с Мелиссой Хэтчер?

– Мой сын сделал вид, что они незнакомы.

Пэрис вопросительно посмотрела на него, и он догадался, о чем она подумала.

– Да, меня это тоже беспокоит. Почему Гэвин так тщательно скрывает эти знакомства? Только под моим давлением он признался, что знает Джейни Кемп.

– Насколько хорошо он ее знает?

– Не слишком хорошо. Во всяком случае, Гэвин мне так сказал, но в последнее время от него трудно добиться правды.

– Да, это не те времена, когда он погнул колесо у велосипеда.

– Ты помнишь это?

– Мы с Джеком пришли к тебе на барбекю. Гэвин приехал на выходные и катался с соседскими детьми на велосипеде, но домой вернулся пешком. Спицы на переднем колесе были погнуты. Ты спросил, не дрались ли они велосипедами, и, когда он признался, ты отправил мальчика в его комнату на весь вечер.

– Это было для него серьезным наказанием, потому что вы с Джеком ему нравились. Но я еще заставил его делать кое-что по дому, чтобы заработать деньги на новое колесо.

– Строго, но справедливо.

– Ты так думаешь?

– Да, ты показал, что ценишь вещи, но расстроился вовсе не из-за сломанного велосипеда.

Дин печально улыбнулся:

– Я тысячу раз говорил ему, что нельзя драться на велосипедах или перескакивать через бордюр, потому что это опасно. Я не хотел, чтобы он стал донором органов.

– Ты прав, он мог удариться головой или сломать шею. Ты боялся за него и именно поэтому рассердился.

– Думаю, мне следовало объяснить это ему.

– Гэвин сам все понял, – негромко произнесла Пэрис.

Дин посмотрел на нее, и между ними словно протянулась незримая нить. Она оборвалась вместе с окончанием песни в исполнении Бетт Мидлер. Пэрис снова вернулась к приборной доске и включила свой микрофон:

– Не забудьте послушать завтра утром Чарли и Чеда. Они составят вам компанию по дороге на работу. А пока с вами Пэрис Гибсон и программа «Песни о любви». Телефонные линии будут работать ровно до двух часов ночи. Позвоните мне.

Когда началась следующая серия песен, она посмотрела на монитор.

– Осталось всего девять минут.

– Но ведь вчера Валентино позвонил в конце передачи? – Когда Пэрис кивнула, Дин спросил: – Ты сможешь поговорить с ним подольше, если он позвонит?

Пэрис указала на монитор:

– Смотри, как мало, осталось на две песни.

Дин подсчитал в уме.

– Значит, после окончания последней песни у тебя едва хватит времени попрощаться и выйти из эфира.

– Верно.

Он взглянул на лампочки телефонных линий на приборной панели. Три мигали.

– Если это не Валентино, не заводи со слушателем долгий разговор. Держи линии свободными. И помни: если это он, попроси разрешения поговорить с Джейни.

Пэрис сделала глубокий вдох, проверила, лежит ли палец Дина на пусковой кнопке магнитофона, и ответила одному из слушателей. Некая Рейчел попросила исполнить для ее мужа Пита песню «Это мог быть ты».

– А, Стивен Бишоп.

– Мы танцевали наш первый танец на свадьбе под эту песню.

– Такой хороший выбор! Вы заслужили, чтобы послушать эту песню в лучшее время. – Пэрис пообещала включить ее на следующий день в первые полчаса своей программы.

– Замечательно. Спасибо.

Пэрис снова оглянулась на Дина, прежде чем нажать следующую мигающую кнопку.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис.

У нее кровь застыла при звуках его голоса. Она быстро обернулась к Дину и увидела, что тот включил магнитофон. Записывающее устройство зарегистрировало номер телефо-

на, с которого звонил Валентино. Дин торопливо записал его. Он с такой жадностью смотрел на экран, словно ждал, что умная машина нарисует ему портрет говорившего.

– Привет, Валентино.

– Как прошел день? Ты была занята?

– Я справилась.

– Да ладно тебе, Пэрис. Поделись со мной. Что ты сегодня делала, чем занималась? Ты думала обо мне? Или ты отмахнулась от меня, как от сумасшедшего пустобреха? Ты сообщила в полицию?

– Зачем? Пока вы не дадите мне поговорить с девушкой, у меня нет никаких оснований считать, что она существует и что прошлой ночью вы сказали мне правду.

– Прекрати эти глупые игры, Пэрис. Разумеется, она существует. Зачем мне было сообщать о своих намерениях, если это все было ложью?

– Чтобы привлечь мое внимание. Валентино рассмеялся.

– Ну и как? Подействовало? Ты обратишь на меня внимание на этот раз?

– На этот раз? – удивилась Пэрис.

– Ты проигнорировала меня в прошлый раз, когда я предупреждал тебя, и посмотри, что случилось.

Пэрис посмотрела на Дина и покачала головой в знак того, что не понимает, о чем идет речь.

– О чем вы говорите, Валентино?

– Хочется узнать, правда? – издевательски поинтересо-

вался он. – Попроси меня как следует, и тогда, может быть, я намекну тебе. Но ты должна быть со мной *очень* любезной. Какая возбуждающая мысль. – Он громко задышал. – Достаточно одного твоего голоса, чтобы возбудить меня. Я представляю нас вместе. Этот день скоро наступит, Пэрис.

Она содрогнулась от отвращения, но продолжала мило беседовать с ним:

– Я не верю, что девушка с вами. Это блеф. Дин одобрително кивнул.

– Опять затеваешь игры, Пэрис? Не советую тебе продолжать в таком духе. Ты уже промотала впустую двадцать четыре часа из отпущенных семидесяти двух. Следующие сорок восемь часов будут веселыми для меня, но не для тебя. А что касается моей пленницы, то она немного устала. Все эти мольбы и стоны начинают действовать мне на нервы, но трахать ее одно удовольствие, и я своего не упущу.

Валентино повесил трубку.

– Вчера ночью он звонил с другого телефона, – заметил Дин, доставая свой сотовый. – Есть какие-нибудь перемены, Пэрис? Его голос изменился?

Дин был полицейским, но Пэрис была далеко от всего этого. Она испытывала сейчас крайнее отвращение, и ей нелегко было переключиться на деловой тон.

– Нет, – ответила она. – Валентино разговаривал точно так же.

– Мне тоже так показалось, но я подумал, ты могла что-то

заметить... Привет, Кертис, он только что позвонил. – Дин уже разговаривал с детективом. – С другого телефона. Вы готовы?

Едва он начал разговор, дверь в студию распахнулась и на пороге появился Стэн:

– Пэрис, в эфире тишина.

Она даже не заметила, что музыка закончилась. Пэрис махнула рукой, призывая всех к молчанию, и включила микрофон.

– Будьте счастливы, будьте здоровы, любите друг друга. Пэрис Гибсон желает вам спокойной ночи. – Она нажала несколько кнопок и объявила мужчинам: – Мы закончили.

– Этот убудок снова позвонил? – спросил Стэн. Дин, повернувшись к ним спиной, разговаривал с Кертисом.

Стэну ответила Пэрис:

– Оставь записку утренней смене, чтобы перевели последний разговор с записывающего устройства на кассету и сделали несколько копий. И предупреди Чарли и Чеда, чтобы они его не стерли.

Стэн выглядел оскорбленным.

– Я умею обращаться с техникой, Пэрис. Я вполне способен переписать разговор на кассету прямо сейчас.

Она замялась, не уверенная в его мастерстве. Но Криншоу выглядел таким огорченным, что она согласилась:

– Спасибо, Стэн, ты нам очень поможешь.

Дин закончил разговаривать с Кертисом, подхватил од-

ним движением пиджак со стула и кассетный магнитофон.

– Номер принадлежит другому телефону-автомату. Туда уже направилась патрульная машина.

– Я тоже еду, – решительно объявила Пэрис.

– Ты чертовски упряма. Я не могу оставить тебя одну. Он распахнул перед ней дверь. Пробегая мимо аппаратной, она окликнула Стэна:

– Ты не мог бы завезти кассеты ко мне домой?

Дин потащил ее за собой, и Стэн не успел ей ответить.

Мелисса Хэтчер завидовала Джейни Кемп, и для этой зависти было множество причин. Джейни была богаче, красивее, умнее, эффектнее и желаннее. Но кое в чем Мелисса превосходила Джейни, а именно в практичности.

Если бы Мелисса стала соперничать с Джейни, она мгновенно оказалась бы в этом соревновании на втором месте, и от лидера ее отделяла бы огромная дистанция. Но Мелиссе хватило ума сделаться ее лучшей подругой.

В первый вечер после возвращения Мелиссы из Франции все говорили только о Джейни и ее таинственном исчезновении. А по справедливости в центре внимания должна была бы быть Мелисса. Она была обижена. Она собиралась рассказать о пляжах нудистов на Лазурном берегу, о вине, которое пила, и о наркотиках, которые попробовала. История о том, как в Сен-Тропезе она проколола сосок и вдела серебряное колечко, могла увлечь слушателей минимум на полчаса.

Но никого не интересовали ее недавние приключения за границей. Все говорили только о Джейни.

Мелисса не верила ни в какие слухи, распространившиеся в тусовке на берегу озера. Кто-то говорил, что Джейни сбежала с полузащитником из «Ковбоев Далласа», с которым познакомилась в клубе на Шестой авеню, другие утверждали, что ее похитили и теперь ее папаша отказывается запла-

тить выкуп. Кое-кто додумался даже до того, что ее увез извращенец и сделал своей сексуальной рабыней.

«Ну да, как же», – с досадой подумала Мелисса.

Если бы Джейя сбежала с футболистом, она бы всех оповестила об этом. Мелисса не сомневалась, что судья Кемп мог отказаться платить выкуп за дочку, но, несомненно, сделал бы это перед камерами, чтобы использовать это событие в своей предвыборной кампании. И уж если кто и стал сексуальным рабом, так это тот парень, с которым уехала Джейни.

Джейни наверняка наглоталась наркотиков. Конец истории. Потом, когда она почувствует себя лучше, она снова появится и сполна насладится той суматохой, которую создала. Она снимет все сливки. Такова Джейни. Ее хлебом не корми, дай взбудоражить и шокировать людей.

Как это похоже на ее «лучшую подругу». Джейни удалось испортить Мелиссе первый день после ее возвращения из Франции. Вечер оказался сплошной тоской, и у Мелиссы испортилось настроение. Наслушавшись разговоров о Джейни на всю оставшуюся жизнь, Мелисса решила плюнуть на все и отправиться домой, чтобы отоспаться.

Но тут она заметила мужика постарше и передумала.

Она, кажется, уже видела его раньше. Мелисса не могла стопроцентно доверять своей памяти, но она почти не сомневалась, что развлекалась с ним как минимум один раз. Пусть и неприятно это сознавать, но этот тип наверняка предпочел бы Джейни, если бы она оказалась здесь, но ее не было.

Мелисса игривой походкой направилась к мужчине, который стоял, прислонившись к дверце своей машины, и наблюдал за происходящим.

– Все никак не насмотришься или уже кончил?

Он оглядел ее с головы до ног, потом медленно улыбнулся:

– Ни то, ни другое.

Мелисса кокетливо хлопнула его по руке.

– Думаю, ты понял меня неправильно.

– Ты не вкладывала в свои слова двойной смысл?

Мелисса толком не поняла, что он имеет в виду, но пожала плечами и как можно соблазнительнее улыбнулась ему.

– Может быть.

Он был симпатичным. Немного староват, лет тридцати пяти и жуликоват на вид, ну и что? Ее путешествие наверняка произведет на него впечатление.

– Я только что вернулась из Франции.

– Ну и как там?

– Очень по-французски.

Он одобрительно усмехнулся.

– Это был просто кошмар. Я не понимала, что они лопочут. Правда, мне нравилось слушать, как они разговаривают. Я видела парня, который пил вино за завтраком. Родители дают вино детям, можешь поверить? И еще люди загорают голышом на общественных пляжах.

– И ты загорала?

Она лукаво улыбнулась и спросила:

– А ты как думаешь? Мужчина погладил ее по руке.

– Москиты.

– Они сегодня невероятно злые. Может быть, спрячемся от них в твоей машине?

Он усадил ее впереди на место пассажира, обошел машину, сел за руль, завел мотор и включил кондиционер.

– Так намного лучше. – Мелисса прислонилась к холодной кожаной обивке. – Хорошая машина, – одобрила девушка. Она посмотрела на заднее сиденье и спросила: – Это что еще такое?

– Пластиковый мешок для мусора.

– Это я знаю, а вот что в нем?

– Хочешь посмотреть? – Он протянул руку назад и положил мешок ей на колени.

– Надеюсь, там не грязное белье? – спросила Мелисса, и он рассмеялся.

Мелисса развязала мешок, сунула руку внутрь и достала журнал. Название и обложка сказали ей все. Но она приняла беззаботный вид.

– Во Франции такие журналы продаются на каждом углу. Никто не обращает на них внимания. Можно посмотреть?

– Пожалуйста.

К тому времени, как она закончила просматривать журнал, мужчина уже гладил внутреннюю поверхность ее бедра. Он опустил голову, чтобы поцеловать сосок.

– Это что за игрушка?

– Мой сувенир из Франции. – Мелисса задрала топ и продемонстрировала кольцо в соске. – На пляже я познакомилась с парнем. Он подсказал мне адресок одного дантиста, который занимался пирсингом на стороне.

Мужчина засмеялся.

– Что тебя развеселило?

Кончиком пальца он поддел серебряное колечко.

– Так, ничего.

На автоответчике Дина ожидали семь сообщений от Лизы. Он прослушал все.

– Не могу представить, почему ты мне не позвонил, – так начиналось последнее. – Я обиделась и разозлилась, Дин. Неужели что-то случилось с тобой или с Гэвином? Если ты получишь это сообщение, пожалуйста, позвони. Если ты не перезвонишь мне в течение часа, я начну обзванивать городские больницы.

Лиза звонила в 3.20 ночи. Почти такое же сообщение она оставила на автоответчике его сотового телефона. Меньше всего на свете Дину хотелось разговаривать с Лизой. Хотя, пожалуй, нет, меньше всего на свете ему хотелось, чтобы Лиза начала обзванивать больницы.

Он позвонил ей на сотовый, и она ответила после первого же звонка.

– Со мной все в порядке, – сразу же сказал Дин. – Никто

не попал в больницу, и ты вправе сердиться на меня. Давай выпускай пар.

– Дин, что происходит?

Он рухнул на стул у кухонного стола и ладонью пригладил волосы.

– Это все работа. У нас тут кризисная ситуация.

– Я смотрела новости, но ничего не слышала о...

– Это же не национальная катастрофа, не крушение самолета, не взрыв, не массовое убийство, просто дело очень запутанное и крайне неприятное. Для меня все началось рано утром, то есть вчера утром, я хотел сказать. Целый день я только этим и занимался. Вот теперь добрался до дому и еле дышу. Конечно, это не оправдание, я должен был перезвонить тебе.

– И что это за дело?

– Пропавшая девушка. Подозреваемый псих. Он позвонил и сообщил нам, что собирается с ней сделать, если мы не найдем их до истечения определенного срока. – У Дина не осталось сил, чтобы рассказывать все подробно, и потом, ему не хотелось упоминать о Пэрис. Лиза ничего о ней не знала, и сейчас было не время пытаться объяснить ей сложившуюся ситуацию.

– Мне жаль, что у тебя выдался такой тяжелый день.

– Господи, Лиза, это я должен сожалеть.

Ему было о чем сожалеть. Дин сожалел о том, что делал вид, будто любит ее. Он притворялся так хорошо, что Лиза

поверила. Он сожалел о том, что вовремя не сказал ей, что ей следовало бы оставаться в Хьюстоне. Он сожалел о том, что искренне желал: пусть ее путешествие в Чикаго продлится как можно дольше.

Он спросил:

– Как прошла твоя встреча со шведами?

– С датчанами, – поправила она. – Они приняли мое предложение.

– Хорошо, хотя и неудивительно.

– Как Гэвин?

– С ним все в порядке.

– Вы больше не спорили?

– Мы избежали кровопролития.

– Я по твоему голосу слышу, как ты измотан. Я сейчас повешу трубку и дам тебе возможность немного отдохнуть.

– Послушай, я виноват...

– Это не имеет значения, Дин.

– Черта с два! Я заставил тебя волноваться без всяких на то оснований. Как это может не иметь значения?

Он сердился на Лизу, потому что она была к нему слишком снисходительна. Ему было бы легче, если бы она вышла из себя, накричала на него. Он не хотел, чтобы Лиза проявляла такое понимание. Почему она так легко дала ему сорваться с крючка? Лучше бы она орала, не позволяя ему вставить ни слова.

Но на полноценную ссору надо потратить много сил, а их у

него не осталось. Поэтому Дин лишь слабо выдавил из себя:

– Все равно я прошу у тебя прощения.

– Извинение принято. А теперь отправляйся спать. Мы поговорим завтра.

– Обязательно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Дин.

Он достал из холодильника бутылку с водой, долго пил прямо из горлышка, а затем побрел по темному дому в спальню. У Гэвина свет не горел, был выключен даже монитор компьютера. Дин остановился и заглянул в комнату сына.

Гэвин спал. Он лежал на спине, откинув в сторону простыню, раскинув длинные руки и ноги. Он почти упирался в спинку кровати. Гэвин дышал ртом, как и в детстве. Он выглядел совсем юным, невинным. В свои шестнадцать он готовился переступить черту, отделяющую мальчика от мужчины. Но во сне Гэвин выглядел скорее ребенком, чем взрослым.

Стоя на пороге и глядя на спящего сына, Дин вдруг понял, что у него щемит сердце от любви к Гэвину. Он не любил его мать, да и она его, впрочем, тоже. Но они оба любили Гэвина. С того самого дня, когда они узнали, что у них будет ребенок, вся любовь, которую им следовало бы испытывать друг к другу, была направлена на то существо, которое они зачали.

Увы, им явно не удалось показать Гэвину, насколько сильно они его любят. Мальчик так и не понял, что некоторые за-

преты должны были уберечь его от самого страшного, а меры дисциплинарного воздействия не доставляли его родителям никакого удовольствия. Родители любили его, а он этого не понимал. Черт побери, Дин хотел быть хорошим отцом. Он искренне стремился, чтобы сын никогда не усомнился в отцовской любви. Но где-то Дин ошибся, он сделал что-то не так или не сделал то, что требовалось. И вот теперь сын относился к нему с презрением и не скрывал этого.

Ощущая глубину своей неудачи, Дин попятился, вышел из комнаты Гэвина и тихо закрыл за собой дверь.

Спальня была просторной, с высоким сводчатым потолком, большими окнами и камином. Она заслуживала лучшей обстановки. Дин просто купил самые необходимые вещи, и все. Когда он только что переехал, он сказал Лизе, что специально ничего не делает, чтобы после свадьбы у нее была возможность все обставить по своему вкусу, но он солгал и ей, и самому себе. Он ни разу не пригласил ее остаться здесь на ночь.

Дин воткнул в розетку в ванной заряжающее устройство вместе с сотовым телефоном, чтобы тот был под рукой на случай звонка, разделся и встал под душ. Струи горячей воды лупили по его телу, а он вспоминал то, что произошло после звонка Валентино.

Сумасшедшие гонки к телефонной будке, из которой он звонил, оказались пустой тратой времени для всех – и для полицейских из трех патрульных машин, и для сержанта

Кертиса, явившегося одетым с иголки, словно это не была глубокая ночь, и для Пэрис с Дином.

Они приехали вскоре после того, как выяснилось, что Валентино нет нигде поблизости от телефонной будки, из которой он звонил. Магазин рядом был давно закрыт. На парковке не стояло ни одной машины. Из свидетелей нашелся только полосатый кот, наслаждавшийся хот-догом, который кто-то бросил в урну, но промахнулся.

– Жаль, что коты не умеют говорить, – мрачно пошутил Кертис, рассказывая все это им с Пэрис.

Они сидели в машине сержанта, подводя итоги. Пэрис устроилась на заднем сиденье.

– Я записал звонок на кассету, – сказал Дин Кертису, – давайте послушаем.

Они прослушали запись, потом Дин перемотал пленку, и они прослушали ее второй раз. Когда голоса смолкли, Кертис заметил:

– Похоже, он не знает, что мы за ним охотимся.

– И это может сослужить нам службу, – добавил Дин.

– Только до завтрашнего утра, потом все это появится в газетах. – Кертис с мрачным видом повернулся к Пэрис: – Что он имел в виду, когда говорил, что в прошлый раз вы не обратили на него внимания?

– Не имею ни малейшего представления, и я ему об этом сказала.

– Вы не помните прошлого предупреждения?

– Если бы я получила подобный звонок, я бы немедленно обратилась в полицию.

– Она так и поступила, – сказал Дин, которому не понравилось, как детектив смотрит на Пэрис. – К чему вы клоните?

– Ни к чему, просто размышляю.

– Тогда окажите нам любезность, размышляйте вслух. Кертис повернулся к Дину и уже собрался было отчитать его за недопустимый тон, но тут же вспомнил, что Дин старше его по званию.

– Я думал о Пэрис.

– Что именно?

– Как ей удалось сохранить свою анонимность? Я этого не могу понять. – Кертис снова повернулся к ней: – Другие представители вашей профессии ничего не скрывают от прессы. Их фотографии появляются в журналах. Они не гнушаются никакой рекламой, постоянно появляются на телевидении.

– Я не ищу дешевой популярности. Моя программа не так раскручена. Музыка совсем другая, и я тоже. Я всего лишь голос в темноте. Если мои слушатели будут знать, как я выгляжу, они не смогут говорить со мной откровенно. Часто людям легче разговаривать с совершенно незнакомыми, чем с близкими друзьями.

– Валентино это точно легче, – заметил Кертис. – Если вы с ним действительно незнакомы.

– Они могут быть незнакомы сейчас, но он не хочет, чтобы так продолжалось впредь, – заявил Дин. Пэрис и Кертис сразу догадались о том, что он намекает на уверенность Валентино в том, что он и Пэрис скоро станут любовниками.

Но Кертис не желал отклоняться от выбранной линии.

– Видите ли, – продолжал он, – как правило, те, кто предпочитает секс по телефону, выглядят совершенно заурядно. Иногда они толстые и уродливые, совершенно непохожие на тот образ, который создает их голос. Дин знал, что это замечание не случайно.

– Согласен, вы бросили наживку. Считайте, я попался, – сказал он.

– Они не лежат на атласных простынях в вызывающем нижнем белье, как приятно было бы думать позвонившему, а сидят в старых кроссовках и тренировочном костюме на грязной маленькой кухне. Все это вопрос воображения. – Кертис снова повернулся к Пэрис: – Люди слышат ваш голос и создают ваш образ. Я тоже так делал.

– И что?

– Я не угадал ничего. Мне казалось, что у вас темные волосы и темные глаза. Тип предсказательницы судьбы.

– Мне жаль, что я вас разочаровала.

– Я не сказал, что вы меня разочаровали. Просто вы не настолько экзотичны, как обещает ваш голос. – Детектив устроился поудобнее, чтобы ему не приходилось выворачивать шею, разговаривая с Пэрис. – Дело в том, что многие

могут представлять вас совсем другой. Судя по всему, среди них оказался и Валентино.

– Пэрис не может отвечать за воображение слушателей, – Дин немедленно ринулся на ее защиту. – Особенно если у них есть психические, эмоциональные или сексуальные проблемы.

– Да, вы уже об этом говорили. – Практически отмахнувшись от Дина, как от надоедливой мухи, Кертис продолжал обращаться только к Пэрис: – У вас есть личные причины для сохранения анонимности?

– Есть. Я хочу защитить мою личную жизнь. Когда человек работает на телевидении, он всегда на глазах у публики, даже в свободное время. Этот аспект моей работы мне никогда не нравился. Моя жизнь была открытой книгой. Все, что я говорила или делала, становилось объектом критики или домыслов. Меня судили люди, которые ничего обо мне не знали. Радио дает мне возможность не бросать любимую профессию, но при этом оставаться в тени. Я могу ходить куда угодно и оставаться неузнанной. На меня никто не смотрит, моя жизнь никого не интересует.

Кертис хмыкнул, давая понять, что это не вся история, но на этот раз он готов удовлетвориться сказанным.

– Сколько времени вы храните записи звонков?

– Сколько захочу.

Он состроил гримасу.

– Но это же огромное количество записей.

– Вы не забыли, что я оставляю только те, которые показались мне достойными внимания?

– О каком количестве приблизительно идет речь? О сотнях? – Пэрис кивнула, а детектив продолжал: – Мы бы ис­тратили оставшиеся у нас сорок восемь часов, если бы стали слушать все записи, пытаясь определить тот телефонный звонок, на который ссылается Валентино. Но если мы зайдем со служебного входа...

– То есть проверим нераскрытые дела, – подсказал Дин, вдруг поняв, к чему клонит Кертис.

– Верно. Я позвонил своему другу из того отдела, который занимается «висяками». – Отдел, специализирующийся на нераскрытых делах, располагался в здании, стоящем в нескольких милях от департамента полиции. – Он пообещал мне проверить, нет ли дел, похожих на дело Джейни Кемп.

– А если так, то мы проверим только те звонки, которые относятся к этому периоду времени, – снова вмешался Дин.

– Но я не советую вам возлагать на это слишком большие надежды, – предупредила их Пэрис. – Я могла не сохранить именно этот звонок. И потом, неужели я пропустила предупреждение об убийстве?

– Я сомневаюсь, что он говорил так открыто в первый раз, – заметил Дин. – Серийные убийцы с течением времени становятся все откровеннее. Они начинают очень осторожно, потом постепенно наглеют, пока их не поймают.

Кертис кивнул:

– Я с этим согласен. Знаю по опыту.

– Некоторые на самом деле хотят, чтобы их поймали, – продолжал Дин. – Они буквально умоляют, чтобы их остановили.

– Но я сомневаюсь, что Валентино подходит под это описание, – возразила Пэрис. – Он кажется очень уверенным в своей правоте.

Дин посмотрел на Кертиса и увидел, что детектив согласен с ней. К несчастью, с ней был согласен и Дин.

– С другой стороны, – Мэллой решил порассуждать дальше, – он может манипулировать нами. Возможно, ты не помнишь такого звонка, потому что его не было. Что, если Валентино намеренно отвлекает нас?

– Это возможно, – поддержал его Кертис. – У меня ясное ощущение того, что он исподтишка смеется над нами. Что вы знаете о Марвине Паттерсоне? – неожиданно спросил он Пэрис.

– До сегодняшнего дня я знала его только по имени.

– А почему вы спрашиваете? – удивился Дин.

– Он сбежал. Полицейские позвонили ему домой, чтобы проверить, на месте ли он, предупредили, что выезжают и хотят с ним поговорить. К тому времени, как они приехали, он исчез. Причем сделал это второпях. На кухне стояла грязная посуда, и кофейник был еще теплым. То есть он сорвался в одно мгновение.

– Выходит, ему есть что скрывать?

– Мы сейчас это выясняем, – ответил Кертис. – Номер социальной страховки, который он написал, заполняя анкету при приеме на работу на радиостанцию, принадлежит девяностолетней негритянке, умершей в приюте для престарелых несколько месяцев назад.

– Марвин Паттерсон не тот, за кого он себя выдает? – уточнил Дин.

– Я сообщу вам, когда сам буду знать.

– Марвин, или как его там зовут на самом деле, возможно, что-то и скрывает, но я не верю, что он может быть Валентино, – твердо сказала Пэрис. – Валентино шепчет, но отчетливо произносит каждое слово. Когда говорит Марвин, он проглатывает звуки.

Дин спросил у нее, как выглядит Марвин и сколько ему лет.

– Где-то около тридцати. Я никогда не обращала внимания на его внешность, но могу сказать, что он довольно привлекательный.

– Давайте подождем и посмотрим, что удастся выяснить, – вмешался Кертис.

– Вы нашли что-нибудь полезное в компьютере Джейни? – спросил Дин у Кертиса.

– Непристойности в большом количестве, написанные другими ребятами.

– Или преступниками. Кертис обдумал слова Дина.

– Кто бы это ни написал, это достаточно серьезно, осо-

бенно если учесть, что переписывались школьники старших классов. Рондо распечатал ее записную книжку с адресами электронной почты и теперь выясняет имена их владельцев.

На этом их ночная встреча закончилась. Возражения Пэрис против того, чтобы ее охраняла полиция, были отклонены. Кертис уже отправил Григса и Карсона к ней домой.

– Они оба хорошие ребята* серьезные. Если бы надо было охранять президента, мы не нашли бы лучших кандидатур. Их машина будет стоять возле вашего дома всю ночь.

Дин отвез Пэрис домой.

– А как насчет моей собственной машины? – спросила она, когда Дин отказался возвращаться на радиостанцию, где она ее припарковала.

– Утром попроси одного из своих обожателей пригнать ее.

Пэрис подсказала Дину, как проехать к ее дому. Она жила в зеленой холмистой части города, недалеко от центра. Дом из известняка стоял среди дубов. Участок был ухожен: Извилистая подъездная дорожка, обсаженная белыми калладиумами, вела к просторному крыльцу. Два бронзовых светильника приветливо мерцали по обеим сторонам блестящей черной двери.

Эту милую картину нарушала полицейская патрульная машина, припаркованная у тротуара. Два молодых полицейских буквально выпрыгнули из нее, как только Дин остановил машину рядом с ними.

Дин помахал рукой Григсу, готовому сорваться с места.

– Я провожу мисс Гибсон до дома.

Он настоял на том, чтобы войти вместе с ней, хотя сигнализация не зафиксировала чужого присутствия. Дин проверил все комнаты, заглянул во все шкафы и даже под кровать.

– Валентино не из тех, кто станет прятаться под кроватью, – заметила Пэрис.

– Насильники часто поджидают свою жертву в ее же доме. Это часть игры.

– Ты пытаешься меня напугать?

– Совершенно верно, будет лучше, если ты испугаешься, Пэрис. Этот парень хочет наказать женщин, ты не забыла? Валентино сердит на Джейни – во всяком случае, мы предполагаем, что это Джейни, – потому что она ему изменила. Он сердит на тебя, потому что ты встала на ее сторону.

– Я даже не знала, что принимаю чью-то сторону.

– Значит, он неправильно воспринимает ситуацию...

– Но он в это верит, я знаю, – убежденно произнесла Пэрис.

– Его заявление, что вы скоро станете любовниками, на самом деле предупреждение, что ты станешь следующей жертвой. Для него это одно и то же.

Пэрис на мгновение прикусила губу.

– Когда он закончит с Джейни, он придет за мной.

– Не придет, если я смогу этому помешать. – Дин подошел к ней и положил руки ей на плечи. – Но пока мы его не поймали, бойся его.

Она слабо улыбнулась:

– На самом деле я совсем не боюсь. Но я не глупая и буду осторожна.

Пэрис попыталась отойти от Дина, но он не отпустил ее.

– Впервые за все время нашей дружбы мы оказались в спальне вместе, – тихо сказал он.

– Дружбы? – усмехнулась Пэрис.

– Разве мы не были друзьями?

Она помедлила, но потом все-таки кивнула.

– Да, мы были друзьями.

Дин снял с нее очки и швырнул их на ближайшее кресло, потом с тревогой заглянул ей в глаза. Они были такими же красивыми, какими он запомнил их. Синие, умные, выразительные.

Дин с облегчением вздохнул:

– Я боялся, что у тебя серьезная травма или частичная потеря зрения, поэтому ты и носишь очки.

– Я не получила никаких серьезных повреждений, – хрипло ответила Пэрис. – У меня даже шрамов заметных не осталось. Но глаза все еще чувствительны к яркому свету.

Не отводя взгляда, Дин протянул руку ей за спину и выключил свет. В комнате стало темно. Они касались друг друга, и так как Пэрис не отодвинулась от Дина, он обнял ее, нагнулся к ней, чтобы поцеловать.

– Не надо, Дин.

Эти слова прозвучали неуверенным шепотом у самых его

губ, и он не послушался. Ее губы раскрылись ему навстречу, и когда их языки соприкоснулись, она застонала, отвечая на его стон. Он прижал ее к стене, желая почувствовать ее, попробовать на вкус, просто желая.

Он обнял ее за талию, прижимая крепче к себе. Она преврала поцелуй и со стоном произнесла его имя.

Дин продолжал целовать ее глаза, брови, щеки, шепча:

– Мы так долго этого ждали, Пэрис, разве не так? Потом он снова поцеловал ее в губы, коснулся рукой ее груди, большим пальцем провел по соску, ощущая его выпуклость. Дин чувствовал, как напряглись ее руки, обнимающие его.

Он помнил, как нагнул голову, ища губами ее сосок, но тут раздался громкий голос:

– Мисс Гибсон! Доктор Мэллой!

Дин резко выпрямился, Пэрис застыла, потом осторожно высвободилась и отошла от него. У Дина от досады потемнело в глазах.

– Этот проклятый первогодок! Я его убью!

В тот момент он был готов это сделать. Дин в самом деле слетел бы вниз по лестнице и задушил Григса голыми руками, если бы Пэрис не удержала его. Она пригладила волосы, поправила одежду и спокойно прошла в гостиную.

Григс стоял на пороге.

– Вы оставили открытой входную дверь, – обратился он к Мэллою, который шел по пятам за Пэрис. – У вас все в порядке?

– Все замечательно, – завершила его Пэрис. – Доктор Мэллой был так любезен, что проверил весь дом.

Григс смотрел на нее со странным выражением. Либо он заметил, что она покраснела, а ее губы опухли, либо удивился тому, что она так запыхалась, либо был изумлен тем, что впервые увидел Пэрис Гибсон без темных очков. В любом случае Григс не сумел изобразить равнодушное спокойствие.

В эту минуту Дин был не способен на дипломатию и выпалил:

– Теперь вы можете идти.

Он терпеть не мог полицейских, которые пользовались своим положением, но на этот раз он сам воспользовался им, и ему понравилось.

Пэрис была более сдержанной.

– Доктор Мэллой уже уходит. Мы оба высоко ценим вашу бдительность, офицер Григс.

– Тут заезжал один парень, Стэн, кажется. Он оставил для вас вот это. – Григс протянул ей несколько кассет.

– Да, спасибо, – сказала Пэрис.

– Просто оставьте их на столе, – сердито буркнул Дин.

Григс выполнил приказ Дина, но недовольно покосился на него, а потом вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Дин снова попытался обнять Пэрис, но она уклонилась от его объятий.

– Этого не должно было произойти.

– Тебя беспокоит появление Григса или поцелуй? Пэрис мрачно посмотрела на него:

– Это больше, чем просто поцелуй, Дин.

– Ты это сказала, не я. Она обхватила себя за плечи.

– Не принимай всерьез, это никогда больше не повторится.

Дин долго смотрел на нее, вглядываясь в напряженное выражение ее лица, в застывшую фигуру, и тихо попросил:

– Не делай этого, Пэрис.

– Чего не делать? Я не должна опомниться, по-твоему?

– Не замыкайся в себе, не закрывайся от мира, не отгораживайся от меня, не наказывай меня и не наказывай себя.

– Тебе надо идти. Они будут ждать, пока ты не уедешь.

– Мне плевать. Я ждал семь лет.

– Чего? – гневно крикнула Пэрис. – Чего ты ждал, Дин? Смерти Джека?

Эти слова причинили ему боль, и она знала об этом. Пэрис произнесла их намеренно, чтобы ранить Дина. Укромная собственную ярость, специально понижая голос, он ответил:

– Я ждал удобного случая, чтобы оказаться рядом с тобой.

– И что должно было случиться? Ты ждал, что я упаду в твои объятия? Что я забуду все, что случилось, и...

Когда Пэрис замолчала, Дин вопросительно поднял бровь.

– И что еще, Пэрис? Что ты полюбишь меня? Ты это собиралась сказать? Ты этого боишься до смерти? Ты напуга-

на тем, что тогда мы действительно полюбили друг друга и любим до сих пор?

Она ничего не ответила ему. Вместо этого Пэрис подошла к двери и распахнула ее.

Учитывая присутствие сторожевых псов у тротуара, Дину ничего другого не оставалось, и он ушел.

Вода в душе стала совсем холодной, но его тело все еще горело огнем от желания узнать, что бы она ответила на его вопрос, если бы ему удалось заставить ее сделать это.

Джейни забыла о мести. Она думала только о том, чтобы выжить.

Ее попытки сбежать из этой комнаты казались ей такими же далекими, как веселые дни рождения ее детства. Она вспоминала фотографии, сделанные на этих праздниках, но не чувствовала никакой связи между собой и той маленькой девочкой в серебряной короне, задувающей свечки на красивом торте из кондитерской. Вот и теперь, вспоминая о том, что она хотела сбежать, чтобы наказать своего мучителя, Джейни будто вспоминала о ком-то другом.

Она так ослабела, что, даже если бы ее не связывали, не смогла бы сделать ни шагу. Ее мучитель приходил еще два раза, но больше не давал ей ни воды, ни еды. С голодом она бы смирилась, но от жажды у нее пересохло в горле. Она взглядом умоляла его, но эти молчаливые просьбы он оставил без ответа.

Он был жизнерадостным, разговорчивым, даже довольным. Он покачал головой и посмотрел на нее с новым интересом:

– Как думаешь, Джейни, тебя кто-нибудь хватился? Ты так отвратительно обходилась с людьми, особенно с мужчинами. У тебя особый дар, я бы назвал это твоим хобби. Ты добиваешься, чтобы мужчины желали тебя, а потом прилюдо-

но унижаешь их. Я давно наблюдал за тобой, прежде чем подойти к тебе в тот вечер. Ты об этом не знала? А я наблюдал. И знаешь что? Я угадал твое прозвище в Интернете. Киска-в-сапогах. Верно? Очень умно. Ты ведь любишь носить ковбойские сапоги. И твои самые любимые красные, верно? Ты даже надевала их как-то раз, когда была здесь у меня. Подожди-ка, сейчас я посмотрю.

Он обошел комнату, нашел альбом, перелистал его и удовлетворенно кивнул:

– Да, здесь ты в сапогах. Только в сапогах, – добавил он с кривой усмешкой.

Когда он показал снимок ей, Джейни отвернулась и закрыла глаза. И это его рассердило.

– Ты что, серьезно думаешь, что о тебе кто-нибудь думает?

Вскоре после этого он ушел, и ей стало легче, спокойнее. Но Джейни боялась, что он больше не вернется. Она громко заплакала, несмотря на ленту, закрывавшую ей рот.

Или ей только показалось, что она плачет громко? Джейни стало трудно дышать, и она испугалась. Неужели можно утонуть в слезах, захлебнуться ими, как рвотой?

«Держись, Джейни!» – подумала она.

Она могла это сделать, могла пережить его. Она будет держаться до тех пор, пока не придет помощь, а помощь придет скоро. Ее родители перевернут весь город, чтобы найти ее. Ее папочка богат, он наймет частных детективов, пригласит

ФБР, армию, кого угодно, только бы найти ее.

Джейни ненавидела этих придурков-полицейских из управления полиции. Они часто выговаривали ей за вождение в пьяном виде, за нарушение общественного порядка, за наркотики. Если бы она не была дочерью судьи Кемпа, копы уже давно отправили бы ее за решетку.

Она соблазняла некоторых самых молодых, самых интересных полицейских, которые отличались более либеральными взглядами, чем ветераны. Вот, например, тот, который работал под прикрытием в ее школе. Она должна была его соблазнить, это был вызов, а когда ей это удалось, она была глубоко разочарована.

И тем не менее у нее были друзья в полиции. Они тоже будут ее искать.

Этот подонок, ее мучитель, позвонил Пэрис Гибсон. Зачем он это сделал, Джейни не знала, да ее это и не волновало. Он явно гордился этим звонком, несколько раз давал ей послушать запись. Может быть, он хотел, чтобы Джейни узнала, что он может называть по имени известную ведущую и говорит ей «ты»? Идиот! Он что, не знает, что Пэрис всех называет по имени? А «тыкает» он ей, потому что хам и наглец.

Да ладно! Главное, что он впутал в это дело Пэрис. У нее есть связи. Никто не посмеет игнорировать Пэрис Гибсон.

Но оптимизм быстро покинул Джейни. Времени оставалось все меньше. Он сказал Пэрис, что убьет свою пленни-

ду через семьдесят два часа. Но когда именно он звонил? Сколько времени уже прошло? Джейни потеряла счет дням, она даже не понимала, светло на улице или темно. А что, если идет уже семьдесят первый или семьдесят второй час?

Если он ее и не убьет, она может просто умереть от голода и жажды в одиночестве. Что, если он больше сюда не вернется? Сколько она сможет прожить без воды и еды? И что, если – а этого Джейни боялась больше всего – он прав и всем абсолютно наплевать, куда она подевалась?

Доктору Брэдли Армстронгу не удалось этой ночью выспаться в собственной постели, но когда он подходил к стоматологической клинике за полчаса до прихода своего первого пациента, то чувствовал себя превосходно.

Он спал всего пару часов, но сон – не единственное средство, возвращающее энергию. Девушка с серебряным колечком в соске поможет любому мужчине снова почувствовать вкус к жизни.

Входя в здание, он насвистывал себе под нос. Его приветствовала секретарша.

– Доброе утро, доктор. Надеюсь, миссис Армстронг нашла вас вчера вечером. Она так расстроилась, что ее сюрприз не удался.

– Мы с ней великолепно поужинали после того, как уложили детей спать, так что все получилось очень удачно. Для меня есть сообщения?

– Дважды звонил некий мистер Хэтавэй, но не оставил сообщения. Он только попросил, чтобы вы ему обязательно перезвонили. Соединить вас с ним?

Мистер Хэтавэй осуществлял надзор за условно осужденным Брэдли Армстронгом. Брэдли его ненавидел. В самые лучшие дни Хэтавэй был настоящим козлом, лишенным чувства юмора. Он обожал рассматривать людей поверх своих стариковских очков. Брэдли предполагал, что это его манера воздействовать на подопечных.

– Нет, спасибо, – поблагодарил он секретаршу. – Я сам позвоню попозже. Больше ничего?

– Ничего.

Похоже, на этот раз Тони рассердилась по-настоящему. Иначе она бы давно уже позвонила, только чтобы убедиться, что он жив и здоров, что его не ограбили, не убили, что он не свалился с сердечным приступом и не столкнулся с каким-нибудь сумасшедшим на велосипеде. Тони всегда сама делала первые шаги к примирению. Разве не так должна была вести себя любящая верная жена, если ее муж после ссоры вылетел из дома, громко хлопнув дверью, и не пришел ночевать?

Значит, его нельзя обвинять за то, что он сделал вчера вечером, так ведь? Он нарушил свои клятвы, но в этом виновата Тони, а вовсе не он. Она даже не попыталась проявить сострадание и понимание, она его отчитала, как мальчишку.

Ну да, у него есть коллекция эротических журналов и фо-

тографий. Подумаешь! Некоторые называют это порнографией, ну и что дальше? Пусть его коллекция довольно большая. Разве за это надо отдавать под суд?

Тони, разумеется, станет обвинять его, что он вел себя слишком грубо. Он просто слышал ее голос: «Откуда эта агрессия, Брэдли? Я не узнаю тебя». У Тони много хороших качеств, но авантюризма в ней нет совсем. Все новое, необычное ее пугало. Он видел страх в ее глазах вчера вечером.

Ей следовало бы поучиться у этой девушки, которую он встретил у озера. Мелисса, так ее звали. Во всяком случае, так она ему сказала. Он-то не стал называть ей свое имя, да она вроде и не спрашивала. Для такой девушки, как Мелисса, имена не имели значения.

Он видел ее с разными партнерами. Его коллекция Мелиссу не шокировала, более того, она по достоинству оценила журналы. Фотографии здорово ее распалили. Она на него буквально набросилась. Эта девушка с колечком в соске – это нечто! Тони упрятала бы его за решетку, если бы он предложил ей сделать пирсинг. Но это так возбуждает!

Брэдли сел за свой письменный стол и включил компьютер. Многие в клинике удивлялись, почему он поставил монитор тыльной стороной в комнату, вместо того чтобы поставить его у стены, спрятав провода. Он придумал какое-то объяснение, но главное было в том, чтобы никто не увидел, что у него на экране.

Армстронг посетил свои любимые сайты, но был разочарован тем, что сведения там не обновили с прошлого утра. И все-таки он просмотрел все, ища девушку с кольцом в соске. Таковой не оказалось.

Ничего, он еще попутешествует по Интернету попозже, заглянет на другие сайты в поисках чего-нибудь экзотического. Может быть, кто-нибудь из членов «Секс-клуба» сообщит что-то интересное. Пусть дети поработают в передовом отряде.

Он ввел пароль и открыл нужный сайт. Брэдли сразу перешел к доске объявлений и собирался уже напечатать свое объявление, когда в дверь кабинета постучали и тут же ее открыли.

– Доктор Армстронг?

– Что? – грубо ответил он.

– Простите, – сказала ассистентка, – я не хотела вам мешать. Ваш первый пациент готов.

Брэдли заставил себя улыбнуться.

– Спасибо. Я только закончу письмо маме и сейчас же приду.

Ассистентка ушла. Он посмотрел на часы. Прошел почти час после его прихода, а ему показалось пять минут.

– Время летит... – пробормотал он себе под нос. Некоторые мужчины за завтраком изучают биржевые сводки, кто-то жить не может без спортивных новостей. У него другие интересы. И что в этом преступного?

Он вернулся на свою страницу и стер все свои связи в Интернете, просто так, на всякий случай, чтобы их невозможно было проследить.

Армстронг залечил зубы трем пациентам, и только после этого ему удалось сделать перерыв. Свежую газету кто-то оставил у кофеварки. Брэдли взял ее, прихватил чашку кофе и пончик и прошел в свой кабинет. Он сделал глоток кофе, откусил кусочек пончика, взглянул на первую страницу и едва не подавился, когда увидел фотографию *той* девушки.

Хороший портрет, вероятно, последний школьный снимок. Ирония, но факт, она выглядела очень серьезной. Казалось, она смотрит прямо на него. Брэдли захотелось отвернуться, но он не смог.

Под фотографией была статья о ней. Дочь судьи штата. Господи боже! Заканчивает школу. Не слишком примерное поведение в прошлом. В последнем семестре была отстранена от занятий на три дня. Загадочное исчезновение.

Репортер подробно описывал ее участие в Интернет-клубе, целью которого был поиск сексуальных партнеров. Черным по белому автор статьи подробно описывал все: как работает клуб, как стать его членом, что происходит на чатах. Он не забыл ни о предельно ясных объявлениях, ни о тусовках, о которых знали все члены клуба. Все, кто видел Джейни или был знаком с ней, были опрошены полицией. Вскользь упоминалась программа Пэрис Гибсон и ее возможная связь с этим делом.

Брэдли схватился за голову.

«Сержант Роберт Кертис, возглавляющий следственную группу, не стал комментировать возможную связь мисс Кемп с „Секс-клубом“, хотя офицер Джон Рондо из отдела компьютерных преступлений такую связь не отрицал.

– Мы изучаем это, – заявил Рондо.

Офицеры полиции не ответили на вопрос, не может ли эта история оказаться блефом».

В статье также сообщали о том, что в департаменте полиции отказались от комментариев по поводу того, почему детектив из отдела убийств занимается делом о пропавшей девушке. Более разговорчивый Джон Рондо сказал журналисту: «Сейчас у нас нет никаких сведений о том, что это может быть грязной игрой. Мы считаем, что мисс Кемп сбежала». Хороший ответ, но он слишком далек от предложенной темы.

Были приведены и слова судьи Кемпа: «Как и все подростки, Джейни очень безответственна и не ставит нас в известность о том, что собирается делать. Мы с миссис Кемп уверены, что наша дочь скоро вернется. Пока еще слишком рано для тревожных предположений».

Брэдли буквально подскочил на стуле, когда зазвонил телефон. Трясущейся рукой он снял трубку.

– Алло?

– Ваша жена на второй линии, доктор Армстронг. И пришел ваш следующий пациент.

– Спасибо. Дайте мне пять минут.

Он вытер пот с верхней губы, несколько раз глубоко вздохнул и только потом нажал на нужную кнопку. Пришла пора притвориться покорным.

– Привет, дорогая. Послушай, прежде чем ты что-то скажешь, я хочу, чтобы ты знала, как я сожалею о том, что произошло вчера. Я люблю тебя и ненавижу себя за то, что наговорил тебе. Этот мешок и его содержимое? Я все выбросил. А что касается... остального... Я просто не знаю, что на меня нашло... Я...

– Ты не пришел на назначенную встречу, – упрекнула его Тони.

– Что? – Он даже не сразу понял, о чем она говорит.

– Ты забыл о том, что у тебя назначена встреча с мистером Хэтавэем в десять. Он позвонил мне, потому что не смог дозвониться к тебе на работу.

– Господи, я и забыл об этом. – Он и правда забыл. Он вошел в кабинет, провел час в Интернете, принял трех пациентов и прочитал статью в газете.

– Как ты мог забыть о таком важном деле, Брэдли?

– У меня были пациенты, – уже разозлившись, ответил он. – Они тоже чертовски важны. Ты помнишь о выплатах по закладной? О взносах за машину? О счетах из магазина? У меня есть работа.

– Это не будет иметь никакого значения, если ты сядешь в тюрьму.

Брэдли посмотрел на фотографию Джейни Кемп.

– Я не попаду в тюрьму. Во всяком случае, за то, что пропустил одну встречу с Хэтавэем.

– Он и так был достаточно снисходительным. Мистер Хэтавэй перенес вашу встречу на половину второго.

Тони снова была в своем репертуаре, обращаясь с ним как с ребенком. Господи, он же взрослый человек!

– По-моему, ты меня не понимаешь, Тони. У меня есть работа.

– И пагубное пристрастие, – резко добавила она. Проклятие!

– Я же сказал тебе, что избавился от журналов. Я выбросил все в мусорный ящик. Ну что, ты довольна?

Тони рассмеялась, но этот смех прозвучал невесело.

– Ладно, Брэдли, хватит. Тебе не удастся никого обмануть: ни Хэтавэя, ни тем более меня. Если ты не придешь на эту встречу, Хэтавэй составит рапорт, и тебе придется худо. – С этими словами она повесила трубку.

– Ну, разумеется, ты же у нас всегда права, дорогая! – проорал Брэдли в трубку и грохнул ее на рычаг.

Откатившись на кресле к полкам, он резко встал. Массируя шею, Брэдли принялся мерить шагами кабинет.

В другое время он бы очень рассердился на Тони за то, что она разговаривает с ним в таком тоне. Да он и теперь рассердился. Честно говоря, он был вне себя от злости. Но на этот раз Тони все сойдет с рук. Ему придется заняться куда

более серьезными проблемами.

Брэдли Армстронг задумался над своим положением, и оно показалось ему довольно опасным. Да поможет ему господь, если ей было меньше семнадцати. Ну и что с того, что опыта у нее оказалось побольше, чем у десятидолларовой шлюхи. Какие там десять долларов! Он дал ей пятьдесят за второй раунд. Но если она малолетка, то он совершил преступление. А его жена, которая обо всем рассказывает руководителю групповой терапии и офицеру-наблюдателю, уже наверняка доложила им о появившейся у него склонности к насилию.

Но больше всего Брэдли беспокоило то, что он не мог вспомнить, видел ли он Мелиссу в компании Джейни Кемп. От таких мыслей у него похолодело в животе.

Сержант Кертис позвонил как раз в тот момент, когда Пэ-рис намазывала на тост ореховое масло.

– Вы помните, ночью я говорил вам о нераскрытых делах?

– Вы нашли среди них нечто похожее?

– Дело Мэдди Робинсон. Ее тело нашли через три недели после того, как соседка по комнате заявила о ее исчезновении. Один фермер нашел труп в неглубокой могиле на одном из своих пастбищ, вдалеке от жилья и дорог. Причина смерти – удушение чем-то, напоминающим веревку. Труп уже начал разлагаться. Грызуны и черви сделали свое дело.

Пэрис отложила в сторону свой завтрак. А Кертис как ни в чем не бывало продолжал свой рассказ:

– Но эксперт сумел установить, что тело было вымыто специальным раствором. – Он сделал многозначительную паузу. – Снаружи и изнутри.

– Так что даже если бы тело нашли раньше...

– Этот извращенец сделал все, чтобы мы не могли определить его ДНК. Вокруг могилы не было следов, ни от ног, ни от машины. Вероятно, помогла погода. Одежды на трупе также не оказалось.

Пэрис стало нехорошо при мысли о том, какой ужасной смертью погибла неизвестная ей Мэдди. Она спросила Кертиса, какими данными о жертве он располагает.

– Девятнадцать лет. Привлекательная, но не сногшибательная красавица. Она была студенткой. Дорис, ее соседка по комнате, призналась, что они вели отнюдь не монашеский образ жизни. Погуляли достаточно. Девушки почти каждый вечер проводили вне дома. Но есть кое-что весьма интересное. Мэдди упоминала, что встречается с «особенным» парнем.

– В каком смысле «особенным»?

– Дорис не знала. Мэдди уклончиво говорила о том, в чем состоит эта особенность. Девушки дружили еще со школы и обычно рассказывали друг другу обо всем. Но на этот раз Мэдди не говорила ничего, кроме того, что этот таинственный парень клевый, замечательный и непохожий на других.

– Подруга Мэдди никогда его не видела?

– Он не приходил к ним в квартиру. Мэдди встречалась с ним где-то еще. Он никогда не звонил по квартирному телефону, только Мэдди на сотовый. Соседка по комнате полагала, что парень женат, отсюда и вся секретность. При всех прочих «подвигах» Мэдди и Дорис никогда не спали с женатыми мужчинами. Не по моральным соображениям, а потому что у таких отношений не было будущего. Так сказала сама Дорис. Сначала Мэдди заявила, что влюблена, а потом сообщила, что разрывает отношения. Она сказала подруге, что парень становится настоящим собственником, и это ее раздражает, потому что он ни разу не пригласил ее на настоящее свидание. Они бывали только в его квартире, которую она

описывала как настоящую помойку, и там занимались сексом. Мэдди намекнула, что такой секс был необычным даже для нее, и ей понравилась именно новизна. Дорис пыталась выспросить подробности, но Мэдди отказалась говорить об этом. Она только заявила, что между ними все кончено.

Чтобы развеселить Мэдди, Дорис предложила ей переспать с кем-нибудь еще. Та последовала совету. Они вместе отправились в бар, напились, Мэдди кого-то подцепила и привела нового знакомого в их квартиру. Позже с этого парня были сняты все подозрения.

Последний раз Мэдди Робинсон видели на берегу озера Трэвис, где большая группа молодых людей праздновала начало летних каникул. Они с подружкой потеряли друг друга в толпе. Дорис вернулась домой одна, предполагая, что Мэдди нашла себе партнера на ночь. В их кругу это считалось совершенно нормальным. Но когда Мэдди не вернулась спустя сутки, Дорис обратилась в полицию.

Я не работал над этим делом, поэтому сразу о нем не вспомнил. Расследование по горячим следам ни к чему не привело, поэтому дело передали в отдел «висяков». – Закончив краткий отчет, Кертис тяжело вздохнул.

– Значит, это случилось приблизительно в конце весеннего семестра? – уточнила Пэрис.

– Где-то в самом конце мая. Тело было найдено в двадцатых числах июня. У вас сохранились записи за этот период?

– Да. Вам принести дубликаты?

– Обязательно, и как можно скорее.

– Стэн!

Он дернулся, когда вошла Пэрис и застала его сидящим за ее столом. Криншоу быстро пришел в себя и мрачно приветствовал ее.

Она бросила сумочку на грудь распечаток.

– Ты занял мое место.

Прежде чем засесть в своем кабинете, Пэрис заглянула в архив и взяла несколько компакт-дисков, на которых были записаны некоторые разговоры со слушателями. Она передала их инженеру и попросила переписать на аудиокассеты.

– Аудиокассеты? Это же шаг в прошлое, – пробормотал он.

Пэрис не стала объяснять, что отдел расследований все еще работает с кассетными магнитофонами, а просто поблагодарила его и вышла, прежде чем он успел отказаться от выполнения такой странной просьбы.

– Что ты делаешь в моем кабинете? – напрямик спросила она Стэна, заняв свое кресло. Как и накануне вечером, он расчистил уголок на столе и сел без приглашения.

– У меня нет собственного кабинета, и это самое удобное место, чтобы подождать.

– Чего?

– Не чего, а кого. Моего дядю Уилкинса. Он на совещании с генеральным менеджером.

– По поводу чего? – спросила Пэрис.

– По поводу меня.

– Что случилось? Что ты натворил?

Криншоу тут же придал лицу оскорбленное выражение:

– Ну почему все сразу думают, что я напортачил?

– А ты этого не делал? – усмехнулась Пэрис.

– Да нет же!

– Тогда почему твой дядя Уилкинс проводит совещание по твоему поводу с генеральным менеджером?

– Все из-за этого проклятого телефонного звонка.

– Из-за звонка Валентино?

– Да. Этот звонок кое-что напомнил дяде. Вот он и прилетел на самолете компании сегодня рано утром, позвонил мне, поднял с постели и приказал немедленно явиться сюда. Я помчался сломя голову, а он уже совещается за закрытыми дверями. Я его еще даже не видел.

– Что еще за «кое-что»?

Вместо того чтобы ответить на ее вопрос, Стэн задал свой:

– Я хорошо здесь работаю, Пэрис? Она удивленно покачала головой:

– Стэн, ты же ничего здесь не делаешь.

– Я бываю здесь каждый рабочий день с десяти вечера до двух ночи.

– Ты просто занимаешь место, но при этом ты ничем не занимаешься.

– Конечно, потому что все оборудование работает как ча-

сы.

– А если бы что-то сломалось, ты бы сумел исправить?

– Возможно. Я на «ты» с техникой, – раздраженно отмахнулся Криншоу.

– Я бы выбрала другое слово, чтобы описать сложнейшее электронное оборудование ценой в несколько миллионов долларов. Ты хотя бы разбираешься в радиотехнике, Стэн?

– А ты?

– Я не занимаю вакансию инженера.

Он был просто испорченным мальчишкой, готовым расплакаться по любому поводу. Пэрис всегда могла бы упрекнуть его в некомпетентности и нежелании работать. Незнание можно простить, а равнодушие нет. Во всяком случае, с точки зрения Пэрис.

Когда она говорила в микрофон, она помнила о том, что ее слушают тысячи людей. Ее голос достигал их в машине или дома. Она становилась их партнером в том, что они делали в данную минуту.

Количество слушателей было не просто шестизначной цифрой, которую она могла учесть в своем рейтинге. За каждой единицей стоял человек, который уделил ей свое время и для которого она должна была провести свою программу на самом высоком уровне.

Стэн никогда не думал о том, что их слушают люди. А если и думал, то это никак не отражалось на его работе. Он

ни разу не проявил инициативу. Он проводил в аппаратной свое время, отсчитывая минуты до конца эфира, чтобы побыстрее покинуть радиостанцию и заняться какими-то своими, неизвестными Пэрис делами.

Но привсем при этом Пэрис не могла не пожалеть его. Он не сам выбрал себе работу. Его будущее определилось раз и навсегда в ту самую минуту, когда он появился на свет в семье Криншоу. Его дядя был бездетным холостяком. Стэн оказался единственным ребенком в семье. Когда его отец умер, он стал наследником медиаимперии, нравилось ему это или нет.

Никто в корпорации явно не желал понимать и принимать тот факт, что Стэна все это не интересовало. У него не было никаких данных, чтобы возглавить огромную компанию после ухода дяди. К тому же только смерть могла заставить дядю отдать рычаги управления племяннику.

– Я учусь бизнесу с самых низов, – мрачно объяснил Стэн. – Я должен узнать обо всех аспектах работы, чтобы быть готовым к управлению, когда придет мое время. Во всяком случае, так думает дядя Уилкинс.

– И все-таки, что напомнил дяде звонок Валентино? Губы Стэна недовольно скривились.

– А, пустяки.

– Но этого оказалось достаточно, чтобы твой дядя сорвался с места, – настаивала Пэрис.

Стэн тяжело вздохнул:

– Прежде чем меня перевели, вернее, сослали сюда, я работал на нашей телестанции в Джексонвилле, штат Флорида. Если сравнить с этой дырой, там был просто рай. У меня был роман с одной из женщин-коллег.

– Так ты не голубой?

Стэн отреагировал так, словно его ткнули в спину горячей головней.

– Голубой? Кто говорит, что я голубой?

– Ходили такие слухи.

– Голубой? Иисусе! Ненавижу этих техасских работяг. Если ты не водишь пикап, не пьешь пиво из бутылки и не одеваешься, как ковбой, то ты гей.

– А что произошло с той женщиной из Флориды? Криншоу взял со стола листок бумаги и стал складывать его.

– Мы позволили себе кое-что прямо в офисе. И в следующую же секунду она заявила, о сексуальном домогательстве.

– А это было неправдой?

– Да, Пэрис, это было неправдой, – сказал Стэн, подчеркивая каждое слово. – Ее обвинение было таким же ложным, как пятый размер ее бюста. Я не принуждал ее к сексу со мной. Если говорить честно, то она была сверху.

– Это больше информации, чем мне требовалось, Стэн.

– Как бы там ни было, она подала жалобу. Дядя Уилкинс не допустил, чтобы дело дошло до суда, но это стоило ему кучу денег. И разозлился он на меня, а не на нее. Ты можешь в это поверить? Он сказал: «Как ты мог быть таким идиотом и

орудовать своим членом на работе?» Я спросил его, слышал ли он о Билле Клинтоне. Это замечание не пришлось ему по вкусу, особенно потому, что именно наши газеты поддерживали президента во время предвыборной кампании. Вот почему я теперь торчу здесь, в ссылке. – Стэн выбросил измятую бумажку в мусорную корзину. – И именно поэтому он прыгнул в самолет и прибыл сюда.

– После того как ты сообщил ему, что с тобой разговаривали полицейские, он должен был приехать и убедиться, что та флоридская история не всплывет снова. Верно?

– Он называет это контролем над убытками.

– Слова настоящего корпоративного крестного отца. Теперь Пэрис могла представить себе картину. Стэна сослали на заштатную радиостанцию за то, что он смешал дело с удовольствием. Дядя Уилкинс не стал говорить управляющему о досадном инциденте, но решил, что теперь он должен объясниться, прежде чем обо всем станет известно местному департаменту полиции и подозрение падет на его племянника.

– Это был единственный инцидент, Стэн? Он хмуро посмотрел на нее:

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного. Так да или нет? Напряжение спало, и он ответил:

– Это был первый и единственный раз. Поверь мне, Пэрис, я усвоил урок. Никогда в жизни больше не прикоснусь ни к одной из женщин-коллег.

– В качестве владельца это делает тебя очень уязвимым.

– Как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь предупредил меня об этом до того, как я приехал в Джексонвилль.

Пэрис пожалела его и не стала говорить, что тут и предупредить было не о чем. Такой линии поведения должен придерживаться всякий разумный человек.

Стэн Криншоу посмотрел на нее через стол с уязвленным выражением.

– Значит, все думают, что я гей?

Она рассмеялась. Как это типично для Стэна. Он поставил на первое место совершенно незначительный факт.

– Ты слишком хорошо одеваешься.

Вошел инженер, переписывавший для нее кассеты, и предупредил, что оставил готовые дубликаты у секретарши в холле.

– Снова кассеты? – спросил Стэн.

– Вполне вероятно, что Валентино не первый раз объявлял о предполагаемом убийстве в разговоре со мной.

– Что произошло ночью после того, как ты и Мэллой вылетели отсюда пулей? Думаю, Валентино вы не поймали.

– К несчастью, нет. – Она рассказала ему о телефоне-автомате возле магазина. – Патрульные машины были там через несколько минут, но поблизости никого не оказалось.

– Сегодня утром я слышал в новостях об этой пропавшей девушке. История попала и на первые страницы газет.

Пэрис кивнула, вспоминая слова судьи Кемпа. Родите-

ли Джейни до последнего держались за предположение, что дочь добровольно ушла из дома. По мнению Пэрис, такое поведение было серьезной ошибкой. С другой стороны, она все еще надеялась, что супруги Кемп окажутся правы.

Она встала, собираясь уйти.

– Увидимся вечером, Стэн.

– Кто такой Дин Мэллой? Вопрос застал Пэрис врасплох.

– Я тебе уже говорила. Он штатный психолог в управлении полиции Остина.

– Который в свободное время выполняет обязанности телохранителя? – Стэн наградил ее сардонической усмешкой. – Когда я привез кассеты, патрульный сказал мне, что этот Мэллой в доме вместе с тобой.

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Думаю, что ты не так глупа, просто прикидываешься. Кто Мэллой для тебя, Пэрис?

Если она ему не скажет, то Стэн сам примется копать и узнает больше, чем ей хотелось бы.

– Мы познакомились с ним в Хьюстоне много лет назад.

– Так-так. Догадываюсь, что вы очень хорошо знали друг друга.

– Да, Дин Мэллой был лучшим другом Джека. Закончив на этом разговор, Пэрис встала и направилась к двери. Но на пороге она обернулась и спросила его:

– Что ты знаешь о Марвине?

– Только то, что он тупица.

– Он умеет пользоваться компьютером, Интернетом?

Стэн фыркнул:

– Откуда мне знать? Я с ним и парой слов не обменялся.

Почему вдруг такой неожиданный интерес к нему?

Пэрис замялась, не зная, одобрит ли Кертис, если она поделится со Стэном информацией о внезапном бегстве уборщика.

– Так просто. Ладно, до вечера.

Пэрис и сержант Кертис заперлись в небольшой комнате для допросов. Они сидели друг против друга за стареньким обшарпанным столом. Между ними стоял кассетный магнитофон, которым детектив пользовался накануне, и лежали кассеты, которые Пэрис принесла с радиостанции.

Они начали прослушивать пленки, записанные примерно за неделю до того дня, когда исчезла Мэдди Робинсон. Пэрис и Дин уже говорили о том, что Валентино намеренно искажает голос, и это делало его заметным и мгновенно узнаваемым. Поэтому дело шло быстрее, чем они думали, Пэрис пропускала запись явно не его голоса.

Кертис вышел ненадолго, чтобы принести им свежего кофе. Когда он вернулся, Пэрис возбужденно сообщила:

– Кажется, я нашла его. На кассете не отмечены дата и время, как на записывающем устройстве, но этот разговор произошел примерно в то время, которое нас интересует. В ту ночь Валентино был особенно мрачным, но я все равно да-

ла этот звонок в эфир. Его заявления вызвали целый шквал звонков, и линия была занята несколько часов.

Кертис сел на свое место.

– Вы сделали его знаменитостью в тот вечер.

– Но я этого не хотела. Вы мне верите? Начинаем. – Она включила магнитофон.

«Женщины всегда изменяют, Пэрис. Почему? Ты же женщина. Захотелось бы тебе чего-то другого, если мужчина буквально ест с твоей ладони? Неужели количество лучше качества?»

– У вас сегодня очень плохое настроение, Валентино Мне жаль.

– Это не плохое настроение. Я просто в ярости.

– Но не все женщины изменяют.

– Мой опыт подсказывает мне обратное.

– Вы просто пока не нашли ту женщину, которая вам нужна. Вы хотели бы послушать сегодня какую-нибудь особенную песню?»

– Например?»

– Могу предложить вам очень красивую версию песни „Потоки слез“ в исполнении Барбары Стрейзанд. Не забывайте, Валентино, что каждый получает то, что заслуживает. Хотя звучит это банально.

– Поставь эту песню, Пэрис. Но даже если мою женщину бросят так же, как она бросила меня, это не станет для меня компенсацией».

Пэрис остановила пленку и посмотрела на Кертиса, задумчиво вертевшего вокруг пальца обручальное кольцо.

– Полагаю, он почувствовал себя отомщенным, когда задушил ее и закопал на том проклятом пастбище. Простите за выражение.

Пэрис потеряла виски.

– Я бы никогда не догадалась по его словам, что он замыслил убить ее.

– Не переживайте из-за этого. Вы же не телепат.

– Я не распознала реальную угрозу в его словах.

– Никто бы не сумел этого сделать. И потом мы все еще теряемся в догадках. Пока Валентино нельзя связать с Мэдди Робинсон.

Пэрис опустила руки и посмотрела на него:

– Но вы-то думаете, что они связаны, так?

Прежде чем Кертис успел ответить, дверь распахнулась и появился Джон Рондо. Он лучезарно улыбнулся Пэрис:

– Доброе утро.

– Привет, Джон.

Она назвала его по имени, и это явно доставило ему удовольствие.

– Есть прогресс?

– Мы так думаем.

– Я тоже в этом уверен. – Рондо посмотрел на Кертиса. – Можно вас на минутку, сержант?

Кертис встал.

– Я вернусь через секунду.

– А я посмотрю, может быть, мне удастся обнаружить еще звонки от Валентино.

Детектив вышел вместе с Рондо и отсутствовал довольно долго. К его возвращению Пэрис нашла еще один звонок от Валентино.

– Он на той же кассете, так что между ними прошло не больше нескольких дней. Это совсем другой Валентино, очень возбужденный. Он утверждает, что неверная любовница исчезла из его жизни навсегда, – и именно это слово он особо подчеркнул. Вы услышите на пленке перемену в его настроении. – Почувствовав, что детектив слушает ее вполуха, Пэрис спросила: – Что-то случилось?

– Очень может быть. Мне ненавистна эта мысль, но... – Он потер шею, как будто она неожиданно разболелась. – Полагаю, вы знаете, что у Мэллоя есть сын.

– Гэвин.

– Так вы знакомы с ним?

– Я знала его маленьким мальчиком, ему тогда было лет десять, с тех пор я его не видела. – Тревога Кертиса была очевидной. Пэрис испугалась за Дина. – В чем дело, сержант? Что-то с Гэвином? Что произошло?

– Гэвин?

– Что?

Дин распахнул дверь в комнату сына и вошел.

– Включи компьютер.

– А?

– Ты слышал, что я сказал.

Гэвин валялся на кровати и смотрел телевизор. Ему следовало бы заняться чем-то более полезным, а не смотреть повтор футбольного матча между какими-то европейскими командами. Почему он до сих пор валяется в постели? Почему не встал, не оделся и не нашел себе какое-нибудь дело?

«Потому что я не научил его так поступать», – подумал Дин.

У него ленивый сын, потому что он был ленивым отцом. Чтобы заставить Гэвина заняться делом, требовалось с ним поругаться, и как следует, так что овчинка не стоила выделки. Последнее время, чтобы избежать ссор с сыном, Дин совсем отпустил тормоза, а не следовало бы. Ведь он не пытался выиграть в конкурсе популярности, он воспитывал сына. Он не был для него приятелем, духовником или психотерапевтом. Он был его отцом. Но теперь, похоже, было поздно проявлять отцовскую власть.

Дин вырвал пульт из рук Гэвина и выключил телевизор.

– Включи компьютер, – повторил он. Гэвин сел.

– Зачем?

– Думаю, ты знаешь.

– Нет, не знаю.

Неуважительный тон и наглое выражение лица разозлили Дина. Ему показалось, что в груди его разгорается костер. Но он не станет кричать, не станет.

Дин резко сказал:

– Мы, разумеется, можем напрямик отправиться в полицейский участок, где тебя уже ждут, чтобы допросить по поводу исчезновения Джейни Кемп. Но лучше все же включить этот чертов компьютер, чтобы я хотя бы представлял, о чем пойдет речь. В любом случае тебе больше не удастся меня дурачить.

Этим утром Дин остался дома, чтобы написать отчет о работе с подозреваемым, с которым он беседовал несколько дней назад. Детектив, который вел это дело, уже выражал свое нетерпение.

Дин понимал, что не сможет работать в управлении. Там его мысли будут заняты только Пэрис и тем делом, с которым она связана. Он не смог бы усидеть на месте и отправился бы в отдел расследований, где, как он знал, Пэрис и Кертис будут прослушивать пленки.

Поэтому Дин позвонил мисс Лестер, предупредил, что будет работать дома, и буквально заставил себя напечатать долгожданный отчет. Он только что закончил его, когда позво-

нил Кертис и сообщил новость, которая могла изменить всю его жизнь.

– Полиция хочет допросить меня? – спросил Гэвин. – Как это вышло?

До этого вопроса Дин еще цеплялся за слабую надежду, что Джон Рондо совершил ужасную ошибку. Но тревога на лице Гэвина была прямым доказательством того, что информация верна.

– Ты солгал мне, Гэвин. Ты активный член «Секс-клуба». Ты много раз обменивался с Джейни Кемп посланиями, и, если основываться на том, что вы с ней друг другу писали, тебе известно намного больше, чем ты говорил мне. Ты можешь это опровергнуть?

Гэвин сидел на краю кровати, ссутулившись, низко опустив голову.

– Нет, – прошептал он.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Вечером, когда она исчезла.

– В какое время?

– Рано. Около восьми. Еще было совсем светло. —Где?

– У озера. Она всегда там.

– Ты заранее договорился с ней о встрече?

– Нет. Последние несколько недель она шарахалась от меня, как от прокаженного.

– Почему?

– Она такая. Заставляет тебя полюбить ее, а потом ты уже

не нужен. Я слышал, что она встречается с другим парнем.

– Как его зовут?

– Не знаю, и никто не знает. Говорят, он старше.

– Насколько старше?

– Не знаю! – выкрикнул Гэвин, которому надоели все эти вопросы. – Тридцать с чем-нибудь.

– Так что случилось в тот вечер?

– Я подошел к ней, мы начали разговаривать.

– Ты был зол на нее, – сказал Дин, и Гэвин поднял на отца глаза, словно спрашивая, откуда тому об этом известно. – В последнем послании ты назвал ее сукой.

Гэвин громко сглотнул, потом снова опустил голову.

– Это были просто слова.

– Но полиция посмотрит на это иначе. Тем более что Джейни пропала именно в тот вечер.

– Я не знаю, что с ней случилось. Богом клянусь, не знаю.

Ты мне не веришь?

Дину отчаянно хотелось поверить сыну, но он подавил в себе этот порыв. Теперь не время проявлять мягкость. Гэвину нужен суровый отец, а не мямля.

– О доверии поговорим позже. Включай компьютер, я хочу посмотреть, насколько все плохо.

Гэвин неохотно встал и подошел к столу. Дин заметил, что он ввел имя пользователя и пароль, что было бы совершенно излишним, если бы сыну нечего было скрывать.

Сайт «Секс-клуба» создавали дизайнеры-любители. Это

был вариант стены, исписанный граффити, выполненными в стилистике киберпространства. Дин отодвинул Гэви-на в сторону, сел в кресло и потянулся за «мышью».

– Папа! – простонал Гэвин.

Но Дин, отмахнувшись от него, стал просматривать доску объявлений. Кертис сообщил ему имена Гэвина и Джейни – Клинок и Киска-в-сапогах соответственно. Минут десять Дин читал переписку его сына с дочерью судьи. И читать ему было нелегко.

Последнее послание Гэвина было грубым, оскорбительным. В сложившихся обстоятельствах оно стало уликой против него. С болью в сердце Дин закрыл файл и выключил компьютер. Несколько мгновений он смотрел на погасший экран, пытаясь связать автора тех посланий, которые он только что прочел, с тем маленьким мальчиком, которого он учил пользоваться бейсбольной перчаткой, малышом, потерявшим свой первый молочный зуб, с веснушками на носу. Когда-то самой большой проблемой Гэвина был запах от ног.

Но времени предаваться отчаянию не было. Это придется оставить на потом. Сейчас намного важнее снять с сына все подозрения.

– На этот раз тебе лучше рассказать мне все без утайки, Гэвин. Я хочу помочь тебе и помогу. Но если ты будешь мне лгать, то я этого сделать не смогу. Есть ли что-нибудь еще, что я должен знать? Пусть даже самое плохое?

– Например?

– Что-то о Джейни и о тебе. Ты действительно занимался с ней любовью? – Дин кивком указал на компьютер. – Или это пустые разговоры?

Гэвин отвернулся.

– Мы занимались сексом только один раз.

– Когда?

– Месяц назад, то есть шесть недель. – Гэвин втянул голову в плечи. – Вскоре после того, как познакомились. К тому времени мы уже обменялись посланиями. Я был новым парнем в городе. Думаю, что только поэтому она мной заинтересовалась.

– Где это происходило?

– Мы все встретились в каком-то парке. Я не помню названия. Мы с ней оторвались от остальных, забрались в мою машину. – Гэвин помолчал, потом с досадой спросил: – Ты что, сам никогда не занимался этим на заднем сиденье автомобиля?

Он явно нарывался на ссору. Перекладывание вины на другого было классическим примером отвлекающей тактики, и Дин на это не поддался.

– Ты использовал презерватив?

– Разумеется.

– Ты уверен?

– Уверен я, уверен.

– И ты был с ней только в тот единственный раз?

У Гэвина опустились плечи, он отбросил со лба прядь во-

лос. Он смотрел куда угодно, только не на отца.

– Гэвин?

Тот театрально вздохнул:

– Ладно, был еще один раз. Она на меня наткнулась.

– Я не буду повторять те же вопросы. Ответь на них сам.

– Где это было? На задворках какого-то клуба на Шестой улице.

– При людях?

– Ну что-то вроде того. То есть нас вполне могли увидеть, но рядом никого не было.

Дин на мгновение представил, как он звонит Патрисии и говорит, что их сын в тюрьме за непристойное поведение в общественном месте. «А где был ты, Дин?» – обязательно спросит она. Действительно, где был он, когда его сын составлял непристойные послания или ему делали минет на темной улице?

Самобичевание тоже придется оставить на потом.

– Кроме этих двух раз, больше ничего не было? Это все?

– Да. Она меня отшила.

– Но ты оказался не готов к этому.

Гэвин посмотрел на отца так, словно тот сошел с ума.

– Черт, нет, конечно. Она горячая штука.

– И это еще мягко сказано, – заметил Дин. – Если есть что-то еще, то лучше скажи об этом мне. Я не желаю больше никаких сюрпризов. Нельзя допустить, чтобы полицейские раскопали то, о чем я не знаю.

Гэвин явно не мог решиться, но потом все же сказал:

– Она... гм... – Он открыл ящик стола, вынул книгу «Властелин колец» в мягкой обложке и достал оттуда фотографию, спрятанную между страницами. – Джейни сама дала мне это.

Дин протянул руку и взял снимок. Он не знал, что удивило его больше – непристойная поза девушки или ее бесстыдная улыбка. Он сунул фотографию в нагрудный карман.

– Прими душ и оденься.

– Папа...

– Поторопись. Я должен привезти тебя в участок к полудню. Адвокат будет ждать нас там.

Несмотря на весь его юношеский пофигизм, до Гэвина наконец дошло, в каком тяжелом положении он оказался.

– Мне не нужен адвокат.

– Боюсь, что нужен, Гэвин.

– Я ничего не сделал Джейни. Или ты мне не веришь, папа?

Его наглость исчезла. Теперь он выглядел юным, напуганным, и у Дина снова защемило сердце, как накануне ночью, когда он смотрел на спящего сына.

Ему захотелось обнять Гэвина, заверить, что все будет хорошо. Но он не мог этого обещать, потому что сам не знал, что их ждет. Дин хотел сказать, что верит ему, но, к сожалению, он Гэвину не верил. Сын столько раз обманывал его. Дин хотел сказать, что любит его, но и этого он тоже не ска-

зал. Он боялся услышать в ответ, что уже слишком поздно.

Пэрис больше часа мерила шагами вестибюль, дожидаясь Дина. И все же она вздрогнула, когда он вышел через двойные двери отдела расследований. Там, в комнате для допросов, в присутствии отца и адвоката, Кертис и Рондо допрашивали Гэвина.

Дин удивился, увидев ее.

– Я не знал, что ты здесь.

– Я не могла уйти, не узнав, что с Гэвином все в порядке.

– Так тебе все известно?

– Мы с Кертисом слушали пленки, когда... – Пэрис замолчала, не зная, что сказать.

– Когда мой сын превратился в подозреваемого?

– Пока нам не известно, совершено ли преступление. Джейни может быть у любого из своих многочисленных приятелей.

– Точно. Вот почему Кертис пропускает Гэвина через мясорубку.

Пэрис подтолкнула Дина к скамейке и заставила сесть. Это было печальное сооружение, дешевый металлический каркас поддерживал синие виниловые подушки, через трещины в обивке вылезал наполнитель. Возможно, беспокойные руки свидетелей, подозреваемых и жертв вытаскивали его в ожидании, пока решится их судьба или судьба их близких. Они бы никогда не оказались в этом месте, если бы их

жизнь не была искалечена, иногда безвозвратно.

– Как с этим справляется Гэвин? – негромко спросила Пэ-рис.

– Он подавлен. Слава богу, не дерзит. Мне кажется, до него наконец дошло, что он по уши в дерьме.

– Только потому, что он обменивался с Джейни непристойными посланиями? Но так поступали и многие другие.

– Ты права, но Гэвин проявил себя очень творчески, – с горьким смешком заметил Дин. – Тебе давали прочесть кое-что из написанного им?

– Нет. Но даже если бы я и прочитала послания, мое мнение о нем не изменилось бы. Он был очень хорошим маленьким мальчиком, и из него вырастет замечательный молодой человек.

– Два дня назад я считал серьезным нарушением с его стороны, когда он вовремя не возвращался домой. А теперь... такое. – Дин со вздохом оперся локтями о колени и закрыл лицо ладонями.

Пэрис положила руку ему на плечо. Это был инстинктивный жест сочувствия. Ему требовалось чье-то прикосновение, и ей самой хотелось дотронуться до него.

– Ты позвонил Патрисии?

– Нет. Зачем огорчать ее, если окажется, что, кроме грязных посланий, больше ничего нет?

– Я уверена, что так и будет.

– Надеюсь. Гэвин дважды рассказал, что он делал в тот

вечер. Он ни разу не опроверг самого себя, ни в целом, ни в деталях.

– Вероятно, твой сын говорит правду.

– Или хорошо отрепетировал свою ложь. – Глядя через холл на лестницу, Дин задумчиво постукивал пальцами по губам: – Я каждый день разговариваю с лжецами, Пэрис. Большинство людей лгут в большей или меньшей степени.

Некоторые даже не понимают, что они лгут. Они так долго повторяли одно и то же или верили в то, что говорили, что для них это стало правдой. Моя работа как раз и состоит в том, чтобы добраться до истины.

Он замолчал, и Пэрис не нарушила молчания, давая ему возможность собраться с мыслями. Тепло его кожи пробиралось сквозь ткань рубашки и вливалось в ее ладонь, которая все еще лежала на его плече.

– Гэвин не скрыл от меня, что приехал домой пьяный, – продолжал Дин. – Он рассказал и о том, что ему пришлось остановиться по дороге и его вырвало у чьего-то порога. Гэвин не отрицает, что нарушил мой приказ и ушел из дома. Он говорит, что ему понравилась Джейни, вернее, то, чем они вместе занимались. Если верить ему, то в тот вечер он разговаривал с ней, пытался убедить ее пойти с ним куда-нибудь, но Джейни его отвергла. Гэвин рассердился, наговорил ей грубостей. Он повторил мне кое-что, и я даже поверить не могу, что это сказал мой сын. Он признался в том, что был вне себя от ярости, когда они расстались, но он утверждает,

что ушел и больше ее не видел. Он говорит, что потом стоял с парнями, пил текилу, а потом уехал домой. Больше он Джейни не видел. – Повернув голову, Дин встретился взглядом с Пэрис. – Я верю ему.

– Хорошо, – сказала она.

– Может быть, я чересчур наивен? Или выдаю желаемое за действительное?

– Нет, я думаю, что ты веришь Гэвину, потому что твой сын говорит правду. – Пэрис позволила себе чуть сжать его плечо, чтобы подбодрить немного. – Я могу что-нибудь для тебя сделать?

– Поужинай с нами сегодня вечером, со мной и Гэвином.

Пэрис не ожидала этого и сразу же убрала руку с его плеча. Она отвернулась.

– Я вечером работаю, ты не забыл?

– Мы вполне успеем поужинать до того, как тебе надо будет ехать на радиостанцию. Мы начнем пораньше.

Она покачала головой:

– У меня есть планы на вторую половину дня. Их нельзя отложить. И потом, мне эта мысль не кажется удачной.

– Из-за того, что случилось прошлой ночью?

– Нет.

– Ты меня обманываешь.

Уязвленная пронизательностью Дина, Пэрис сдалась:

– Хорошо, ты прав.

– Значит, ты знаешь: стоит нам только оказаться наедине,

как это повторится.

– Этого не будет.

– Именно так все и будет, Пэрис. Ты знаешь об этом, и, более того, тебе этого хочется так же сильно, как и мне.

– Я...

– Дин! – раздался женский голос.

Они отпрянули друг от друга. К ним шла женщина. Она только что вышла из лифта. Ее можно было описать только одним словом – потрясающая.

Костюм от портного подчеркивал округлости фигуры, а не скрывал их. Модная мини-юбка и высокие каблуки отдавали должное великолепным ногам. Блеск для губ и тушь для ресниц были единственной уступкой косметике, но женщина больше ни в чем и не нуждалась. Никаких драгоценностей, кроме крохотных сережек-«гвоздиков» с бриллиантами, тонкой золотой цепочки и дорогих часов. Очень светлые волосы до плеч, разделенные строгим пробором посередине, довершали картину. Это был настоящий стиль, свободный, классический, ненавязчивый. Девушка из Калифорнии в деловом костюме.

Дин вскочил на ноги:

– Лиза!

Она наградила его ослепительной улыбкой.

– В Чикаго все прошло так хорошо, что мне удалось сбежать на день раньше. Нашлось место на более ранний рейс, так что я решила удивить тебя. Мы могли бы вместе пообе-

дать. Мисс Лестер сказала, что я найду тебя здесь. Судя по всему, я и в самом деле преподнесла тебе сюрприз.

Лиза обняла Дина, поцеловала в губы, потом повернулась к Пэрис и улыбнулась открыто и дружелюбно:

– Здравствуйте.

Дин коротко представил их друг другу:

– Лиза Дуглас, Пэрис Гибсон.

Пэрис не помнила, что вставала, но она вдруг оказалась лицом к лицу с Лизой Дуглас. Рукопожатие Лизы было крепким, как у женщины, которая привыкла вести дела преимущественно с мужчинами.

– Здравствуйте, как поживаете?

– Вы полицейский? – Лиза вглядывалась в лицо Пэрис, пытаясь разглядеть ее глаза за темными стеклами очков.

Вероятно, она решила, что перед ней женщина-детектив, работающая под прикрытием.

– Нет, я работаю на радио.

– В самом деле? У вас своя программа?

– Она выходит поздно вечером.

– Простите, я не...

– Не надо извиняться, – сказала ей Пэрис. – Моя программа звучит в эфире в то время, когда большинство людей уже спят.

После короткого, но неловкого молчания Дин решил прояснить ситуацию:

– Мы с Пэрис познакомились еще в Хьюстоне много лет

назад.

– А! – ответила Лиза Дуглас, словно это объяснение было исчерпывающим.

– Прошу прощения, но я уже опаздываю на встречу. – Пэрис повернулась к Дину: – Все уладится. Я уверена в этом. Пожалуйста, передай Гэвину привет от меня. Приятно было познакомиться, мисс Дуглас. – Пэрис развернулась и быстро пошла к лифту.

Дин окликнул ее, но она сделала вид, что не услышала. Как только Пэрис скрылась за углом, он пришел в себя и услышал, что Лиза спрашивает:

– У нее какие-то неприятности? Я поняла, что помешала вам.

– Это у меня неприятности, – ответил Дин, – у меня и у Гэвина.

– О господи, что случилось?

К этому времени двери лифта открылись. Пэрис шагнула в кабину и обрадовалась тому, что оказалась единственным пассажиром. Как только двери закрылись, Пэрис прислонилась к стене. Она не услышала больше ни слова из разговора Дина и Лизы, но ей этого и не требовалось. Их поцелуй и без того о многом рассказал ей.

Дину больше не понадобится ее поддержка, у него есть Лиза. Она его утешит.

Гэвин знал, что даже проживи он до ста лет, этот день

останется худшим в его жизни.

Ради похода в полицию он оделся очень прилично. Отцу даже не пришлось просить его об этом. Вероятно, одежда теперь безнадежно испорчена, потому что последние полтора часа с него градом лил пот. Этот запах ни за что не отстирается.

В кинофильмах подозреваемые всегда выдавали себя виноватым видом. Поэтому Гэвин старался не ерзать в кресле и сидел прямо. Он не смотрел по сторонам и не сводил глаз с сержанта Кертиса. Когда ему задавали вопрос, он не мялся и не заикался, а отвечал прямо и кратко, хотя разговор вгонял его в краску.

Гэвин помнил совет отца и не скрывал ничего. Да ему и нечего было скрывать. Полицейские и так уже знали об электронной почте, о «Секс-клубе», обо всем. О том, что произошло с Джейни Кемп и где она могла находиться, Гэвин понятия не имел. Ее судьба оставалась для него такой же загадкой, как и для детектива-ветерана.

Да, он занимался с ней сексом, но этим мог похвастаться почти каждый мужчина в Остине, за исключением его отца и полицейских. Всех, кроме одного. И чем более настойчивыми становились вопросы Кертиса, тем сильнее потел Гэвин, глядя на этого самого полицейского. Его представили как Джона Рондо.

Как только этот Рондо вошел в комнату, Гэвин мгновенно узнал его. Ведь он видел этого мужика как раз накануне ве-

чером с теми двумя пышногрудыми блондинками. Они вылезали из его машины на берегу озера. И эта троица точно не книги там читала.

Гэвин сразу же понял, что молодой полицейский тоже его узнал. Когда Рондо увидел Гэвина, его глаза на мгновение сощурились, но тут же приобрели нормальное, чуть равнодушное выражение. Потом он бросил предупреждающий взгляд на Гэвина, давая понять, что лучше будет, если он не станет упоминать о том, что они уже встречались.

Остальные, вероятно, решили, что Рондо так сурово смотрит на Гэвина, потому что осуждает его образ жизни. Но Гэвин-то лучше знал. Он сразу понял, что Рондо без слов пообещал ему ад, если он хоть словом обмолвится перед полицейским начальством о его похождениях в нерабочее время.

Гэвин испугался еще больше, когда Кертис попросил отца выйти из комнаты. Последнее время старик проходу ему не давал, все воспитывал, упрекая то в одном, то в другом. Дошло до того, что Гэвин стал бояться одного только его вида, ожидая, что предок немедленно примется читать нотацию. Но сейчас Гэвин был только рад, что отец рядом с ним. И как бы плохо ни сложилась ситуация, Гэвин знал, что отец его не бросит.

Он не забыл, как однажды они с отцом ездили на берег залива на выходные. Отец попросил его не заплывать слишком далеко.

– Волны выше и сильнее, чем кажутся с берега, – пре-

дупредил он Гэвина. – Здесь есть подводное течение. Будь осторожен.

Но Гэвину захотелось произвести на отца впечатление, показать, что он отличный пловец и мастерски владеет серфом. Увы, все оказалось не так. Гэвин вдруг понял, что дна не достать, да и волны не давали этого сделать. Он перепугался и пошел ко дну. Гэвин даже не боролся и был обречен утонуть.

Но сильная рука обхватила его и помогла вынырнуть на поверхность.

– Все в порядке, сынок, я тебя поймал. Гэвин отбивался, пытаюсь нащупать дно.

– Расслабься, Гэвин, ложись на меня. Я тебя не отпущу, обещаю.

Отец дотащил его до берега. Он не стал ругать Гэвина, когда они оба оказались на песке. Никаких «я же говорил» и «ты, как всегда, не слушаешь».

Он вроде и обеспокоенным не выглядел, когда помогал Гэвину откашлять воду, которой тот наглотался. Отец завернул его в большое полотенце и обнял. Они долго сидели так и молчали. Отец просто прижимал его к себе и смотрел на воду.

Когда каникулы закончились и мать спросила, как все прошло, отец подмигнул Гэвину и принялся расписывать, как все было замечательно.

– Мы отлично провели время.

Отец не сказал, что Гэвина не было бы в живых, если бы он не спас его.

Гэвин верил отцу, не сомневался, что тот снова придет ему на выручку, если Гэвин начнет «тонуть» в лавине вопросов. Отец – это такой человек, которого хорошо иметь рядом в тяжелые минуты.

Вот почему Гэвин занервничал, когда сержант Кертис попросил отца подождать в коридоре, пока он поговорит с Гэвином наедине.

– Я выйду только в том случае, если адвокат останется, – ответил отец.

Кертис согласился. Уходя, отец сказал:

– Я буду рядом, сынок. – И Гэвин не усомнился в этом. Потом Кертис посмотрел на Гэвина таким тяжелым взглядом, что тот заерзал на сиденье вопреки своему намерению сохранять спокойствие. Гэвин подумал было, что детектив решил поиграть в молчанку, когда тот сказал:

– Я знаю, что перед отцом тяжело говорить о девочках и сексе.

– Да, сэр.

– Теперь, когда твой отец вышел, я хотел бы задать тебе несколько личных вопросов.

Куда уж больше? Он, верно, шутит. Гэвин подумал так, но ответил:

– Согласен.

Вопросы оказались почти такими же, какие задавал ему

отец еще дома. Гэвин отвечал Кертису так же откровенно. Он рассказал ему о том, как они с Джейни занимались сексом.

– В тот, последний вечер ты не предлагал ей заняться сексом?

– Нет, сэр.

– Ты видел, что она занималась сексом с кем-то другим?

Что? Они решили, что он стал бы на это смотреть? Неужели они принимают его за больного?

– Я бы не подошел к ней и не заговорил, если бы она была с другим парнем.

– Ты прикасался к ней?

– Нет, сэр. Я попытался взять ее за руку, но она ее выдернула. Джейни заявила, что я убогий попрошайка и что я стал для нее настоящей занозой в заднице.

– И тогда ты назвал ее сукой?

– Да, сэр.

– Что на ней было надето?

Надето? Гэвин не помнил. Когда он вспоминал о Джейни, то видел только ее лицо, горящие глаза, улыбку, одновременно зовущую и жестокую.

– Я не помню.

Кертис посмотрел на Рондо:

– У вас есть еще вопросы?

– Откуда у тебя ее фотография? – спросил Рондо.

Гэвин боялся прямо посмотреть на него, но все-таки сде-

лал это.

– Джейни сама мне ее дала.

– Когда?

– В тот вечер. Она сказала: «Забудь об этом, Гэвин». Потом дала мне снимок. Она назвала это сувениром. Когда мне будет ее не хватать, я смогу использовать фотографию, чтобы... ну вы знаете...

– Джейни говорила тебе, кто сделал этот снимок?

– Какой-то парень, с которым она встречалась.

– Имя она называла?

– Нет.

– А ты спрашивал? – Нет.

Кертис подождал немного, предполагая, что у Рондо будут еще вопросы, но когда тот сел, удовлетворенный ответами Гэвина, сержант встал.

– На сегодня все, Гэвин. Если ты сам не вспомнил что-то еще.

– Нет, сэр.

– Если вспомнишь, сразу же дай мне знать или скажи отцу.

– Я так и сделаю, сэр. Надеюсь, Джейни скоро найдется.

– Мы тоже надеемся. Спасибо за помощь.

Отец, как и обещал, ждал его в коридоре. Гэвин удивился, увидев рядом с ним Лизу. Она тут же бросилась к нему, обняла, спросила, все ли в порядке.

– Мне надо вымыть руки, – пробормотал Гэвин и ушел,

прежде чем его смогли остановить.

У писсуаров никого не было. Он зашел в одну из кабинок и, убедившись, что он один, нагнулся над унитазом. Его вырвало. Он почти ничего не ел с утра, только немного хлопьев на завтрак, поэтому его рвало желчью. Его выворачивало так долго, что напряглись жилы на шее. Гэвину казалось, что голова вот-вот лопнет. Спазмы были такими сильными, что у него заболела грудь.

Когда-то давно его уже рвало от страха. Ему было четырнадцать, он тайком катался на машине матери, когда та ушла на свидание с тем, за кого потом вышла замуж. Раз она бросила его, чтобы идти ужинать с этим неудачником, Гэвин считал себя вправе покататься на ее машине.

Он доехал только до ближайшего «Макдоналдса», где съел биг-мак. По дороге домой, всего в квартале до их дома, ему под колеса рванулся молодой соседский ретривер. О щенке судачили все соседи. Он был умным и дружелюбным и всего несколько дней назад облизал Гэвину лицо, когда тот нагнулся его приласкать.

Гэвин успел затормозить, и трагедии не случилось, но еще секунды, и он задавил бы чудесного щенка. Как только Гэвин оказался дома, его вырвало. Мать так и не узнала, что он брал машину, щенок вырос в отличного пса. Если не считать чувства вины, все прошло без последствий.

Но на этот раз ему не повезло.

Гэвин дважды спустил воду и вышел. Он умылся холодной

водой, выполоскал рот, умылся снова и выпрямился.

Прежде чем Гэвин осознал, что рядом с ним стоит Рондо, полицейский железной хваткой схватил его за запястье, заломил ему руку за спину, положил свою ладонь Гэвину на затылок и твердо нажал между лопатками.

19

Рондо ткнул Гэвина лицом в зеркало, и тому показалось странным, как оно не разлетелось при ударе. Скулу пронзила острая боль, из глаз совсем не по-мужски брызнули слезы. Рука болела так, что, казалось, она сейчас выскочит из сустава. Задыхаясь, Гэвин пробормотал:

– Отпусти меня, ты, козел. Рондо прошипел ему на ухо:

– Мы с тобой знаем один секрет, так, парень?

– Я знаю ваш секрет, офицер Рондо. – Губы Гэвина были прижаты к зеркалу, но Рондо его понял. – Когда вы не на службе, вы трахаете старшеклассниц.

Рондо еще выше завел его руку, и Гэвин не сдержался, вскрикнул.

– А теперь я расскажу тебе о твоей тайне, Гэвин. – Голос полицейского напоминал шипение змеи.

– У меня нет никаких тайн.

– Конечно, есть. Ты устал от игр этой сучки. Ты решил, что пора ее проучить. Поэтому ты договорился встретиться с ней. Она издевалась над тобой, и ты разозлился.

– Вы просто псих.

– Ты был так разъярен, так унижен, что не помнил себя, Гэвин. Мне даже страшно представить, что ты сделал с ней, учитывая твое состояние.

– Я ничего не делал.

– Ты делал, Гэвин, делал, – прошептал Рондо. – У тебя был отличный мотив. Джейни сначала бросила тебя, а потом высмеяла. Она выставила тебя посмешищем на доске объявлений, и все читали ее послания. «Безчленный неудачник». Ведь именно так Джейни тебя назвала, правда? Ты не смог с этим смириться. Ты должен был заставить ее замолчать. Навсегда.

В изложении Рондо история выглядела очень убедительной. Гэвин пришел в ужас при мысли о том, что молодой полицейский многих сумеет убедить в своей правоте.

– Согласен, она высмеяла меня, и я был зол на нее, – признался Гэвин. – Но все остальное полная чушь. В тот вечер я был с друзьями. Они могут подтвердить мои слова.

– Кучка придурков, напившихся текилы и обкуривших травкой? – Рондо фыркнул. – И ты думаешь, что они смогут дать показания под присягой в суде?

– В суде?

– Я надеюсь, что у тебя отыщется другое алиби, Гэвин. Что-нибудь понадежнее, чем слова тех недоносков, с которыми ты связался.

– Мне не нужно алиби, потому что я ничего не сделал Джейни. Я с ней только поговорил.

– Ты не ударил ее по голове железным прутом и не сбросил тело в озеро?

– Господи! Нет, конечно!

– Разве не ты вертишься, словно уж на сковородке, гадая,

когда ее тело наконец обнаружат? Держу пари, что мне удастся найти человека, который видел, как вы с Джейни дрались.

– Этот человек солжет. Я не дрался с ней.

Рондо подошел еще ближе, прижав бедра Гэвина к раковине.

– Сделал ты это, Гэвин, или нет, мне глубоко плевать. Тебя могут отпустить или упрятать за решетку на всю оставшуюся жизнь, для меня это не имеет никакого значения. Но если ты выдашь меня, то я вымажу тебя в дерьме. Я сделаю так, что все поверят...

– Что, черт побери, здесь происходит?

Гэвин услышал возмущенный голос отца с порога, и ему сразу же стало легче дышать. Отец оттащил Рондо от Гэвина и швырнул полицейского о кафельную стену, а затем крепко схватил его за шею.

– Что это вы вытворяете, Рондо? – Голос отца эхом отдавался в помещении. – Гэвин, с тобой все в порядке?

У Гэвина болела щека, руку дергало, но он не собирался жаловаться при Рондо.

– Я в порядке, – буркнул он.

Отец оглядел его с ног до головы, словно хотел удостовериться, что сын цел, а потом вновь повернулся к Рондо.

– Вам лучше найти объяснение своему поведению, – угрожающе произнес Дин.

– Простите, доктор Мэллой. Я прочитал то, что писал ваш сын... Это просто... отвратительно. У меня есть мама, сест-

ра. С женщинами непозволительно так разговаривать. Когда я зашел в туалет, я увидел его и сорвался.

Гэвину не хотелось бы оказаться на месте Рондо. Отец держал его за шею, дыша ему в лицо. Лицо Рондо покраснело, но он стоял по стойке «смирно», будто боялся, что любое его движение спровоцирует такое, что он не сможет остановить.

Наконец Дин опустил руку, но его взгляд по-прежнему пригвождал Рондо к стене. Его голос прозвучал спокойно и негромко, но в нем слышалась угроза.

– Если ты еще раз тронешь моего сына, я сломаю твою чертову шею. Ты меня понял?

– Сэр, я...

– Ты меня понял?

Рондо сглотнул, потом кивнул:

– Да, сэр.

Несмотря на его покорность, Дин еще некоторое время смотрел на него и только потом отвернулся и отошел в сторону. Он протянул руку Гэвину:

– Идем, сын.

Проходя мимо Рондо, Гэвин посмотрел на него. Молодому полицейскому удалось убедить его отца, что это была вспышка гнева, о которой он искренне жалеет.

Но Гэвина не обмануло смирение Рондо. Ладно, чтобы не создавать себе неприятностей, он промолчит и никому ничего не скажет. Какое ему дело, если в свободное от службы

время коп развлекается тем, что трахает несовершеннолетних? Девушки же не возражали.

Как только они с отцом вышли в коридор, Гэвин взглянул на Дина. По скулам ходили желваки, он был готов исполнить свою угрозу в отношении Рондо. Гэвин обрадовался тому, что эта ярость направлена не на него.

Он решил, что на его скуле уже появился синяк, потому что Лиза сразу поняла, что-то случилось.

– В чем дело? – встревоженно спросила она.

– Пустяки, Лиза, – ответил Дин. – Все в порядке, но я не смогу с тобой пообедать. Я получил сообщение на пейджер. Сержант Кертис ждет меня.

Судя по всему, пока Гэвина выворачивало в туалете, его отец рассказал Лизе, что произошло.

– Детектив хочет, чтобы я с кем-то поговорил. Мне жаль, что ты освободилась раньше только для того, чтобы попасть во все это.

– Все твое мое, – улыбнулась Лиза.

– Спасибо, я позвоню тебе домой вечером.

– Я лучше подожду, пока ты закончишь с делами. Дин покачал головой:

– Я понятия не имею, насколько задержусь. Вполне вероятно, что меня не отпустят до вечера.

– О! Я понимаю... Что ж... – Лиза выглядела такой разочарованной, что Гэвину стало ее жаль. – Ты слишком хороший сотрудник, и тебя здесь ценят. Хочешь, я отвезу Гэвина

домой?

Гэвин про себя взмолился, чтобы отец не согласился. Лиза была нормальной. На нее приятно было посмотреть. Но она слишком старалась понравиться Гэвину. Часто ее усилия были настолько прозрачными, что Гэвина чуть ли не тошнило. Он не маленький ребенок, симпатию которого можно завоевать жизнерадостной болтовней и пристальным вниманием к нему.

– Спасибо за предложение, Лиза, но я отправлю Гэвина домой на моей машине.

Гэвин резко повернулся к отцу, полагая, что ослышался. Но нет, отец передал ему ключи от машины. Два дня назад отец заставил Гэвина отдать ключи от его колымаги, а сегодня доверил собственную машину.

Это проявление доверия сказало Гэвину больше, чем угроза убить Рондо. Отец всегда защищает своего ребенка, но доверие – это осознанный выбор. Его отец решил доверять ему, хотя Гэвин ничем не заслужил этого. Напротив, он все сделал для того, чтобы ему не доверяли.

Над этим нужно было подумать, но позже, в одиночестве.

– Я позвоню тебе, Гэвин, когда освобожусь. Ты приедешь и заберешь меня. Тебя это устраивает?

У Гэвина пересохло в горле, и он едва сумел пробормотать:

– Конечно, папа, я буду ждать.

Хотя ситуация оставалась достаточно запутанной, Пэрис не воспользовалась этим предлогом, чтобы снова отложить поездку в «Мидоувью».

И, возможно, именно чувство вины, не оставлявшее ее после поцелуя с Дином, заставило Пэрис позвонить Сэму Бриксу, директору этого медицинского центра для постоянного пребывания хронических больных, и предупредить его, что она приедет к трем часам.

Пэрис приехала вовремя, и Брике уже ждал ее у входа. Они обменялись рукопожатием, и директор извинился за тон письма, которое она получила накануне.

– Потом мне самому стало неловко за те слова, что я написал вам...

– Не нужно извиняться, – прервала его Пэрис. – Ваше письмо заставило меня поторопиться и сделать то, что следовало сделать еще несколько месяцев назад.

– Надеюсь, вы не подумали, что мне нет дела до вашего горя, – сказал Сэм и повел Пэрис по тихому пустому коридору.

– Конечно, нет.

Личные вещи Джека хранились в кладовой. Открыв дверь, директор указал Пэрис на три опечатанные картонные коробки, стоявшие на металлической полке. Они были не слишком большими и совсем не тяжелыми. Пэрис сама справилась бы с ними и донесла бы их до машины, но Брике настоял на том, чтобы помочь ей.

– Простите, если я причинила вам и персоналу какие-то неудобства тем, что не приезжала так долго, – извинилась Пэрис, когда коробки уже стояли в багажнике ее машины.

– Я понимаю, почему вам не хотелось приезжать. Это место связано для вас с неприятными воспоминаниями.

– Вы правы, но мне никогда не приходилось тревожиться о том, что Джека здесь плохо лечат. Спасибо вам.

– Вы сделали щедрое пожертвование, этой благодарности для нас достаточно.

Оплатив счета за лечение Джека, Пэрис перевела все деньги, остававшиеся от его состояния, на счет этого медицинского центра, включая и внушительных размеров страховку, которую он подписал, когда они были помолвлены. По условиям страхования эти деньги должны были достаться ей, но Пэрис не могла их принять.

Она попрощалась с директором на парковке, под палящими лучами солнца. Они оба сознавали, что это, вероятно, их последняя встреча.

И вот теперь все три коробки стояли на столе в кухне Пэрис. Момент, когда ей будет приятно открыть их, не наступит никогда, поэтому она предпочла закончить с этим поскорее, чтобы неприятная перспектива не отравляла ей жизнь. Она ножом вспорола ленту, закрывавшую коробки.

В первой были сложены пижамы, четыре штуки, аккуратно свернутые. Она купила их, когда Джек впервые попал в «Мидоувью». Они стали мягкими от бесчисленных стирок,

но от них исходил резкий больничный запах антисептика, которым были пропитаны коридоры центра. Пэрис закрыла коробку.

Во втором находились документы, подписанные нотариусом, и копии бумаг из страховых компаний, из суда, из больниц, из медицинских и юридических фирм, которые низводили Джека Доннера до номера социальной страховки, до пациента, до клиента, до единицы в бухгалтерском отчете.

Как его наследница, Пэрис должна была улаживать все юридические формальности. Она уже прошла через это, документы устарели. А у нее не было ни необходимости, ни тем более желания читать их снова.

Оставалась еще одна коробка, самая маленькая из трех. Еще не открыв ее, Пэрис уже знала, что именно ее содержимое причинит ей больше всего боли. В ней находились личные вещи Джека. Часы. Бумажник. Несколько любимых книг, которые она читала ему вслух во время ежедневных посещений «Мидоувью». Фотография родителей Джека в серебряной рамке. Они уже умерли к тому времени, когда Пэрис познакомилась с Джеком. После несчастного случая она даже порадовалась, что они не дожили до этого времени и не увидели своего единственного сына беспомощным инвалидом.

Как только Пэрис перевезла Джека в «Мидоувью», она занялась его имуществом. Носильные вещи она отдала в Армию спасения. Потом, собравшись с духом, продала мебель,

машину, лыжи, моторную лодку, теннисные ракетки, гитару, а затем и сам дом, чтобы оплатить огромные счета, которые не покрывала медицинская страховка.

Так что к моменту своей смерти Джек Доннер владел только тем, что теперь лежало в маленькой картонной коробке. Он лишился всего, даже своего достоинства.

Бумажник стал мягким от долгого использования. Кредитные карточки с давно истекшим сроком годности по-прежнему лежали в его отделениях. Ее собственное лицо улыбалось Пэрис из пластикового кармашка. Заметив за фотографией листок бумаги, она вытащила его. Это оказалась заметка из газеты, которую Джек сложил несколько раз, чтобы она уместилась за снимком.

Пэрис развернула вырезку и увидела еще одну свою фотографию. Только на этот раз это был не льстящий ей студийный снимок. Фотограф застиг ее врасплох, уставшую, выдохшуюся, потерявшую все иллюзии. Микрофон висел в свободно опущенной руке. Заголовок гласил: «Репортаж, обеспечивший карьеру».

На глаза навернулись слезы. Пэрис разгладила края заметки пальцами. Джек гордился ее работой настолько, что сохранил вырезку из газеты. Но понял ли он позже, какая жестокая ирония заключалась в том, что он гордился ее участием именно в этой истории?

Как странно, что человек, которого они даже не знали, сыграл роль катализатора в их жизни. Его звали Альберт

Дорри. Он в один день изменил их с Джеком судьбу. В тот день, когда решил взять в заложники свою семью.

Был самый обычный вторник. Но к обеду в отделе новостей уже знали, что муж удерживает жену и троих детей на мушке в собственном доме. И все завертелось.

На место событий отрядили оператора. Пока Том Сто-укс торопливо собирал оборудование, дежурный редактор Майкл Хаммер пробежал глазами список своих подчиненных.

– Кто свободен? – рявкнул он.

– Я. – Пэрис помнила, что встала, словно послушная школьница, зная правильный ответ.

– Тебе надо записать закадровый текст к репортажу о профилактике рака прямой кишки.

– Все уже лежит у редактора.

Ветеран-репортер перекачивал незажженную сигарету из одного угла рта в другой и мрачно смотрел на нее.

– Ладно, Гибсон, отправляйся, – решил он наконец. – Я пришлю Маршалла, он тебя сменит, как только закончит в суде. А пока постарайся не слишком сильно напортачить. Езжай!

Пэрис уселась на переднее сиденье фургона рядом с оператором. Она очень нервничала, потому что впервые должна была выйти в прямой эфир. Пэрис была возбуждена и встревожена. Том спокойно вел машину в потоке транспорта и мурлыкал себе под нос какую-то мелодию.

– Как ты можешь быть таким спокойным?

– Просто завтра появятся новые психи, они сотворят еще что-нибудь такое же странное. Все подобные истории похожи друг на друга. Только имена меняются.

В каком-то смысле Том был прав, но его спокойствие скорее объяснялось косяком с марихуаной, который он меланхолично курил.

В начале улицы полиция установила заграждения. Это был район, в котором жили представители среднего класса. Пэрис выпрыгнула из машины и ринулась к группе репортеров, окруживших пресс-секретаря департамента полиции Хьюстона.

– Детям от четырех до семи лет, – услышала Пэрис его голос, проталкиваясь через толпу. – Несколько месяцев назад мистер и миссис Дорри развелись. Женщина только что выиграла дело в суде и получила опеку над детьми. Вот все, что нам известно к этой минуте.

– Мистер Дорри был огорчен таким решением суда? – выкрикнул кто-то из репортеров.

– Вероятно, но это только предположение.

– Вы уже говорили с мистером Дорри?

– Он не отреагировал на наши попытки.

Том Стоукс пробрался к Пэрис и протянул ей микрофон, соединенный с его камерой.

– Тогда откуда вам известно, что Альберт Дорри там и именно он держит семью на мушке? – спросил другой ре-

портер.

– Миссис Дорри успела позвонить в 911 и передать сообщение прежде, чем телефон отключили. Мы полагаем, что это сделал мистер Дорри.

– Она сказала, насколько он меткий стрелок? — Нет.

Пэрис спросила:

– Вам известно, чего хочет добиться мистер Дорри?

Пресс-секретарь ответил:

– На данный момент нам известно только то, что мы столкнулись с очень серьезной ситуацией. Всем спасибо.

С этими словами он закончил брифинг. Пэрис повернулась к оператору:

– Ты записал мой вопрос на пленку?

– Ага. И его ответ тоже.

– Если это можно считать ответом.

– Звонили из отдела новостей. Через три минуты ты должна выйти в прямой эфир. Ты знаешь, что сказать?

– Настраивай камеру, а я что-нибудь придумаю. Пэрис выбрала удачное место для прямого репортажа.

Отсюда был виден дом Дорри в конце узкой, обсаженной деревьями улицы, которая до этого дня считалась очень спокойной.

Теперь по всей улице стояли кареты «Скорой помощи», полицейские машины, фургоны телеканалов и зеваки. Пэрис спросила одну из местных жительниц, не согласится ли та сказать несколько слов о семье Дорри перед камерой, и пыш-

ногрудая брюнетка закивала в ответ.

– Мистер Дорри всегда казался мне таким милым, – принялась торопливо рассказывать женщина. – Никогда бы не подумала, что он способен на такое. Но разве можно знать, что у человека на уме? Так много сумасшедших кругом.

Через час Пэрис заметила Дина Мэллоя, приехавшего к месту событий на своей машине. Не глядя ни на кого, он прошел в сопровождении полицейских мимо репортеров к фургону, стоявшему между ограждением и домом. Пэрис видела, как Дин вошел в фургон, потом позвонила дежурному редактору и сообщила о его прибытии.

– Да заткнитесь вы наконец! – рявкнул Майкл Хаммер, пытаясь перекричать голоса в комнате. – Я даже собственных мыслей не слышу. – Потом он переспросил Пэрис: – Повтори, кто приехал?

– Мэллой, доктор психологии и криминологии, штатный сотрудник департамента полиции, – повторила Пэрис.

– И ты с ним знакома?

– Лично. Он прошел специальную тренировку, чтобы вести переговоры с теми, кто взял заложников. Дин не приехал бы, если бы его не вызвали.

Пэрис вышла в прямой эфир с этим известием, опередив все остальные каналы.

Через три часа репортеры заскучали и желали, хотя это и было совершенно безнравственно, чтобы наконец произошло хоть что-то.

Пэрис воспользовалась передышкой и выбралась из толпы. Тут она заметила маленькую женщину, державшуюся поодаль. Ее поддерживал мужчина, а она молча плакала.

Оставив свой микрофон и оператора позади, Пэрис подошла к этой паре и назвала себя. Сначала мужчина повел себя очень агрессивно и велел ей проваливать, но потом женщина сказала, что ее зовут Клара Хопкинс, она сестра Анджелы Дорри. Сначала она не хотела отвечать на вопросы, но в конце концов Пэрис услышала историю бурного брака четы Дорри.

– Эти сведения могут очень пригодиться полиции, – мягко сказала она Кларе Хопкинс. – Может быть, вы поговорите с кем-нибудь из них?

Клара устала и была напугана, ее муж Гарри был настроен враждебно.

– Человек, о котором я говорю, не обычный полицейский, – продолжала уговаривать их Пэрис. – Он здесь только для того, чтобы ваша сестра и ее дети вышли из дома живыми. Вы можете доверять ему. Даю вам слово.

Через несколько минут Пэрис уже пыталась убедить полицейского из заграждения передать записку Дину.

– Доктор Мэллой меня знает. Мы друзья.

– Да будь вы даже его сестрой, я не стал бы его беспокоить. Доктор Мэллой занят. Он не захочет разговаривать с репортером.

Пэрис махнула рукой Тому Стоуксу:

– Ты записываешь?

– Да. – Он поудобнее устроил камеру на плече и посмотрел в объектив.

– Сними крупным планом лицо этого офицера. – Пэрис откашлялась и произнесла в микрофон: – Сегодня офицер Антонио Гарса из управления полиции Хьюстона мешал освобождению заложников, находящихся на мушке у вооруженного человека. Офицер Гарса отклонил просьбу передать важное сообщение...

– Черт возьми, леди, что это вы делаете?

– Я хочу, чтобы вас увидели наши телезрители и поняли, кто помешал спасению ни в чем не повинной женщины и ее малолетних детей.

– Давайте сюда эту чертову записку, – рявкнул Гарса, хватывая у нее листок бумаги.

Прошло около четверти часа. Пэрис не находила себе места, но тут из фургона вышел Дин и направился к заграждению. Он отодвинул в сторону направленные на него микрофоны, выискивая Пэрис. Как только Дин увидел ее, стоящую на ступеньке фургона и махавшую ему рукой, он напрямик направился к ней.

– Привет, Дин.

– Привет, Пэрис.

– Я бы ни за что не воспользовалась нашей дружбой в корыстных целях. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Да.

– Я бы не вытащила тебя сюда, если бы действительно не считала это важным.

– Так было сказано в твоей записке. Что ты узнала?

– Давай зайдем внутрь.

Они вместе поднялись в фургон, где сидели Клара Хопкинс и ее муж. Пэрис с трудом удалось их убедить подождать Дина именно там. Пэрис представила их друг другу. Места было совсем мало, хотя оператор остался снаружи. Пэрис не хотела пугать этих людей светом камеры.

Дин опустил на корточки перед совершенно растерянной женщиной и заговорил, негромко и спокойно:

– Во-первых, я хочу, чтобы вы знали, я приложу все силы, чтобы ваша сестра и ее дети остались живы.

– Так и Пэрис нам говорила. Она дала нам слово, что мы можем вам доверять.

Дин бросил быстрый взгляд на молодую женщину.

– Но я боюсь, что полиция начнет штурмовать дом. – Голос Клары прерывался, она с трудом сдерживалась. – Если начнется штурм, то Альберт убьет мою сестру и детей. Я точно знаю, убьет.

Дин спросил:

– Он и раньше угрожал убить их?

– Много раз. Анджела всегда говорила, что этим дело и кончится.

Дин терпеливо выслушал все, что могла ему сообщить эта женщина, прерывая ее только тогда, когда ему требовалось

что-то уточнить, мягко подсказывая слова и направляя ее рассказ, если она сбивалась. В фургоне стало жарко, пахло марихуаной. Дин словно ничего этого не замечал, с досадой смахивал пот, выступивший на его лице. Его глаза не отрывались от плакавшей Клары Хопкинс.

Мэллой задавал необходимые вопросы и, вероятно, запоминал ответы, потому что ничего не записывал. Когда сестра миссис Дорри рассказала ему все, что могло оказаться важным, он поблагодарил ее и еще раз пообещал спасти ее сестру и племянников. Дин спросил также, останется ли миссис Хопкинс поблизости, если ему вдруг понадобится уточнить кое-что еще. Клара с мужем согласились не уходить.

Когда они вышли из душного фургона, Пэрис протянула Дину бутылку воды. Он рассеянно выпил ее, пока они шли к заграждению. Глубокая складка пролегла между его бровями.

В конце концов Пэрис отважилась спросить, помог ли ему этот разговор.

– Очень помог. Но прежде всего мне необходимо заставить Альберта Дорри поговорить со мной.

– Теперь у тебя есть номер его сотового телефона.

– Благодаря тебе.

– Я рада, что сумела помочь.

Полицейские с трудом сдерживали толпу репортеров, обрушившихся на Дина с вопросами, пока он пробирался через заграждение. Он направился к полицейской машине, по-

том вдруг остановился и обернулся к Пэрис:

– Ты сделала доброе дело.

– Ты тоже.

Она смотрела ему вслед, пока Дин не скрылся внутри фургона, потом позвонила редактору и изложила ему все, что случилось.

– Всегда неплохо иметь влиятельных друзей. Хорошая работа, Пэрис. Раз уж у тебя все получилось, оставайся до конца, посмотришь, что из этого выйдет.

– А как насчет Маршалла?

– Это будет твоя история, Пэрис, – сказал Майкл Хаммер. – Я принял решение. Не разочаруй меня.

Час спустя она вместе с остальными репортерами узнала, что Мэллой наконец сумел добиться ответа от Альберта Дорри. Он убедил мужчину разрешить ему поговорить с миссис Дорри. Та, захлебываясь слезами, рассказала, что она и все дети пока живы, муж не причинил им вреда, но все они очень боятся.

Пэрис сообщила об этом в прямом эфире в выпуске пятнадцатичасовых новостей. Ей пришлось повторить то же самое в шесть, потому что других новостей не было, а в конце выпуска она коротко изложила всю историю еще раз. Пэрис также ответила на вопросы ведущих.

В семь часов приехал Джек, он привез ей и Тому Стоуксу бургеры и жареную картошку.

– Кто курил травку? – поинтересовался он.

– Пэрис. – Оператор кинул в рот картошку. – Никак не удастся отучить ее от этого.

Но когда Том поел и уже выходил из фургона, он обернулся к Джеку и, замявшись, спросил:

– Джек, насчет... гм...

Тот простодушно улыбнулся:

– Не понимаю, о чем ты говоришь. У оператора явно отлегло от сердца.

– Спасибо, парень.

Когда они остались одни, Пэрис с негодованием посмотрела на Джека.

– Из тебя получится отличный менеджер.

– Хороший менеджер ведет себя так, чтобы сотрудники были верны ему. – Его веселая улыбка сменилась тревожным выражением, когда он протянул руку и погладил ее по щеке. – Ты выглядишь измотанной.

– Румяна стерлись несколько часов назад, – усмехнулась Пэрис, вспомнив, что Дин не обращал никакого внимания на собственный дискомфорт, она добавила: – Я освещаю такие события, что совершенно не важно, как я сама при этом выгляжу.

– Ты отлично поработала.

– Спасибо.

– Я серьезно, вся телестанция только об этом и говорит. Этим утром, когда Пэрис садилась в фургон, она в самом деле собиралась привлечь к себе внимание, сделать себе имя,

то есть добиться как раз того, о чем говорил Джек.

Но за этот напряженный день все изменилось. Поворотным пунктом стал разговор Дина с сестрой миссис Дорри. У Пэрис словно открылись глаза, и она увидела мрачную суть этой истории. Перед ней разворачивалась человеческая трагедия. Едва ли такое можно считать поводом продвинуться по служебной лестнице. Пэрис показалось несправедливым воспользоваться чужим несчастьем в собственных целях.

– Ты виделась с Дином еще раз? – спросил Джек, нарушая ход ее мыслей.

– Только один. Он выходил во второй половине дня, чтобы спросить сестру миссис Дорри о том, что любят дети, какие лакомства, какие игры и игрушки, есть ли в доме животные. Ему хотелось, чтобы разговор с мистером Дорри получился как можно менее официальным.

Джек задумчиво нахмурился:

– Если все кончится плохо, то Дин будет считать себя виновным в этом.

– Он старается изо всех сил.

– Я знаю. И ты знаешь. Все знают, кроме самого Дина. Но запомни мои слова, Пэрис. Если пять человек не выйдут из этого дома живыми, Мэллой изведет себя.

Джек пробыл с ней около часа, потом уехал, взяв с нее обещание позвонить ему немедленно, если ситуация изменится. Но ничего не произошло. Прошло несколько часов. Пэрис сидела на переднем сиденье фургона, приводила в по-

рядок свои записи и думала о том, под каким новым углом можно показать эту историю. Но тут в ветровое стекло постучал Дин.

– Что-то случилось? – спросила Пэрис.

– Нет, ничего. Прости, если я тебя обеспокоил. – Он подошел к открытому окну. – Мне просто нужно немного пройтись и размять ноги.

– Джек просил передать тебе, чтобы ты не зарывался.

– Он приезжал?

– Привез нам с Томом поесть. А ты ел что-нибудь?

– Сандвич. Но от стакана воды я бы не отказался. Она передала ему бутылку со словами:

– Я пила из нее.

– Мне все равно. – Дин выпил воды, закрыл крышку и вернул ей бутылку. – Я хочу попросить тебя об одолжении. Ты не могла бы позвонить Гэвину? Как только я попадаю в подобную ситуацию, он пугается. – Он легко улыбнулся. – Слишком много полицейских шоу на телевидении. Позвони ему, пожалуйста, и скажи, что разговаривала со мной и что я в полном порядке. – Читая вопрос в ее глазах, Дин пояснил: – Я уже разговаривал с сыном, и Патрисия тоже. Но ты же знаешь, каковы дети. Гэвин поверит только в то, что услышит от постороннего человека.

– Я буду рада помочь. Что-нибудь еще?

– Это все.

– Совсем просто.

Дин распустил узел галстука, закатал до локтей рукава рубашки. Облокотившись о дверцу фургона, он продолжал смотреть на дом. Потом негромко сказал:

– Дорри может убить их, Пэрис.

Она промолчала, понимая, что Дин не ждет от нее ответа. Он делился с ней самым ужасным своим страхом, и ей было приятно, что он считает возможным сказать это именно ей. Ей только хотелось найти для него слова утешения, которые не прозвучали бы банально.

– Не представляю, как мужчина может убить собственных детей, но именно это он и обещает сделать. – Дин опустил голову и потер бровь. – Когда я разговаривал с ним в последний раз, я слышал, как в доме заплакала маленькая девочка. Она просила его: «Папочка, не убивай нас, пожалуйста, не убивай». Если Дорри решит нажать на курок, то я не смогу ничего сделать.

– Если бы не ты, он, вероятно, уже давно бы спустил курок. Ты делаешь все, что в твоих силах. – И без всякой задней мысли Пэрис коснулась его волос.

Дин резко поднял голову и посмотрел на нее, вероятно, гадая, откуда она знает, что он делает всё, что в его силах. А может быть, он хотел услышать это еще раз. Или просто ему захотелось проверить, действительно ли она дотронулась до него.

– Понимаешь, полицейские говорят, – голос Пэрис упал до шепота, – что ты невероятный человек.

Таким же шепотом Дин спросил:

– А что думаешь ты?

– Я тоже считаю тебя совершенно невероятным.

Она бы улыбнулась ему, как другу, но улыбка показалась ей неуместной по многим причинам. Во-первых, ситуация к этому совсем не располагала. Во-вторых, у нее перехватило горло, и она едва могла дышать. Но в основном из-за того, как смотрел на нее Дин.

В тот вечер, когда они впервые встретились, они смотрели друг на друга дольше, чем пристало друзьям. На этот раз они никак не могли отвести глаз друг от друга, и притяжение между ними оказалось еще сильнее. Пэрис готова была опустить руку, как злодей, застигнутый на месте преступления. Но если бы она это сделала, то жест ее стал бы только более заметным и наполнился бы смыслом, который она признавать не осмеливалась. Потом Пэрис не раз спрашивала себя, поцеловались бы они, если бы у него не запищал пейджер.

Но именно этот звук нарушил магию этой минуты. Дин проверил сообщение.

– Дорри хочет поговорить со мной, – объяснил он и бросился бежать к полицейскому фургону.

Только к полуночи Дин договорился о том, чтобы Дорри выпустил детей. Альберт Дорри боялся, что полицейские начнут штурм дома. Дин сумел убедить его, что этого не случится, если он отпустит детей. Дорри согласился только при одном условии: Дин должен сам подойти к крыльцу и забрать

детей. Разумеется, Пэрис ничего не знала до тех пор, пока дети не оказались на свободе.

Она разговаривала с сестрой миссис Дорри, когда прибежал оператор и сказал, что Мэллой идет к дому.

Сердце билось у Пэрис в горле, когда она смотрела, как Дин с высоко поднятыми руками поднялся на крыльцо. Никто не слышал, о чем он говорил с Дорри через дверь, но Мэллой так долго оставался ничем не прикрытой целью для преступника, что Пэрис это время показалось вечностью.

Наконец дверь распахнулась, из дома вышел маленький мальчик, за ним появилась девочка постарше. Она несла младшую сестренку на руках. Все плакали и закрывали глаза ладонями от направленного на их дом света.

Дин обнял их и отвел к работникам социальной службы, которые ждали в стороне.

Одним из условий, выдвинутых Дорри, было то, чтобы детей не отдавали свояченице Кларе Хопкинс, которая всегда ненавидела его и настраивала против него жену. Но Пэрис узнала об этом позже.

Когда Пэрис рассказывала в прямом эфире о том, что детей отпустили, ее голос был хриплым от усталости, да и выглядела она не слишком хорошо. Закончила она свой репортаж словами о том, что все стали смотреть на ситуацию с большим оптимизмом.

– Много часов казалось, что все неумолимо движется к трагическому концу. Но теперь полиция надеется, что выход

детей из дома стал поворотом к лучшему.

Ее последние слова заглушили два громких выстрела. Пэрис и остальные репортеры замолчали. Никогда раньше она не слышала такой внезапной и жуткой тишины.

И эту тишину разорвал третий, и последний, выстрел.

Пэрис еще раз взглянула на вырезку из газеты и, аккуратно сложив ее по прежним сгибам, спрятала за своей фотографией в бумажнике Джека. Она положила бумажник обратно в коробку, и ей стало нехорошо при мысли о том, что если бы Джек связал события того дня с тем, что произошло потом, он никогда бы не стал хранить эту заметку, а разорвал бы ее в клочья.

Она была маленькой женщиной. Руки, комкавшие мокрый носовой платок, могли бы принадлежать и ребенку. Ноги она скрестила в щиколотках и спрятала под стулом. Она нервничала так же отчаянно, как студент перед ответственным экзаменом.

Кертис представил их друг другу.

– Миссис Тони Армстронг, познакомьтесь с доктором Мэллоем.

– Здравствуйте, миссис Армстронг.

Кертис вел себя с этой женщиной так же галантно, как с Пэрис.

– Я могу предложить вам что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. Как вы думаете, сколько времени это займет? Я должна забрать детей в четыре часа.

– Вы освободитесь намного раньше.

Дин прибыл на эту встречу через тридцать секунд после вызова. Этого времени ему хватило, чтобы проводить до дверей Гэвина и Лизу. Он не знал, зачем его вызвали и почему он должен присутствовать при этой беседе. Мэллой стоял, прислонясь к стене, и молча наблюдал за происходящим.

Миссис Армстронг явно не относилась к разряду хрупких фиалок, как можно было бы подумать, судя по ее внешности. Ей, вероятно, показалось, что ее не хотят выслушать, поэто-

му она положила конец обмену любезностями и прямо перешла к делу:

– Мистер Хэтавэй передал мне, что вы хотели со мной поговорить, сержант Кертис. Я пришла, но никто не объяснил мне, о чем вы хотите говорить со мной. Следует ли мне пригласить моего адвоката? Или у моего мужа неприятности, о которых я не знаю?

– Если это и так, то нам об этом также ничего не известно, миссис Армстронг, – мягко ответил Кертис. – Но он нарушил правила своего условного наказания, не так ли?

– Да.

– По словам офицера Хэтавэя, именно вы сообщили ему об этом.

Женщина опустила голову и уставилась на платок, который продолжала крутить в руках.

– Это самое тяжелое, что мне приходилось делать в жизни.

– Да, вероятно, это так, – сочувственно кивнул головой Кертис. – Хэтавэй позвонил одному из офицеров в отделе РПСП нашего управления, а тот обратил на вашего мужа мое внимание.

Дин начал понимать, что происходит. РПСП – отдел регистрации преступлений на сексуальной почве – находился под покровительством отдела расследований. Разумеется, сотрудникам этого отдела было известно о расследовании, которое проводил Кертис. Слишком часто преступления на сексуальной почве и убийства пересекались.

– Не могли бы вы ввести меня в курс дела? – попросил Дин.

– Полтора года тому назад Брэдли Армстронг был осужден за сексуальные домогательства в отношении несовершеннолетней. Он получил пять лет условно и должен был посещать занятия групповой терапии. Последнее время он перестал посещать эти занятия. Офицер Хэтавэй, осуществляющий надзор за условно осужденными, назначил ему две встречи сегодня. Армстронг на них не явился. Миссис Армстронг сообщила об этом адвокату мужа, и тот отправился к нему на работу. Мистер Армстронг – дантист. Адвокат намеревался уговорить своего клиента подчиниться требованиям, но его не оказалось на месте. Брэдли Армстронг ушел, хотя к нему были записаны пациенты. Никто не знает, где он. Его сотовый телефон не отвечает.

– Я рассказала об этом офицеру Хэтавэю только потому, что хочу, чтобы мужа осудили за нарушение условий наказания, а не за что-то более серьезное, – сказала Тони Армстронг.

– Например? – спросил Дин.

– Боюсь, что муж находится на грани совершения нового преступления. Он делает все, чего не должен делать.

Кертис, почувствовав, что контакт между Дином и миссис Армстронг установлен, уступил ему свое кресло. Дин сел и обратился к миссис Армстронг:

– Я понимаю, что вам трудно говорить об этом, миссис

Армстронг. Мы не стараемся ухудшить ваше положение. Честно говоря, мы были бы рады помочь вам.

Женщина высморкалась и кивнула.

– Брэдли снова собирает порнографические фотографии и издания. Я нашла их в его рабочем кабинете. Я не могу влезть в его компьютер, потому что он все время меняет пароль, видимо, чтобы я ничего не узнала. Но мне заранее известно, что я там найду. Во время судебного процесса выяснилось, что он посещал множество сайтов. И речь не идет об эротике. Брэдли увлекает настоящая порнография, особенно молоденькие девочки, но это еще не самое плохое. Я не все рассказала мистеру Хэтавю. – Тони слабо улыбнулась Дину. – Я сама не понимаю, почему вдруг решила рассказать все вам. Конечно, если не считать достаточным поводом желание остановить мужа до того, как он совершит нечто серьезное.

– И чего же вы не рассказали мистеру Хэтавю?

Миссис Армстронг заговорила об участившихся отлучках мужа, когда его невозможно было застать ни дома, ни на работе, о его лжи, о том, что он всегда находит оправдание своим действиям.

– Из этого следует, что Брэдли теряет контроль над собой, – закончила она.

Дин согласился с ней. Он и сам назвал бы все перечисленное классическими признаками ухудшения психического состояния.

– Ваш муж пытается защищаться, если вы говорите с ним об этом? Он слишком чувствителен и часто сердится? Он обвинял вас в том, что вы излишне подозрительны, что вы ему не верите?

– Брэдли очень успешно перекладывает вину на меня, заявляя, что я не делаю ничего, чтобы его поддержать.

– У него появилась склонность к насилию?

Тони Армстронг снова опустила глаза и тем самым ответила на вопрос Дина еще до того, как начала рассказывать о том, что произошло между ней и мужем накануне вечером. Она говорила спокойно, опустив голову, хотя не скрывала от них ни единой, даже самой интимной детали. Когда она закончила, Дин негромко спросил:

– Вы не видели его после того, как он убежал из дома?

– Нет, но мы разговаривали по телефону сегодня утром. Брэдли извинился, сказал, что не понимает, что это на него нашло.

– А раньше он вел себя грубо по отношению к вам?

– Муж не допускал грубости даже в виде шутки. Я никогда раньше не видела его таким.

«Еще один плохой признак», – подумал Дин. Тони, вероятно, догадалась об этом по выражению его лица. Она переводила взгляд с Дина на Кертиса и обратно.

– Вы так и не сказали мне, зачем я здесь.

– Миссис Армстронг, ваш муж когда-нибудь слушает ночные передачи по радио? – задал вопрос Кертис.

– Иногда, – ответила женщина, после некоторого раздумья.

– А раньше он исчезал из дому?

– Один раз, сразу после того, как родители его несовершеннолетней пациентки обвинили его в сексуальном домогательстве. Брэдли пропал три дня, прежде чем его нашли и арестовали.

– Где его нашли?

– В мотеле. Знаете, одном из таких, где люди не живут подолгу. Муж объяснил, что спрятался потому, что боялся, что никто не поверит в его вариант истории.

– А вы ему поверили? – спросил Дин.

– Поверила ли я Брэдли? – Тони печально покачала головой. – Пациентки или коллеги по работе и раньше жаловались на его неприличное поведение или прикосновения. Разные стоматологические клиники, разные города, но жалобы всегда одинаковые. То, как Брэдли ведет себя сейчас, очень похоже на его поведение перед тем случаем. Только на этот раз все выражено более отчетливо. Он не слишком старается скрывать свои поступки. Муж как будто бросает вызов и при этом не находит себе места. Вот почему так просто было проследить за ним.

– А вы следили? – спросили одновременно Кертис с Дином.

– Как-то вечером на прошлой неделе. – Тони потерла лоб, словно застыдилась. – Я не могу вспомнить точнее. Брэдли

позвонил с работы и предупредил, что вернется поздно. Он придумал какую-то причину, но я догадалась, что он лжет. Я попросила соседку посидеть с детьми и подъехала к его офису до того, как он ушел. Поэтому я смогла проследить за ним. Сначала мой муж отправился в магазин с видеокассетами и изданиями для взрослых и там провел два часа. Потом он поехал на озеро Трэвис.

– Куда именно?

– Я не знаю. Я бы никогда не нашла этот район, если бы не ехала следом за ним. Там довольно пустынно. Вокруг никаких домов или магазинов. Вот почему я удивилась, когда увидела там столько народа. В основном молодежь, подростки.

– И что там делал ваш муж?

– Очень долгое время вообще ничего. Брэдли просто сидел в своей машине и смотрел. Вокруг пили, курили, совокуплялись. Наконец Брэдли вышел из машины и подошел к девушке. – Тони Армстронг снова сникла, опустила голову. – Они немного поговорили, и она влезла в машину вместе с ним. После этого я уехала.

– Вы не подошли к мужу и, так сказать, не застучали его на месте преступления?

– Нет. – Она улыбнулась дрожащими губами. – Я чувствовала себя так, словно вывалилась в грязи. Мне хотелось как можно быстрее уехать оттуда, вернуться домой и вымыться. Именно так я и поступила.

Считаясь с ее неловкостью, Кертис и Дин молчали. Наконец детектив спросил:

– Вы смогли бы узнать девушку, с которой видели мужа? Тони Армстронг подумала немного, потом покачала головой.

– Нет, не думаю. Было темно, и я не разглядела ее лица. Она скорее всего еще не закончила школу.

– Волосы темные или светлые? Она высокая или маленькая?

– Думаю, она блондинка. Она выше ростом, чем я, но ниже Брэдли. А в нем пять футов десять дюймов.

– Это могла быть вот эта девушка? – Кертис показал Тони ту фотографию Джейни Кемп, которую опубликовали в газетах.

Миссис Армстронг посмотрела на снимок, а потом на каждого из мужчин по очереди.

– Теперь я понимаю, почему вы захотели встретиться со мной. – В ее глазах появилось испуганное выражение. – Я читала об этой девушке. Дочь судьи, пропавшая несколько дней назад. Я права, да? Вы поэтому вызвали меня?

Вместо ответа Кертис спросил:

– Вы когда-нибудь говорили мужу, что видели его на озере, что вы знаете, зачем он туда ездил?

– Нет. В ту ночь, когда он вернулся, я притворилась спящей. На следующее утро Брэдли был веселым и нежным. Поддразнивал детей, шутил с ними, строил планы на уик-

энд. Он вел себя как идеальный муж и отец.

Женщина на мгновение задумалась. Дин почувствовал, что Кертис готов нарушить это молчание очередным вопросом, и сделал ему знак повременить.

Тони Армстронг наконец подняла голову и встретилась глазами с Дином.

– Иногда мне кажется, что Брэдли и сам верит в то, что сочиняет. Он как будто живет в стране фантазий, где у его действий нет последствий. Словно он может делать все, что ему захочется, не боясь, что его поймают и осудят.

Из всего, что рассказала Тони, последние слова встревожили Кертиса и Мэллоя больше всего. Дин сомневался, что сама женщина понимает это. Зато Кертису больше не требовались объяснения. Когда Дин посмотрел на него, детектив задумчиво хмурился.

Они оба знали, что серийные убийцы или насильники почти всегда живут в вымышленном мире. Насилюя и убивая, эти нелюди часто считали себя выше законов общества, которое не давало им развернуться. Они обращались только к неведомому божеству, которое понимало и оправдывало их извращение.

Кертис откашлялся.

– Я благодарю вас за то, что вы уделите нам время, миссис Армстронг. И я особенно ценю вашу самоотверженность, потому что тема разговора крайне болезненна для вас.

Но ему не удалось легко избавиться от нее.

– Я рассказала вам много нелицеприятного о моем муже, но он не может быть замешан в исчезновении этой молодой женщины, – заявила Тони.

– У нас нет никаких причин думать, что он к этому причастен. Как я уже упоминал, мы рассматриваем несколько версий. – Кертис помолчал, а потом добавил: – С вашей помощью мы сможем вычеркнуть его из списка подозреваемых.

– Как я могу помочь?

– Вы можете дать нашим экспертам разрешение взломать его компьютер. Пусть они посмотрят файлы. Эта девушка размещала объявления на одном веб-сайте, где никто не стеснялся в выражении своих сексуальных фантазий. Она познакомилась со многими именно так. Если мисс Кемп и ваш муж никогда не переписывались по электронной почте, тогда едва ли он мог ее знать.

Тони подумала и сказала:

– Я должна посоветоваться с адвокатом Брэдли. Кертис неохотно согласился.

Мнение Дина о миссис Армстронг стало еще лучше. Она не относилась к разряду женщин, которыми можно манипулировать. Возможно, эта твердость не была чертой ее характера до того, как начались проблемы с мужем и его пагубной страстью. Тони Армстронг должна была измениться, чтобы сохранить рассудок и выжить.

Кертис помог ей встать и проводил к выходу.

– Спасибо, что побеседовали с нами, миссис Армстронг. Я надеюсь, что вашего мужа скоро найдут, и он получит необходимую помощь.

– Брэдли может оказаться не тем, кого вы ищете.

– Все возможно. К тому же мы пока не уверены, что с Джейни Кемп случилось что-то плохое. Но как вы уже наверняка знаете, все, кого обвиняли в преступлениях на сексуальной почве, при подобных происшествиях сразу попадают под подозрение. Ваш муж выбрал неудачное время, чтобы пропустить встречу с надзирающим офицером, только и всего.

Разумеется, Кертис не говорил всей правды, и миссис Армстронг была достаточно умна, чтобы это понимать. Но она была слишком хорошо воспитана, чтобы напрямую обвинить детектива во лжи. Вместо этого она попросилась с ними.

– Милая леди, – заметил Кертис, как только женщина отошла на достаточное расстояние.

– И умная к тому же, – добавил Дин, и Кертис посмотрел на него, ожидая объяснений. – Ее муж движется по спирали вниз, и она об этом знает. Она сразу поняла, когда вы начали вешать ей лапшу. Что бы вы ей ни говорили, вы определенно предполагаете наличие связи между исчезновением этого Армстронга и Джейни Кемп.

– Не стану опровергать. – Кертис уселся в свое кресло и жестом предложил Дину сесть. Он достал шоколадный ба-

тончик и предложил такой же Дину, но тот отказался. Разворачивая обертку, Кертис заметил:

– Жена Армстронга сама видела, как он склонял несовершеннолетнюю к сексу. Именно за этим он и отправился на озеро. Кстати, откуда ему было известно, куда ехать? Существует только одна возможность.

– «Секс-клуб», – подсказал Дин.

– Именно так. Вполне вероятно, Брэдли Армстронг использует доску объявлений как меню. Сначала разогревает свой аппетит, читая объявления, а потом едет к месту сбора и ищет ту девушку, которая дала понравившееся ему объявление. Девушка, с которой его застала жена, в общих чертах подходит под описание Джейни Кемп.

– В очень общих чертах, – возразил Дин. – Под описание, которое нам дала миссис Армстронг, подходят большинство старшекласниц Остина.

– И все же это очень подозрительное совпадение. Вы не согласны?

Дин откинул волосы назад.

– Согласен, согласен.

Он почувствовал жалость к Тони Армстронг. Мэлой слишком хорошо знал, что такое надеяться на бога и верить в невиновность того, кого любишь, но кому не доверяешь.

– Если миссис Армстронг не даст согласия на осмотр компьютера мужа, я получу на это ордер у судьи, – объявил Кертис. – Рондо мог бы найти Армстронга по электронному ад-

ресу в записной книжке Джейни, но на это уйдет больше времени. А пока я сообщу всем, что хочу поговорить с доктором Армстронгом сразу же, как только он объявится. Мы уже объявили в розыск его машину.

– Кстати, о машинах. Что-нибудь обнаружили в автомобиле Джейни?

Кертис недовольно поморщился.

– Улик столько, что можно только диву даваться. Они собрали образцы всех известных тканей, натуральных и искусственных. Эксперты собираются исследовать коврики, чехлы, бумажные обертки. Все, что там было. Уйдут недели, чтобы все только рассортировать.

– Есть еще чьи-нибудь отпечатки, кроме отпечатков Джейни?

– Всего-то несколько десятков. Эксперты ищут те, которые уже числятся в картотеке. Возможно, нам повезет, и они найдут отпечатки Армстронга. Они также собрали следы почвы, пищи, растений и наркотиков. Назовите все, что душе угодно, и это нашли в машине Джейни. Для нашего дела мы могли с тем же успехом, собирать улики на месте студенческого кемпинга. Девушка практически жила в машине. Если верить ее друзьям и родителям, она частенько принимала в машине гостей. Она пила, ела, спала и трахалась в машине. Единственное, что нам удалось опознать, – это человеческий волос. Он совпал с образцом, взятым с расчески Джейни в ее спальне. И еще было немного собачьего дерьма

и несколько собачьих волосков, но они принадлежат домашнему псу.

– Я что-то не помню, что видел в доме Кемпов собаку или слышал ее лай.

– Пса держат в прачечной. У судьи аллергия на шерсть. – Кертис доел батончик, скомкал обертку и швырнул в мусорную корзину. – Это все, чем мы располагаем на сегодняшний день.

– Нет ни единой зацепки, которая могла бы пролить свет на то, что с ней случилось, – заметил Дин.

– Ни следов борьбы, ни клочков одежды, ни порванных чехлов. Один-единственный волос, а не клок волос. Никаких сломанных ногтей, ни следов крови, что могло бы говорить о сопротивлении. Бензобак наполовину полный, значит, о том, что кончился бензин и она бросила машину, говорить не приходится. Никаких поломок в моторе. Тормоза в полном порядке. Создается впечатление, что она добровольно оставила машину и заперла ее.

– Джейни, очевидно, намеревалась вернуться, – задумчиво добавил Дин. – А есть следы других шин возле ее машины?

– Вы знаете, сколько людей посещают каждый день сайт «Секс-клуба»? Несколько сотен! Думаю, все его члены собрались в тот вечер на берегу озера. Пусть некоторые приехали вместе на одной машине, но сотня там точно была. Мы сняли несколько отпечатков, попытаемся определить марки

и модели, но на это уйдет масса времени. А его в нашем распоряжении нет. Для определения ДНК тоже требуется время, даже если мы сумеем взять образцы.

И это нам ничем не поможет, потому что осталось у нас... – Кертис посмотрел на часы на стене. – Меньше тридцати шести часов.

– А что с фотографией, которую Джейни дала Гэвину? Она может чем-то помочь?

– Снимок интересный. Проявляли и печатали явно не в мастерской.

– То есть у нашего парня собственная темная комната?

– Или он пользуется чьей-то еще. Мои люди обрабатывают этот участок, пытаются отследить поставщиков фотобумаги и химикатов, но...

– У нас нет времени, – грустно повторил Дин.

– Верно. И потом наш любитель может покупать все необходимое не в магазине. Он может заказывать товары по почте или приобретать в Интернет-магазине. – Редущие тонкие волосы Кертиса не нуждались в приглаживании, но он снова и снова проводил по ним рукой. – Есть еще кое-что. Вы помните уборщика по имени Марвин?

– А с ним что?

– Марвин Паттерсон, он же Моррис Грин, он же Марти Бентон и Марк Райт.

– И каковы данные о нем?

– Его настоящее имя Лэнси Рэй Фишер. Он не вылезает

из зала суда, его неоднократно судили за мелкие правонарушения. В восемнадцать лет Фишер попал в тюрьму за угон автомобиля. Сократил себе срок, потому что заложил соседа по камере, признавшегося ему в убийстве. Вышел на свободу, а потом попадался снова и снова, но по мелочи. Получал минимальные сроки благодаря «согласованному признанию вины». Хорошо известен своей склонностью подделывать чеки и воровать кредитные карточки.

– И где он сейчас?

– Не знаю. Мы все еще ищем его, как и надзирающий за ним офицер. Как только мы захотели побеседовать с ним, Фишер скрылся. Григсу и Карсону уже за это влетело. Но, как бы там ни было, его побег дает нам понять, что за ним числится кое-что еще кроме нарушения условий досрочного освобождения, и живет он не на зарплату уборщика, метущего коридоры радиостанции и моющего там туалеты.

– Возможно, ему необходимо скрыть что-то более серьезное, – предположил Дин.

– Мы получили ордер и обыскали его квартиру. Компьютера там нет.

– Он мог увезти его с собой.

– Мог, но Фишер оставил другие вещи.

– Например?

Кертис зачитал ему список электронного оборудования, которое невозможно было приобрести на скромные заработки уборщика.

– Большой частью это звуковое оборудование, очень современное. Мы вынесли оттуда кучу всего, сейчас с этим разбираются. Есть еще кое-что интересное. Среди его преступлений числится сексуальное нападение. Его ДНК есть в картотеке.

– Если бы вы могли сличить ее с образцами, изъятыми в машине Джейни... – произнес Дин.

– Вы хотите сказать, если бы у меня было на это время. Дин был раздосадован так же, как и Кертис. Это было преступление наоборот. У них были хорошие версии, но не было ни преступления, ни жертвы. Они искали похитителя, не зная наверняка, что Джейни Кемп похитили. Полицейские работали, предполагая, что ее удерживают где-то против ее воли, что ее жизнь в опасности, но все, что они знали, было лишь...

Дину в голову пришла свежая мысль.

– А что, если...

Кертис посмотрел на него, давая понять, что ждет продолжения:

– Говорите. Я готов выслушать любую версию.

– Есть ли возможность, что Джейни сама стоит за всем этим?

– Чтобы обратить на себя внимание?

– Или чтобы повеселиться. Могла она подговорить кого-то из друзей, чтобы какой-нибудь парень позвонил Пэрис и высказал свои угрозы? А Джейни решила посмотреть, что

из этого получится.

– Не слишком новая идея, но и не такая уж невероятная. Сегодня утром я был в суде и разговаривал с судьей Кемпом.

– Он работает как ни в чем не бывало?

– Да, Кемп был в мантии, – неприязненно подтвердил Кертис. – Он не сомневается в том, что Джейни устроила все это специально, чтобы досадить ему и его жене. Учитывая предстоящие в ноябре выборы, судье Кемпу не нужна плохая реклама. Ему бы больше подошла незапятнанная семейная идиллия. Он полагает, что Джейни намеренно старается снизить его шансы на то, чтобы он сумел еще один срок просидеть в кресле судьи.

– Проклятие! – воскликнул Дин.

– Что такое? – удивился Кертис.

– Значит, я думаю так же, как судья Кемп? Кертис пожал плечами:

– И вы оба можете оказаться правы.

Они молча обдумывали этот вариант, потом Дин нарушил молчание:

– Я все же так не думаю, Кертис. Валентино убедил меня. Либо неизвестный приятель Джейни настоящий знаток психологии и сумел выдать себя за истинного психа, либо он и есть псих.

– Скорее всего он псих, – сказал Кертис.

– Джейни назначила свидание этому парню. Они встретились в условленном месте, она заперла машину, включила

сигнализацию и ушла вместе с ним.

– Вполне возможно, – согласился Кертис.

– И тогда это подтверждает рассказ Гэвина. Детектив задумчиво уставился на свой начищенный до блеска ботинок.

– Но и сам Гэвин мог увезти ее в своей машине, чтобы выяснить отношения наедине.

– И вместо объяснения Гэвин с ней что-то сделал, вы это хотите сказать?

Детектив посмотрел на Дина с таким видом, словно хотел сказать «возможно».

– Быстро переговорив с Джейни, Гэвин присоединился к своим друзьям. Он дал вам список имен и телефонов. Вы проверили их?

– Мы над этим работаем.

Уклончивый ответ Кертиса еще больше рассердил Дина.

– Вы полагаете, что мой сын мог изменить голос и выдать себя за Валентино? Неужели вы считаете, что я мог бы не узнать голос собственного ребенка?

– А захотели бы вы это сделать?

Дин мог бы легко стерпеть критику. Случалось, его анализ личности подозреваемого, свидетеля или попавшего в беду полицейского принимали в штыки, и тогда он становился непопулярным среди коллег. Это была отрицательная сторона его работы, и он с ней мирился.

Но впервые кто-то усомнился в его честности, и Дин вышел из себя:

– Вы обвиняете меня в том, что я чиню препятствия правосудию? Вы думаете, что я скрываю улики? Вы хотите получить образец волос Гэвина?

– Мне это может понадобиться позже.

– В любое время. Дайте мне знать, и вы все получите.

– Я не хотел вас обидеть, доктор, но вы не до конца откровенны со мной.

– Что вы имеете в виду?

– Я говорю о вас и Пэрис Гибсон. Вы многое недоговариваете.

– Потому что вас это не касается, черт побери.

– Еще как касается. – Кертис тоже рассердился. – Все началось именно с Пэрис Гибсон. – Он нагнул к Дину и понизил голос, чтобы никто за пределами кабинета его не услышал. – Вы вдвоем представляли собой весьма динамичный дуэт, когда полиция Хьюстона пыталась освободить заложников. Вы оба не сходили со страниц газет и с экранов телевизоров.

– Тогда погибли люди.

– Да, я об этом слышал. Вам пришлось несладко. Вы даже взяли краткосрочный отпуск, чтобы прийти в себя. – Кертис вещал, а Дин молчал, кипя от ярости. – Вскоре после этого жених Пэрис, ваш лучший друг, о чем вы тоже позабыли упомянуть, становится инвалидом. Пэрис уходит с телевидения, чтобы посвятить себя заботе о нем, а вы...

– Я знаю эту историю. Откуда у вас информация?

– У меня есть друзья в управлении полиции Хьюстона, – ответил детектив, он явно не собирался извиняться.

– Зачем вам это? – спросил Дин, злясь и недоумевая.

– Потому что мне пришло в голову, что Валентино – это звонок из прошлого, – объяснил Кертис.

– Это не так.

– Вы уверены? Неверные женщины для Валентино – это как красная тряпка для быка. Вы полагаете, что такая привлекательная и живая женщина, как Пэрис Гибсон, хранила верность Джеку Доннеру все те семь лет, которые он прожил после аварии?

– Я не знаю. Я потерял контакт с ней и с Джеком после того, как они уехали из Хьюстона, – признался Дин.

– Совершенно? – недоверчиво поинтересовался Кертис.

– Пэрис так хотела.

– Я не понимаю. Вы должны были стать шафером на их свадьбе.

– От вашего источника в Хьюстоне не укрылась ни одна деталь, – усмехнулся Дин.

– Он не сообщил мне ничего такого, что нельзя было бы узнать из газет. Так почему Пэрис Гибсон попросила вас держаться от них с Джеком подальше?

– Она не просто попросила, она настаивала на этом. Пэрис сказала, что так захотел бы и сам Джек. Еще в колледже мы оба были спортсменами, и мы были друзьями. Он не захотел бы, чтобы я увидел его в таком беспомощном состоянии.

Кертис кивнул, словно ответ его устроил, но не вполне.

– И кое-что еще показалось мне странным, – продолжал он. – Эти солнечные очки.

– Глаза Пэрис слишком чувствительны к свету.

– Но она не снимает их даже ночью. Когда вчера вы приехали к магазину, была середина ночи, и даже луны не было. – Кертис посмотрел на Дина взглядом инквизитора. – Такое впечатление, что Пэрис чего-то стыдится, не правда ли?

Стэн предпочел бы встречу с проктологом разговору с дядей Уилкинсом. В любом случае его заднице достанется, но проктолог надел бы резиновые перчатки и постарался быть осторожным.

Место, где они договорились встретиться, Стэну нравилось. Это был бар на первом этаже отеля «Дрискилл». Так как Уилкинс Криншоу собирался этим же вечером вернуться в Атланту, он не стал бронировать себе апартаменты. Стэн порадовался тому, что встреча назначена в людном месте. Дядя Уилкинс не будет слишком суров с ним при посторонних. Уилкинс ненавидел сцены.

В вестибюле отеля было так же спокойно, как в гареме в послеполуденные часы. Стекланный потолок с орнаментом пропускал неяркий свет. Все старались ступать как можно тише по мраморному полу. Никто не хотел задеть даже листок одной из роскошных зеленых пальм. Диваны и кресла манили устроиться в них и лениво наслаждаться соло на флейте, негромко льющим из скрытых динамиков.

Но в центре этого оазиса неги и покоя пряталась ядовитая жаба.

Уилкинс Криншоу был маленького роста, и Стэн подозревал, что дядя носит скрытые каблуки. Серые волосы приобрели желтоватый оттенок и были такими редкими, что ед-

ва скрывали возрастные пятна на блестящем черепе. Нос был широким и мясистым, под стать толстым губам. Нижняя туба выдавалась вперед и брезгливо оттопыривалась. Дядя Уилкинс был очень похож на земноводное, причем из разряда наиболее уродливых.

Стэн догадывался, что именно из-за такой малопривлекательной внешности дядя остался холостяком. Единственной привлекательной для противоположного пола чертой в дяде были деньги, и они же были второй причиной его одиночества. Уилкинс был невероятно скупым и не желал поделиться даже крошкой своего финансового пирога с супругой.

Стэн также догадывался, что его дядя был безмозглым отщепенцем в военной академии, куда и Уилкинса, и отца Стэна послал его дед. У братьев не было другого выхода, они не могли послушаться отца. После окончания академии оба служили в ВВС. Дослужившись до приличного чина и отдав свой долг стране, они были допущены к ведению бизнеса.

На каком-то этапе взросления безмозглый Уилкинс стал нормальным. Он научился давать сдачи, но его оружием была не физическая сила, а сила ума. Он никогда не пускал в ход кулаки, но обладал незаурядным талантом нагонять страх. Он играл не по правилам и никогда не брал пленных.

Дядя не встал, когда Стэн присоединился к нему за круглым коктейльным столиком. Он даже не поздоровался. А когда подошла молоденькая красивая официантка, Уилкинс Криншоу приказал:

– Принесите ему содовой.

Стэн ненавидел содовую, но не стал заказывать ничего другого. Он должен постараться, чтобы эта встреча прошла наиболее безболезненно. Нацепив на лицо приятную улыбку, он начал разговор с лести:

– Вы хорошо выглядите, дядя.

– Это шелковая рубашка?

– Гм? Ах, ну да, конечно.

В их семье все мужчины хорошо одевались. Словно желая компенсировать внешнюю непривлекательность, Уилкинс тоже всегда был одет безукоризненно. Сорочки и костюмы он шил у портного, рубашки безжалостно крахмалились и наглаживались. Он не допускал ни одной морщинки, ни одной лишней складки.

– Ты что, с ума сошел? Ты одеваешься, как придурок. Или для тебя естествен этот вид педераста?

Стэн промолчал, только кивком поблагодарил официантку, которая принесла его содовую.

– Ты наверняка унаследовал эту вычурную манеру одеваться от своей матери. Она обожала рюшечки и кружавчики, чем больше, тем лучше.

Стэн не стал возражать, хотя его рубашка не была вычурной ни по стилю, ни по цвету. Надо сказать, он серьезно сомневался в том, что его мать надевала платье с рюшечками хотя бы раз в жизни. Элис Криншоу всегда выглядела элегантно. Она обладала безупречным вкусом и оставалась для

Стэна самой красивой женщиной на свете.

Но спорить с дядей было бесполезно, поэтому он сменил тему:

– Ваша встреча с генеральным менеджером прошла успешно?

– Радиостанция пока приносит деньги. Тогда почему дядя так хмурится?

– Последние рейтинги очень недурны, – заметил Стэн, – они повысились на несколько пунктов по сравнению с прошлым периодом.

Стэн подготовился специально, чтобы произвести на дядю впечатление. Он только надеялся, что Уилкинс не спросит его, когда кончился прошлый период и что означает в данном случае слово «пункт».

Дядя буркнул что-то невразумительное.

– Вот почему это дело с Пэрис Гибсон так некстати. – Эти слова Стэн разобрал.

– Да, сэр, – поспешил он выразить свое согласие.

– Мы не можем допустить, чтобы наша радиостанция оказалась замешана в этом, – продолжал Уилкинс.

– Она не замешана, дядя. О ней упоминают лишь вскользь.

– Я не желаю, чтобы наша радиостанция упоминалась даже в минимальной степени, если речь идет об исчезновении несовершеннолетней девушки.

– Разумеется, сэр.

– Вот почему я оторву тебе голову и помочусь в открытую рану, если выяснится, что ты имеешь хотя бы малейшее отношение к этим телефонным звонкам.

Дядя Уилкинс научился кое-чему в военной академии. Он выражался предельно ясно, не допуская двояких толкований. Его грубость уступала только его эффективности.

Стэн пришел в ужас.

– Как вам могло прийти в голову, что я...

– Ты полное дерьмо. Ты был таким с того самого времени, как твоя мать тебя родила. Как только ты издал первый писк, Элис уже знала, что ты станешь сопливым плаксою и размазней. Думаю, именно поэтому она заболела. Просто легла и умерла.

– У нее был рак поджелудочной железы, – растерянно произнес Стэн.

– Это был отличный предлог, чтобы избавиться от тебя. Твой отец тоже знал, что ты и плевок не стоишь. Он не хотел отвечать за тебя. Именно поэтому мой братец Вернон так далеко засунул дуло пистолета в рот, что отстрелил себе затылок.

У Стэна перехватило горло. Он просто не мог говорить. Но Уилкинс не знал пощады:

– Твой отец всегда был слабаком, а твоя мать сделала его еще слабее. Вернон считал своим долгом оставаться ее мужем, хотя она перетрахала всех мужиков, которые попадались на ее пути.

Жестокость была у дяди в крови. Стэн прожил с этим тридцать два года и только сейчас понял, что ему следовало бы привыкнуть. Но он не привык. Он посмотрел на Уилкинса с неприкрытой ненавистью.

– У отца тоже были любовницы. Причем постоянно.

– Я уверен, их было больше, чем нам известно. Мой слаб-бак-братец заваливал каждую женщину, которую мог, только для того, чтобы доказать себе, что он все еще на это способен. Твоя мать не пускала его к себе в постель. Видимо, твой отец оказался единственным мужчиной, к которому шлюха Элис испытывала отвращение.

– Если не считать вас. – Стэн даже слегка повысил голос.

Уилкинс так крепко сжал свой стакан с бурбоном, что Стэн удивился, как выдержал толстый хрусталь. Его удар пришелся точно в цель, и он радовался этому. Стэн давно понял, почему дядя так ненавидит его мать. Он множество раз слышал, как Элис Криншоу со смехом говорила своему деверю: «Уилкинс, ты такая противная жаба».

В устах его матери, обожавшей мужчин, эти слова были приговором. Более того, Элис никогда не боялась Уилкинса, а это являлось наивысшим оскорблением для него. Уилкинс испытывал наслаждение, заставляя людей трепетать от страха перед ним. Но с матерью Стэна у него ничего не вышло. Стэн с удовольствием напомнил ему об этом.

Глоток бурбона привел дядю в чувство.

– Учитывая, какими были твои родители, нечего удив-

ляться тому, что у тебя проблемы с сексом.

– У меня их нет.

– Все свидетельствует об обратном. Стэн густо покраснел.

– Если вы говорите о той женщине во Флориде...

– Которую ты завалил на ее же факс, – закончил фразу

Уилкинс.

– Это ее версия, – парировал Стэн. – Все было совсем не так. Она не давала мне проходу, набросилась на меня, а потом в последний момент взяла себя в руки. Она испугалась, что нас застанут.

– Это был не первый раз, когда мне пришлось за тебя отдуваться, потому что ты не можешь держать штаны застегнутыми. Точно как твой отец. Если бы ты проявлял столько прыти в бизнесе, сколько ты проявляешь в сексуальных играх, то денег в компании было бы намного больше.

Именно из-за этого дядя Уилкинс ненавидел Стэна. Дядя не мог добраться до внушительного трастового фонда, который родители оставили сыну. В фонд вошли не только деньги, оставшиеся после их смерти, но и огромная часть доходов корпорации. Пересмотреть условия финансирования фонда было невозможно. Даже Уилкинс при всей его власти и изворотливости не мог влезть в деньги, завещанные братом и невесткой, и заграбастать наследство Стэна.

– В тот раз, в бассейне загородного клуба, что ты пытался доказать девочкам, появившись перед ними голышом? Что у тебя уже стоит?

– Нам было по одиннадцать лет. Им было любопытно посмотреть, и они упросили выйти без плавок.

– Полагаю, именно поэтому они начали кричать и звать родителей. Мне пришлось раскошелиться, чтобы история не вышла наружу и тебя не исключили из клуба. Тебя вышвырнули из школы за то, что ты голый вошел в душевую девочек.

– Так все делали, – возразил Стэн.

– Но поймали только тебя, что говорит о полном отсутствии самоконтроля.

– Вы собираетесь вспомнить все мои детские провинности? Если так, то я закажу себе выпить.

– У меня нет времени перебирать твои прегрешения. – Дядя посмотрел на часы. – Я скоро улетаю. Я приказал пилоту быть готовым к шести часам.

«Чтобы ты сгорел в воздухе», – от души пожелал про себя Стэн.

– От тебя мне нужно следующее, – продолжал Уилкинс. – Ты должен доказать, что не ты звонил вечером на программу этой женщины.

– Зачем бы я стал это делать?

– Ты больной на голову. Я заплатил целое состояние психиатру, чтобы он рассказал мне то, что мне и без него было известно. Твои родители породили чудовище – тебя. И оставили меня разбираться с тобой. Я радуюсь только одному, что пока объектом твоих игр остаются женщины.

– Прекратите, – прошипел Стэн.

Как бы ему хотелось, чтобы у него хватило смелости перегнуться через столик, схватить дядюшку за короткую толстую шею и давить до тех пор, пока его лягушачьи глазки не вылезут из орбит, а поганый язык не вывалится наружу. Стэн был бы счастлив увидеть Уилкинса мертвым. Это должна была быть гротескная, мучительная, неотвратимая смерть.

– Я не звонил Пэрис, – твердо сказал Стэн. – Как я мог? Я был в здании вместе с ней, когда этот псих звонил из телефона-автомата на другом конце города.

– Я проверил. Можно переадресовать звонки, и все будет выглядеть так, будто они поступают с другого телефона. Обычно для этого используют сотовый, в большинстве случаев краденый. Тогда практически невозможно установить, откуда звонили.

Стэн застыл от изумления.

– Вы заранее проверили, как это можно сделать, даже не поговорив со мной?

– Я никогда не достиг бы нынешнего положения, если бы был таким же глупым и безответственным, как ты. Я не хотел, чтобы твой очередной «промах» оказался в газетах.

Я не желаю выглядеть идиотом только потому, что поверил твоим обещаниям держать свой член в узде. Мне и так пришлось отвечать перед советом директоров, за что я плачу тебе зарплату, если ты не в состоянии сменить даже электрическую лампочку.

Уилкинс, не моргая, смотрел на племянника, пока тот не

ВЫМОЛВИЛ:

– Я не звонил Пэрис.

– Ты знаешь толк только в электронике.

– Я не звонил Пэрис, – упрямо повторил Стэн. Уилкинс пристально разглядывал его, потихоньку отпивая бурбон.

– Эта Пэрис... Она тебе нравится?

Стэн сумел сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Да, она ничего.

Взгляд дяди стал еще более тяжелым, угрожающим, и Стэн, как всегда, сдался. Он каждый раз пасовал и ненавидел себя за это. Он и в самом деле был сопливым плаксоидом.

Стэн затеребил влажную салфетку под своим стаканом с содовой.

– Если вы спрашиваете о том, думал ли я о сексе с ней, то я отвечу утвердительно. Иногда думал. Пэрис Гибсон привлекательная женщина, у нее удивительный голос, и по ночам мы на несколько часов остаемся одни в здании.

– Ты пытался с ней заигрывать? – Уилкинс желал выяснить все до конца.

Стэн покачал головой: – Пэрис ясно дала мне понять, что ее это не интересует.

– Значит, ты попытался, а она тебя отвергла.

– Нет, я никогда не пытался. Пэрис живет, как монашка.

– Почему?

– Пэрис была помолвлена с одним парнем, Джеком Доннером. – Стэн говорил, но по его тону было понятно, что он

считает этот разговор бессмысленным. – Доннер находился в частной клинике в Джорджтауне, к северу отсюда. Пэрис навещала его каждый день. Ребята на радиостанции говорили мне, что это продолжается несколько лет. Недавно он умер. Она тяжело переживала его смерть и до сих пор не оправилась. И потом, Пэрис не из тех женщин, которых... Ну, вы знаете.

– Нет, я не знаю. Так что это за тип женщин?

– Таких невозможно соблазнить.

Уилкинс томительно долго смотрел на племянника, потом достал из бумажника несколько купюр, чтобы оплатить счет. Он положил их под свой пустой стакан и встал. Потянувшись за внушительным кейсом, с которым он не расставался, Уилкинс покосился на Стэна.

– Соблазнить означает уговорить женщину заняться с тобой сексом. Это не внушает большой уверенности, Стэнли.

Когда Уилкинс отошел подальше, Стэн пробормотал себе под нос:

– Я хотя бы не настолько уродлив, чтобы за это платить. И в ту же секунду он понял, что у дяди отличный слух.

Дом-трейлер давно уже перестал быть средством передвижения. Он так давно простоял на одном месте, что успел врасти в землю. Низкая изгородь окружала небольшой дворик, заросший сорняками. Единственной уступкой ландшафтному дизайну были два глиняных горшка, из которых свеши-

вались выцветшие бархатцы из дешевой пластмассы.

Какой-то соседский ребенок закинул во дворик футбольный мяч и забыл о нем. Из баллона вышел воздух, и он казался обрывком тряпки. Двуногий гриль с прогнившим днищем, купленный на распродаже старья, был прислонен к стене дома. Телевизионная антенна на крыше стояла почти под прямым углом.

Настоящая дыра, но здесь был его дом.

Дом для трех заброшенных и совершенно безумных кошек и для неряхи, не мыслившей своей жизни без кофе и сигарет, несмотря на то что дышала она кислородом из баллона, к которому была подсоединена трубка.

Она тяжело, с хрипом вдыхала, когда со скрипом распахнулась дверь и луч света упал на экран телевизора.

– Мама?

– Закрой эту чертову дверь. Я ничего не вижу, когда падает свет, а я смотрю сериал.

– Сериалы для тебя всегда на первом месте.

Лэнси Рэй Фишер, он же Марвин Паттерсон, переступил порог и закрыл за собой дверь. В комнате снова установилась полутьма. Черно-белая картинка стала четче, но не намного.

Он сразу же подошел к холодильнику и заглянул внутрь.

– У тебя нечего есть.

– Здесь тебе не кафе, и тебя никто не приглашал.

Лэнси все-таки нашел кусок копченой колбасы. На холодильнике лежал батон белого хлеба. Он отогнал кошку, от-

ломил кусок, положил сверху колбасу. Ничего, и это сойдет.

Его мать не произнесла ни слова до тех пор, пока сериал не прервался рекламой.

– Что ты опять затеял, Лэнси?

– А почему ты думаешь, что я что-то затеял? Кейт Фишер фыркнула и зажгла сигарету.

– Ты взлетишь на воздух, если не перестанешь курить рядом с кислородным баллоном. Надеюсь, меня не будет рядом в этот момент.

– Сделай-ка и мне сандвич.

Лэнси сделал бутерброд и протянул матери.

– Ты появляешься только тогда, когда у тебя неприятности. Что ты натворил на этот раз?

– Ничего. Хозяин делает ремонт в моей квартире. Мне нужно где-то переждать несколько дней.

– Я думала, ты с девчонкой. Почему ты один?

– Мы расстались.

– Понятно. Она узнала, что ты уголовник?

– Я больше не уголовник, а достойный гражданин.

– А я царица Савская, – ответила мать. Она дышала со свистом.

– Я расплатился по моим счетам, мама, неужели ты не видишь?

Лэнси опустил руки по швам и выпрямился. Кейт Фишер оглядела сына с ног до головы.

– Я вижу новую одежду, но человек под ней остался преж-

ним.

– Нет, я изменился.

– Ты до сих пор снимаешься в грязных фильмах?

– Это было домашнее видео, мама. И я снялся всего в двух, чтобы сделать одолжение моему другу.

Тот друг расплачивался с ним кокаином. Лэнси нюхал столько, что потом без стеснения раздевался и трахался перед камерой. Но когда Лэнси принялся обхаживать актрису не только в кадре, но и за кадром, ревнивый режиссер стал жаловаться на размеры его «хозяйства». Средние размеры в этом бизнесе никого не устраивали. Как ему потом сказали, в этом не было ничего личного.

Разумеется, Лэнси принял это близко к сердцу. Они разошлись с режиссером, правда, только после того, как Лэнси до крови избил его, заставив умолять, чтобы «причиндалы» режиссера остались в целостности и сохранности.

Но это было очень давно. Теперь Лэнси не употреблял сильных наркотиков. Он не снимался в порнографических видеофильмах. Он стал лучше во многих смыслах.

Только его мать так не думала.

– Ты точно как твой отец, – объявила она, звучно жуя сэндвич. – Он вечно вертелся как уж на сковороде, и ты такой же скользкий. Ты даже говоришь как-то неестественно. Откуда у тебя вдруг взялся этот модный выговор?

– Я работаю на радиостанции и слушаю, как говорят дикторы. Я научился у них некоторым оборотам.

– Обороты, мать вашу. Я тебе никогда не верила.

Кейт снова уткнулась в телевизор. Лэнси прошел по узкому коридору, переступил через кошачье дерьмо и протиснулся в узенькую комнату, где он спал между отсидками или в то время, когда ему требовалось ненадолго скрыться. Это было его последнее убежище.

Лэнси знал, что всякий раз после его ухода мать обыскивает комнату, поэтому, когда он достал из-под кровати пластиковый пакет, он мог предположить, что увидит. Вернее, чего не увидит.

Но наличные, бумажки по сотне долларов, лежали нетронутыми в железной коробке, куда он их убирал. Половина по праву принадлежала его бывшему партнеру Арни, который теперь отбывал наказание за другое преступление. Когда Арни выйдет на свободу, то станет искать Мар-ти Бентона и свою часть добычи. Но об этом Лэнси подумает, когда придет время.

Сумма значительно уменьшилась с тех пор, как он спрятал деньги здесь. Он взял достаточно, чтобы купить новый автомобиль и одежду. Он снял квартиру... Вернее, две. Он вложил деньги в компьютер, который теперь лежал в багажнике его машины.

Мать станет выговаривать ему за то, что он швыряет деньги на ветер. Зачем такое баловство, как компьютер, если она до сих пор смотрит черно-белый телевизор? Кейт Фишер не понимала простой истины: чтобы преуспеть на лю-

бом поприще, легальном или нелегальном, у человека должен быть компьютер. Лэнси отлично научился с ним управляться. Чтобы избежать нытья старой ведьмы, он пронесет свое электронное сокровище в дом, когда она заснет, а к Интернету станет подключаться через свой сотовый.

Лэнси пересчитал наличные, сунул несколько купюр в карман, а остальное снова спрятал в тайнике под кроватью. Это был неприкосновенный запас Лэнси Рэя Фишера, и ему не доставляло радости то обстоятельство, что в зачачку пришлось залезть. Хотя ситуация и в самом деле была критической.

Когда Лэнси отсидел последний срок и его выпустили из тюрьмы, он нашел отличную работу, но был слишком глуп, чтобы оценить это. Он совершил идиотский поступок: обокрал компанию. Сам Лэнси не считал это воровством, но его начальник придерживался именно такого мнения.

Если бы он попросил разрешения приобрести списанное оборудование по остаточной цене, босс наверняка бы только обрадовался и с радостью согласился на это. Но Лэнси не попросил. Он действовал по принципу: «Хватай, что плохо лежит». Как-то вечером перед уходом с работы он вынес старое оборудование, полагая, что никто не заметит пропажи.

Но кто-то заметил. Лэнси Рэй Фишер, всего лишь уголовник, недавно выпущенный на свободу, сразу же попал под подозрение. Когда его обвинили, Лэнси во всем признался и попросил дать ему еще один шанс. Напрасно. Его уволили,

и он избежал суда только потому, что вернул все, что взял.

Это его многому научило. Лэнси решил никогда больше не говорить правду при приеме на работу. Поэтому, когда Марвин Паттерсон нанимался уборщиком на радиостанцию, на вопрос о судимости он ответил «нет».

Если не считать необходимости убирать сортиры за всеми этими людьми, работа ему нравилась. Когда Лэнси получил ее, он был уверен, что судьба или крестная мать – фея заставили его украсть оборудование на старом месте работы. Если бы он этого не сделал, то никогда бы не попал на радиостанцию.

Работа уборщика не только успокоила наблюдающего за его поведением офицера. Благодаря этому скромному заработку Лэнси не приходилось трясти записку. И потом, что важнее всего, должность позволяла ему каждый вечер быть рядом с Пэрис Гибсон.

Но теперь Лэнси Фишер не мог туда вернуться, как не мог вернуться на старую квартиру, выписать чек и снять деньги в банке. Это был бы верный способ обнаружить себя, а ему этого совсем не хотелось.

Как только копы позвонили ему и предупредили, что заедут, чтобы задать несколько вопросов о странных звонках на программу Пэрис Гибсон, Лэнси понял, что запахло жареным. Он снова стал бывшим уголовником и повел себя соответственно. Лэнси схватил сотовый, компьютер, кое-что из одежды и сбежал.

По дороге он собирался заглянуть в свою вторую квартиру, настоящую дыру, которую он снимал на другое имя. То, что могло показаться ненужной роскошью, оказалось очень удобным.

Но когда Лэнси подъезжал к дому, он увидел на парковке через дорогу полицейскую машину. Он проехал мимо, не останавливаясь. Он сказал себе, что это просто совпадение, что, если бы копы ждали именно его, они бы не поставили машину так, чтобы ее было видно издалека. Но рисковать Лэнси не стал.

Он уничтожил фальшивые документы на имя Марвина Паттерсона и стал Фрэнком Шоу. Он поменял номера на машине, поставив те, которые он украл несколько месяцев назад.

Пусть что угодно говорят о реабилитации бывших заключенных, ни один коп, ни один судья, ни один обыкновенный законопослушный гражданин не удостоит бывшего преступника доверием. Можно клясться на Библии, что вы изменились, вам все равно никто не поверит. Вы можете умолять дать вам возможность показать себя с лучшей стороны. Вы можете пообещать стать достойным членом общества, это все не имеет значения. Никто не даст вам второго шанса. Ни закон, ни общество, ни женщины.

Особенно женщины. Они могут заниматься с вами сексом, вытворять в постели что угодно, но, если речь пойдет об уголовном прошлом, все. Они сразу становятся слишком

разборчивыми. Они тут же вас бросают. Ну скажите, разве это справедливо?

Только не для Лэнси. Но как бы там ни было – таковы правила игры. Лэнси попытался измениться, чтобы стать таким, как все. Он стал лучше одеваться, обращался с женщинами как джентльмен и старался говорить правильно.

Но пока его усилия не увенчались заметным успехом. У него были многообещающие перспективы, но отношения с женщинами не складывались. Казалось, только дамы видели на нем незримое клеймо.

Лэнси Рэю Фишеру никак не удавалось заставить их полюбить себя и добиться их уважения. Его собственная мать презирала его и не любила.

– Мы понимаем, что это неожиданное приглашение, но надеемся, что ты поужинаешь с нами.

Пэрис перевела взгляд с Дина на Гэвина. За прошедшие семь лет мальчик стал высоким, гибким и красивым. Его волосы немного потемнели, черты лица определились, но она все равно сразу бы его узнала.

– Ты мне, конечно, не поверишь, и это звучит банально, но я просто потрясена, что ты такой взрослый. – Пэрис взяла руку Мэллоя-младшего в свои ладони. – Я так рада снова видеть тебя, Гэвин.

Со смешанным чувством неловкости и смущения он проворчал:

– Я тоже рад видеть вас, мисс Гибсон.

– В девятилетнем возрасте ты мог называть меня мисс Гибсон, но теперь, когда ты меня так называешь, я кажусь себе столетней старухой. Пожалуйста, говори мне «ты» и называй меня Пэрис. Договорились?

– Договорились.

– Так как насчет ужина? – снова спросил Дин.

– Я уже начала кое-что готовить.

Он выжидательно поднял бровь и посмотрел на нее так, что ей ничего не оставалось, как предложить им остаться.

– Там хватит на всех, если вы с Гэвином не возражаете

поужинать у меня.

– Это будет приятное разнообразие. – Дин подтолкнул Гэвина через порог. – И чем ты нас будешь кормить?

– Ты вынудил меня поделиться с вами моим ужином, а теперь еще и привередничаешь?

– Я согласен на все, кроме ливера и брюквы.

– Я готовлю спагетти со свиной вырезкой и овощами. Никакой брюквы.

– У меня уже слюнки потекли. Чем мы можем помочь?

– Ну... – Пэрис вдруг растерялась. Она так давно не принимала гостей, что уже забыла, как это делается. – Мы могли бы что-нибудь выпить.

– Звучит неплохо.

– Есть бутылка вина... – Пэрис махнула рукой в сторону кухни.

– Тогда веди нас, – шутливо-напыщенно произнес Дин. В кухне она вручила ему бутылку «Шардоне» и штопор, пока сама наливала для Гэвина кока-колу со льдом. Дину показалось, что он у себя дома. Пэрис и Гэвин чувствовали себя более неловко.

– В гостиной есть CD-плеер, – сказала она Гэвину, – только едва ли у меня найдется музыка, которая будет тебе по вкусу.

– Мне нравится то, что ты выбираешь для своей программы. Я иногда ее слушаю.

Довольная этим, Пэрис объяснила, где стоит плеер. Как

только Гэвин вышел и уже не мог ее слышать, она спросила:

– Как думаешь, сказать что-нибудь о его ужасном синяке или лучше промолчать?

– Ничего не говори.

Трудно было не заметить огромный синяк и припухлость под левым глазом Гэвина. Разумеется, Пэрис интересовало, где парень обзавелся таким страшным на вид украшением. Но Дин явно не хотел говорить об этом, так что Пэрис сменила тему разговора. Она поинтересовалась, как прошел разговор Кертиса и Гэвина.

– Кертис сказал, что Гэвин говорил ему то же самое, что и мне. Они с Джейни поссорились, и мой сын провел остаток вечера с приятелями. Больше он девушку не видел.

– Кертис ему верит?

– Наш детектив отвечает уклончиво. Кертис не задержал Гэвина, и это хорошо. И потом, у Валентино голос зрелого мужчины. Не думаю, что Гэвин сумел бы так разговаривать, даже если бы попытался. Да и где бы Гэвин стал держать заложницу? Ему бы пришлось убить ее в первый же вечер. Господи! Ты только послушай, что я говорю.

Дин вцепился в край стола и уставился на бутылку вина.

– Гэвин не имеет никакого отношения к исчезновению Джейни. Я просто знаю это, Дин, – сказала Пэрис.

– Я тоже не считаю его виновным. Но я бы никогда не догадался и обо всем остальном. Несколько обескураживающим – и это еще мягко сказано – стало для меня осознание

того, что мой сын ведет тайную жизнь.

– В некоторой степени это свойственно всем подросткам, не так ли?

– Полагаю, что так, но я очень облегчил сыну задачу. Я искренне хотел, чтобы ему понравилось жить в моем доме, поэтому ослабил дисциплину. Не то чтобы я не обращал на него внимания, но я был недостаточно строгим и требовательным, а следовало бы. Гэвин этим воспользовался. – Дин повернулся к Пэрис. – Я долго учился психологии и должен был заметить, что меня обманывают, правда?

В этот момент из гостиной донесся голос Гэвина:

– Род Стюарт подойдет?

– Вполне, – откликнулась Пэрис, а потом обратилась к Дину: – Перестань так мучить себя. Долг ребенка испытывать терпение родителей и обманывать их при случае. А что касается правил дисциплины, то книги очень отличаются от реальной жизни.

– Но почему так трудно жить правильно? Пэрис негромко рассмеялась:

– Если бы все было так просто, если бы поведение всех детей укладывалось в одну-единственную схему, то сколько бы так называемых экспертов остались бы без работы. Что бы они обсуждали на различных ток-шоу? Ты только подумай о хаосе, я даже не говорю об экономическом кризисе, который бы создали послушные, хорошо воспитанные дети.

Добившись того, что Дин улыбнулся, Пэрис стала серьез-

ной.

– Я не говорю, что тебе не о чем волноваться, Дин. Но подумай о том, что все произошедшее пошло только на пользу вашим отношениям. Гэвин мог скатиться на самое дно, а теперь с ним все будет хорошо.

Дин налил вино в два высоких бокала и протянул один ей.

– Мы можем на это надеяться. – Мэллой улыбнулся, и они чокнулись.

Отпив глоток, Пэрис посмотрела на него поверх своего бокала.

– Знаешь ли, Гэвин унаследовал это от тебя.

– Что именно?

– Он не первый искусный манипулятор в семье Мэллой.

– Неужели?

– Очень предусмотрительно с твоей стороны было появиться вместе с ним у меня на пороге после того, как я уже отклонила твое приглашение поужинать вместе.

– Но ведь это сработало, верно?

– Как психолог, как бы ты назвал мужчину, который использует собственного ребенка, чтобы добиться от женщины согласия вместе поужинать?

– Жалкой личностью, – усмехнулся Дин.

– А как насчет работы на два фронта? Улыбка Дина увяла.

– Ты имеешь в виду Лизу.

– Ты рассказал ей о своих планах на сегодняшний вечер?

– Я сказал, что должен провести время с Гэвином.

– Но обо мне ты не упоминал? – уточнила Пэрис. —Нет.

– Судя по всему, у этой женщины есть права на твое свободное время.

– Они у нее были, ты не ошиблась, – произнес Дин.

– Эксклюзивные права? —Да.

– И как давно?

– Пару лет.

Это оказалось неприятным сюрпризом для Пэрис.

– Вот как. Когда я знала тебя в Хьюстоне, твои романы не длились дольше пары недель.

– Потому что я не мог получить ту женщину, которую хотел.

– Мы говорим не об этом, Дин.

– Черта с два, как раз об этом.

– Мы говорим о тебе и Лизе. Два года отношений предполагают...

– Не то, что ты думаешь.

– А что думает Лиза? – спросила Пэрис, внимательно глядя на него.

– Папа? – Гэвин остановился на пороге и нерешительно прервал их. Он протягивал Дину сотовый телефон. – Он звонит.

– Спасибо, – поблагодарил тот, взял аппарат и посмотрел на номер звонившего. – Гэвин, помоги Пэрис.

Прежде чем ответить, Дин вышел из кухни, оставив Пэрис гадать, не Лиза ли ему позвонила.

– Ну так чем тебе помочь? – спросил Гэвин.

– Накроешь на стол?

– Да, конечно. Мама всегда просила меня делать именно это.

Пэрис улыбнулась парню:

– Я помню, что всякий раз, когда мы с Джеком приходили к Дину в дом, то это было твоей обязанностью.

– Да, вот, насчет Джека... У меня не было случая сказать, что я, в общем, ну, сожалею, что он это... умер.

– Спасибо, Гэвин.

– Он мне нравился, такой крутой.

– Джек в самом деле таким был. – Пэрис постаралась придать голосу жизнерадостность и спросила: – Как ты думаешь, мы поедем на кухне или лучше в столовой?

– Мне больше нравится на кухне.

– Отлично. – Пэрис показала ему, где лежат скатерть, салфетки и столовые приборы, а сама стала жарить овощи и кусочки свинины. – Ты с удовольствием пойдешь в школу осенью? – спросила она.

– Ага. То есть я хочу сказать, наверное. Думаю, будет не слишком здорово. Я ведь никого не знаю.

– Понимаю. Мой папа был военным. – Пэрис налила воды в кастрюлю. – Мы все время переезжали. Я трижды меняла школу в младших классах и дважды в средних. К счастью, мой отец вышел в отставку, так что, когда я училась в старших классах, мы уже жили на одном месте. Но я помню, как

тяжело быть новенькой.

– От этого просто тошнит.

– Ты быстро привыкнешь. Как-то в разгар сезона тебе пришлось переходить из одной футбольной команды в другую. Ты был «пиратом», а стал...

– «Кугуаром». Ты действительно об этом помнишь?

– Очень хорошо. Твоему тренеру пришлось уйти.

– Ему надо было переехать в Огайо или еще куда-то.

– Поэтому мальчиков из вашей команды поделили между двумя другими. Ты был совсем этому не рад, но оказалось, что все только к лучшему. «Кугуарам» требовался полузащитник, и ты отлично подошел. Команда стала тогда чемпионом штата.

– Только города, – смущенно поправил Гэвин.

– Если послушать твоего папу, то вы выиграли кубок кубков. Мы с Джеком несколько недель только и слышали от него: «Гэвин сделал то, Гэвин сделал это, если бы вы вчера видели Гэвина». Он нас просто с ума сводил, так он тобой гордился.

– В одной из игр я допустил ошибку, и нам забили гол.

– Я была на той игре.

– Вот почему я чувствовал себя так плохо. Папа пригласил вас всех посмотреть на меня. Я уверен, что он был готов убить меня, настолько он был смущен.

Пэрис повернулась к нему, оставив на минуту сковородку.

– Дин тогда очень тобой гордился, Гэвин.

– Он гордился тем, что я облажался?

– В следующем тайме ты забил гол и сравнял счет.

– Думаю, это немного улучшило всем настроение.

– Глупости, конечно, улучшило, и болельщикам, и твоим товарищам по команде. Когда Джек ткнул твоего отца в спину и сказал, что ты реабилитировался, Дин ответил, что ты реабилитировал себя тем, что снова вернулся в игру. Он был куда больше горд тем, что ты не сдался, чем тем, что ты забил гол.

Вернувшись обратно к плите, Пэрис опустила в кипящую воду спагетти. Когда она снова повернулась к Гэвину, тот скептически хмурился. Она кивнула:

– Честное слово.

И в эту секунду Пэрис вдруг поняла, что она только что сказала. Совершив ошибку, Гэвин снова ринулся в игру. Он не попросился уйти с поля, не уселся на скамейке запасных и не стал жалеть себя и корить за ошибку.

Прошлой ночью Дин сказал ей, что не позволит чувству вины и сожаления сожрать его живо. Он не хотел чувствовать себя виноватым.

Возможно, ей есть чему поучиться у мужчин из семьи Мэллой.

Дин вернулся на кухню, не позволив ей дальше предаваться грустным размышлениям.

– Это был Кертис, – объявил он и посмотрел на Гэвина, словно ему не хотелось продолжать при сыне. Но все-таки он

не попросил его выйти. – Дело не дает ему покоя.

– Что происходит?

– Детективы пытаются разыскать Лэнси Фишера.

– Кого?

– Ты его знаешь как Марвина Паттерсона. – Дин коротко описал им криминальную карьеру Марвина. – С ним хотят побеседовать, как и с Брэдли Армстронгом. Паттерсона уже обвиняли в сексуальном домогательстве, а теперь он нарушил условия своего досрочного освобождения. Люди Кертиса проверяют телефоны, пытаюсь узнать, откуда на самом деле звонил Валентино. А Рондо... – Он помолчал и посмотрел на Гэвина. Тот втянул голову в плечи. – Он разрабатывает компьютерную составляющую этого дела. В доме Марвина компьютера не нашли, но нашли дискеты и CD, так что Паттерсон, вероятно, забрал компьютер с собой. Пока у Кертиса ничего нет. Я предложил ему за неимением лучшего попытаться спровоцировать Валентино.

– Как это можно сделать? – удивилась Пэрис.

– Мы заставим его позвонить снова.

– Каким образом?

– Ты нам поможешь, – сказал Дин.

– Я? В эфире? – Пэрис чуть не потеряла дар речи.

– Идея состоит в следующем. Если ты начнешь восхвалять Джейни, изображать ее невинной жертвой, то, может быть, он позвонит, чтобы оправдаться. Если Валентино поговорит подольше, то, возможно, мы сумеем найти ключ к

его местонахождению или личности. Тебе придется сделать особый упор на Джейни, – продолжал Дин. – Говори о ней, почаще называй ее имя. Ты должна заставить его думать о ней как о человеке, а не просто как о его пленнице.

Пэрис с сомнением посмотрела на него:

– Ты думаешь, подобная тактика сработает с Валентино?

– Полагаю, что это его обидит. Почему все говорят только о ней, а не о нем? Он хочет быть звездой, все должны говорить только о нем. Так что если мы сфокусируем все внимание на Джейни, может быть, он вновь заговорит, пытаясь перетянуть одеяло на себя.

Пэрис посмотрела на часы. Дин понял, о чем она подумала.

– Верно. У нас осталось всего двадцать четыре часа, чтобы остановить его и не дать совершить то, что он задумал. Сегодня вечером у нас будет последний шанс заставить его передумать. Но его нельзя спровоцировать на нечто экстремальное, что приведет к трагическим результатам. Но вдруг ты сумеешь убедить его отпустить Джейни?

– Это не так просто, Дин. Очень трудно отличить убеждение от побуждения, – задумчиво произнесла Пэрис.

Он мрачно кивнул.

– Мне даже жаль, что я это предложил.

– А что думает Кертис?

– Он ухватился за мою идею. Но я его попридержал и сказал, что это возможно только при твоём стопроцентном со-

гласии. – Дин подошел ближе к Пэрис. – Прежде чем принять решение, ты должна вот о чем подумать. Есть один фактор, и очень важный фактор. Валентино разозлился на тебя. Он затеял все это, чтобы наказать и тебя тоже, а не только ту женщину, которая ему изменила. Если ты начнешь давить на него на любом уровне и в любой манере, он может рассердиться еще больше, и тогда мишенью станешь ты. Валентино уже угрожал тебе в завуалированной форме.

– Ты пытаешься отговорить меня?

– Звучит именно так, да? – Дин грустно улыбнулся. – Не думай о том, что ты разочаруешь Кертиса или меня. Мы рискуем, потому что это часть нашей работы, но ты на это не подписывалась. Поступай так, как подсказывает тебе сердце, Пэрис. Если ты скажешь, чтобы мы забыли об этом, так и будет. Подумай. Ты можешь дать мне ответ после ужина.

– Тут не о чем думать. Я сделаю все, чтобы девушка вернулась домой целой и невредимой. Но мне понадобится твоя помощь.

Дин быстро и крепко пожал ей руку.

– Я буду в студии рядом с тобой, подскажу, что говорить. Я в любом случае буду там.

Пэрис почувствовала, что Гэвин наблюдает за ними с большим интересом, и отвернулась от Дина.

– Спагетти готовы, – объявила она.

– Аллю? Брэдли, это ты?

Он не планировал, что скажет, если трубку дома кто-нибудь снимет, но он очень хотел позвонить, чтобы убедиться, что его семья еще там. Как только он услышит знакомый голос, он что-нибудь придумает.

Но, услышав дрожащий голос жены, Брэдли Армстронг не смог вымолвить ни слова. Ее очевидное отчаяние доконало его. У него перехватило горло. Он не мог говорить. Он сжал трубку в потной руке и собрался ее повесить.

– Брэдли, прошу тебя, скажи хоть что-нибудь. Я знаю, что это ты.

Он издал странный звук, полувздых, полустон.

– Тони.

– Где ты?

Где он был? В аду. Убогая комната ничем не походила на уютный дом, который жена создала для него и детей. Здесь не было ни солнечного света, ни милых домашних ароматов. Жалюзи были опущены, под потолком еле светила слабая лампочка. И еще здесь нестерпимо воняло, и это был запах его отчаяния.

Но самым страшным было не место, где он находился, а состояние его рассудка.

– Ты должен вернуться домой, Брэдли. Тебя уже ищут.

– О господи! – Он этого боялся, но угроза стала реальной, и у него свело живот от ужаса.

– Сегодня днем я была в полиции.

– Где ты была? – В голосе Брэдли слышались слезы. – То-

ни, зачем ты это сделала?

– Мистеру Хэтавэю пришлось доложить о тебе в отдел регистрации преступлений на сексуальной почве. – Тони рассказала о своей встрече с детективом Кертисом, но муж слушал рассеянно, так что уловил только часть сказанного.

– Ты говорила с полицейскими обо мне, твоём муже?

– Я пыталась помочь тебе.

– Помочь мне? Чем? Тем, что отправишь меня за решетку? Ты этого хочешь для меня и наших детей?

– Может быть, этого все-таки хочешь ты? – парировала Тони. – Это ты разрушаешь нашу семью, Брэдли, а вовсе не я.

– Ты решила отыгаться на мне за то, что произошло тем вечером, верно? Вот в чем дело! Ты все еще злишься.

– Я не сердилась на тебя, – сказала Тони.

– Тогда как ты это называешь?

– Я испугалась.

– Испугалась?! – Он презрительно фыркнул. – Потому что я хотел заняться с тобой любовью? Мне что, следует впредь в письменной форме заранее уведомлять тебя о том, что мне захотелось секса?

– Это был не секс и уж тем более не занятие любовью, Брэдли. Ты напал на меня.

Он потер лоб, и его пальцы стали мокрыми от пота.

– Ты даже не пытаешься понять меня, Тони. Ты никогда не пыталась.

– Речь идет не обо мне и моих недостатках как жены и человека. Речь о тебе и о твоём пристрастии.

– Ладно, ладно, ты добила своего. Я снова буду ходить на занятия групповой терапией. Устраивает? Позвони в полицию и скажи им, что ты совершила ошибку. Объясни, что мы поссорились и ты просто хотела мне отомстить.

Я поговорю с Хэтавэем. Если я перед ним поплачусь, он проявит снисходительность.

– Слишком поздно для извинений и обещаний, Брэдли. Убежденность и определенность ее слов напугали его еще больше.

– Тебе уже много раз давали возможность изменить свою жизнь, больше, чем ты заслуживаешь, – продолжала Тони. – И потом, это уже не в моей власти и не во власти мистера Хэтавэя. Теперь этим делом занимается полиция, и мне не остается ничего другого, кроме как помогать им.

– Каким образом? – встревожился Брэдли.

– Я позволю им проверить твой компьютер.

– Господи... О боже! Тони, неужели ты не видишь, что губишь меня? Прошу тебя, дорогая, не делай этого.

– Если я не позволю им проверить компьютер, они получат ордер или разрешение на обыск, или что там еще нужно для такой процедуры. Это от меня уже не зависит.

– Ты могла бы... Слушай, я скажу тебе, как сделать так, чтобы они ничего не нашли. Прошу тебя, Тони, это нетрудно. Несколько щелчков клавишей «мышки», и все. Я же не

прошу тебя ограбить банк или что-то в этом роде. Ты сделаешь это для меня, дорогая? Пожалуйста. Я тебя умоляю.

Тони молчала, и Брэдли затаил дыхание, надеясь, что она согласится. Но жена преподносила ему один неприятный сюрприз за другим.

– На прошлой неделе я поехала за тобой к озеру Трэвис, Брэдли.

Кровь прилила у него к голове, а раскаяние сменилось гневом.

– Ты шпионила за мной. Я так и знал. И теперь ты в этом призналась.

– Я видела тебя со старшеклассницей. Ты и она забрались в твою машину. Я могу только предполагать, что вы занимались сексом.

– Черт побери, ты права! – рявкнул Брэдли. – Потому что моя жена морщится всякий раз, стоит мне только до нее дотронуться. Кто обвинит меня за то, что я трахаюсь с кем-нибудь?

– Ты был с той девушкой, которая пропала? С дочерью судьи Кемпа?

Даже самому Брэдли показалось, что его дыхание стало очень частым, и ему оставалось только гадать, поняла ли это Тони. А если их подслушивают? Эта мысль неожиданно пришла ему в голову. С чего вдруг Тони начала спрашивать его о Джейни?

– Копы прослушивают наш домашний телефон? – спросил

он.

– Что? Нет, конечно, нет.

– Раз ты заодно с копами, то почему бы тебе не устроить мне ловушку? Они прослушивают этот разговор, да? И пытаются проследить, откуда я звоню, верно?

– Брэдли, ты говоришь, как сумасшедший.

– Глупости, я вообще молчу.

Армстронг отключился, а потом отбросил в сторону сотовый телефон, словно от него болела рука. Брэдли мерил шагами заставленную мебелью узенькую комнату. Они узнали о нем и Джейни. Они все выяснили, как он и боялся.

Этот... этот Кертис. Тони сказала, что говорила с сержантом Кертисом. Разве не он расследует исчезновение Джейни?

Какой кошмар! Как только Брэдли увидел фотографию Джейни на первой странице утренней газеты, он сразу понял, что полиция обязательно найдет его, это только вопрос времени. Кто-то наверняка видел его с Джейни и сообщил об этом.

Теперь ему придется быть очень осторожным. Если его найдут, то, конечно, сразу арестуют. Этого не должно случиться. Этого просто не должно случиться. В тюрьме с такими, как он, проделывают страшные вещи. Он слышал много историй. И его собственный адвокат говорил о том, какие ужасы ждут сексуальных извращенцев за решеткой.

Господи, ну и в переделку же он попал. И во всем виновата

Джейни Кемп, насмешливая молоденькая шлюха. Все были против него. Джейни... Его жена, взбесившаяся ворчливая карга... И Хэтавэй тоже... Этот придурок вообще не знал бы, что делать с девкой, если бы он с ней познакомился, что само по себе маловероятно. Хэтавэй просто завидовал успеху Брэдли у женщин. Вот почему он бы с радостью отправил Брэдли в тюрьму в наручниках.

Но ярость Армстронга оказалась недолгой. Страх вернулся, переполняя его. Он сильно вспотел, бесцельно бегая по комнате. Из-за Джейни он может попасть в серьезные неприятности.

Ему следовало бы держаться от нее подальше. Теперь Брэдли Армстронг ясно понимал это. Он слышал о ней и представлял, какая она на самом деле, еще до того, как Джейни впервые подошла к нему. Он читал сообщения о ней на сайте. Знал, что она такая же сексуальная авантюристка, как и он сам. Брэдли был в курсе, что Джейни Кемп богатая, испорченная шлюха, которая обращается с бывшими любовниками как с грязью и издевается над ними в Интернете.

Но ему польстило то, что одна из самых желанных девушек в «Секс-клубе» сама подошла к нему. Что должен был делать Брэдли, отшить ее? Какой бы мужчина смог? Даже зная, что он обрекает себя на провал, он бы все равно не смог устоять перед ней. Это стоило той опасности, которой он подвергался, общаясь с ней.

Брэдли мог воплощать свои фантазии только при извест-

ном риске. Он знал, что ходит по краю пропасти всякий раз, когда выбирал девушку-подростка, гладил пациентку или мастурбировал в видеосалоне. Но риск быть пойманным только добавлял удовольствия.

Армстронг все время бросал вызов самому себе, словно пытался выяснить, как много сойдет ему с рук. Парадоксально, но его желание выросло благодаря безнаказанности. Чем дальше заводили Брэдли его эскапады, тем сильнее ему хотелось продолжить эксперимент. Новизна ощущений заводила его. Всегда была черта, которую он мог переступить, всегда оставался еще один шаг, который он мог сделать.

Но теперь, горя в своем собственном аду, Брэдли Армстронг понял, что эта фантазия, похоже, завела его чуть дальше, чем следовало.

– У-уу!

Пэрис, только что шагнувшая в темный коридор из кухни, вздрогнула. Чай, плеснув из кружки, обжег ей руку.

– Черт побери, Стэн! Это совсем не смешно.

– Прости, я не хотел. Я вовсе не собирался по-настоящему напугать тебя. – Он бросился на кухню, оторвал несколько бумажных полотенец и вернулся к Пэрис. – Что тебе поможет? Масло? Бальзам? «Скорая помощь»?

Она вытерла руку.

– Спасибо, ничего не нужно.

– Я не вижу твоих глаз, но у меня такое впечатление, что ты готова испепелить меня взглядом.

– Это было бы глупо.

– Почему ты такая пугливая?

– Почему ты ведешь себя как ребенок? – ответила Пэрис вопросом на вопрос.

– Я уже попросил прощения, и потом, сегодня вечером я чувствую себя полным сил.

– А что случилось?

– Дядя Уилкинс вылетел домой в Атланту. Всякий раз, как между нами оказываются несколько штатов, это повод для праздника.

– Поздравляю. Но все же запомни, я не люблю, когда меня

пугают. Мне никогда не казалось это смешным. – Пэрис направилась в студию, а Стэн пристроился рядом. Как только они оказались на свету, она увидела его синяк. – Ого! Стэн, что произошло с твоим лицом?

Он неохотно коснулся уголка губ.

– Дядя мне врезал.

– Ты шутишь, да?

– Нет.

– Мистер Криншоу тебя ударил? – недоверчиво переспросила Пэрис и выслушала отчет Стэна о встрече в вестибюле отеля «Дрискилл».

Заканчивая свой рассказ, он равнодушно пожал плечами.

– Мои слова вывели его из себя. Это уже не в первый раз, ничего страшного.

Пэрис не могла с ним согласиться, но отношения между Стэном и его родственниками ее не касались.

– Отчего-то окружающие меня мужчины сегодня получают по физиономии, – пробормотала она, вспоминая синяк на скуле Гэвина.

Ей так и не объяснили, откуда он взялся. Пэрис села в свое высокое кресло, взглянула на монитор, чтобы убедиться, что до конца серии песен у нее еще есть пять минут.

Не дожидаясь приглашения, Стэн уселся в другое кресло.

– Тебя напугала эта история с Валентино? – спросил он.

– А ты бы на моем месте не испугался?

– Дядю Уилкинса интересовало, не я ли скрываюсь под

этим именем.

Бросая заменитель сахара в чай, Пэрис покосилась на него:

– Ведь это не ты, правда?

– Не я, – ответил Стэн. – Хотя у меня есть сексуальные проблемы, если верить дяде Уилкинсу.

– Почему он так решил?

– Плохая наследственность. Мать была шлюхой. Отец был бабником. Дядя развлекается с проститутками, полагая, что об этом никто не знает. Думаю, он уверен, что яблочко от яблони недалеко падает. Но, с его точки зрения, я не только сексуальный извращенец, но и полный неудачник.

– Он тебе так сказал?

– И был весьма красноречив.

– Ты взрослый человек и не обязан выслушивать от него гадости. И, разумеется, ты не должен сносить от него оплеухи.

Стэн посмотрел на Пэрис так, словно она сошла с ума.

– И как ты предлагаешь мне прекратить это?

Ему очень нравилось сначала разозлить Пэрис, а потом заставить ее утешать себя. Когда отец Стэна покончил с собой, он дал повод для весьма пикантных сплетен. Но, что бы там ни говорили, семья Криншоу была не слишком образцовой во многих смыслах. Так что ничего удивительного в том, что у Стэна имелись свои психологические проблемы.

Закончилась последняя песня серии, Пэрис сделала Стэну

знак замолчать и включила свой микрофон.

– Это был Нил Даймонд. Вы слушали также Джус Ньютон с песней «Самое сладкое». Надеюсь, вы не забыли включить радиоприемник, Трои. Синди просила поставить эту песню для вас. Я принимаю ваши заявки до двух часов ночи. Если вам хочется поделиться чем-то со мной и другими слушателями, пожалуйста, звоните.

Дальше шли две минуты рекламы.

– Как ты думаешь, он сегодня позвонит? – спросил Стэн, как только Пэрис выключила микрофон.

– Ты имеешь в виду Валентино? Я не знаю. Но меня бы это не удивило.

– И никаких догадок, кто это может быть?

– Детективы расследуют несколько версий, но у них очень мало материала. Сержант Кертис надеется, что Валентино позвонит сегодня и скажет что-то такое, что позволит им ускорить расследование. – Она посмотрела на мигающие кнопки на приборной доске. – Я понимаю, что его звонок очень важен для следствия, но у меня мурашки бегут по телу, как только представляю, что мне придется с ним разговаривать.

– Теперь мне и вправду жаль, что я тебя напугал. Это было глупо.

– Ничего, я переживу, – пожала плечами Пэрис.

– Если я понадобится тебе, кричи.

– Кстати, Стэн, скоро приедет доктор Мэллой. Ты не по-

следишь за входной дверью, чтобы впустить его?

Стэн резко развернулся и снова уселся в кресло.

– Что у тебя за отношения с полицейским психологом?

Пэрис шикнула на него и ответила на телефонный звонок:

– Говорит Пэрис.

Позвонивший мужчина попросил исполнить песню Гарта Брукса и уточнил, что она для Джинни.

– Джинни определенно повезло, – заметила Пэрис.

– Мы с ней вместе благодаря вам. —Мне?

– Джинни предложили работу в Далласе. Мы с ней ничего не сказали друг другу о своих чувствах. Джинни позвонила вам, и вы посоветовали ей не уезжать, не поговорив со мной. Она вас послушалась, а после разговора осталась работать здесь. На следующий год мы поженимся.

– Я рада, что сумела помочь вам.

– Да, я тоже рад. Спасибо, Пэрис.

Она включила песню в следующую серию и ответила на очередной звонок. Слушатель попросил ее поздравить с днем рождения Элму.

– Ей девяносто? Вот это да! У нее есть любимая песня?

Новорожденная предпочитала мелодии Кола Портера.

Пэрис за несколько секунд нашла запись в фонотеке и поставила ее следом за балладой Брукса. Закончив с этим, она взглянула на Стэна:

– Ты все еще здесь?

– Да. И ты не ответила на мой вопрос. Только не говори

мне, что вы с Мэллоем познакомились еще в Хьюстоне и что вы старые друзья.

– Но это так и есть.

– И как же вы познакомились?

– Нас познакомил Джек. Они с Дином подружились еще в колледже.

– Но их дружба не пережила твоего появления. – Пэрис резко повернулась к Стэну, и тот удовлетворенно заметил: – Ага! Я сказал просто так, наугад, и попал в точку.

– Проваливай, Стэн.

– Понятно, это слишком щекотливая тема. Отчаявшись отделаться от него и понимая, что Криншоу будет давить на нее, пока не добьется ответа, она спросила:

– Что ты хочешь знать?

– Если Мэллой был таким добрым другом для тебя и Джека, то я хочу узнать, почему я никогда не слышал о нем до вчерашнего вечера.

– Мы перестали встречаться, когда я перевезла Джека сюда.

– А почему ты перевезла Джека сюда? – не отставал Стэн.

– Потому что «Мидоувью» было самым лучшим учреждением для таких пациентов, как он. Джек не мог поддерживать дружеские отношения. А я была слишком занята им и новой карьерой на радио. У Дина была своя жизнь в Хьюстоне и маленький сын. Так случается, Стэн. Обстоятельства мешают дружбе. Неужели ты по-прежнему поддерживаешь

отношения с друзьями из Атланты?

Но Стэна трудно было сбить с толку.

– Значит, это из-за Джека ты бросила карьеру на телевидении и стала работать в этой дыре? – спросил он.

– Просто перемена карьеры совпала по времени с несчастным случаем. Ну что? Доволен? Это вся история.

– Не похоже, – заметил Стэн и нахмурился. – Звучит логично, даже убедительно, прямо как вызубренный текст. Думаю, ты кое-что упустила.

– Что именно?

– Детали, нюансы, которые оживляют по-настоящему хорошую историю.

– Я занята, Стэн, – с досадой произнесла Пэрис.

– И потом, твои слова не объясняют тот жар, что полыхал между тобой и Мэллоем вчера вечером. Я едва не обгорел. Давай, Пэрис, колись, – нажал он. – Тебе не удастся меня шокировать. Ты видела грязное белье моей семьи, а ничего более скандального на свете просто не существует. Так что произошло между тобой, Джеком и Мэллоем?

– Я тебе уже сказала. Если ты мне не веришь, это твои проблемы. Если требуются подробности, придумай их сам. Мне, честное слово, все равно, лишь бы ты оставил меня в покое. И не лучше ли тебе заняться чем-то более продуктивным?

Пэрис сосредоточила все внимание на приборной доске, телефонных линиях и информационном мониторе, на кото-

ром появилась последняя сводка погоды.

Стэн обреченно вздохнул и побрел к двери. Пэрис бросила ему через плечо:

– Не трогай ничего, что может сломаться.

Но как только Стэн вышел, от выдержки Пэрис не осталось и следа. Она выбросила стаканчик с чаем, ставшим холодным и горьким, в мусорную корзину. Ей хотелось задуть любопытного коллегу за то, что он воскресил мучительные воспоминания.

Но Пэрис не могла предаваться им, ей надо было работать. Снова включив микрофон, она заговорила:

– Еще раз поздравляем с днем рождения Элму. Ее просьба унесла нас назад на несколько поколений, но на нашей волне 101.3 вы слышите только песни о любви. С вами Пэрис Гибсон, и я останусь с вами до двух часов ночи. Надеюсь, вы не выключите ваши приемники. Мне нравится выполнять ваши музыкальные заявки. Звоните.

Они с Дином договорились, что Пэрис не станет обращаться к Валентино или упоминать о Джейни до его прихода. Они вместе вышли из дома после ужина, но Дин должен был отвезти Гэвина и только потом приехать на станцию.

Ужин прошел хорошо. По молчаливому уговору они не упоминали о деле, в котором они все оказались замешаны. Беседа вертелась вокруг фильмов, музыки и спорта. Они смеялись, вместе вспоминая прошлое.

Когда ее неожиданные гости уже уходили, Гэвин поблаго-

дарил Пэрис за ужин.

– Папа отвратительно готовит.

– Ну я тоже не шеф-повар, – улыбнулась Пэрис.

– Но вы к этому куда ближе, чем он.

Пэрис видела, что Дин доволен тем, как быстро они с Гэвином нашли общий язык и как хорошо прошел совместный ужин. Пэрис и сама расслабилась, хотя она выпила всего полбокала «Шардоне», это было ее пределом в те вечера, когда она работала. Она радовалась еще и тому, что этот вечер мужчины Мэллой провели вдалеке от Лизы Дуглас.

Пока шла очередная порция рекламы, Пэрис ответила на звонки. Каждый раз, нажимая на мигающую кнопку, она испытывала приступ страха и поэтому сердилась на Валентино. Он заставил ее бояться того, что стало для нее спасением. Семь лет работа помогала ей, пока она навещала Джека в «Мидоувью». Пэрис смогла пережить бесконечные дни в клинике, зная, что вечером она будет в этой студии. Позвонила молодая женщина по имени Джоан. Она была такой жизнерадостной, что Пэрис решила дать этот звонок в эфир.

– Вы сказали, что очень любите песни Шила.

– Однажды в Лос-Анджелесе я видела его в ресторане. Он выглядел суперклево. Вы не могли бы поставить его песню «Поцелуй розы»?

Поменяв очередность песен, Пэрис подвинула заявку на три песни ближе.

Почему так долго нет Дина? Ее это удивляло. Он хоро-

шо держался, но Пэрис видела, что его очень тревожит связь между Гэвином и Джейни Кемп. Каждый любящий родитель встревожился бы из-за своего ребенка в подобной ситуации, но Дин наверняка винит во всем себя и считает, что проступок Гэвина стал возможен только потому, что Дин Мэллой оказался никудышным отцом.

Точно так же он винил себя, когда противостояние полиции Хьюстона и Альберта Дорри закончилось трагедией, хотя детей спасти удалось.

Ну вот, опять. Еще одно воспоминание. Сколько бы Пэрис ни старалась, ее память снова и снова возвращалась к той ночи.

Дин появился у дверей ее квартиры через восемнадцать часов после того, как мистер Дорри оставил своих троих детей сиротами, убив сначала жену, а потом и себя самого.

Дин приехал без звонка и начал извиняться сразу, как только она открыла дверь:

– Прости, Пэрис. Я, вероятно, не должен был приходить вот так, без предупреждения.

Он выглядел так, словно все эти восемнадцать часов даже не присел, не говоря уже о том, чтобы спать. Глаза утонули в черных кругах, подбородок зарос щетиной.

Пэрис и сама почти не отдохнула. Большую часть дня она провела на студии, монтируя репортаж для вечернего выпуска новостей.

Трагическая история не была, к сожалению, чем-то

необычным, такое случилось. Но сама Пэрис ни разу не становилась свидетельницей чего-то подобного. Оказаться на месте происшествия, видеть все своими глазами – это было совсем не то, что услышать об этом в новостях, когда занимаешься своими делами.

Даже работавший с ней опытный оператор Том Стоукс, накурившийся марихуаны, и тот был поражен. Его наплевательское отношение сменилось подавленным настроением, когда студийный фургон следовал за машиной «Скорой помощи» с двумя телами к городскому моргу.

Но никто не принял несчастье так близко к сердцу, как Дин. Отчаяние было написано у него на лице, и Пэрис жестом пригласила его войти.

– Принести тебе чего-нибудь? – спросила она. – Может быть, выпьешь?

– Спасибо. – Дин тяжело сел на краешек дивана, пока Пэрис наливала им обоим бурбон. Она протянула ему стакан и села рядом. – Я тебя оторвал от чего-нибудь? – спросил он.

– Нет. – Пэрис указала на свой белый махровый халат. Она сняла макияж, волосы сохли после того, как она долго отмокала в ванне. Раньше Дин никогда не видел невесту друга такой, но Пэрис не волновала собственная внешность. Все, что казалось значительным еще двадцать четыре часа назад, потеряло былую важность.

– Я не знаю, зачем я пришел, – признался Дин. – Мне не хотелось быть на улице с чужими людьми. Но и в одиноче-

стве я оставаться не могу.

– Я чувствую то же самое.

Пэрис упросила Джека отменить их планы на вечер, хотя ему отчаянно хотелось развеселить ее, отвлечь от того, что ей пришлось пережить. Но Пэрис просто не могла сейчас веселиться. Ей требовалось время, чтобы все обдумать. И потом, она просто валилась с ног. Поход в кинотеатр или в ресторан казался таким же невозможным, как и полет на Луну. Даже разговор с Джеком требовал сил, которых у нее не осталось.

Но Дин явно пришел не для того, чтобы разговаривать. После нескольких фраз он замолчал и сидел, глядя в пространство, периодически отпивая виски из стакана. Он не заполнял тишину пустыми разговорами. Они оба понимали, что чувствует другой, как переживает случившуюся трагедию. Пэрис догадывалась, что Дину комфортнее рядом с тем, кто пережил то же, что и он.

Ему потребовалось полчаса, чтобы допить виски. Дин поставил пустой стакан на кофейный столик, долго смотрел на него, потом сказал:

– Мне пора идти.

Но Пэрис не могла его отпустить, не попытавшись хоть что-то сказать в утешение.

– Ты сделал все, что мог, Дин.

– Именно это мне все и говорят.

– Потому что это правда. Никто не смог бы сделать боль-

ше.

– Два человека погибли.

– Но трое остались жить. Если бы не ты, Дорри скорее всего убил бы и детей.

Дин кивнул, но не слишком убежденно. Пэрис встала следом за ним и проводила до двери. На пороге он обернулся к ней:

– Спасибо за виски. – Не за что.

Прошло еще несколько секунд, наконец Дин сказал:

– Я видел твой репортаж в шестичасовых новостях.

– Правда? – спросила Пэрис, просто чтобы что-нибудь сказать.

– Ты хорошо поработала.

– Банальные слова, – отмахнулась она.

– Нет, действительно. Ты отлично справилась.

– Спасибо.

– Не за что.

Не отводя от нее глаз, Дин как будто умолял ее о чем-то, и Пэрис знала, что она смотрит на него точно так же. Чувства, которые она твердо держала в узде многие месяцы, вырвались наружу. Когда Дин коснулся ее, она раскрыла губы навстречу его поцелую.

Позже Пэрис созналась самой себе, что хотела, чтобы Дин поцеловал ее. И если бы он этого не сделал, она бы сама поцеловала его.

Она просто обязана была коснуться его, иначе она бы

умерла. Она отчаянно желала его.

Наверное, Дин чувствовал то же самое. Его рот жадно слился с ее ртом. От вежливости и притворства не осталось и следа. Узы порядочности лопнули. Напряжение, нараставшее последние месяцы, вырвалось на волю.

Пэрис гладила Дина по волосам. Когда он развязал пояс ее халата и его руки скользнули внутрь, она не воспротивилась, а встала на цыпочки и всем телом прижалась к нему. Они приникли друг к другу, словно элементы одного целого, и совершенство этого момента заставило их прервать поцелуй и просто стоять обнявшись.

У Пэрис закружилась голова. Чувственные ощущения переполняли ее. Холод металлической пряжки его ремня на ее животе. Ткань его брюк, прижатая к ее обнаженным бедрам. Тонкий хлопок его рубашки, касающийся ее груди. Жар его тела, обжигающий ей кожу.

Потом его губы снова коснулись ее рта. Пока они целовались, его пальцы нашли ее напряженный сосок. Дин нагнул голову и взял сосок в рот, Пэрис застонала, прижимая его голову к себе.

Он опустил ее на пол в гостиной, она расстегнула его рубашку, стянула с плеч, но он уже снова целовал ее. Она почувствовала, как он возится с брюками.

Его член коснулся ее, словно нащупывая дорогу, и почти мгновенно оказался внутри, заполняя ее. Она приняла тяжесть его тела с радостью, крепче сжимая его ногами. Эта

тяжесть оказалась удивительно желанной. Из ее груди вырывались странные звуки, она смеялась и плакала.

Дин поцелуями осушил слезы на ее щеках, обхватил ее голову руками и прижался лбом к ее лбу, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, они делили дыхание и наивысшую близость.

– Да поможет мне бог, Пэрис, – прошептал Дин, – я просто должен был взять тебя.

Она сжала его ягодицы ладонями, заставляя войти в нее еще глубже. Он коротко вздохнул и начал двигаться. С каждым его движением нарастало ощущение блаженства. Все было исполнено смысла. Обхватив одной рукой ее подбородок, Дин повернул ее лицо, чтобы поцеловать.

Он все еще целовал ее, когда Пэрис достигла пика наслаждения, и ее тихий вскрик утонул в его поцелуе. Через секунду Дин присоединился к ней. Они продолжали цепляться друг за друга.

Очень медленно и неохотно они разомкнули объятия. Экстаз стал спадать, и они поняли, что сделали. Пэрис пыталась отмахнуться от этого, посмеяться над несправедливостью судьбы, но раскаяние было неизбежным.

– О господи, – простонала она и повернулась на бок, пряча от Дина лицо.

– Я знаю. – Дин положил руку ей на талию и прижал к себе. Он нежно целовал ее шею, убирая влажные пряди волос со щеки. Но его рука застыла, когда зазвонил телефон.

Еще раньше Пэрис включила автоответчик, чтобы отвечать только на те звонки, на которые хотела. И вот голос Джека раздался из динамика, словно в комнату вошел третий человек.

– Привет, детка. Я звоню просто проверить, как ты. Если ты спишь, перезванивать мне не нужно. Но если захочешь поговорить, ты же знаешь, что я всегда готов тебя выслушать. Я волнуюсь о тебе. И о Дине тоже. Звоню ему весь вечер, но он к телефону не подходит. Он ведь будет теперь думать, что во всем виноват он один. Я уверен, что друг ему сегодня вечером не помешал бы, поэтому буду до него дозваниваться. Все, люблю тебя, целую. Отдыхай. Пока.

Оба застыли. Наконец Пэрис высвободилась из объятий Дина и придвинулась к кофейному столику. Она уперлась головой в твердое дерево и надавила, чтобы ей стало больно.

– Пэрис...

– Просто уходи, Дин.

– Я чувствую себя так же плохо, как и ты.

Она посмотрела на него через плечо. Оно было голым. Пэрис притащила халат за собой из прихожей, словно шлейф подвенечного платья, и теперь суетливо потянула его за рукав, чтобы прикрыть обнаженное тело.

– Ты не можешь чувствовать себя так же отвратительно, как я. Пожалуйста, уйди.

– Мне неудобно перед Джеком. Но будь я проклят, если я пожалею о том, что люблю тебя. Это должно было случиться,

Пэрис. Я понял это в ту минуту, когда впервые увидел тебя. И ты тоже это знала.

– Я не знала.

– Ты лжешь, – спокойно сказал Дин. Она хмыкнула:

– Это пустяки в сравнении с тем, что я переспала с шафером моего жениха.

– Ты же знаешь, что это не просто секс. Иначе сейчас нам было бы намного легче.

Дин говорил правду. Разум Пэрис боролся со стыдом, но сердце разрывалось при мысли о том, что это больше никогда не повторится. Вероятно, она могла бы простить себе оплошность, списав все на буйство гормонов, посчитав временным помешательством. Но ей было ясно, что происшедшее между ними слишком много значило для нее, чтобы просто забыть и простить себя.

– Уходи, Дин, – прорыдала она. – Прошу тебя, уйди. Пэрис снова положила голову на столик и закрыла глаза.

Слезы жгли ей щеки, пока она слышала шорох его одежды, звяканье пряжки на ремне, звук закрывающейся «молнии» и приглушенные шаги по ковру, когда Дин уходил. Она молчала и мучилась из-за этого, пока за ним не закрылась дверь.

– Пэрис?

Она вздрогнула и обернулась к двери в студию. Там стоял Дин, словно он материализовался из ее воспоминаний.

Пэрис так глубоко задумалась, что ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, где она и что делает. Она сглотнула и знаком пригласила его войти.

– Все в порядке. Мой микрофон отключен, – произнесла она через секунду.

– Криншоу сказал, что я должен вести себя тихо.

Дин сел на табурет рядом с Пэрис, и она едва сдержалась, чтобы не броситься к нему и начать с того момента, на котором они расстались в ее воспоминаниях. Тогда от его щетины у нее на теле остались царапины, но они быстро прошли, а вот чувственные воспоминания остались. Вчерашний поцелуй оживил их и заставил ее осознать, насколько упоительными они были.

– От Валентино пока ничего?

Пэрис покачала головой, не только отвечая ему, но и пытаясь сбросить наваждение.

– Ты довез Гэвина до дома?

– И приказал ему не выходить сегодня вечером. Учитывая все случившееся, едва ли Гэвин ослушается. Допрос в полиции его потряс. У тебя он вел себя просто образцово. Правда, мой сын пытался произвести на тебя впечатление.

– И ему это удалось. Гэвин замечательный парень, Дин. Он задумчиво кивнул:

– Ну да.

Пэрис всмотрелась в его лицо, заметила складку между бровями.

– Тебя что-то тревожит?

Дин открыто посмотрел на нее:

– Гэвин мне лжет.

Рабочее время сержанта Кертиса давно закончилось, но он все еще сидел в своем крошечном кабинете в отделе расследований.

Радиоприемник на столе Кертиса был настроен на волну 101.3 FM. Детектив слушал голос Пэрис Гибсон, изучая информацию, полученную им из Хьюстона, относительно ее прерванной карьеры на телевидении и отъезда из города. Его друзья из полицейского управления Хьюстона постарались на славу и прислали по факсу все, что было напечатано о Пэрис Гибсон, Джеке Доннере и Дине Мэллоу. Это было весьма занимательное чтение.

Обыск в квартире Лэнси Рэя Фишера, или Марвина Паттерсона, тоже дал неожиданные результаты. Полицейские обнаружили целую коробку кассет с записью программ Пэрис Гибсон.

И теперь Кертис задавал себе вопрос: откуда взялся этот интерес к Пэрис Гибсон у уборщика, захвативший его настолько, чтобы записывать программы, хотя он мог спокойно слушать ее в прямом эфире каждую ночь.

Кейт Фишер, мать Лэнси, ничем не сумела помочь следствию.

Один из сотрудников отдела расследований нашел ее, проделав огромную работу. В настоящее время женщина жи-

ла в доме-трейлере в Сан-Маркосе, небольшом городке к югу от Остина.

Кертис сам съездил туда. Он мог бы послать кого-то из детективов, но предпочел услышать из первых уст, почему сын миссис Фишер, живущий под чужим именем, явно испытывает навязчивое влечение к Пэрис Гибсон.

Внутреннее убранство дома миссис Фишер оказалось еще хуже, чем можно было предположить, глядя на его внешнюю неказистость. Сама она была такой же негостеприимной и неопрятной, как ее жилище. Когда Кертис показал ей свое удостоверение, она сначала вела себя подозрительно, потом воинственно, а под конец просто грубо.

– Почему бы тебе не убрать твою жалкую задницу отсюда, а? Мне нечего сказать поганому копу.

– Лэнси навещал вас в последнее время?

– Нет.

Кертис прекрасно понимал, что женщина лжет, но догадывался, что отношения между матерью и сыном далеки от идиллических, предполагал, что миссис Фишер наверняка воспользуется удобным моментом, чтобы излить свои жалобы. Не подвергая сомнению правдивость ее ответа, Кертис сидел и молчал, пытаясь отцепить с брюк кошачий волос. Миссис Фишер курила, а потом вдруг выпалила:

– Лэнси был шипом в моей заднице с самого рождения. Чем меньше я его вижу, тем мне приятнее. У него своя жизнь, у меня своя. И потом, он уехал и слишком загордился.

– Загордился?

– Ну, эта его одежда и все такое. У него новая машина.

Мой сын думает, что он лучше меня.

«И в чем-то парень прав», – подумал Кертис и спросил:

– И какая же у него машина? Женщина фыркнула:

– Я не отличаю одну японскую тачку от другой.

– Вы знали, что он работал на радиостанции?

– Лэнси сказал, что он там уборщиком. Ему пришлось согласиться на это место после того, как его уволили за кражу. Такая была хорошая работа, а он все испортил. Он тупой, да еще и никчемный.

– Вы знали, что у него было другое имя?

– Что бы этот парень ни натворил, меня ничем не удивишь. После того, как он стал наркоманом, чего от него ждать? – Наклонившись к Кертису, миссис Фишер прошептала: – Вы знаете, он снимался в грязных фильмах, чтобы получить дозу.

– Грязных фильмах?

– Моя соседка – она живет через два дома – недавно прибежала ко мне вечером и сказала, что видела моего Лэнси голожопым в каком-то непристойном фильме, который она взяла напрокат. Я обозвала ее лгуньей, а она мне сказала: «Приходи сама и посмотри».

Кейт Фишер выпрямилась и, приняв позу недавно обращенной, изобразила праведный гнев против грешника.

– И правда, там был мой сын, голый, как рыба. Он вытво-

рял такое, чего я в жизни не видывала. Я чуть не умерла от стыда.

Кертис в свою очередь изобразил сочувствие матери, чей сын сбился с правильного пути.

– И он все еще работает... гм, в киноиндустрии?

– Нет. И с наркотиками завязал. Во всяком случае, Лэнси так говорит. Это было давно, он был еще мальчиком, но все же... – Она закурила следующую сигарету. Кертис был уверен, что когда выйдет из этой конуры, то будет пахнуть так, словно он сам выкурил три пачки. И чувствовать себя, вероятно, так же.

– И каким именем он пользовался, когда снимался?

– Не помню.

– А как назывался фильм, в котором вы его видели?

– Не знаю и знать не хочу. Спросите у моей соседки. И как такая старуха, как она, может смотреть такую грязь? Ей должно быть стыдно.

– У Лэнси много подружек?

– Вы плохо меня слушаете. Он ни-че-го мне не рассказывает. Откуда мне знать о его подружках?

– Ваш сын когда-нибудь упоминал о Пэрис Гибсон?

– О ком? Это парень или девчонка? – Ее удивление было слишком искренним, чтобы быть притворным.

– Не имеет значения. – Кертис встал. – Вы знаете, миссис Фишер, помощь преступнику и укрывательство – тоже преступление.

– Я никому не помогала и никого не укрывала. Говорю вам, Лэнси ко мне не приезжал.

– Значит, вы не станете возражать, если я осматриваю дом.

– У вас есть ордер? – Нет.

Она выдохнула ему в лицо струю дыма.

– Да ладно, какого черта. Идите смотрите.

Трейлер был небольшим, так что, даже учитывая время на уворачивание от кошек и попыток не наступить на их дерьмо, осмотр не занял много времени. Очень быстро Кертис понял, что кто-то спал во второй спальне, причем совсем недавно. Кровать была оставлена незастеленной, на полу валялась пара носков. Нагнувшись, чтобы поднять их, он заметил под кроватью неплотно прилегающую доску. Он легко поддел ее перочинным ножом.

Аккуратно сложив обратно все, что нашел, Кертис вернулся к миссис Фишер в ту комнату, что играла роль гостиной. Он спросил, кому принадлежат носки.

– Наверное, Лэнси оставил их в последний раз. Это было очень давно. Он никогда за собой не убирает.

Еще одна ложь, но Кертис предпочел не уличать Кейт Фишер. Она все равно будет продолжать лгать.

– Вы не знаете, у Лэнси есть компьютер?

– Он думает, что я не знаю, а я знаю.

– А как насчет магнитофона?

– Вот об этом ничего сказать не могу, но я считаю все эти новомодные штучки пустой тратой денег. – Она пренебре-

жительно махнула рукой.

– Я оставляю вам мою визитную карточку, миссис Фишер. Если Лэнси появится, вы не могли бы позвонить мне?

– Что он натворил?

– Сбежал, чтобы не беседовать с полицейскими.

– О чем?

– Я просто хочу с ним поговорить. Если он даст о себе знать, то вы только принесете ему пользу, если сообщите мне об этом.

Кейт взяла его карточку и положила на шаткий столик возле своей качалки. Кертис не разобрал, что она пробормотала, не выпуская изо рта сигарету, но едва ли она обещала позвонить.

Детективу не терпелось выбраться на свежий воздух, подальше от потенциальной возможности взлететь на воздух вместе с кислородным баллоном миссис Фишер. Но у двери он все-таки задержался и задал еще один вопрос:

– Вы сказали, что Лэнси потерял хорошую работу, потому что его уволили за воровство.

– Да, я так сказала.

– А где он работал?

– В телефонной компании.

Как только Кертис оказался в своей машине, он немедленно связался с управлением полиции Сан-Маркоса, объяснил ситуацию и попросил установить наблюдение за домом миссис Фишер. Потом он позвонил детективу из своего отдела

и дал ему задание выяснить, в какой телефонной компании работал Лэнси Рэй Фишер.

На автостраде велись дорожные работы, машины еле ползли, поэтому, когда Кертис вернулся в город, необходимая информация уже лежала у него на столе. В телефонной компании «Белл» Фишер работал под своим настоящим именем. Он был образцовым служащим, пока его не поймали на воровстве оборудования.

– Когда-то это оборудование считалось первоклассным, – объяснил детектив, проводивший проверку, – но скорость прогресса такова, что оно мгновенно устаревает.

– А им можно пользоваться?

– Если верить экспертам, то да.

Вооруженный этой информацией, Кертис внес Лэнси Фишера в список подозреваемых и стал внимательно читать факс, присланный из Хьюстона.

Коллеги не забыли о копиях газетных статей, текстах телевизионных репортажей и информации из Интернета. Они изложили всю трагическую историю, заполнив те пустоты, которые оставил в своем рассказе Мэллой.

Наконец-то Кертис понял, почему Пэрис Гибсон носит солнечные очки. Она повредила глаза в той самой аварии, которая практически лишила жизни Джека Доннера, оставив только биение сердца и минимальную активность мозга.

Пэрис ехала впереди, на месте пассажира, она была пристегнута ремнем безопасности. Когда машина врезалась на

большой скорости в бетонную опору моста, надулись специальные подушки. Но они не могли защитить от осколков стекла, которое считалось особо прочным, но таковым не оказалось. Водитель вылетел через него.

Джек Доннер не был пристегнут. Воздушная подушка уменьшила скорость его тела, но не остановила. Он получил тяжелую черепно-мозговую травму. На всю оставшуюся жизнь Доннер превратился в беспомощного инвалида.

Джек Доннер реагировал только на визуальные, тактильные и аудиораздражители. Реакция была очень слабой, как у новорожденного, но достаточной для того, чтобы мозг не посчитали мертвым. Никто не мог отключить аппаратуру, поддерживавшую его жизнь.

Сообщалось, что доктор Дин Мэллой, лучший друг Доннера, первым прибыл на место катастрофы. Он следовал за мистером Доннером в своей машине и стал свидетелем аварии. Именно он вызвал медиков по своему сотовому. О нем писали как о заботливом и исполненном самопожертвования друге, который в течение долгих дней дежурил у палаты мисс Гибсон и мистера Доннера.

После того как мисс Гибсон оправилась от повреждений, она уволилась с телевизионного канала и перевезла Джека Доннера в частную клинику.

Газеты цитировали ее слова, когда она благодарила всех друзей, коллег и поклонников, которые прислали ей цветы и карточки с пожеланиями скорейшего выздоровления ей и

ее жениху. Пэрис сказала, что будет скучать по замечательным жителям Хьюстона, но ее жизнь сделала неожиданный поворот, поэтому она должна пойти по новому пути.

В конце истории ни разу не упоминалось имя доктора Мэллоя, и это буквально бросилось в глаза Кертису. Когда исчезает давний хороший друг, для этого должна быть очень серьезная причина.

Никакой страшной тайны, с точки зрения Кертиса. Он видел, как Мэллой смотрел на Пэрис Гибсон, а она на него. В их взглядах было неприкрытое желание. Они так старались не смотреть друг на друга, что невольно выдавали, насколько сильно нуждаются друг в друге, причем не только физически. Это нельзя было не заметить. Если это заметил Кертис за два дня общения с ними, то Джек Дон-нер наверняка все понял сразу.

Вывод: в любовном треугольнике третий всегда лишний.

Он слушал программу Пэрис Гибсон, и его гнев нарастал.

Она ни разу не упомянула его, Валентино Она только без умолку трещала о Джейни Кемп. И родители-то ждут не дождутся ее возвращения живой и здоровой. И друзья-то волнуются о ее безопасности. И вообще Джейни Кемп просто кладезь неисчислимых добродетелей.

Какой фарс! Джейни говорила ему, как ненавидит своих родителей, и это чувство было взаимным. Друзья? Она приобретала трофеи, а не друзей. А что касается добродетелей,

то их у Джейни просто не было.

Но если послушать Пэрис, то Джейни Кемп святая. Красивая, очаровательная, дружелюбная, добрая. Американский идеал, да и только.

– Если бы ты видела ее сейчас, Пэрис, – сдавленно хихикнув, прошептал он.

Теперь Джейни внушала ему такое отвращение, что он заглянул к ней всего на несколько минут. Она больше не выглядела красивой и желанной. Ее волосы, некогда шелковистые и вьющиеся, напоминали старую веревку, обмотавшуюся вокруг ее головы. Лицо стало землистым. Глаза, раньше такие манящие или игривые, казались безжизненными и пустыми. Она едва осознала его присутствие в комнате, смотрела в никуда, не мигнув даже тогда, когда он щелкнул пальцами у нее перед носом.

Джейни вела себя как полумертвая, а выглядела еще хуже. Душ помог бы ей, но он не собирался утруждать себя и нести ее на руках в ванную, мыть, вытирать, укладывать обратно.

Он должен был найти выход из той ситуации, которую сам создал. Времени для принятия решения оставалось совсем немного. Он дал Пэрис срок – семьдесят два часа, и если у него есть характер и гордость, то он должен соблюдать собственные условия.

Джейни превратилась в большую помеху, чем он думал. И потом, еще оставался вопрос, что делать с Пэрис.

На самом деле он собирался только привезти Джейни в

эту комнату и сделать с ней то, о чем она просила. Она была шлюхой, сама давала объявления и заявляла о своей готовности попробовать все, что ей могут предложить. Он всего лишь решил проверить, блефует она или нет. Нет, она не хвасталась. Джейни доказала свою склонность к тому, чтобы ее унижали.

Если говорить серьезно, он не планировал закончить с ней вот так. Впрочем, убивать Мэдди Робинсон он тоже не собирался. Просто к такому завершению пришли их с Мэдди отношения. Она же сказала: «Я больше не хочу тебя видеть». И он исполнил ее просьбу. Больше она его не увидит. Никогда. Если посмотреть на дело таким образом, то она сама решила свою судьбу, а он тут ни при чем.

А что касается Пэрис, то он собирался только позвонить ей и сообщить, что собирается предпринять против женщины, которая его обманула. Он хотел напугать ее, расшевелить в надежде, что она осознает собственное невыносимое самодовольство. Кто она такая, чтобы раздавать советы о любви и жизни, о сексе и чувствах?

Он и подумать не мог, что за этим звонком последует полицейское расследование и дело окажется на страницах газет. Кто мог представить, что все так всполошатся из-за Джейни, которая получила именно то, на что напрашивалась?

Нет, все оказалось куда серьезнее, чем он рассчитывал.

Он чувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Чтобы

выжить, он должен вернуть себе этот контроль. Но с чего начать?

Он, конечно, может отпустить Джейни.

Да, он может это сделать. Он выбросит ее возле родительского дома. Его имени Джейни не знает. Отсюда он уедет, так что, когда она приведет копов на «место преступления», его уже и след простынет. Он не будет больше ходить на тусовки «Секс-клуба», чтобы не рисковать встретиться с ней. Для него не проблема найти то, что ему нужно. «Секс-клуб» – это всего лишь один из вариантов.

План, возможно, не идеальный, но скорее всего наилучший для него. Он позвонит Пэрис в назначенное время и скажет, что хотел только заставить ее понять, что не следует играть чувствами людей и раздавать направо и налево сомнительные советы.

«Я и представить не мог, что ты примешь мои слова всерьез, Пэрис. Неужели ты не понимаешь шуток? Теперь мир, договорились?» – скажет он ей.

Да, это лучшее, что он может сделать.

– ...на волне 101.3, – услышал он голос Пэрис, прервавший его мысли. – Оставайтесь со мной до двух часов ночи. Мне только что позвонила лучшая подруга Джейни, Мелисса.

Мелисса.

– Мелисса, что ты хочешь сказать нашим слушателям? – спросила Пэрис.

– Я, ну, это, хочу, чтобы Джейни вернулась, – сказала Мелисса. – Джейни, если ты меня слышишь и с тобой все в порядке, просто возвращайся домой. Никто не будет сердиться. И если кто-то держит мою подругу против ее воли, то я должна сказать, что это совсем не клево. Отпустите ее. Пожалуйста. Мы просто хотим, чтобы Джейни вернулась. Вот... В общем, все.

– Спасибо тебе, Мелисса.

Так-так, значит, в этой пьесе ему отвели роль злодея? Он не сделал с Джейни Кемп ничего такого, чего бы ей самой не хотелось. Да и сама Пэрис вовсе не белая и пушистая, какой хочет всем казаться. Она ничем не лучше остальных.

Он набрал номер, который помнил наизусть, отлично зная, что этот звонок с его сотового никто не сможет проследить. Он все сделал для этого.

– Говорит Пэрис.

– Сегодня мы будем говорить о Дине Мэллоу.

– Валентино? Позвольте мне поговорить с Джейни.

– У Джейни нет настроения разговаривать, и у меня тоже.

– Родители Джейни хотели, чтобы я спросила у вас...

– Заткнись и слушай. Если ты и твой дружок не пошевелитесь, то у вас на совести будет две смерти, Джейни и Джека Доннера.

– Я чувствовал бы себя лучше, если бы до окончания этого дела ты пожила в моем доме. У нас есть свободная спаль-

ня. Ничего шикарного, но тебе будет удобно. И ты будешь в безопасности.

Дин настоял на том, чтобы проводить ее до дома и войти вместе с ней. Как и раньше, звонок Валентино проследили до пустого телефона-автомата. Ни свидетелей, ни улик. Теперь полиция была уверена, что он даже близко к ним не подходил.

Этот звонок оказался еще более тревожным, потому что голос Валентино был более раздраженным, чем раньше. Он снова намекал на смерть Джейни. И, разумеется, в намеке на Дина и Джека не было ничего хорошего. Либо Валентино отличался невероятной логикой и прозорливостью, либо знал наверняка, что смерть Джека имеет косвенное отношение к Пэрис и Дину.

– Спасибо за предложение, но я и здесь чувствую себя вполне безопасно. – Пэрис первая переступила через порог. В гостиной Дин зажег лампу, но она ее немедленно выключила. – Когда горит свет, я ощущаю себя рыбкой в аквариуме. С улицы все видно.

Дин посмотрел на полицейскую машину у тротуара.

– Я вижу, Григса кто-то заменил.

– У него сегодня выходной. Кертис предупредил меня, что полицейские будут меняться. – Когда Дин закрыл дверь, она спросила: – А как насчет Гэвина?

Валентино говорил о Дине с таким презрением, что они волновались не только о безопасности его и Пэрис, но и о

Гэвине тоже.

– О нем позаботятся. Кертис послал патрульную машину к моему дому. Я позвонил Гэвину и предупредил его.

– А Лиза?

– Я не думаю, что ей необходима защита полиции, но ей я тоже позвонил и сказал, чтобы она была осторожна. Я напомнил ей, чтобы она не забывала включать сигнализацию и звонила мне, если случится что-то необычное.

– Возможно, именно ей надо ночевать в свободной спальне твоего дома.

Дин ничего не ответил на это.

– Сейчас речь не об этом, Пэрис, – сухо произнес он.

Она развернулась и ушла в кухню. Дин отправился следом за ней. Было половина третьего ночи, но они оба были слишком взволнованы, чтобы уснуть.

– Я приготавливаю какао. Ты будешь? – предложила Пэрис.

Ее взгляд ясно дал ему понять, что он волен согласиться или отказаться от ее предложения.

– А сок есть? – спросил Дин, решив остаться.

Пока вода грелась в микроволновке, Пэрис налила ему стакан апельсинового сока и достала пакет с сухим печеньем.

– Почему ты решил, что он лжет?

– Валентино?

– Гэвин. Когда ты приехал сегодня вечером на студию, ты сказал, что сын тебя обманывает. Мы были заняты, отвечая на звонки, и у нас не было возможности закончить этот раз-

говор.

Дин пожал плечами:

– В том-то все и дело. Я не знаю, в чем он меня обманывает, но уверен, что не говорит правду.

Размешав какао в горячей воде, Пэрис вернулась в гостиную, захватив печенье и знаком пригласив Дина за собой. Она уселась в одном углу дивана, он в другом. Пакет с печеньем лежал между ними. Лампа не горела, но через окно в комнату проникал свет от фонарей на крыльце, поэтому они хорошо видели друг друга. Пэрис сняла очки.

– Ты думаешь, что Гэвин лжет, когда говорит о том, как провел тот вечер?

– Возможно, он что-то недоговаривает. Боюсь, во время его встречи с Джейни произошло что-то, о чем он не хочет рассказывать.

– Например, они занимались сексом?

– Возможно, и Гэвин не хочет, чтобы об этом узнали.

– Потому что тогда в его историю о том, что он ее оставил и вернулся к друзьям, никто не поверит?

– Конечно. – Дин съел печенье. – Но если быть реалистами, то как он может оказаться Валентино? И голос не похож, и о нас с тобой мой сын ничего не знает. – Он посмотрел на Пэрис. – Во всяком случае, того, на что намекал Валентино. У него нет ни аппаратуры, ни технических навыков, чтобы переадресовать звонки.

– Я спрашивала Стэна, как это можно сделать.

– Ему-то откуда знать?

– Он любит технику, всякие дорогие электронные игрушки. Не смотри на меня так, – попросила Пэрис, когда Дин вопросительно изогнул бровь. – Он не Валентино. У него на это не хватит духа.

– Что ты об этом знаешь?

– Прошу тебя, перестань, ты хочешь услышать продолжение или нет?

Мэллой что-то буркнул в ответ и взял еще печенье.

– Стэн сказал, что сделать это несложно. Любой, у кого есть доступ к оборудованию, может научиться этому через Интернет.

– А как насчет человека, который работал в телефонной компании?

– Для такого это будет детской забавой. Почему ты спросил?

– Прежде чем стать уборщиком, Марвин Паттерсон работал в компании «Белл».

Дин привез Пэрис домой в своей машине. По дороге он довольно долго разговаривал с Кертисом и теперь пересказал Пэрис все, что детектив узнал о Лэнси Фишере.

– У него есть коллекция с записями моего шоу? Но что это может значить?

– Нам это неизвестно, – ответил Дин. – Вот почему Кертис нажал на всех, чтобы застенчивого мистера Фишера нашли. У нас к нему накопилась гора вопросов, и под номером

первым стоит его одержимость тобой.

– Для меня это настоящий шок. Марвин никогда не проявлял ко мне ни малейшего интереса. При встрече всегда низко опускал голову и почти не разговаривал.

– Странное поведение для бывшего актера.

– Кто актер? Марвин?

– Он играл в порнофильмах.

– Что? – воскликнула Пэрис. – Ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке?

Дин выложил ей сведения, полученные от матери Лэнси.

– Непонятно, почему он записывал твоё шоу каждый вечер. Кажется, для этого нет никаких объяснений. В его коллекции девяносто две кассеты. Как говорит Кертис, они не слишком хорошего качества. Скорее всего были записаны с радиоприёмника. Долгие часы песен о любви и сексуально-го голоса Пэрис Гибсон. Возможно, Марвин мастурбировал под твою программу.

– Избавь меня от описания этой картины, пожалуйста.

– Он когда-нибудь...

– Дин, перестань. Марвин едва ли проворботал несколько слов в моем присутствии. Насколько я помню, он ни разу не посмотрел мне в глаза.

– Значит, вполне вероятно, что в этой истории он может оказаться белым, как свежий снег. Бывший заключенный Паттерсон-Фишер мог сбежать только потому, что испытывает естественное отвращение к общению с полицией,

даже если ему совершенно нечего скрывать.

Дин замолчал и приставдно рассматривал Пэрис, пока она наконец не спросила:

– В чем дело?

– Кертис превратился в настоящего Шерлока Холмса и раскопал наше прошлое.

Пэрис подула на какао, но ей почему-то совсем расхотелось его пить.

– А хорошие новости есть?

– Ни одной. Он прямо сказал мне, что ему известно, почему ты уехала из Хьюстона. Кертис знает все факты – авария, травма Джека, твое увольнение с телевидения и так далее.

– Это все? – сердито спросила Пэрис.

– Ну на этом он остановился, но последовавшее молчание было наполнено любопытством и невысказанными предположениями.

– Пусть предполагает, что ему хочется.

– Я не стал ему в этом мешать.

Пэрис поставила чашку на столик и с тяжелым вздохом откинулась на подушки дивана.

– Меня его любопытство не удивляет. В конце концов, он же детектив. Да и копать ему пришлось не слишком глубоко. Поскреб чуть-чуть сверху, и вот она, моя жизнь для всеобщего обозрения.

– Мне жаль, – сказал Дин. Она слабо улыбнулась:

– Это не имеет значения. Другие аспекты намного важнее.

Я говорю о Гэвине. – Не поднимая головы со спинки дивана, Пэрис повернулась к Дину. – Что случилось с его лицом?

– Я его не бил, если ты на это намекаешь. Оскорбленная его тоном и самим ответом, Пэрис резко выпрямилась и встала.

– Я не намекала ни на что подобное. – Взяв чашку, она вышла из комнаты, резко бросив на ходу: – Когда будешь выходить, захлопни за собой дверь.

Пэрис сполоснула чашку и выключила свет над мойкой. Когда она обернулась, Дин стоял на пороге кухни. Его фигура темным силуэтом выделялась в слабом свете, падавшем из гостиной.

– Прости, что я накричал на тебя.

– Меня не это разозлило, – ответила Пэрис. – Как ты мог подумать, что я решила, будто это ты ударил Гэвина?

– Но я действительно ударил его, Пэрис.

Это признание повисло в напряженной тишине.

– Не сегодня, – продолжал Дин, – а несколько дней назад.

Он спровоцировал меня, я потерял самообладание и отвесил ему оплеуху.

Ее гнев исчез так же быстро, как появился.

– Значит, я просто попала в больное место? – Помолчав, она еле слышно добавила: – Я знаю, что произошло в тот раз.

Дин внимательно посмотрел на нее.

– Тебе рассказал Джек?

– Он сказал мне достаточно, но только после того, как я восхитилась твоим потрясающим самоконтролем.

Дин Прислонился к косяку и закрыл глаза.

– Что ж, мой, как ты говоришь, потрясающий самоконтроль меня подвел, сначала с Гэвином, а сегодня с Рондо.

– С Рондо?

Он описал ей сцену, которую застал, войдя в мужской туалет.

– Рондо прижал лицо Гэвина к зеркалу, отсюда и синяк на скуле. Я хотел убить этого парня.

– Я бы тоже так поступила на твоём месте. Почему он это сделал?

– Сказал, что у него есть мать и сестра, и непристойные послания, которые оставлял на этом сайте Гэвин, так оскорбили его, что он не сдержался, когда увидел моего сына. Дурацкое оправдание, похоже на вранье.

– Кертис знает об этом?

– Я ему не говорил, а Рондо, согласишься, едва ли признаётся.

– Ты собираешься спустить дело на тормозах?

– Нет, черта с два. Но с Рондо я разберусь сам, без постороннего вмешательства. – Дин с горечью рассмеялся. – Возвращаясь к нашему другу-детективу, должен предупредить, что он не сдастся, пока не выяснит все о «нашем милом трио», как он выразился.

– Он имеет в виду тебя, меня и Джека.

– Кертис не дурак, Пэрис. Он знает, что средства массовой информации рассказали не всю историю, а мы недоговариваем ещё больше.

– Это его совершенно не касается.

– Он думает иначе. Кертис полагает, что Валентино ещё к этому вернется.

– К чему? К нам? К Хьюстону? Это никак не связано с тем, что происходит сейчас.

– С делом Валентино не связано, это точно. Но это влияет на то, что происходит между нами сейчас.

Пэрис попыталась отвернуться, но он коснулся ее щеки и заставил посмотреть на него.

– Мы просто обязаны поговорить об этом, Пэрис. Мы зря не сделали этого семь лет назад. Если бы мы с тобой все обсудили сразу, то Джек не напился бы так в тот вечер. Мы обязаны были пойти к нему и все рассказать...

– То есть объявить, что мы оба его предали.

– Что мы полюбили друг друга, что ни ты, ни я этого не ожидали, но, раз это произошло, значит, так тому и быть.

– «Прости, Джек. Тебе просто не повезло. Еще увидимся, старина». Так надо было сказать?

– Это выглядело бы совсем иначе, Пэрис.

– Согласна, все было бы еще хуже.

– Куда же хуже? Хуже того, чем это кончилось? – Дин сделал глубокий вдох и заговорил спокойнее, тише: – Джек был намного умнее, чем ты думаешь, и намного проницательнее. Он заметил, что мы избегаем друг друга. Неужели ты не подумала, что он захочет выяснить причину этого?

Разумеется, Дин был прав. Это Пэрис решила, что Джек ничего не заподозрит, если она будет делать вид, что все нормально. Джек никогда не узнает, что его невеста и его лучший друг занимались любовью. Но их отношения – ее и Дже-

ка, его и Дина, ее и Дина – изменились навсегда. Они не могли повернуть все вспять. Пэрис была слишком наивной, когда думала, что им это удастся.

– Я думала... Думала... – Она опустила голову и потеряла висок. – Не помню, что я тогда думала, Дин. Я просто не могла подойти к Джеку и огорошить его: «Помнишь тот вечер после гибели Дорри, когда я сказала, что хочу побыть одна? Так вот, ко мне заехал Дин, и мы с ним занимались сексом на полу в моей гостиной».

Вместо этого Пэрис избрала другую тактику. Она отказывалась всякий раз, когда Джек пытался провести время с ней и с Дином. Ее увертки с каждым разом становились все глупее.

– В конце концов Джек спросил меня, почему ты перестал мне нравиться.

– У меня с ним был точно такой же разговор, – сказал Дин. – Он спросил меня, не поругались ли мы во время осады дома Дорри. Джек предположил, что во мне проснулся коп, а в тебе репортер, а эти двое никогда не могут договориться. Я ответил ему, что он ошибается, что мы с тобой уважаем друг друга по-прежнему и относимся друг к другу с симпатией. Вот почему он решил нас проверить и устроил этот ужин-сюрприз.

«Да, тот самый судьбоносный ужин», – подумала Пэрис. Джек пригласил ее и Дина в их любимый ресторан. Пэрис и Дин приехали, не ожидая увидеть там друг друга.

Впервые оказавшись лицом к лицу после того вечера, они испытали огромную неловкость, как и боялась Пэрис. Они с Дином избегали смотреть друг другу в глаза, но когда она исподтишка смотрела на Дина, то каждый раз натыкалась на его взгляд. Разговор был напряженным.

– Для меня этот ужин стал испытанием на выносливость, – признался Дин. – Ты отвергала все мои попытки заговорить с тобой.

– Между нами должно было все кончиться, Дин. Я настолько не доверяла себе, что даже не могла поговорить с тобой по телефону.

– Господи, Пэрис, у меня внутри все дрожало. Я должен был узнать, что ты думаешь. Все ли с тобой в порядке, не беременна ли ты.

– Беременна? – изумилась Пэрис.

– Мы же не предохранялись в тот раз.

– Я принимала таблетки.

– Но я об этом не знал. – Дин грустно улыбнулся. – Я самонадеянно думал, что ты забеременела.

Пэрис не могла ему признаться, что тоже цеплялась за эту напрасную надежду и была очень огорчена, когда следующие месячные начались в срок. Ребенок заставил бы ее сказать Джеку правду. Тогда бы у них с Дином появилось оправдание для того, чтобы причинить Джеку боль. Но этого не произошло.

– Я прошел через ад, пытаюсь догадаться, в каком состо-

янии ты осталась после моего ухода, – продолжал Дин. – И вдруг ты сидишь за одним столом со мной, на расстоянии вытянутой руки, и я не могу ни о чем спросить тебя, не имею права ничего сказать. И это еще не все. Меня убивала мысль о том, что я предаю доверие Джека. Каждый раз, когда он шутил, обнимал меня за плечи и называл приятелем, я чувствовал себя Иудой.

– Джек изо всех сил старался, чтобы ужин прошел весело. Он всегда был массовиком-затейником, – сказала Пэрис, и снова ее мысли вернулись к тому вечеру.

Джек словно решил не замечать неловкость между Пэрис и Дином. Он выпил слишком много, говорил чересчур громко, хохотал, а не смеялся. Но когда принесли десерт, Джек сдался и объявил, что желает знать, что происходит.

– Слушайте, вы двое меня доконали, – наконец объявил Джек. – Я хочу знать немедленно, что произошло между вами, почему вы так неловко чувствуете себя в обществе друг друга. У меня два варианта. А: вы поругались во время освобождения заложников. Б: вы встречаетесь за моей спиной. Так что либо миритесь, либо признавайтесь.

Полагая, что пошутил очень удачно, Джек откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и с улыбкой смотрел то на Пэрис, то на Дина.

Но Дин не ответил на его улыбку, а Пэрис чувствовала себя так, словно ее лицо разлетится на куски, если она попытается улыбнуться. Их молчание говорило о многом. И все

же прошло несколько мгновений, прежде чем Джек все понял. А когда это произошло, на него было больно смотреть. Его улыбка увяла. Он посмотрел сначала на Пэрис, почти насмешливо. Потом Джек перевел взгляд на Дина, будто ждал, что старый друг рассмеется и бросит что-то вроде: «Не будь дураком».

Но оба молчали, и Джек сообразил, что его шутка оказалась правдой.

– Сукин сын! – рявкнул он, вскочил на ноги и презрительно усмехнулся в глаза Дину. – Ужин за твой счет, друг.

Их воспоминания были одинаковы, потому что Дин тут же сказал:

– Я никогда не забуду выражение его лица, когда он обо всем догадался.

– Я тоже.

– Я так торопился догнать его, чтобы не позволить ему сесть за руль, что опрокинул стул. Когда я поставил стул на место, вы уже исчезли.

– Я не помню, как бежала за ним через зал ресторана. – Голос Пэрис звучал очень тихо. – Но точно помню, что нагнала его на стоянке. Джек накричал на меня, сказал, чтобы я оставила его в покое.

– Но ты этого не сделала.

– Нет, я умоляла его позволить мне все объяснить. Но Джек только ожег меня яростным взглядом и спросил: «Ты с ним трахалась?»

Дин провел рукой по лицу, но этот жест не помог ему согнать печальное выражение.

– Уже подбегая к парковке, я услышал его слова. А потом ты говорила ему, что он не должен вести машину, что он слишком пьян и слишком зол.

Не обращая внимания на ее мольбы, Джек сел за руль. Пэрис обежала машину, и, на счастье, дверца со стороны пассажира оказалась незапертой.

– Я села в машину. Джек приказал мне выметаться. Но я отказалась это сделать и пристегнула ремень безопасности. Он завел мотор и вдавил педаль газа в пол.

В кухне повисла тишина, оба вспоминали тот страшный вечер. Дин заговорил первым:

– Джек имел полное право злиться на нас. Если бы я оказался на его месте, а он на моем, я... Господи, я не знаю, что бы я сделал. Вероятно, оторвал бы ему руки и ноги. Джек испытывал боль и ярость, и если он действительно решил убить себя, то мы ничего бы не сумели сделать ни в этот вечер, ни потом. Мы поступили ужасно по отношению к нему, Пэрис, и с этим нам придется жить дальше.

Но и Джек поступил не лучше, когда не высадил тебя из машины. – Дин коснулся пальцами шеи Пэрис и нежно погладил. – Вот за что я виню его. Он мог тебя убить.

– Я думаю, что он никого не собирался убивать.

– Ты уверена? – мягко спросил Дин. – Что вы сказали друг другу в эти две минуты, пока машина домчала вас от ресто-

рана до той опоры?

– Я сказала, что мне очень жаль, что мы причинили ему боль. Я сказала, что мы оба любим его, что это была случайность, физическая разрядка после психической травмы и что если он сможет нас простить, то это больше никогда не повторится.

– Джек поверил тебе?

Одинокая слеза скатилась по щеке Пэрис, и она хрипло ответила: – Нет.

– А ты сама верила в то, что говорила?

Она зажмурилась, останавливая подступившие слезы, и молча покачала головой.

Глубоко вздохнув, Дин притянул Пэрис к себе и погладил по волосам.

– Может быть, мне надо было сказать что-то еще, – прошептала она.

– Солгать ему?

– Это могло спасти ему жизнь. Джек был в ярости. Он не понимал, что делает. Я пыталась уговорить его остановиться, чтобы я села за руль, но он только прибавлял скорость. Джек не специально врезался в ту опору. Он просто потерял контроль над машиной.

– Он сделал это намеренно, Пэрис, – твердо сказал Дин.

– Нет, – с отчаянием в голосе не согласилась она, отказываясь в это верить.

– Когда водитель теряет управление, он инстинктивно на-

жимает на тормоз. Я ехал следом за вами. Тормозные огни так и не зажглись. – Дин приподнял ее подбородок, заставляя ее смотреть ему в лицо. – Джек любил тебя, я в этом не сомневаюсь. Он любил тебя настолько, что собирался сделать тебя своей женой. Он любил тебя настолько, что потерял голову, когда узнал, что ты изменила ему со мной. Но, – он особо подчеркнул это слово, – если бы Джек любил тебя как должно, забывая о себе и не считаясь ни с чем, он бы никогда не стал подвергать твою жизнь опасности. Пусть его последние годы были ужасными, я все равно никогда не смогу простить его за то, что он пытался убить тебя.

За эти слова Пэрис полюбила Дина еще больше. Она на самом деле любила его. С их первой встречи она знала, что любит Дина Мэллоя. Но это было невозможно тогда и осталось невозможным сейчас. Между ними всегда стоял кто-то. Тогда Джек, теперь Лиза.

Пэрис высвободилась из объятий Дина и заявила:

– Теперь тебе пора идти.

– Я сегодня останусь ночевать здесь. — Дин...

– Я буду спать на диване в гостиной. – Он поднял руки, сдаваясь. – Если ты не веришь, что я способен не прикасаться к тебе, запри дверь в свою спальню. Я не оставлю тебя одну, пока этот сумасшедший вынашивает планы мести.

– Представить не могу, как Валентино догадался, что смерть Джека на моей совести.

– И на моей.

– О том, что произошло между мной и тобой, не знает никто. Я никогда ни с кем это не обсуждала.

– Возможно, Валентино просматривал статьи о тебе и просто догадался о причине аварии, как и Кертис.

– Авария могла стать следствием тысячи причин, – не согласилась с ним Пэрис.

– Но только одно могло убить нашу дружбу с Джеком. Это достаточно просто, Пэрис. Валентино объявил себя борцом с неверными женщинами. Если он решил, что ты изменила Джеку со мной, то он счел необходимым тебя наказать. Даже если бы это было всего лишь предположением, Валентино мог решить для себя, что все так и произошло, и действовать соответственно. – Дин упрямо покачал головой. – Я остаюсь.

Дин подремал на диване до рассвета, потом тихонько вышел из дома. Он помахал рукой патрульным офицерам, сидевшим в машине у тротуара, уверившись в том, что они видели, как он уходит.

Он почти не спал. Выглядел он и чувствовал себя так, словно не спал совсем. Но с этим делом надо было покончить как можно быстрее. Он не хотел откладывать и не стал заезжать домой, чтобы принять душ и побриться.

Дин дважды позвонил, прежде чем услышал стук отодвигаемой задвижки. Лиза сонно посмотрела на него поверх медной цепочки и закрыла дверь для того, чтобы снять ее.

– Непростительно с моей стороны появляться у тебя в та-

кой час, – сказал он, переступая порог.

– Я тебя прощаю. – Лиза обняла его за талию и потерлась носом о его щеку. – Честно говоря, это очень приятный сюрприз.

Дин обнял ее. Под шелковым халатом ее обнаженное тело было теплым, мягким, женственным. Но это его не возбудило.

Она отодвинулась от него, чтобы заглянуть ему в лицо, прижимаясь бедрами к нему.

– Ты выглядишь неважно, друг мой. Поздно лег?

– Можно и так сказать.

– Опять что-то с Гэвином? – спросила Лиза, явно встревоженная.

– Нет. Правда, он еще нетвердо стоит на правильном пути, и пока я буду строго за ним следить, но я пришел не поэтому.

Умение Лизы понимать людей позволило ей сделать карьеру, не подвело оно ее и сейчас. Еще немного посмотрев на него, она сказала:

– Я хотела предложить тебе любовную терапию в постели, но догадываюсь, что лучше будет предложить тебе кофе.

– Не стоит беспокоиться, я ненадолго.

Словно подстегивая свою гордость, Лиза выпрямилась, опустила руки по швам и откинула назад выющиеся волосы.

– Сесть ты хотя бы можешь?

– Конечно.

Она провела его в гостиную и устроилась в уголке дивана,

подобрав под себя босые ноги. Дин сел на самый краешек, уперев локти в колени. По дороге к ней он пытался придумать, как объяснить ей все, и в конце концов решил, что приятного варианта не придумаешь. Дин слишком уважал Лизу, чтобы лгать ей. Он решил сказать все напрямую.

– Я несколько месяцев позволял тебе думать, что мы поженимся. Этого не будет, Лиза. Прости.

– Понимаю. – Она вдохнула и громко выдохнула. – Могу я хотя бы узнать, почему?

– Раньше я думал, что у меня классический случай, что я просто в последний момент испугался. Я прожил холостяком пятнадцать лет, поэтому был уверен, что именно идея брака вызывает у меня панику. Поэтому я ничего не говорил, надеясь, что все образуется. Я не хотел ссориться с тобой из-за этого или огорчать тебя понапрасну.

– Ну что ж, я ценю, что ты считался с моими чувствами.

– Я слышу сарказм или мне показалось?

– Не показалось.

– Думаю, я это заслужил, – согласился Дин. – Я только что разорвал нашу почти состоявшуюся помолвку. Ты не обязана быть любезной.

– Я рада это слышать, потому что готова выцарапать тебе глаза.

– Имеешь право.

Лиза сердито посмотрела на него, но потом гордость взяла верх.

– Я подумала и решила, что не буду устраивать скандал. Моя истерика лишь позволит тебе пулей вылететь отсюда, чтобы никогда больше не вернуться. Вместо этого я хочу потребовать от тебя объяснений. Полагаю, я это заслужила.

На самом деле Дин рассчитывал на скандал, во время которого их ругательства разрушили бы ту нежность, которую они питали друг к другу. Тогда разрыв был бы менее болезненным для нее и легче для него. Но Лиза закрыла эту лазейку для труса.

– Не уверен, сумею ли все объяснить. – Дин развел руками, демонстрируя свою беспомощность. – Дело не в тебе. Ты такая же умная, красивая и желанная, как в день нашей первой встречи. И даже более того.

– Пожалуйста, избавь меня от речей в духе «я тебя недостоин».

– Я не об этом, – раздраженно заметил Дин. – Я говорил искренне. Дело не в тебе. Дело в нас. Нас больше нет, Лиза.

– Мог бы и не говорить этого. Последнее время ты был рассеянным даже тогда, когда мы занимались любовью.

– Забавно, я что-то не припомню, чтобы ты жаловалась, – усмехнулся он.

– Ты снова пытаешься затеять ссору, – сурово оборвала его Лиза. – Не надо. И не злись. Речь не о твоём члене, а о том, что ты холоден как лед.

– Признаю.

– Дело в Гэвине и в его переезде к тебе? В том, что ты

должен уделять ему больше времени?

– Гэвин стал для меня отличным прикрытием, – признался Дин. – Я не горжусь тем, что использовал его.

– Нечем гордиться. Но дело в нем? —Нет.

– Значит, есть кто-то еще.

Дин повернул голову и прямо посмотрел на нее: —Да.

– Ты встречаешься с другой женщиной?

– Нет, ничего подобного.

– Тогда что, Дин? В чем дело?

– Я люблю другую.

Лиза замолчала, пораженная простотой его ответа. Она долго смотрела на него, свыкаясь с тем, что он сказал.

– Ты любишь другую. А меня ты любил?

– Да, и во многих отношениях люблю до сих пор. Ты была важной и необходимой частью моей жизни.

– Но не твоей большой страстью.

– Когда мы только начали встречаться, я честно надеялся... Я думал... Я пытался...

– Ты пытался. – Лиза горько рассмеялась. – Это именно то, что женщина хочет услышать.

К ней вернулся сарказм, но она заставляла себя быть резкой. Лиза схватила маленькую подушку и прижала ее к груди, хотелось за что-то ухватиться, чтобы не сойти с ума. Дин почувствовал, что лучше ему уйти теперь, пока он не ранил ее гордость еще сильнее.

Но когда он встал, она тихо сказала:

– Женщина в солнечных очках. Та самая, с которой ты разговаривал в полицейском участке. Пэрис, так, кажется? – Подняв голову, Лиза смотрела на него. – Ну что ты, Дин, чему ты так удивился? Даже если бы я была слепой, я бы догадалась, что вы с ней были любовниками.

– Много лет назад. И это было всего один раз, но...

– Но ты так и не пришел в себя. Он печально улыбнулся ей:

– Нет, так и не пришел.

– Просто из любопытства, скажи, когда ты начал снова с ней встречаться?

– Позавчера.

Ее губы раскрылись в немом изумлении.

– Да, позавчера. Мое отчуждение, другого слова я не могу подобрать, началось задолго до ее появления. Наша встреча только подтвердила то, что я и так уже знал.

– Что ты на мне не женишься. Дин кивнул.

– Что ж, хвала господу, что этого не произошло. – Лиза отбросила в сторону подушку и встала. – Я не хочу быть ничьим запасным вариантом.

– И ты никогда им не будешь. – Он взял ее за руку и сжал. – Прости, что я отнял у тебя два года.

– Это, возможно, и к лучшему, – легкомысленно отмахнулась Лиза. – Что бы я стала делать с ребенком в деловой поездке? Взяла бы его с собой и носила в кейсе?

Она делала вид, что ей все равно, но Дин знал, что она

разочарована до глубины души. Лиза была слишком гордой, чтобы выставлять напоказ свои слезы. И потом, возможно, только возможно, она слишком его любила и не хотела, чтобы он ушел с чувством вины.

– В тебе много грации, класса и стиля, Лиза.

– О да, просто через край.

– Что ты будешь делать?

– Сегодня? Думаю, я побалую себя массажем. Он улыбнулся:

– А как насчет завтра?

– Когда я переехала сюда, я не продала мой дом в Хьюстоне.

– Не продала?

– Ты думал, что я продала, и я не стала тебе ничего говорить. Вероятно, я предчувствовала, что мне понадобится безопасное гнездышко. В любом случае, как только смогу, я сразу вернусь туда.

– Ты невероятный человек, Лиза.

– И ты тоже, – хрипло ответила она.

Дин нагнулся, поцеловал ее в щеку и направился к двери.

Уже взявшись за ручку, он обернулся:

– Всего тебе хорошего.

С этими словами Дин ушел.

– Алло?

– Это Гэвин?

– Да.

– Говорит сержант Кертис. Я тебя разбудил?

– Вроде того.

– Прости за беспокойство, но я никак не могу дозвониться твоему отцу на сотовый. Вот почему я звоню к вам домой. Ты не мог бы позвать его?

– А отца нет. Он остался ночевать у Пэрис. – Гэвин сообщил, что сказал, только тогда, когда слова уже сорвались с языка. Кертис такой подозрительный, он наверняка подумает совсем не то. – Мы вчера ужинали у нее, – поторопился объяснить Гэвин. – А после ее программы и звонка этого Валентино отец решил, что ей не следует оставаться одной.

– Полицейские охраняют дом мисс Гибсон, – возразил Кертис.

– Думаю, отец считает, что этого мало.

– Видимо, так.

Гэвин решил не продолжать, чтобы не наговорить лишнего. В конце концов, какое Кертису дело, где ночует его отец?

– Ладно, я попытаюсь найти его там, – сказал детектив. –

У меня есть номер.

– Я могу передать отцу сообщение, – предложил Гэвин.

– Спасибо, но мне необходимо поговорить с ним лично. Это Гэвину совсем не понравилось. Неужели Кертису опять надо поговорить с отцом о чем-то, что касается его, Гэвина?

– Есть какие-нибудь новости о Джейни? – спросил он.

– Боюсь, что нет. С тобой я поговорю позже, Гэвин.

В трубке раздался гудок прежде, чем Гэвин успел попрощаться. Он встал, сходил в ванную, а потом выглянул в окно гостиной. Полицейская машина по-прежнему стояла возле дома.

Интересно, только он один заметил иронию в том, что его охраняют от Валентино, подозревая при этом, что он и есть этот самый Валентино? Пока Джейни не найдут, ему придется сидеть дома. Он сам обрек себя на это. Но все могло быть и хуже. Если бы не его отец, копы вообще могли упрятать его в тюрьму.

Гэвин не слишком расстраивался, хотя отец не один раз поймал его на лжи и узнал о его членстве в «Секс-клубе». Накануне, когда они с отцом ужинали у Пэрис, Гэвин замечательно себя чувствовал.

Сначала ему было даже страшно встретиться с ней через столько лет. А что, если Пэрис изменилась и теперь выглядит как старуха? Он боялся увидеть ее с залитыми лаком, высоко начесанными волосами и увешанную драгоценностями, боялся, что она стала излишне сентиментальной и недалекой, что она примется причитать, как он вырос, начнет суетиться вокруг него, как делали это родственники его матери на се-

мейных сборищах.

Но Пэрис осталась такой же клевой, какой он ее помнил. Она держалась дружелюбно, но не перегибала палку, как Лиза. Она не разговаривала с ним свысока. Еще когда они общались в Хьюстоне и он был совсем маленьким, Пэрис всегда держалась с ним на равных.

Джек любил называть его Скаутом, Капитаном или Партнером. Он всегда разговаривал с ним слишком громко, словно Гэвин был малюткой, которого надо развлечь. Джек был ничего, но из них двоих Гэвину больше нравилась Пэрис.

Она нравилась ему больше тех женщин, с которыми встречался его отец. Гэвин помнил, как думал о том, что если бы Джек исчез, то было бы круто, если бы Пэрис стала девушкой отца.

Мать считала, что так оно и было.

Разумеется, она никогда не говорила об этом с Гэвином, но однажды он подслушал, как она заявила подруге, что Пэрис Гибсон «зацепила» Дина и что он встречается с другими только потому, что Пэрис невеста Джека Доннера.

В то время Гэвин был слишком мал, чтобы понять ее слова, да и отношения взрослых его мало интересовали. Но теперь, увидев, как отцу не терпится поскорее оказаться у Пэрис дома, как он посмотрелся в зеркало, прежде чем выйти из машины, Гэвин подумал, что его мать была права. Гэвин ни разу не видел, чтобы отец смотрелся в зеркало, когда шел на свидание к Лизе.

Сколько Гэвин себя помнил, его родители были в разводе. Еще совсем ребенком он понял, что у него не такая семья, какие показывают в рекламных роликах по телевидению. Там мамочка и папочка завтракали вместе, гуляли по пляжу, держась за руки, и даже спали в одной постели. Он заметил, что в других домах их квартала отцы жили вместе с детьми.

Гэвин стал расспрашивать своих родителей, и, когда они объяснили ему смысл развода, он отчаянно надеялся, что они снова станут жить вместе. Но чем старше становился Гэвин, тем яснее становилась для него призрачность подобного воссоединения. Он смирился, но все-таки продолжал надеяться.

Его отец встречался со множеством девушек. Гэвин забыл их имена, потому что ни одна не продержалась достаточно долго. Он слышал, как его мать как-то сказала его бабушке о «цветке месяца», и понял, что речь идет об очередной отцовской подружке.

Его мать редко ходила на свидания, и его удивило, что именно она первой снова вышла замуж. Этот брак убил все надежды Гэвина на то, что его родители чудесным образом соединятся снова. Тогда он по-настоящему рассердился на мать и преисполнился решимости сделать ее жизнь с новым мужем совершенно невыносимой.

Оглядываясь назад, Гэвин понимал, что повел себя глупо, по-детски. Он был настоящим дураком. Его мать наверняка

любила этого парня, Саймона, иначе она не вышла бы за него замуж. Она больше не любила отца Гэвина. Он слышал, как она и об этом говорила его бабушке.

– Я всегда любила Дина за то, что он подарил мне Гэвина, – как-то сказала Патрисия, – но мы правильно сделали, что расстались так быстро.

Гэвин догадался, что отец не любит мать, а может быть, и вообще никогда не любил. Он пытался представить своих родителей как пару, но у него просто ничего не получилось. Патрисия и Дин не подходили друг другу, будто части разных головоломок. У них ничего не получилось с самого начала, и общего будущего для них не существовало. «Смирись с этим, парень», – подумал тогда Гэвин.

Теперь его мама была счастлива во втором браке. Отец тоже заслужил право быть счастливым. Но Гэвин не считал, что Лиза – это та женщина, которая сумеет подарить отцу счастье.

Он почти задремал, размышляя об этом, но не успел заснуть по-настоящему, как в дверь позвонили.

Господи, что ж сегодня всех разбирает с самого утра?

Гэвин подошел к двери, открыл ее и сразу же пожалел, что не посмотрел в глазок, прежде чем открывать. На пороге стоял Джон Рондо.

Взгляд Гэвина метнулся к патрульной машине. У него отлегло от сердца, когда он увидел, что она на месте. Копы внутри жевали пончики. Наверняка это Рондо их угостил.

– Не волнуйся, Гэвин, твои защитники все еще здесь. Вежливый тон Рондо не обманул Гэвина. Ни на секунду.

У него только-только перестало дергать скулу, но дотрагиваться до нее было все еще больно, да и синяк останется надолго. Рондо был тяжелее его фунтов на тридцать. Гэвин сразу понял, что этот сукин сын способен на все. Но черта с два он струсит.

– Я ни о чем не волнуюсь, – парировал он. – Особенно о тебе. Что тебе нужно?

– Я хочу добавить кое-что к тому, что уже говорил вчера.

– Если отец увидит тебя здесь, он надерет тебе задницу.

– Вот почему я пришел сейчас, когда его нет дома. – Рондо улыбался, так что для любого, кто увидел бы его, включая и полицейских в машине, слизывавших сахарную пудру с пальцев, это выглядело как обычный дружеский разговор. – Если ты решишь кому-нибудь рассказать о моих...

– Преступлениях.

Улыбка Рондо стала еще шире.

– Я бы назвал это внеслужебной деятельностью. Так вот, если кто-нибудь услышит об этом от тебя, то я приду не за тобой.

– Я тебя не боюсь.

Не обращая внимания на слова Гэвина, Рондо продолжал:

– Я примусь за твоего отца.

– Это что, шутка? Чертовски забавно. – Гэвин изобразил саркастический смех. – Ты компьютерный псих.

– Я как раз делаю все, чтобы из этого отдела перейти в отдел расследований.

– Да пусть они тебя хоть начальником назначат, мне плевать. У тебя все равно духу не хватит схватиться с моим отцом один на один.

– Я и не говорю о том, что именно я с ним разделаюсь. Это было бы глупо, потому что он от меня этого ждет. Но как насчет какого-нибудь психа-арестованного, с которым он беседует? Мэллой все время бывает в тюрьме, ты ведь знаешь, – негромко продолжал Рондо. – Разговоры разговаривает с ма-ньяками, насильниками, убийцами. Пытается добыть у них информацию, уговорить признаться. А что, если одному из них птичка на ушко прошебечет о том, что, пока он сидит за решеткой, доктор Мэллой пристает к его жене?

– Ты совсем сбрендил.

– Ведь именно так твой папаша поступил со своим лучшим другом Джеком Доннером. Он переспал с Пэрис Гибсон, когда та была невестой Джека.

На это у Гэвина не нашлось остроумного ответа.

– Кто это говорит? – выпалил он.

– Кертис, например. И любой, у кого хватит ума сложить два и два. Твой папенька трахнул невесту своего лучшего друга, и из-за этого Джек Доннер попытался совершить самоубийство. И это ему удалось.

– Ты все придумал.

– Не веришь мне, спроси папулю. – Рондо прищелкнул

языком. – Некрасивая история, правда? Но она только подольет масла в огонь, если я пущу слушок среди заключенных, что доктору Мэллою, несмотря на все его дружелюбие и отеческую заботу по отношению к ним, доверять нельзя, потому что он падок на одиноких и слабых женщин. Ты понял, к чему я клоню, Гэвин? Копы частенько подставляют друг друга. Все мы обычные люди. У нас есть враги и среди своих. Такое случается. – Рондо пожал плечами. – Твой папаша ни о чем не узнает, но он умрет, а ты останешься сиротой.

Страх сдавил сердце Гэвина.

– Убирайся вон, – пробормотал он.

Без видимой спешки Рондо оттолкнулся от косяка.

– Ладно, пока я ухожу. Но я настоятельно рекомендую тебе подумать о том, что я сказал. Ты ничто. Ты собачье дерьмо на моем ботинке, ты не стоишь того, чтобы я тратил на тебя время и силы. Но если ты на меня наступишь, – он больно ткнул Гэвина в грудь костяшкой согнутого указательного пальца, – Мэллою можно будет заказывать венки.

Пэрис медленно открыла глаза, но, увидев Дина, сидящего на краю ее постели, она тут же села.

– Что случилось?

– Ничего нового. Я не хотел тебя напугать.

У нее отлегло от сердца. Слава богу, плохих новостей не было. Но сердце встревоженно билось от испытанного страха и оттого, что Дин сидел на ее кровати. Не успев толком

перевести дух, она спросила:

– Как диван?

– Короткий.

– Ты вообще-то спал?

– Немного. Большую часть времени я работал, кое-что записывал по делу Валентино.

Накануне Пэрис страшно устала, но сразу заснуть не смогла, так как помнила о том, что Дин спит в соседней комнате. Это осталось у нее в подсознании и помешало хорошо выспаться.

– Неплохо было бы выпить кофе, – сказала она.

Дин кивнул, но не шевельнулся. Пэрис тоже осталась сидеть. Молчание затягивалось, а они все смотрели друг на друга. Их разделяло совсем небольшое расстояние.

– Значит, мне все-таки следовало запереть дверь спальни? – еле слышно спросила она.

– Несомненно. Как выяснилось, я не способен держаться от тебя подальше.

Они потянулись навстречу друг другу, но, прежде чем их губы встретились, она сказала:

– А как же Лиза?

– Забудь о ней. —Но...

– Поверь мне, Пэрис.

И она поверила ему, отдаваясь всем существом его поцелую, неукрощенному, властному, восхитительному поцелую. Она ладонью погладила его щеку, заросшую щетиной,

требуя большей близости. Он отбросил в сторону покрывало и простыни, опустился вместе с ней на подушки, лежа совсем близко от нее.

Он чуть отодвинулся, чтобы посмотреть на нее, любуясь ее совершенно обыкновенным топом и боксерскими шортами.

– Шикарное ночное белье.

– Оно предназначено, чтобы воспалять мужчин, – сумела пошутить Пэрис.

– Удалось, – прорычал Дин, касаясь ее бедра.

Она разгладила его брови, провела по прямой линии носа, обвела контур губ, коснулась ямки на подбородке.

– Ты поседел, – заметила она.

– А твои волосы стали короче.

– Думаю, мы оба изменились.

– Что-то изменилось. – Он посмотрел на ее грудь и начал ласкать ее через топ, сосок напрягся. – Но только не это. Это я помню.

Он снова поцеловал ее, еще более требовательно. Рука Дина крепко обняла Пэрис.

Волна жара охватила низ ее живота, растекаясь по бедрам. Прошли годы с тех пор, как она испытывала такую жгучую потребность в мужчине. Пэрис вздохнула от радости, испытывав это снова, и застонала, требуя исполнения своего желания.

– Мы слишком долго ждали, – заметил Дин, перекатыва-

ьясь на спину, но только затем, чтобы расстегнуть брюки. – Чертовски долго.

Им пришлось подождать еще. Телефон Пэрис зазвонил.

Оба застыли. Их глаза встретились, они молчали, понимая, что она должна ответить. Слишком многое было поставлено на карту. Дин упал на спину, и его ругательства устремились к ни в чем не повинному потолку.

Пэрис откинула с лица спутанные волосы и потянулась за трубкой радиотелефона, стоявшего на ночном столике.

– Алло? – Одними губами она сообщила Дину, что звонит Кертис. – Нет... Нет, я не спала. Есть новости?

– В некотором роде, – резко ответил детектив. – Это не касается напрямую Валентино или Джейни. Брэдли Армстронг и Лэнси Фишер все еще гуляют на свободе. Но я ищу Мэллоя. Насколько я понимаю, он у вас.

Испытывая некоторую неловкость, Пэрис ответила:

– Минутку, я сейчас передам ему трубку.

Она прикрыла микрофон рукой и передала трубку Мэллою. На его вопросительный взгляд она только пожала плечами.

– Кертис ничего не сказал.

Дин взял трубку, коротко поздоровался с детективом. Пэрис встала и ушла в ванную, закрыв за собой дверь. Она быстро приняла душ, надела халат и вернулась в спальню. Дина не было, трубка лежала на базе.

Пэрис услышала какие-то звуки в кухне и отправилась ту-

да. Дин насыпал кофе в фильтр кофеварки. Услышав ее шаги, он обернулся и втянул носом воздух:

– Как ты хорошо пахнешь.

– Что понадобилось сержанту Кертису?

– Кофе будет готов через несколько минут. — Дин?

– Гэвин сказал ему, что я у тебя. Он звонил мне домой, потому что не мог дозвониться на сотовый. Когда я утром заезжал к Лизе...

– Ты заезжал к Лизе сегодня утром?

– На рассвете. Я выключил сотовый, а потом забыл включить. Я не хотел, чтобы нашему с ней разговору помешали. Это была простая вежливость по отношению к Лизе. Я должен был ей кое-что сообщить.

Пэрис молчала, но на языке вертелось множество вопросов. Дин спокойно взял две кружки из сушилки и только потом повернулся к ней:

– Я должен был сказать ей, что мы больше не будем встречаться.

Пэрис ахнула:

– Лиза расстроилась?

– Немного. Но не была удивлена. Она чувствовала приближение развязки.

– О!

Дин словно прочел ее мысли, потому что тут же добавил:

– Не вини себя за наш разрыв, Пэрис. Это произошло бы в любом случае.

– А как ты?

– У меня отлегло от сердца. Продолжать отношения было несправедливо по отношению к Лизе.

Кофеварка забулькала, давая понять, что кофе почти готов. Пэрис сменила тему разговора. Она подошла к холодильнику, чтобы достать пакет сока, и спросила:

– Зачем звонил Кертис?

– Только чтобы сообщить мне об изменении моего статуса.

– В деле Валентино?

– Нет, в управления полиции Остина. Меня отстранили на неопределенное время.

– Привет, мама, это Лэнси.

– Господи, который час?

– Почти девять утра.

Накануне вечером Лэнси вернулся в городок и припарковался через два ряда от материнского трейлера. Рискую нарваться на голосистых собак и любопытных соседей, всегда готовых задавать вопросы, он ужом пробрался поближе к жилию матери.

Его поведение могло бы показаться несколько театральным, но он оказался прав, приняв меры предосторожности. Лэнси сразу же заметил полицейскую машину без опознавательных знаков. Она стояла ярдах в тридцати от дома его матери. Тому, кто сидел в незаметном седане, была отлично видна входная дверь. Очень хорошо, что Лэнси успел побывать в этом свинарнике и захватил денежки.

Он вернулся в свою машину и поехал обратно в Остин, потому что не знал, куда еще ехать. Фишер позвонил соседу Рику, которому мог доверять, как и всем своим весьма немногочисленным друзьям. Сосед подтвердил его подозрения. Полиция обыскала квартиру Лэнси.

– Я видел, как они выносили коробки, – доложил Рик. Там наверняка были кассеты с записями программы Пэрис Гибсон. Вот дерьмо!

– Где ты? – буркнула мать.

Не отвечая на ее вопрос, Лэнси спросил:

– Копы тебя навещали?

– Заходил парень по имени Кертис. Из Остина.

– Что ты ему сказала?

– Ничего, – пробурчала миссис Фишер. – Потому что я ничего не знаю.

– Он обыскал трейлер?

– Совал нос во все щели. Нашел твои носки.

– Он унес их с собой?

– Зачем ему твои грязные носки?

– Подойди к окну и посмотри налево.

– Я лежу в кровати, – заныла она.

– Пожалуйста, мама. Сделай мне такое одолжение. Посмотри, стоит ли там темная машина.

Кейт Фишер вздыхала и ругалась, но все-таки встала. Лэнси догадался об этом, когда трубка ударилась обо что-то, скорее всего о столик у ее кровати. Мать долго не возвращалась. Потом в трубке раздался ее свистящий голос:

– Она там.

– Спасибо, мама. Я перезвоню тебе позже.

– Не вздумай свалить мне на голову свои неприятности, Лэнси Рэй. Ты понял меня, парень?

– Как не понять.

Лэнси повесил заляпанную жиром трубку телефона-автомата. Сунув руки в карманы и ссутулившись, он шел меж-

ду домиками мотеля. Из-под низко надвинутой бейсболки Лэнси смотрел по сторонам, в любую минуту ожидая увидеть патрульные машины, услышать визг тормозов и суровый оклик, приказывающий ему стоять на месте.

Выяснив, что у матери спрятаться не удастся, Лэнси вернулся в свою тайную квартиру, чтобы переночевать. Сначала он просто проехал мимо, проверяя, нет ли полиции. Патрульных машин не оказалось ни на парковке напротив, ни на соседних улицах.

Ему удалось войти так, что его никто не видел, но убежище нельзя было назвать комфортабельным. Здесь воняло, было грязно. Он и сам чувствовал себя грязным.

Лэнси не спал всю ночь, которая показалась ему вечностью.

– На этот раз, Лэнси Рэй, ты облажался по полной программе. Ты попался, – пробормотал он себе под нос, открывая дверь в свою нору и сразу ощущая себя загнанным зверем.

Кертис удобно положил ноги в ковбойских сапогах ручной работы на свой стол. Он мрачно уставился на узкий носок одного из них. Вдруг рядом с его ногами на стол приземлился пущенный меткой рукой блокнот. Сержант повернул голову и увидел Пэрис Гибсон. Хотя она не сняла солнечные очки, он все равно понял по ее виду, что женщина очень волнуется.

– Доброе утро, – поздоровался он.

– Вы собираетесь раболепствовать перед этим самолюбивым дураком? – спросила она сердито.

Сержант снял ноги со стола и жестом предложил ей сесть. Пэрис осталась стоять.

– Этот дурак – влиятельный судья штата, – ответил ей Кертис.

– И управление полиции у него в кармане, – уточнила Пэрис.

– Не я принимал решение об отстранении Мэллоя. Я бы не мог этого сделать, даже если бы захотел. Он выше меня по званию. Я только сообщил ему об этом.

– Тогда позвольте мне выразиться иначе. – Пэрис говорила, еле сдерживаясь. – Все бесхребетные полицейские города в кармане у судьи Кемпа.

Смирившись с оскорблением, Кертис принялся излагать суть дела:

– Судья отправился со своей жалобой прямо наверх. После того как они с миссис Кемп услышали вчера вашу передачу, где вы говорили об их дочери, он пришел в ярость. Во всяком случае, мне так сообщили. Кемп позвонил начальнику управления домой, вытащил его из постели и потребовал уволить Мэллоя за публичное оскорбление его дочери, за то, что он вывалял в грязи имя семьи Кемп и сделал достоянием гласности деликатную семейную ситуацию, в которой требовалось разобраться в узком кругу. Кемп также упомина-

нул о конфликте интересов, раз Гэвина Мэллоя допрашивали именно по этому делу.

– Откуда он об этом узнал?

– У него есть агенты внутри управления. Как бы там ни было, судья пригрозил возбудить иск против всех, если Мэллой не будет не только отстранен от дела, но и уволен из управления полиции. Начальник управления не согласился зайти так далеко, но решил отстранить Мэллоя, пока все немного не уляжется.

– Просто для того, чтобы успокоить судью Кемпа, – подытожила Пэрис.

Кертис в ответ лишь пожал плечами.

– Я получил распоряжение начальника сегодня утром на рассвете. Он попросил – вернее, приказал – известить Мэллоя об отстранении, раз это я привлек его к работе над этим делом. Полагаю, это было моим наказанием.

– Вчера вечером мы говорили о Джейни только хорошее, – возразила Пэрис. – Более того, я намеренно не упоминала о ее плохой репутации, о «Секс-клубе» и тому подобных вещах. Мы пытались заставить Валентино понять, что он имеет дело с человеком, что Джейни невинная жертва, ее любят друзья и родные.

– Вы не забыли, что Кемпы вообще не хотели придавать дело огласке? Они просили не упоминать об исчезновении дочери. Так что ваше выступление на радио по совету штатного полицейского психолога и ваш рассказ о ней выглядели

как пренебрежение их пожеланиями.

– Дин говорил мне, что вам идея очень понравилась.

– Представьте, я подтвердил это начальнику полиции.

– Тогда почему судья не потребовал уволить и вас тоже?

– Потому что он не законченный идиот и не хочет восстанавливать против себя VGe управление полиции. Он знает, что у меня здесь много друзей. Мэллой в управлении недавно и еще не успел заслужить такую преданность коллег. Кстати, судья Кемп решил добаться и до вас тоже. Ведь вы были в его доме при нашем первом визите. У него просто кишка тонка критиковать вас публично, потому что он знает о вашей популярности. Это будет плохой рекламой перед выборами, если он начнет чернить Пэрис Гибсон.

– Так что Дин оказался козлом отпущения, – констатировала Пэрис. – Новость о его отстранении уже известна за пределами управления?

– Понятия не имею. Если об этом станет известно прессе, можете не сомневаться, Кемп этим воспользуется.

Пэрис села, но не потому, что ее огорошило это известие. Кертис понял это по решительному выражению ее лица, когда она подалась к нему и сказала, глядя прямо ему в глаза:

– Вы сейчас же отправитесь к вашему начальнику и скажете ему, что я настаиваю на том, чтобы он отменил свое решение об отстранении Дина. Немедленно. Более того, если об этом сообщат в новостях, я сегодня же вечером в своей программе буду говорить о том, что городская полиция

обслуживает интересы политических деятелей. Я расскажу всем о полицейских, получавших вознаграждение за то, что не арестовывали тех, кого следовало бы, и о непристойном благорасположении полиции к богатым и влиятельным. За четыре часа я могу принести немалый вред. Такое не под силу даже судье Кемпу. Несмотря на всю его напыщенность, я сомневаюсь, что многие вообще о нем слышали. Зато у меня тысячи преданных слушателей. Как вы думаете, чье влияние сильнее, сержант Кертис?

– Ваша программа не политическая, а музыкальная, развлекательная. Вы никогда не использовали ее как импровизированную трибуну.

– Сегодня вечером я это сделаю, – твердо сказала Пэрис.

– А завтра Уилкинс Криншоу вас уволит.

– И я получу еще больше сочувствия и поддержки. В газетах и на телевидении начнется такой пожар, что дыма хватит надолго. Управлению полиции Остина придется здорово постараться, чтобы вернуть доверие горожан.

За затемненными линзами Кертис едва различал глаза Пэрис, но и того, что он увидел, оказалось достаточно. Молодая женщина смотрела на него не мигая. Она совершенно серьезно намеревалась поступить именно так, как обещала.

– Если бы решение зависело от меня... – Кертис беспомощно развел руками. – Начальник управления может не согласиться.

– Если он откажется, я созову пресс-конференцию. К по-

лудню я буду на телевидении. Я уже вижу заголовки. «Пэ-рис Гибсон встречается с публикой», «Впервые на телевидении после семилетнего перерыва», «Лицо, которое мы знали только по голосу». Какая реклама!

Кертис легко представил себе это.

– История Мэллоя могла уже просочиться в прессу, – сказал он.

– Тогда вашему начальнику придется выпустить пресс-релиз, объясняющий, что все это результат ошибки плохо информированного человека, горевшего желанием прославиться, и так далее, и тому подобное.

– Это Мэллой прислал вас заступиться за него? – Пэрис не опустила до ответа на такое, и Кертис не мог упрекнуть ее. Мэллой никогда бы не послал вместо себя женщину. Сержант всего лишь попытался отвлечь Пэрис, потому что у него не нашлось необходимых аргументов для спора с ней. – Ладно, посмотрю, что смогу сделать.

– Возьмите это с собой. – Пэрис подтолкнула к нему блокнот.

– Что это?

– Над этим Дин работал прошлой ночью. Он почти не спал, определяя психологический портрет насильника и похитителя, пока судья плел интриги, чтобы дискредитировать Дина и уволить его. Это весьма занимательное чтение. Ваш шеф поймет, насколько ему повезло, что такой специалист работает в его ведомстве, и какую ужасную ошибку он допу-

стил, когда решил отстранить его от дела. Разумеется, Дин может послать вас ко всем чертям, и я бы его поняла. Но, может быть, вам все-таки повезет, и он согласится вернуться на работу.

– Вы настолько уверены в нашей сговорчивости?

– Я уверена только в одном. Люди становятся очень мудрыми, когда речь идет об их собственной заднице.

– Я подумаю и перезвоню. – Дин нажал кнопку своего сотового телефона. – А пока идите к такой-то матери, – добавил он сквозь зубы. – Заметив удивленный взгляд Гэвина, он хмыкнул: – Ваше поколение это выражение не употребляет.

Они завтракали в кофейне, когда позвонил начальник полиции и аннулировал свое предыдущее решение.

– Еще утром он был готов меня уволить, – объяснил Дин сыну, снова принимаясь за омлет. – А теперь я замечательное приобретение нашего управления, великолепный психолог и отлично натренированный сотрудник полиции. Нечто вроде Зигмунда Фрейда и Дика Трейси в одном лице.

– Он так сказал?

– Звучало почти так же смехотворно.

– Если ты снова будешь заниматься этим делом, разве отец Джейни не выйдет из себя? – осторожно спросил Гэвин.

– Я не знаю, как управление будет договариваться с судьей, и меня это не интересует, – отмахнулся Дин.

– А ты хочешь и дальше здесь работать?

– Ты хочешь, чтобы я остался? —Я?

– Тебе нравится в этом городе, Гэвин?

– А это имеет значение? —Да.

Гэвин поболтал соломинкой в своем молочном коктейле.

– Думаю, тут ничего. Ну, то есть, я хотел сказать, неплохо.

Дин понял, что это максимально высокая оценка, на которую можно рассчитывать.

– Мне неприятно бросать эту работу, не довел дело до конца, – признался Дин. – Думаю, я могу сделать еще много хорошего. Остин – интересный город. Мне нравится его энергетика. Отличная музыка, хорошая еда, приятный климат. Но мне хочется, чтобы ты жил вместе со мной. Я не хочу, чтобы ты уезжал. Так что не могли бы мы заключить с тобой сделку?

Гэвин устало посмотрел на отца:

– Что еще за сделка?

– Если я буду продолжать работать, то не согласился бы ты продолжать учебу? Я имею в виду не просто посещать занятия, а по-настоящему учиться, завести приятелей, участвовать в общественной жизни. Тебе придется приложить столько же усилий в школе, сколько мне на службе. Мы с тобой договорились?

– Я могу получить назад мой компьютер?

– Если я буду иметь к нему постоянный доступ. С этого момента я буду следить, сколько времени ты за ним проводишь и как ты его используешь. Это не обсуждается. Еще

одно условие. Ты должен заняться спортом или как-то иначе участвовать в жизни школы. Ты можешь играть хоть в крокет, мне все равно, только бы ты не проводил все свободное время в своей комнате и не слонялся по улицам.

Гэвин быстро взглянул на отца через стол и снова уткнулся в свою тарелку.

– Я думал, не заняться ли мне баскетболом.

Дину было приятно это слышать, но он не хотел реагировать чересчур бурно и этим отпугнуть сына.

– У нас за домом есть отличная площадка, можно там установить корзину. Ты мог бы потренироваться и отработать броски. Как думаешь?

– Было бы здорово.

– Ладно, договорились. Мы друг друга понимаем. И еще, чтобы ты знал, я порвал с Лизой.

Гэвин резко поднял голову.

– Порвал?

– Сегодня рано утром.

– Это несколько неожиданно, – пробурчал Гэвин.

– Честно говоря, я уже давно подумывал об этом. Гэвин снова принялся вертеть соломинку.

– У вас ничего не вышло из-за меня? Потому что я живу у тебя? – спросил он.

– Я просто не любил ее так сильно, как следовало бы, – признался он.

– Ты не хочешь совершать одну и ту же ошибку дважды.

Дину стало больно оттого, что его сын воспринимает их брак с Патрисией как ошибку, хотя он и был совершенно прав.

– Думаю, можно сказать и так, – кивнул он. Гэвин обдумал его слова.

– А Пэрис сыграла в этом какую-то роль?

– Огромную.

– Ага, я так и думал.

– Ну и как тебе это?

– Она классная. – Гэвин вытащил соломинку из стакана и принялся крутить и складывать ее. – Ты спал с ней, когда она была помолвлена с Джеком?

– Что?! – Дин чуть не упал со стула.

– Хочешь, чтобы я повторил?

– Это очень личный вопрос.

– Значит, спал.

– Это значит, что я не буду обсуждать свои действия с тобой.

Гэвин выпрямился и обиженно посмотрел на Дина.

– Выходит, ты можешь вмешиваться в мою сексуальную жизнь, и ничего? Я обязан говорить тебе, что я делал и с кем.

– Я твой отец, и ты несовершеннолетний. – Дин повысил голос.

– Но это все равно нечестно.

– Честно или нечестно... Черт! – Дин выругался, когда его сотовый зазвонил снова.

Он проверил, кто звонит, увидел номер Кертиса и решил

было не отвечать. Но Гэвин уже забился в угол диванчика и угрюмо смотрел в окно. Дальше, скорее всего, говорить будет только Дин. Он ответил после четвертого звонка:

– Мэллой.

– Вы говорили с начальником? – поинтересовался Кертис. — Да.

– Вы остаетесь?

Хотя Дин уже принял решение, он не собирался вилять перед ними хвостом от радости.

– Я думаю об этом.

– Надумали вы или нет, вы мне все равно нужны здесь.

– Я завтракаю с Гэвином.

– Возьмите его с собой.

У Дина оборвалось сердце.

– Зачем? Что случилось?

– Чем быстрее вы приедете, тем лучше. У меня плохие новости.

Кертис не стал ходить вокруг да около.

– Ваш друг Валентино несколько поторопился. Тело Джейни Кемп обнаружили полчаса назад в озере Трэвис.

Дин инстинктивно схватил Пэрис за руку и сжал ее пальцы. Он удивился, когда увидел ее в кабинете Кертиса. Она сказала, что ее тоже вызвали, не дав никаких объяснений.

Кертис пришел через несколько минут. Он попросил Гэвина подождать в одной из комнат для допросов в компа-

нии другого детектива. Когда сын ушел, у Дина засосало под ложечкой от неприятных предчувствий. И как оказалось, не зря.

Джейни Кемп была мертва.

– Два рыбака обнаружили ее обнаженный труп под корнями кипарисов. Меня немедленно вызвали. Хотя ее еще не опознали официально, это, несомненно, она. Сейчас эксперты прочесывают место преступления. Надеются что-то найти. Она выглядит ужасно. – Кертис тяжело вздохнул. – Синяки и кровоподтеки на лице, на шее, на теле, на конечностях. И еще следы укусов... – Он покосился на Пэрис. – В некоторых местах.

– Как она умерла? – спросил Дин.

– Мы узнаем это только после вскрытия. Эксперты считают, что она провела в воде не больше шести-семи часов. Вероятно, ее бросили в озеро прошлой ночью.

– Но если предположить?

– Видимо, ее задушили, как и Мэдди Робинсон. Синяки на шее Джейни похожи на следы на шее Мэдди. С другой стороны, эти два преступления могут быть не связаны между собой.

– Сексуальное насилие?

– Эксперты определяют и это. Но если опять же предположить, то я бы сказал, что оно имело место.

Они сидели молча, пока Пэрис не спросила:

– Кемпам сообщили?

– Вот поэтому я и задержался. Я заезжал к ним домой. Судья все еще кипятился по поводу того, что начальник полиции изменил свое решение, и подумал, что я явился с извинениями. Когда я сказал им о теле, миссис Кемп разрыдалась и не позволила мужу себя утешить. Они винили друг друга, кричали, осыпали друг друга оскорблениями. Неприятная сцена. Когда я уходил, они никак не могли угомониться. Через час я встречаюсь с ними в морге, чтобы провести официальное опознание, и мне этого совсем не хочется. – Кертис довольно долго смотрел в пространство, потом добавил: – Мне они не нравятся, хотя, признаю, мне их жаль. Их единственную дочь мучили, потом убили. Одному богу известно, что ей пришлось испытать перед смертью. Я не могу не думать о моей дочери и о том, что бы я чувствовал, если бы кто-то похитил ее, а потом отправил в озеро на корм рыбам.

Дин уголком глаза заметил, что Пэрис прижала руку к губам, словно пытаясь сдержать захлестнувшие ее эмоции.

- Зачем вы хотели видеть Гэвина? – спросил он сержанта.
- Ваш сын согласится пройти тест на детекторе лжи?
- Неудачное время для шуток, сержант.
- Я не шучу. Мы больше не стреляем в пустоту. У меня есть труп. Я должен найти преступника.
- Вы определили на эту роль моего сына?
- Он был среди тех, кто последним видел Джейни Кемп живой.

– Если не считать того, кто похитил и убил ее. Вы проверили алиби Гэвина?

– Вы говорите о его приятелях? Да, мы с ними побеседовали.

– И что?

– Все как один утверждают, что Гэвин был с ними. Но они напились и закурились, так что их воспоминания весьма расплывчаты. Никто не смог точно назвать время, когда он к ним подошел и когда ушел.

– Вы надели на Гэвина только потому, что он единственный подозреваемый, имеющийся в вашем распоряжении, – рассердился Дин.

– К сожалению, вы правы, – печально согласился детектив. – Лэнси Фишер пока не обнаружен. Мы обыскали и его квартиру, и дом его матери. Мы оставили там наших людей. Его банковский счет оказался довольно интересным. Он выписывал чеки некоей Дорин Гиллигам, которая преподает в старших классах школы театральное мастерство и искусство речи. – Кертис многозначительно посмотрел на них. – Мисс Гиллигам подрабатывает уроками на дому. Лэнси, он же Марвин, учился у нее дикции и ораторскому искусству.

– Ораторскому искусству? – изумилась Пэрис. – Он едва рот открывал.

Кертис пожал плечами.

– Может быть, он хотел научиться менять свой голос? – предположил Дин.

– Я тоже об этом думал, – сказал Кертис.

– Он работал в телефонной компании и наверняка сумел бы переадресовать звонки. – Дин рассуждал вслух. – И он одержим Пэрис, иначе зачем ему было записывать ее программу?

– Об этом я спрошу Лэнси Фишера в первую очередь, как только его доставят сюда, – пообещал Кертис. – Теперь у нас есть тело, так что мы должны найти убийцу как можно быстрее. Больше никаких нежностей, ни с кем. Тони Армстронг мне так и не позвонила, поэтому я получил ордер на обыск ее дома. Рондо лично отвечает за обработку материалов в компьютере Брэдли Армстронга. Я думаю, что он-то нам и нужен. Его собственная жена рассказала, как он общался с несовершеннолетней. Я связался с офисом шерифа, с техасскими рейнджерами и дорожной полицией. Все полицейские в городе и его окрестностях ищут Армстронга и Лэнси Фишера. Так что мы занимаемся не только Гэвином.

– Предполагается, что теперь я должен чувствовать себя лучше? – поинтересовался Дин. – Мой сын оказался в одной компании с сексуальным извращенцем и порнозвездой. А так как вы не можете их найти, то вы требуете, чтобы Гэвин прошел проверку на детекторе лжи.

– Я не требую, я прошу, – ответил Кертис. – Так будет лучше.

Пэрис положила руку на рукав Дина.

– Возможно, тебе следует согласиться на это, Дин. Это

очистит Гэвина от подозрений.

Ему хотелось в это верить, но Гэвин явно что-то скрывал. Дин чувствовал это инстинктивно, но этого было достаточно, чтобы он боялся проверки на детекторе лжи.

Кертис, хмурясь, изучал какие-то документы в папке. Дин предполагал, что это фотографии тела Джейни Кемп.

– У нас нет против Гэвина неопровержимых улик, есть только косвенные. Вы имеете право отказаться от проверки. – Детектив поднял на Дина глаза, и тот понял, что ему бросают вызов.

– К черту все! Гэвин пройдет эту проклятую проверку.

– Пэрис, это Стэн.

– Стэн?

– Что тебя так удивило? Ты дала мне номер своего сотового несколько месяцев назад.

– Но ты никогда не звонил мне.

– Ты же предупредила, что звонить можно только в случае крайней необходимости. Я только что услышал в новостях о Джейни Кемп и решил узнать, как ты.

– Не могу даже описать, как отвратительно себя чувствую.

– Ты где сейчас?

– В полицейском участке в центре города.

– Предполагаю, что там творится. Экспертиза тела поможет уличить преступника?

– Мне жаль разочаровывать тебя, Стэн, но мне известно только, что Джейни мертва.

– Ты собираешься сегодня вечером выходить в эфир?

– А почему я не должна этого делать?

– Генеральный менеджер сообщил дяде Уилкинсу о том, что найден труп этой девушки. Они обсудили ситуацию и подумали, что при сложившихся обстоятельствах ты, возможно, захочешь взять выходной, а в эфир пойдет запись старого шоу.

– Позже я позвоню генеральному менеджеру и сама пого-

ворю с ним. Но если тебя спросят, скажи, что я буду вести программу как обычно. Валентино меня не запугает.

– Но этот парень сделал то, что обещал, Пэрис. Ты думаешь, он позвонит снова?

– Я на это надеюсь. Чем больше Валентино со мной разговаривает, тем больше у нас шансов определить, кто скрывается под этим именем.

– Очень плохо, что ты не смогла поймать его до того, как он убил Джейни Кемп. – Немного помолчав, Стэн добавил: – Не надо было мне напоминать тебе об этом, да? Я уверен, ты и без того мучаешься. Ведь это из-за тебя все началось.

– Мне пора идти, Стэн, – сказала Пэрис.

– Ты рассердилась? – виновато произнес он. – Я догадался по голосу.

– Я просто не хочу пока больше об этом говорить, ладно? Вечером увидимся.

Пэрис отключила телефон. Стэну хотелось поговорить с ней подольше, чтобы его линия оставалась занятой. Если дядя будет все время попадать на сигнал «занято», то, может быть, он прекратит свои попытки связаться с племянником.

Как только дядя Уилкинс узнал о том, что обнаружено тело Джейни Кемп, он принялся названивать племяннику через определенные промежутки времени. Криншоу-старший делал вид, что его волнует положение дел на радиостанции, но Стэн догадывался об истинной причине этих звонков. Дядя проверял его.

Не следовало Стэну признаваться, что его влечет к Пэрис. Можно подумать, что из всего их разговора в баре отеля дядя запомнил только эту информацию. Он все время вспоминал об этом.

Во время последнего разговора по телефону Уилкинс угрожающе заявил:

– Если ты совершил что-то неподобающее...

– С ней я вел себя как мальчик-алтарник, богом клянусь.

Да и как иначе мог он вести себя по отношению к Пэрис? Она не была грубой, но явно не радовалась его обществу. Иногда, даже разговаривая с ним, она выглядела озабоченной, словно думала о чем-то куда более важном и интересном, чем Стэн.

Он не сомневался, что, стоит ему позволить хотя бы малейшую вольность, Пэрис тут же поставит его на место. Она никогда не флиртовала с ним. Честно говоря, она часто смотрела вообще сквозь него. Почти как его родители, Пэрис обращалась с ним с небрежным равнодушием, что обижало еще больше, чем прямая грубость. О Стэне всегда вспоминали в последнюю очередь.

Таким образом, шансы на роман с Пэрис всегда равнялись нулю, но после появления Дина Мэллоя Стэн сам оценивал их со знаком минус. Этот психолог был заносчивым сукиным сыном, уверенным в себе и своей неотразимости для противоположного пола. Ему бы никогда не пришлось принуждать секретаршу к тому, чтобы она задрала юбку, или умолять

пришедшую на свидание девушку сделать ему минет.

Это факт, подтвержденный жизнью: таким, как Мэллой, все дается легко.

И еще один факт: таких женщин, как Пэрис, привлекают именно такие мужчины, как Мэллой.

Такие люди, как Пэрис и Мэллой, не знают, что испытывает человек, когда его отвергают. Им никогда не приходит в голову, что любовь и нежность не даются другим как нечто само собой разумеющееся. Такие люди сияют, словно небольшие яркие планеты, не подозревая о том, каково приходится тем, кто обречен вращаться вокруг них. Откуда им знать, как добиваются такого обожания, которое они принимают как должное.

И правда, откуда?

Гэвин так низко опустил голову, что его подбородок почти упирался в грудь.

– В озере?

– Тело Джейни перевезли в морг. Там проведут вскрытие, чтобы определить причину смерти.

Гэвин посмотрел на отца. Услышав известие о смерти Джейни, он побледнел и с трудом сглотнул.

– Папа, я... Ты должен поверить мне, я этого не делал.

– Я верю тебе. Но я не сомневаюсь, что ты что-то от меня скрываешь.

Гэвин покачал головой.

– Что бы это ни было, может быть, будет лучше, если ты расскажешь мне, чем твой обман раскроется на детекторе лжи. Чего, по-твоему, я не должен знать?

– Ничего.

– Это неправда, Гэвин, – устало произнес Дин. Парень вскочил, его кулаки сжались.

– Ты не имеешь права никого обвинять во лжи! Ты самый большой лжец из всех, кого я знаю, – закричал он.

– О чем ты говоришь? Когда я лгал тебе?

– Всю мою жизнь! – Дин изумленно смотрел, как глаза сына наливаются слезами. Гэвин сердито вытер их кулаком. – Ты лгал, мама лгала. Вы говорили, что любите меня. Но я-то знаю, что это не так.

– Почему ты так говоришь, Гэвин? Почему ты думаешь, что мы не любим тебя?

– Вы не хотели меня, – выкрикнул Гэвин. – Ты случайно сделал ей ребенка, ведь так? Только поэтому вы и поженились. Почему вы просто не избавились от меня и заодно от хлопот обо мне?

Дин и Патрисия никогда не обсуждали, что именно они скажут Гэвину, если он станет задавать вопросы. Наверное, им следовало договориться, изобрести какую-то версию и придерживаться ее. Дин не мог в данный момент посоветоваться Патрисией. Он остался один на один с мучительными расспросами сына. Несмотря на то что его рассказ мог поставить и Патрисию, и его самого в неудобное положение,

Дин решил, что Гэвин заслуживает правды.

– Я отвечу на все твои вопросы, но только в том случае, если ты сядешь, успокоишься и перестанешь смотреть на меня так, будто готов перегрызть мне глотку.

Гэвин замялся, обдумывая, как поступить, но потом все же плюхнулся обратно на стул. На его лице сохранялось воинственное выражение.

– Ты прав. Твоя мать уже была беременна, когда мы поженились. Ты был зачат после вечеринки в Новом Орлеане, устроенной в честь встречи нашего студенческого братства.

Гэвин горько рассмеялся:

– Господи, еще хуже, чем я думал. Вы хотя бы любили друг друга в колледже?

– Мы несколько раз встречались.

– Но она не была для тебя... особенной.

– Нет, – спокойно признался Дин.

– Значит, я был ошибкой.

– Гэвин...

– Почему вы не предохранялись? Напились или просто ума не хватило?

– Думаю, и того и другого понемногу. Твоя мать не принимала противозачаточные таблетки. Да и мне следовало проявить больше благоразумия.

– Готов поспорить, ты обделался от страха, когда она тебе сказала.

– Конечно, это оказалось шоком и для твоей матери, и

для меня. Она собиралась закончить колледж и найти хорошую работу. Я намеревался поступить в аспирантуру. Ее беременность стала препятствием для нас обоих, на которое никто из нас не рассчитывал в этот период жизни. Но мы даже не думали об аборте, и ты должен в это поверить, Гэвин.

Дин мог сказать по выражению лица сына, что Гэвин отчаянно хочет поверить ему, но мальчику по-прежнему трудно смириться с услышанным. Дин не мог его за это винить. Наверное, им с Патрисией надо было все объяснить Гэвину еще тогда, когда он вырос настолько, что мог понять, откуда берутся дети. Если бы они поговорили с сыном, он бы не стал сомневаться в своей значимости и не испытывал бы теперь враждебности к родителям.

– Мы не обсуждали и возможность отдать тебя на усыновление, – продолжал Дин. – С самого начала твоя мама хотела родить и воспитывать тебя. Слава богу, она не стала скрывать от меня, что я стану отцом. Когда она сообщила мне об этом, я сразу стал настаивать на том, что у ребенка должна быть моя фамилия. Я не собирался исчезнуть из твоей жизни. Хотя мы не думали заключать брак, я решил, что ты должен быть моим по закону. В конце концов твоя мама согласилась выйти за меня.

Да, мы не любили друг друга, Гэвин. Мне бы хотелось, чтобы я мог сказать тебе другое, но это было бы неправдой. А ты заслуживаешь того, чтобы слышать правду. Мы нравились друг другу. Мы были друзьями и уважали друг друга,

но не любили.

Зато мы любили тебя. Когда я впервые взял тебя на руки, я был исполнен восхищения и радости. Твоя мать чувствовала то же самое. Мы жили вместе до твоего рождения. Все это время мы пытались убедить себя и друг друга, что любовь все-таки расцветет и мы поймем, что хотим быть вместе до конца наших дней. Но ничего такого не произошло, и мы оба чувствовали это.

Мы с твоей матерью плакали в тот день, когда решили, что не можем дольше оставаться вместе. Это сделало бы троих людей несчастными и только отодвинуло неизбежное. Мы разошлись в твоих же интересах, прежде чем ты смог понять, что произошло. Когда тебе исполнилось три месяца, твоя мама подала на развод. – Дин широко развел руками. – Вот и все, Гэвин. Думаю, тебе стоит расспросить об этом маму тоже. Я понимаю, почему она не говорила с тобой об этом. Она не хотела, чтобы ты плохо о ней думал. И я этого тоже не хотел. Патрисия вовсе не была распутной девицей, не пропускавшей ни одного парня в студенческом городке. Для нас это была последняя вечеринка нашего студенческого братства, потому что мы оба заканчивали колледж. Мы как будто сошли с ума, и... это произошло.

Твоя мать пожертвовала многим, чтобы воспитывать тебя. Я знаю, что ее замужество огорчило тебя, но Патрисия не только твоя мать, она еще и женщина. И если ты по-детски боишься того, что муж займет твое место в ее сердце, то ты

ошибаешься. Поверь мне, этого не случится. Это не под силу никому.

– Да ладно, – отозвался Гэвин, упрямо глядя на свои колени. – Я же не идиот. Я знаю, что ей нужна любовь и все такое.

– Тогда, может быть, тебе стоит прекратить дуться и сказать ей об этом.

Гэвин дернул плечом, не соглашаясь с ним.

– Мне просто хотелось, чтобы ты раньше рассказал мне. Я же все равно узнал, – буркнул он.

– Раз ты все знал, значит, это никак не может повлиять на твою жизнь. Тогда почему ты сейчас используешь это как костыль?

Гэвин резко вскинул голову.

– Костыль?

– Долгий брак не всегда залог счастливой семьи. У многих детей, живущих с обоими родителями, детство ужасное, совсем не такое, какое было у тебя. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Ты используешь факт своего случайного зачатия как оправдание своего безобразного поведения. Это трусость. Мы с твоей матерью обычные люди. Мы были молоды, нетерпеливы и совершили ошибку. Но не пора ли тебе перестать оплакивать нашу ошибку и взять на себя ответственность за свои собственные?

От гнева Гэвин покраснел. Он тяжело сопел. Но в его глазах снова заблестели слезы.

– Я люблю тебя, Гэвин. Всем моим сердцем. Я благодарен судьбе за ошибку, которую мы в ту ночь совершили с твоей матерью. Я с радостью умру за тебя. Но учти, я не собираюсь жить за тебя и вечно чувствовать себя виноватым. Обстоятельства твоего рождения – дело прошлое. – Дин подвинул стул ближе к сыну и твердо положил руку ему на плечо. – Я говорил с тобой честно, как мужчина с мужчиной. Теперь я хочу, чтобы ты повел себя как мужчина и рассказал мне то, о чем я еще не знаю.

– Не о чем мне рассказывать.

– Глупости. Ты что-то от меня скрываешь.

– Ничего я не скрываю.

– Ты лжешь.

– Отстань же ты от меня, наконец!

– Не отстану, пока ты мне не расскажешь.

Дин видел, что его сын борется со своим страхом и, вероятно, с угрызениями совести. Гэвин неожиданно выпалил:

– Ладно, раз ты так хочешь. Я был с Джейни в ее машине в тот вечер!

Пэрис посмотрела на часы. Она ждала уже долго. Адвокат Дина, которого она видела накануне, давно приехал. Он скрылся за дверью в отделе расследований. Больше она не знала ничего. Что там происходит? Гэвин проходит проверку на детекторе лжи или еще нет?

Она ужасно хотела спать. Пэрис прислонилась головой к

стене над диванчиком и закрыла глаза. Сон не шел. Страшные мысли толклись в голове. Джейни Кемп мертва. Больной извращенец убил ее. Пэрис чувствовала себя виноватой.

Как Стэн бестактно напомнил ей, поводом для поступка Валентино стал совет, который Пэрис дала Джейни. Если бы она не выпустила звонок в эфир, Валентино никогда бы его не услышал.

Но, к несчастью, он его услышал. А когда он угрожал Джейни, могла ли Пэрис сделать что-то иначе? Что она могла сказать, чтобы удержать Валентино от последнего шага?

– Мисс Гибсон?

Пэрис открыла глаза. Перед ней стояла женщина очень маленького роста. Она была в отчаянии. Ее лицо, при обычных обстоятельствах наверняка очень хорошенькое, казалось неживым. Она мертвой хваткой вцепилась в свою сумочку. Кожа на костяшках пальцев натянулась, побелела и, казалось, вот-вот порвется. Тревога превратила ее из грациозной в хрупкую. Хотя она старалась держаться храбро, выглядела она такой же стойкой, как пушистый одуванчик.

Пэрис сочувственно улыбнулась.

– Да, я Пэрис Гибсон.

– Я так и подумала. Можно мне присесть?

– Разумеется. – Пэрис подвинулась, женщина села. – Простите, но я... Мы встречались?

– Меня зовут Тони Армстронг. Миссис Брэдли Армстронг.

Пэрис сразу же вспомнила фамилию и поняла, почему женщина чувствует себя так неловко.

– Тогда я знаю, почему вы здесь, миссис Армстронг, – сказала Пэрис. – Думаю, для вас это невероятно трудно. Мне бы хотелось, чтобы мы встретились при более приятных обстоятельствах.

– Спасибо. – Миссис Армстронг изо всех сил старалась держаться, чем сразу заслужила уважение Пэрис. – Когда полицейские обыскивали наш дом, они проглядели вот это. – Она достала из сумочки компакт-диск. – Раз уж они конфисковали компьютер Брэдли, я подумала, что и диск надо отдать. Вдруг на нем что-то важное.

Тут в голову Пэрис пришла неприятная мысль.

– Как вы меня узнали, миссис Армстронг?

Хотя об истории Джейни Кемп трубили все газеты и рассказывали в каждом выпуске новостей, фотографии Пэрис напечатаны не были. Телевидение ее тоже не показывало. Уилкинс Криншоу лично вмешался и надавил на средства массовой информации. Пэрис не обольщалась на этот счет. Мистер Криншоу заботился не о ней. Он хотел защитить репутацию радиостанции. Как бы там ни было, городские средства массовой информации согласились оставить Пэрис в покое. Но она не знала, насколько хватит их любезности.

Тони Армстронг нервно облизала губы и опустила голову.

– Этот диск – просто повод увидеть сержанта Кертиса. Настоящая причина в том, что я не все ему вчера рассказала. –

Пэрис промолчала, побуждая Тони продолжать. – Сержант Кертис спрашивал меня, слушает ли Брэдли радио по ночам. Я ответила, что иногда слушает. Детектив больше к этому вопросу не возвращался. Ваше имя не упоминалось, поэтому я не стала говорить, что Брэдли и я знали вас еще в Хьюстоне.

Ее глаза с мольбой смотрели на Пэрис, она словно хотела, чтобы Пэрис сама вспомнила обстоятельства знакомства и ей не пришлось бы об этом говорить.

– Простите, миссис Армстронг, но я даже не помню, чтобы мы с вами встречались.

– Мы не встречались. Вы были пациенткой доктора Бейкера.

И тут Пэрис вспомнила. Как она могла забыть фамилию Армстронг? Разумеется, она весьма распространенная. Ни Кертис, ни Дин не упоминали, что их подозреваемый Брэдли Армстронг был стоматологом.

– Ваш муж зубной врач? Тот самый? Тони Армстронг кивнула.

Пэрис судорожно вздохнула:

– Простите меня.

– Вам не за что передо мной извиняться, мисс Гибсон. Все произошло не по вашей вине. Вы поступили так, как следовало. Разумеется, Брэдли воспринял это иначе. Он сказал, что вы... флиртовали с ним, что вы спровоцировали его. – Тони грустно улыбнулась. – Мой муж всегда так говорит. Но

я ни одной минуты не верила, что вы его поощряли.

Пэрис отправилась к доктору Луису Бейкеру, чтобы поставить пломбу. Когда она пришла в клинику, ей сказали, что доктор был вынужден уехать домой. Там что-то случилось. Она могла либо прийти в другой раз, либо посетить другого стоматолога. Пэрис уже дважды откладывала визит, и раз уж она пришла, то решила пойти к другому врачу.

Она помнила Брэдли Армстронга. Приятный молодой мужчина, обаятельный. Так как ей предстояло несколько болезненных процедур, он предложил ей легкий наркоз.

Пэрис согласилась, помня о том, что «веселящий газ» быстро прекращает свое действие и что он безопасен, если применяется в условиях клиники. Ей еще должны были сделать анестезирующий укол, и она не хотела его чувствовать.

Вскоре она ощутила спокойствие и беззаботность. Это было очень приятно. Сначала она подумала, что ей показалось, будто ее грудь кто-то трогает. Ласка была такой легкой, мимолетной. Наверняка это обман чувств, вызванный состоянием эйфории.

Но когда это повторилось, Пэрис ощутила, как чужие пальцы сдавили ей сосок. Ошибки быть не могло. Она открыла глаза, стряхнула сонное состояние, сдернула маску с лица. Брэдли Армстронг улыбался ей, и его улыбка убедила Пэрис в том, что она ничего не придумала.

– Что, черт побери, вы себе позволяете?

– Не притворяйтесь, что вам не понравилось, – прошептал

дантист. – Ваш сосок вас выдает.

Пэрис пулей вылетела из стоматологического кресла, хотя и полулежала в нем, и случайно сбросила лоток с инструментами на пол. Услышав грохот, в кабинет вбежала ассистентка, которую врач отослал под каким-то предлогом.

– Что случилось, мисс Гибсон?

– Передайте доктору Бейкеру, чтобы он позвонил мне при первом же удобном случае, – сурово сказала Пэрис и выбежала из кабинета.

Встревоженный Бейкер позвонил ей вечером того же дня. Пэрис рассказала ему о том, что случилось. Когда она закончила, Бейкер грустно ответил:

– Мне стыдно в этом признаваться, но я счел ту женщину лгуньей.

– Он уже проделывал это раньше? – возмутилась Пэрис.

– Уверяю вас, мисс Гибсон, что это произошло в последний раз. Примите мои глубочайшие извинения. Я немедленно обо всем позабочусь.

Доктора Армстронга уволили. Еще несколько дней Пэрис вздрагивала от отвращения, вспоминая этот случай, но потом событие стерлось из ее памяти. Она больше не вспоминала об этом до встречи с Тони Армстронг.

– Полагаю, ваш муж считает меня виноватой в том, что его уволили.

– Да. Хотя потом ему не раз приходилось оставлять практику из-за подобных случаев, он продолжал ненавидеть вас.

Когда вы работали на телевидении в Хьюстоне, Брэдли всегда выключал телевизор, как только вы появлялись на экране. Он обзывал вас. А когда ваш жених пострадал в аварии, Брэдли заявил, что вы это заслужили.

– Он знал о Джеке и о несчастном случае?

– И о докторе Мэллоу тоже. Он намекал на любовный треугольник.

Пэрис только негромко ахнула в ответ.

– Когда мы переехали в Остин и Брэдли выяснил, что вы ведете шоу на радио, его ненависть вспыхнула с новой силой. – Миссис Армстронг опустила голову и принялась тереть ручку сумки. – Мне следовало рассказать об этом сержанту Кертису вчера, но я так боялась, что они сочтут Брэдли замешанным в этой истории с исчезновением девушки.

– Она уже нашлась. – Пэрис рассказала о том, где обнаружили труп Джейни Кемп. И Тони Армстронг расплакалась.

Всякий раз, когда дела сталкивали Джона Рондо с Дином Мэллоем, молодой полицейский был максимально любезен. Но Мэллой по-прежнему относился к нему неприязненно. Кертис заметил это. Рондо слышал, как сержант интересовался у доктора, в чем дело. Мэллой только буркнул в ответ: «Ни в чем», и Кертис не стал на него давить.

Что касается Рондо, то ему было наплевать. Пусть себе Мэллой бросает на него испепеляющие взгляды, пока ад не замерзнет. Рондо надо было подмаслить Кертиса, а не Мэллоя. У психолога звание было выше, но только детектив мог рекомендовать Рондо для работы в отделе расследований. Что же до Мэллоя-младшего, то Рондо запугал его до полусмерти, как и следовало.

Результаты проверки на детекторе лжи оказались в пользу этого парня, так что с него наверняка снимут все подозрения.

«Интересно, почему он все еще какой-то дерганый?» – думал Кертис. Парень сидел возле стола в его кабинете, ссутулившийся, напряженный. Просто комок нервов, а не человек. Он не мог усидеть спокойно. Его глаза бегали от страха. У Гэвина был такой вид, словно он развалится на части, если кто-нибудь неожиданно рявкнет у него над ухом.

Только Рондо знал, почему парень выглядит таким напу-

ганным, но он ничего рассказывать не собирался. Гэвин будет молчать. Рондо был уверен в этом. Он достаточно запугал мальчишку, чтобы тот на него не наступал. Отлично придумано: пригрозить, что возьмутся не за этого желторотика, а за его папашу. Уловка сработала.

В крошечном закутке Кертиса было полно народа. Все собрались для мозгового штурма. Разумеется, присутствовал сам Кертис, пришел Мэллой, привели Гэвина. И еще там была Пэрис Гибсон.

Рондо был рад любому поводу оказаться с ней рядом, хотя где уж ей обращать на него внимание, если перед ней все время вертелся Мэллой и повторял, пока всех не затошнило, что она может оказаться следующей жертвой Валентино.

Рондо оказался на этой встрече, потому что пришел доложить сержанту Кертису, что он обнаружил на том диске, который миссис Армстронг отдала Пэрис. Ничего особенного там не оказалось, но Рондо пользовался любой возможностью показаться детективу на глаза и увеличить свои шансы на переход в отдел расследований.

Пэрис – несознательно, разумеется, – украла его лавры. То, что Тони Армстронг скрыла от Рондо, она рассказала Пэрис, напомнив той, что доктор Армстронг лапал ее, когда лечил ей зубы.

Если бы миссис Армстронг рассказала об этом Рондо, он бы доложил об этом Кертису и добыл еще одно очко в свою пользу. Но ничего, он зарабатывает очки по-другому.

– У меня неприятное предчувствие насчет этого парня. – Кертис говорил о дантисте. – Он сегодня звонил жене? – спросил он у Пэрис.

– Миссис Армстронг говорит, что нет. Все ее попытки связаться с ним оказались безуспешными.

– Если он звонил со своего сотового, можно выяснить, откуда поступил звонок, – заметил Мэллой.

– Вот почему я уверен, что он с сотового не звонил, – вмешался Рондо, от души надеясь, что выставил Мэллоя идиотом.

У него еще болела шея от железной хватки психолога. Им с Мэллоем никогда не стать друзьями, но Рондо не считал это большой потерей.

– А вы проверяли записи в телефонной компании? – поинтересовался Мэллой.

– Мы над этим работаем, – ответил Кертис. – Армстронга не ждет ничего хорошего, если выяснится, что он неоднократно звонил на радиостанцию. – Повернувшись к Пэрис, сержант спросил: – Миссис Армстронг не узнала его голос на пленках?

– Она сейчас слушает их повторно, но я не уверена, что на ее выводы можно положиться. Женщина очень расстроена. Когда я рассказала ей о Джейни, она расплакалась. Она столько дней держалась, а теперь у нее не осталось сил.

– Вы бы узнали Брэдли Армстронга, если бы встретили его?

Пэрис нахмурилась:

– Не думаю. Это было так давно. Я видела его только один раз и находилась под воздействием наркоза.

– А фотография не поможет? – подал голос Рондо, отгесняя Мэллоя в сторону и пробираясь поближе к Пэрис.

– Может быть, – согласилась Пэрис.

Рондо достал из папки компакт-диск, который передала Тони Армстронг, и вручил его Пэрис.

– Здесь последние семейные фотографии, я принес его, чтобы вы вернули его миссис Армстронг. Но теперь снимки могут нам помочь. Вдруг они подстегнут вашу память, Пэрис. На остальных дисках, которые мы изъяли во время обыска, отсканированные фотографии из порноизданий.

– Если вы посмотрите, это не повредит, – вынес решение Кертис.

Он включил компьютер, стоящий у него на столе, и отошел в сторону, уступая место молодому полицейскому. Рондо чувствовал, что Пэрис придвинулась к нему ближе, чтобы лучше видеть экран монитора. До него донесся легкий свежий аромат, напоминающий запах молодой листвы.

Рондо вывел на экран семейные фотографии Армстронгов. Семья позировала перед аттракционом в тематическом парке. Дети и родители были в американской одежде, с широкими белозубыми улыбками, настоящая ожившая американская мечта.

Рондо повернулся к Пэрис:

– Ну как, узнаете?

Она долго изучала мужчину на фотографии.

– Честно говоря, нет. Если бы я увидела его в толпе, я бы никогда не узнала в нем зубного врача, распустившего руки. Это действительно было слишком давно.

– Ты уверена, что он не попадался тебе на глаза в последние несколько месяцев? – спросил Мэллой. – Если он ненавидел тебя так, как рассказывает миссис Армстронг, он мог преследовать тебя.

– Если я его и видела, то в памяти это не отложилось. Кертис, тоже смотревший на семейную фотографию, заметил:

– Интересно, кто их снимал?

– Вероятно, он сам, – отозвался Рондо. – Парень со скаanerом, способный сделать семейный фотоальбом на компакт-диске...

– Разберется и с новейшей фототехникой, – закончил за него Кертис. Он повернулся к Гэвину: – Джейни говорила тебе, что новый друг фотографирует ее, верно?

Паренек съезжился под всеобщим вниманием. Его левая коленка подрагивала.

– Да, сэр. Когда Джейни отдавала мне фотографию, она сказала, что взяла ее из кучи других.

– Я не помню, чтобы при обыске дома Армстронгов было обнаружено фотооборудование, – сказал Рондо. – Но оно должно быть. Некоторые снимки сделаны широкофокусным или телескопическим объективом.

– В лаборатории нашли отпечатки пальцев на той фотографии, которую девушка дала Гэвину? – задал вопрос Мэллой.

Кертис раздраженно покачал головой.

– На ней были только отпечатки Джейни и Гэвина.

– Простите, сержант Кертис! – Это Григс сунул голову-в кабинетик, прерывая разговор.

– Я поговорю с тобой через минуту, – ответил детектив.

– Как насчет местных продавцов фототоваров? – спросил Мэллой.

– Расследование еще не закончено. Чтобы проверить базу клиентов, требуется время, – буркнул Кертис.

– Но вы же не думаете, что многие имеют собственную проявочную, – настаивал Мэллой.

– Есть еще клиенты, получающие товар по почте, заказы также приходят по факсу и через Интернет. Там работы выше головы.

Григс снова прервал их:

– Сержант Кертис, это важно.

Но детектив думал сейчас только об одном.

– Пусть кто-нибудь выяснит, есть ли проявочная в доме Брэдли Армстронга. Проверьте чердак, гараж, свободную ванную, кладовку. Мне плевать, если вы будете не слишком вежливы.

Один из детективов торопливо вышел.

– Нам необходимы распечатки звонков Брэдли Армстрон-

га, и как можно скорее. Выясните, почему их до сих пор нет.

Еще один отправился выполнять задание.

– Распечатайте его фотографию отдельно, без членов семьи. Пусть ее покажут в вечерних новостях на всех телеканалах и сообщат, что Армстронга разыскивает полиция. Вы поняли? Для допроса. – Он особенно подчеркнул это слово, обращаясь к детективу, который уже забирал компакт-диск. Рондо успел вынуть его из компьютера.

– Раздайте фотографии тем полицейским, которые проверяют магазины фотопринадлежностей. Разошлите их во все подразделения, которые помогают нам в поиске.

Когда Кертис закончил раздавать поручения, Рондо извинился:

– Простите, сэр, что не распечатал фотографии заранее.

– Не имеет значения. Если бы не вы, мы бы так и не узнали, что этот Армстронг отличный фотограф. – Кертис обратился к Пэрис: – Его жена будет нашим лучшим источником информации. Вы уверены, что она станет с нами сотрудничать?

– Абсолютно уверена. Валентино он или нет, она хочет, чтобы мужа побыстрее нашли, и обещает помогать нам, как только сможет.

Кертис вызвал женщину-полицейского в штатском.

– Спросите у миссис Армстронг, кто делал семейные снимки. Не заостряйте на этом внимания, узнайте как бы между прочим.

Пока все отвлеклись, Рондо посмотрел на Гэвина и подмигнул ему. Парень одними губами ответил: «Да пошел ты». Рондо улыбнулся.

– Сержант? – Григс все никак не унимался. – Буквально два слова.

Кертис наконец обратил на него внимание:

– Что там еще?

– К вам пришли, сэр, – запинаясь, выпалил Григс. – И к мисс Гибсон.

– Кто пришел?

Григс ткнул пальцем в сторону входной двери. Кертис повернулся. Пэрис встала и тоже посмотрела в том направлении. Два патрульных офицера держали мужчину в наручниках.

– Марвин! – воскликнула Пэрис.

Лэнси Рэй Фишер сидел за столом в одной из комнат для допроса. Пэрис устроилась напротив него, а Кертис и Дин стояли по разным концам стола. Хотя больше всего на роль Валентин о подходил доктор Брэдли Армстронг, человек, известный Пэрис под именем Марвина Паттерсона, оставался в числе подозреваемых.

Он сам пришел в полицейский участок и назвал свое имя дежурному. Его сразу же узнали, надели на него наручники и препроводили на лифте на третий этаж. Лэнси не оказал никакого сопротивления. Каждый раз, когда он встречался

взглядом с Пэрис, он тут же отворачивался, словно был в чем-то виноват.

Пэрис даже удивилась, насколько привлекателен этот парень без мешковатого комбинезона и бейсбольной кепки, надетой на глаза, в которых он обычно работал. До этого ей не приходилось видеть его лицо при хорошем освещении.

– Мне потребуется адвокат? – спросил Лэнси у Кертиса.

– Не знаю. А ты сам как думаешь? – холодно ответил детектив. – Именно ты настоял на этой встрече и хотел, чтобы присутствовала Пэрис. Скажи сам, нужен тебе адвокат или нет.

– Думаю, что нет. Потому что я могу честно сказать и поклясться богом, что к похищению и убийству этой девушки я не имею ни малейшего отношения.

– Мы не обвиняли тебя в этом.

– Тогда почему ваши ребята там, внизу, набросились на меня и надели вот эти браслеты? – Он продемонстрировал руки в наручниках Кертису.

Но тот невозмутимо заметил:

– Неужели ты еще к ним не привык, Лэнси? Ты частенько их нашивал.

Молодой человек заерзал, признавая его правоту.

– Марвин, – обратилась к нему Пэрис, – в вашей квартире нашли записи моего шоу, множество кассет. Я бы хотела узнать, зачем они вам понадобились.

– Мое настоящее имя Лэнси.

– Простите, Лэнси. Так зачем вы коллекционировали эти пленки?

– С нашей точки зрения, это свидетельствует о навязчивом увлечении мисс Гибсон, – заметил Дин.

– Клянусь вам, это совсем не то, что вы думаете.

– А что я думаю? – спросил Дин.

– Что я храню эти записи, потому что я чудик, свихнувшийся на сексуальной почве. Это не так. Я... я изучал мисс Гибсон. – Он по очереди оглядел изумленные лица своих слушателей. – Я хотел быть похожим на нее. То есть делать то, что она делает. Я хотел работать на радио.

Если бы Лэнси вдруг объявил, что хочет стать капитаном атомной подводной лодки, они бы удивились меньше. Пэрис первая пришла в себя.

– Вы хотите сделать карьеру в радиовещании?

– Я догадываюсь, что это кажется вам смешным, учитывая мое криминальное прошлое и все такое.

– Нет, ваша мечта не кажется мне смешной. Я просто удивлена. Когда вы решили избрать такую карьеру?

– Пару лет назад. Тогда я только что вышел из тюрьмы и слушал вашу программу каждый вечер.

– Но почему вы выбрали объектом для подражания именно Пэрис, а не кого-то другого? – спросил Дин.

– Потому что мне понравилось, как она разговаривает с людьми, – объяснил Лэнси, повернувшись к нему, и снова посмотрел на Пэрис. – Создается впечатление, что вам дей-

ствительно не наплевать на людей, которые дозвонились в студию, вас волнуют их проблемы. – С растерянным видом он добавил: – Мне сначала пришлось туго. На воле, я хочу сказать. Вы были для меня словно единственный друг.

Кертис наблюдал за ним со скептической усмешкой.

Дин тоже хмурился. Только Пэрис улыбнулась, приглашая продолжить рассказ.

– Однажды вам позвонил парень и сказал, что его выгнали с работы, а другую он найти не может. Вы тогда сказали, что ему не хватает уверенности в себе и что именно в такой момент человек должен ставить перед собой сложные задачи, стремясь к самой вершине. Я последовал совету, который вы дали тому парню. Я перестал искать грошовый заработок и устроился в телефонную компанию. Я хорошо зарабатывал, достаточно для того, чтобы брать уроки дикции, лучше одеваться, купить хорошую машину. Но я пожадничал и украл оборудование, которое можно было продать. Против меня не возбудили дело, но меня уволили.

Лэнси замолчал, словно в который раз ругал себя за столь глупый поступок. Пэрис посмотрела на Дина. Он пожал плечами, давая понять, что Лэнси может быть правдивым, как на исповеди, но вполне способен и искусно врать.

– Несколько недель я не мог найти работу, – продолжал Фишер, – и когда я увидел в газете объявление о том, что есть место уборщика на радиостанции, я не поверил своим глазам. Мне было все равно, что придется выгребать сорти-

ры... Гм, простите, мыть туалеты. Я хотел попасть на радио любым путем. Так я смог наблюдать, как вы работаете, думал, что научусь чему-нибудь.

Дома я подключил магнитофон к радиоприемнику и выставил таймер на начало вашего шоу. Днем я проигрывал запись и старался подражать вашей манере говорить. Я практиковался, старался уловить ритм и интонацию. Я снова начал брать уроки, чтобы избавиться от акцента. – Он открыто улыбнулся Пэрис. – Вы же слышите, что над этим мне еще работать и работать. Я хотел... Я должен был... Как это называется?

– Сделать себя заново? – догадалась Пэрис. Его глаза засияли.

– Ага, точно. Вот почему я пользовался другим именем. Мое имя сразу выдает то место, где я родился.

Кертис бросил на стол папку, и, когда Лэнси увидел, что это его досье, он сморщился.

– Я знаю, что за мной полно грехов, но я распрощался с той жизнью.

– У тебя слишком большой послужной список, Лэнси. Ты что, обрел господу в тюрьме или что?

– Нет, сэр, я просто не хочу быть отброшен всю оставшуюся жизнь.

Кертис хмыкнул. Слова парня его не убедили.

Лэнси посмотрел по сторонам и, видимо, понял, что его речь была воспринята весьма скептически. Он облизал губы

и голосом, полным отчаяния, сказал:

– Я бы не сделал ничего, что могло бы повредить Пэ-рис. Вы мой идол, мисс Гибсон. Я не звонил и не угрожал вам. А что до этой девушки, которую нашли мертвой, то об этом я вообще ничего не знаю.

Кертис присел на край стола и обратился к Фишеру как будто дружески:

– Тебе нравятся старшеклассницы, Лэнси Рэй?

– Простите, сэр?

– Ты ведь бросил школу в шестнадцать лет.

– Я доучился в тюрьме, сэр.

– Но школьная развеселая жизнь прошла мимо тебя. Разве ты не наверстываешь упущенное?

– Вы девушек, что ли, имеете в виду? – спросил Лэнси.

– Ну, конечно, – подтвердил Кертис. Лэнси затряс головой:

– Я не знакомлюсь с малолетками и не занимаюсь с ними сексом. У меня есть недостатки, но это вы мне не приписывайте.

– Ты любишь женщин?

– То есть предпочитаю я женщин или мужчин? Женщин, конечно.

– У тебя красивое лицо. Ты хорошо сложен. А в тюрьме так одиноко.

Лэнси судорожно дернулся, бросил быстрый взгляд на Пэ-рис и опустил голову.

– Меня оставили в покое, – пробормотал он. – Я ткнул одному... вилкой в яйца. За это мне добавили год, но больше ко мне никто не приставал.

Пэрис стало неловко за него. Она надеялась, что Кертис не будет больше задавать вопросов, но боялась вмешиваться. Детектив мог просто выставить ее за дверь, и тогда она больше ничего не услышит. А ей очень хотелось послушать.

– Вчера я виделся с твоей матерью, – сообщил Кертис. Лэнси посмотрел ему прямо в глаза:

– Она просто корова.

– Вот оно как! Вы слышали это, доктор Мэллой? Разве это не похоже на латентную враждебность к особи женского пола? Ненависть...

– Я не люблю мою мать, – горячо заговорил Лэнси. – Но это никак не влияет на мою сексуальную жизнь. Если бы она была вашей матерью, вы бы ее любили?

Но Кертис не собирался оставлять его в покое.

– У тебя есть подружка?

– Нет. – Лэнси все больше мрачнел.

– А ты хочешь ее иметь? – наседал Кэртис.

– Иногда.

– Иногда, – повторил Кертис. – И когда у тебя возникает желание пообщаться с девушкой, что ты делаешь?

– Что вы имеете в виду?

– Да ладно тебе, Лэнси Рэй. – Кертис постучал пальцем по папке с его делом. – Тебя посадили за изнасилование.

– Не было никакого изнасилования. На меня наклепали.

– Все насильники так говорят.

– Тот парень, Гарри...

– Который снимал порнографические фильмы, – закончил за него фразу Кэртис.

– Точно. Мы снимали порнушку у него в гараже. Он разозлился, когда его девушка положила глаз на меня. Вы понимаете, мы это... трахались, когда работала камера, а вне работы ни-ни. Ну, в общем, мы с ним сцепились и...

– Ты его здорово порезал.

– Это была самозащита.

– Присяжные тебе не поверили, и я тоже не верю, – заявил Кэртис. – Когда ты разделался с ним, ты набросился на девушку.

– Нет, сэр!

Лэнси отрицал свою вину с таким жаром и искренностью, что Пэрис просто чувствовала, что он говорит правду.

– Это все Гарри, сэр. Он с ней все это вытворял. Все, что описано в протоколе, все это сделал Гарри.

– Образцы, взятые на месте преступления, совпали с твоей ДНК.

– Потому что мы с ней были вместе в тот же день, не раньше. Гарри нас застукал, вот почему началась драка.

– Его показания под присягой подтвердила и сама девушка, и еще два оператора.

– Они же наркоманы. Гарри накачал их наркотиками.

Я не мог их переманить на свою сторону, я мог только говорить правду.

– Почему мы должны поверить в твою версию событий, Лэнси? – спросил Дин.

– Потому что я совершал другие преступления. Я много чего натворил, но никогда не ударил женщину.

Пэрис подалась вперед:

– Почему вы убежали, когда вам позвонили полицейские и предупредили, что хотят задать вам несколько вопросов? Почему вы не захотели рассказать им все то, что вы рассказали сейчас нам?

Лэнси тяжело вздохнул, поднял скованные руки, потер лоб.

– Я испугался. Я же сидел. А это автоматически делает меня подозреваемым. И потом, я знал, что если в моей квартире найдут записи с вашим шоу, то меня точно упрячут.

– Тогда почему вы не взяли кассеты с собой? Он застенчиво улыбнулся:

– Потому что я дурак. Я перепугался насмерть и быстро смылся. Забыл о них. Наверное, потерял нюх. Очень надеюсь, что потерял.

Пэрис нравилась его манера поведения. Но Кертиса парень явно не очаровал.

– Если бы вы признались в этом позавчера, мы бы скорее поверили вам.

Лэнси посмотрел на Пэрис и серьезно сказал:

– Я говорю правду. Мне ничего не известно ни об этом Валентино, ни о телефонных звонках. О Джейни Кемп я услышал только в новостях. Единственное, в чем я виноват, так это в том, что учился делать то, чего мне хотелось.

– Вы несколько месяцев работали на радиостанции, – мягко сказала Пэрис, – но вы ни разу не заговорили со мной. Почему вы не подошли ко мне и не рассказали о вашей мечте? Не попросили помощи или совета?

– Вы что, шутите? – воскликнул Лэнси. – Вы же звезда. А я парень с мусорным ведром и шваброй. Я бы никогда не решился заговорить с вами. Даже если бы я вдруг набрался смелости, вы бы меня высмеяли.

– Я бы никогда этого не сделала, – уверенно сказала Пэрис.

Он взгляделся в ее глаза за темными стеклами очков.

– Наверное, нет, теперь я это вижу.

– Где ты был все это время? – Кертис прервал эту милую беседу. – Ты не возвращался ни к матери, ни в твою квартиру.

– У меня есть... Думаю, вы это называете...

– Убежище? – подсказал Кертис. Лэнси снова растерялся.

– Да, сэр. Я дам вам адрес. Вы можете обыскать там все.

– Не сомневайся, обыщем. – Кертис подхватил Лэнси под руку и поднял его со стула. – А пока мы будем это делать, ты посидишь здесь, с нами.

Этот бар был идеальным местом, чтобы спрятаться.

Он стоял на берегу озера среди кедров и был хорошо известен лишь местным жителям. Наверняка сюда иногда забредали рыбаки, но едва ли заезжали туристы или любители гольфа из загородного клуба. Для них бар был не слиш – ком модным. Клиентура состояла в основном из строителей, ковбоев и байкеров. Служащий, «белый воротничок», чувствовал бы себя чужим в этом заведении, так что Брэдли Армстронг мог рассчитывать на то, что знакомых он не встретит.

Скорлупа от орехов хрустела под ногами, пока Брэдли шел к стойке. Помещение освещала одинокая неоновая реклама пива. Низко висящие над бильярдными столами лампы давали кое-какой дополнительный свет, но его приглушал табачный дым.

Из старенького телевизора в углу неслись песни в стиле кантри. Посетители пили пиво из бутылок, чистое виски или текилу. Именно ее заказывала девушка у стойки, когда туда подошел Брэдли.

Он сразу же узнал ее. Ее появление именно здесь было для него знаком свыше. Теперь Брэдли понял, что поступает правильно.

Перед ней стояли два пустых стаканчика из-под текилы, и Армстронг махнул бармену, чтобы тот принес еще две пор-

ции.

– Одну для меня, другую для леди с кольцом в соске. Девушка повернулась к нему:

– Откуда ты... О, привет. Мы встречались пару вечеров назад, верно?

Брэдли улыбнулся:

– Я рад, что ты помнишь.

– Ты тот парень с порножурналами, – уточнила она. Он напустил на себя обескураженный вид.

– Я-то думал, что ты запомнишь меня благодаря другим выдающимся качествам.

Она облизала верхнюю губу и хихикнула:

– Об этом я не забыла.

– Я не думал, что встречу тебя здесь, – заметил Брэдли. – Ты девушка высшего класса.

– Раньше я сюда заглядывала. – Она грызла орешки. – Пока не начались тусовки «Секс-клуба». – Бросив скорлупу на пол, она отряхнула руки. – Ты тоже не очень-то вписываешься в эту обстановку.

– Думаю, сама судьба свела нас снова.

– Клево, – одобрила она.

На ней было столько косметики, что она выглядела достаточно взрослой, чтобы ей наливали спиртное. Либо бармен решил, что она уже совершеннолетняя, либо ему было плевать, что ей еще нет восемнадцати. Он поставил перед ней и Брэдли заказанную текилу.

– За что выпьем?

Она закатила большие карие глаза к потолку, словно ответ мог быть написан на закопченной побелке.

– Как насчет пирсинга? Наклонившись к ней, Брэдли прошептал:

– У меня сразу встает, как только подумаю об этом. Ему подумалось о том, насколько все это стало легко.

Черт побери, неужели матери больше не предупреждают дочерей, чтобы те не разговаривали с незнакомцами? Неужели не говорят, чтобы девушки никуда не ходили с посторонними мужчинами? Куда катится мир? Брэдли вдруг испугался за своих дочерей.

Мысль о семье сбивала игривое настроение, поэтому он загнал ее поглубже и заказал еще текилы.

Выпив, они решили уйти. Он глумливо ухмыльнулся, глядя на парней возле бильярдных столов. Эти крутые ребята с татуировками на руках и ножами у пояса позавидовали ему. Брэдли преуспел там, где им не обломилось. Возможно, потому, что у него чистые волосы.

– Тебя ведь зовут Мелиссой, правильно? – спросил Брэдли, открывая девушке дверцу машины.

Ее блестящие от ярко-красной помады губы дрогнули в улыбке. Ей явно понравилось, что он запомнил ее имя.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Я снял комнату.

– Супер!

Как все до смешного просто.

Брэдли понимал, что поступает не слишком разумно, выходя вечером на улицу. Но он не мог оставаться взаперти, иначе он бы просто сошел с ума. Домой вернуться он тоже не мог. Весь день Тони звонила ему на сотовый с интервалом в пятнадцать минут, оставляла сообщения на автоответчике, умоляла приехать. Говорила, что полицейские хотят с ним только поговорить. Ну да, конечно, так он и поверил. Разговаривать они с ним начнут, только когда он окажется за решеткой.

Брэдли не отвечал на звонки и не звонил жене сам, догадываясь, что полиция попытается разыскать его сотовый через спутник. Он слышал, что тело Джейни нашли. Слова репортера о том, что будет проведено вскрытие, едва не убили его.

Армстронг бегал по комнате, проклиная, осыпая ругательствами всех – жену за то, что не понимала его; Джейни за то, что была такой соблазнительной, и он не устоял; даже свою мать за то, что она сурово наказывала его в детстве, если заставала мастурбирующим.

На самом деле Брэдли не помнил ничего подобного, но психологи спрашивали его во время сеансов терапии, не наказывали ли его, и Брэдли отвечал утвердительно, потому что этого от него ждали. Этим легко было объяснить его пагубное пристрастие.

Каждый следующий выпуск новостей пугал его все боль-

ше. Среди подозреваемых в причастности к убийству Джейни Кемп открыто называли его фамилию. Его тревога нарастала. Брэдли попытался отвлечься, рассматривая порнографические журналы, читая скабрёзные письма читателей и «подлинные» истории, пережитые ими. Но скоро ему это наскучило, тексты были знакомыми. Это не приносило ему облегчения.

Армстронг был возбужден, ему требовалась разрядка. Кто бы мог упрекнуть его? Последнее время он находился под таким давлением. Брэдли решил: он должен отправиться на поиски удовольствий, чтобы немного развеяться. Он это заслужил.

И вот он нашел свое удовольствие.

– В тот вечер у тебя была другая машина, – заметила Мелисса, нажимая на кнопки приемника в поисках какой-нибудь музыки. Она остановилась на пульсирующем ритме рэпа.

Полиция сразу бы задержала его машину, поэтому Брэдли позвонил в бюро проката автомобилей и попросил пригнать ему другую. Разумеется, он не воспользовался услугами тех компаний, которые оформляли кучу всяких документов, а обратился туда, где, если верить «Желтым страницам», охотно принимали наличные. Брэдли догадался, что там никто не будет соблюдать никаких правил. Единственное, что обещали владельцы, – это работающий кондиционер во всех машинах.

В ожидании машины Брэдли принял душ, оделся, сбрызнул себя туалетной водой и положил запас презервативов в карман брюк.

Как он и предполагал, человек, пригнавший машину, выглядел так, словно собирался ограбить магазин. Брэдли махнул у него перед носом водительскими правами, заполнил формуляр, написав вымышленное имя и адрес. Он отсчитал необходимую для залога сумму и добавил десять долларов на чай. Парень едва говорил по-английски, и, судя по всему, ему было абсолютно все равно, когда Брэдли вернет машину, выпущенную десять лет назад.

– Мы раньше не встречались? – спросила Мелисса. – То есть до того вечера на озере? Твое лицо кажется мне знакомым.

– Я известный киноактер, – улыбнулся Брэдли.

– Наверное, так и есть. – Она засмеялась.

Чтобы сбить ее с ненужных мыслей, Брэдли задал вопрос:

– Ты всегда выглядишь такой сногсшибательной?

– Ты считаешь?

На самом деле она смотрелась как шлюха. Обесцвеченные волосы стояли дыбом, почти так же, как в тот вечер. На лице ее макияж выглядел еще более кричащим. Коротенькая маечка на тонких бретельках была сделана из какого-то прозрачного материала, сквозь который он видел серебряное колечко в соске. Столовые салфетки обычно бывали пошире, чем ее юбка.

Короче говоря, Мелисса сама напрашивалась на неприятности. Ей следовало бы поблагодарить его за то, что он спас ее от изнасилования бандой рабочих в том баре.

Брэдли взглядом указал на свои брюки:

– Смотри, что ты со мной делаешь.

Она невысоко оценила выпуклость на его брюках, вяло поинтересовавшись:

– Это лучшее, на что ты способен? Мелисса играла кольцом в соске.

Девица знала, что делает. Его эрекция стала куда внушительнее.

– Я не могу смотреть на тебя и вести машину. Мелисса снова игриво толкнула колечко. Армстронг застонал.

– Ты убиваешь меня! Ты хотя бы понимаешь, что творишь?

– Зато ты умрешь счастливым.

Брэдли протянул к ней руку, влез под юбку, нашарил узенькую полоску кружев, отодвинул ее в сторону.

– М-м, как раз здесь. – Мелисса закрыла глаза. – Не останавливайся, чтобы переключить скорость. Во всяком случае, пока я не кончу.

Гэвин ждал у дверей отдела расследований, когда Кертис, Дин и Пэрис вышли оттуда. Он надеялся, что Лэнси Рэй Фишер и есть убийца. Он резко вскочил с вопросом:

– Это тот самый парень?

– Мы пока не знаем, – сказал ему отец. – Сержант Кертис оставит его здесь и задаст еще несколько вопросов.

Пэрис посмотрела на свои часики.

– Если это не создаст тебе проблем, то я хотела бы заехать домой перед работой. Сегодня утром я собиралась в такой спешке.

– Я отвезу тебя, а по дороге заброшу Гэвина, – ответил Дин. – Кертис, наши сотовые будут включены. Если что-то случится...

– Я сразу же позвоню, – заверил их детектив. – Я собираюсь всерьез заняться Лэнси Рэем.

– При всем моем уважении к вам, я не думаю, что он и есть Валентино, – заявила Пэрис.

Детектив кивнул. Гэвин решил, что сержант выглядит очень усталым. На его щеках появилась белесая щетина.

– Я пока ставлю на доктора Армстронга, – Кертис пожал плечами, – но Лэнси Рэя отпускать не собираюсь. Я с вами свяжусь.

Они уже шли к лифту, когда Кертис окликнул Гэвина.

Первой мыслью парня было: «Ну что еще», но он обернулся и вежливо спросил:

– Да, сэр?

– Мне жаль, что тебе пришлось пройти через все это. Я понимаю, как это противно.

– Ладно, не страшно, – ответил Гэвин, но он не был искренним. Ему ужасно не понравилось, что его заставили по-

чувствовать себя виноватым, хотя за ним не было никакой вины. – Я надеюсь, вы найдете того, кто сделал это с Джейни. Мне следовало с самого начала сказать вам, что мы были вместе в ее машине. Но я боялся, что вы подумаете... в общем, того, что вы подумаете. Наверное, она встретилась с тем, кто ее убил, после того как избавилась от меня.

– Видимо, так и было. Ты уверен, что Джейни не упоминала, с кем должна встретиться позже? Может быть, имя? Или род занятий?

– Нет, сэр, она ничего такого не говорила. Я совершенно уверен.

– Ну, хорошо, спасибо. Я ценю твою помощь.

Отец подтолкнул Гэвина к лифту, и они вошли в кабину. По дороге домой Гэвин сидел на заднем сиденье машины. Говорили мало, каждый был погружен в собственные мысли. Когда они подъехали к дому, патрульная машина уже стояла у тротуара, в ней сидели два офицера. Гэвин застонал про себя. Ей-богу, хватит с него полицейских. Если он никогда не увидит больше ни одного – кроме своего отца, – он только обрадуется.

– Папа, мне не нужны няньки. Или я все еще под домашним арестом?

– Ты все еще под домашним арестом, а полицейские здесь для твоей же безопасности. Они останутся здесь до тех пор, пока Валентино не будет пойман.

– Но он же охотится не за мной.

– Я не хочу рисковать даже в мелочах, Гэвин. И потом, охрана подчиняется Кертису, а не мне.

– Ты бы мог их отозвать, если бы захотел.

– А я и не хочу. Все на этом, договорились? – Когда на лице отца появлялось такое выражение, спорить дальше было бесполезно. Гэвин неохотно кивнул. Отец развернулся к нему, перегнулся через сиденье и положил ему руку на плечо. – Сегодня я гордился тобой и тем, как ты себя вел.

– Ты, наверное, подумаешь, что я отношусь к тебе покровительственно, Гэвин, но я все же скажу, что тоже горжусь тобой, – сказала Пэрис.

– Спасибо.

– Немедленно звони мне на сотовый, если что-то случится. Пообещай.

– Обещаю, папа. – Гэвин выбрался из машины. – Пока, Пэрис.

– Пока, скоро увидимся.

Он побрел по дорожке к дому, но они не уехали, пока он не вошел. Эти двое хорошо смотрелись вместе, и Гэвин не был бы против, если бы у отца и Пэрис все получилось.

Он помахал им рукой с крыльца, потом захлопнул за собой дверь и запер ее на задвижку, сыграв роль собственного тюремщика.

– Дам тебе пенни.

– Хочешь знать мои мысли? – поинтересовалась Пэрис. –

Я думала о Тони Армстронг. Мне ее жаль, я ей сочувствую.

– Я тоже. Она храбрая маленькая леди.

– Думаю, она очень сильно любит своего мужа, – заметила Пэрис, – а при подобных обстоятельствах из-за этого обязательно возникнет конфликт интересов. – Она подумала немного и спросила: – С медицинской точки зрения когда можно считать, что у человека нездоровые сексуальные наклонности?

– Сложный вопрос.

– Я уверена, что вы можете ответить на него, доктор Мэллой.

– Хорошо, отвечаю. Итак, если у парня двенадцать эрекций в день, то я могу его только поздравить и пожелать добиться тринадцати. Но если он двенадцать раз в день на это реагирует, то я бы сказал, что в этом случае мы имеем проблему.

– Ты говоришь несерьезно.

– Конечно, я шучу, но в этом есть доля истины. – Улыбка исчезла, Дин стал серьезным. – Секс становится пагубной привычкой так же, как алкоголь и наркотики. Это происходит, когда желание перевешивает здравый смысл и осторожность. Когда то, что человек делает, начинает негативно сказываться на его работе, семейной жизни, отношениях с людьми. Когда желание управляет человеком. – Дин посмотрел на Пэрис, и она кивком попросила его продолжать. – Похоже на то, как человек, выпивающий по праздникам, пре-

вращается в алкоголика. То есть индивид теряет контроль над пристрастием, а пристрастие полностью подчиняет себе индивида.

– То есть человек может пожертвовать женой и детьми, чтобы удовлетворить свою тягу к чему-либо.

– И это не значит, что Брэдли Армстронг не любит свою жену и детей, – заметил Дин. – Скорее всего он их очень любит.

Размышляя над сказанным, Пэрис смотрела вперед. Даже в солнечных очках ей приходилось щуриться от лучей заходящего солнца, играющего на закате всеми оттенками красного и желтого. Она подумала о том, что сейчас делают судья Кемп и его жена. Этот великолепный закат они едва ли заметят.

– Им придется заниматься похоронами.

– Прости, что ты сказала? – переспросил Дин.

– Я подумала вслух, теперь о Кемпах.

– Да. – Он вздохнул. – Не могу представить, как это – потерять ребенка. Я консультировал полицейских, прошедших через такое, но мне самому мои слова казались полной чужью. Если бы что-то случилось с Гэвином... – Дин замолчал, не способный договорить страшные слова. – Я хочу быть для него хорошим отцом, Пэрис. – Теперь его голос звучал спокойно.

– Я знаю.

– Это из-за моего собственного отца. – И об этом я тоже

знаю.

– Много тебе рассказал Джек?

– Достаточно.

Джек говорил, что у Дина были очень непростые отношения с отцом. Мистер Мэллой-старший отличался взрывным темпераментом, он часто набрасывался на Дина, иногда давал волю рукам.

– Отец бил тебя, Дин? – спросила Пэрис.

– Да, порой мне доставалось.

– Это недооценка, я так понимаю.

Дин безразлично пожал плечами, но Пэрис видела, что он притворяется.

– Я терпел его, но, когда он стал унижать маму, этого я не смог вынести.

Если верить Джеку, последний инцидент произошел в тот день, когда родители Дина приехали в Техасский технологический навесить сына-второкурсника. Во время вечеринки в общежитии отец Дина поссорился с ним. Дин попытался не обращать на это внимания, но отец распалился все больше. Его невозможно было утихомирить.

Мать Дина, которой стало неловко перед товарищами сына, попыталась вмешаться. И вот тут отец обрушился на нее. Его слова были унижительными и жестокими. Не обращая внимания на то, что на них смотрят однокурсники и их родители, Дин заступился за мать. Отец ударил его. Прежде чем все закончилось, Дин успел повалить Мэллоя-старшего

на пол, уселся на него сверху и, по выражению Джека, «выколачивал из него дерьмо».

После этого случая их отношения совсем испортились и оставались такими до смерти отца.

– В тот вечер в Технологическом я словно сошел с ума, – признался Дин. – Ни до того дня, ни после я не терял самообладания. Если бы Джек и другие ребята не оттащили меня от отца, я бы убил его. Я хотел его убить. Я ненавидел его за то, что он сделал с моей матерью. Ей было так неловко. Но урок пошел ему на пользу. Больше он не набрасывался на нее, особенно если я оказывался рядом. – Дин посмотрел на Пэрис. Никогда раньше она не видела его таким. – Но меня самого это страшно напугало, Пэрис. Я даже не могу тебе описать свое состояние. Ярость? Может быть. Она ослепила меня, отрезала от остального мира. Мой отец любил помахать кулаками. В тот вечер я понял, что это страшное нечто, сидевшее в нем, есть и во мне самом. Тогда оно вырвалось наружу. Я живу в страхе, что это повторится.

Пэрис потянулась к нему, коснулась его руки.

– Отец спровоцировал тебя самым бессовестным образом. Ты отреагировал. Но это не означает, что в тебе живет скрытая ярость, способная разгореться в любую минуту. Ты не похож на своего отца, Дин. – Пэрис особенно подчеркнула эти слова. – Ты никогда не был таким и никогда таким не станешь. Что касается Гэвина, то ты имеешь право на него сердиться. Дети всегда сердят, разочаровывают, сводят с ума

своих родителей. На самом деле Гэвин мог бы усомниться в твоей любви, если бы ты был равнодушен к тому, что он вытворяет. Он должен знать, что тебе не все равно. Он будет часто испытывать тебя, просто чтобы удостовериться, что ты все еще любишь его. – Тут Пэрис рассмеялась. – Нет, ты только меня послушай. Я ведь не психолог, и у меня нет детей.

– Ты все говоришь правильно, и мне нужно было это услышать.

Она мягко улыбнулась ему:

– Пока ты будешь не только наказывать его, но и ценить, все будет отлично.

Дин обдумал ее слова, потом подмигнул ей.

– Не только красива, но и чертовски умна. Ты опасная женщина, Пэрис.

– Да-да, это я. Самая заурядная роковая женщина.

– Возможно, именно это привлекло к тебе Лэнси Рэя Фишера. – Дин усмехнулся. – Твоя таинственность вновь пробудила в нем криминальные наклонности.

Пэрис возмущенно округлила глаза.

– Он хотел получить мою работу.

– Это Фишер так говорит.

– А ты думаешь, что Лэнси врет?

– Если и так, то у него получается очень убедительно. Либо он искренен, либо он потрясающий актер.

– Мне тоже так показалось.

– Ну и каково это – быть для кого-то идолом? Пэрис грустно улыбнулась:

– Я бы никому не посоветовала брать с меня пример. И тут зазвонил телефон Дина, и он сказал в трубку:

– Мэллой... Да, мы с Пэрис только что о нем говорили. – Он прошептал ей: «Это Кертис», она кивнула. – А как насчет его убежища? – Дин выслушал ответ. – Возможно, это неплохая идея. – Кертис еще долго говорил о чем-то, потом наконец выдохся. – Хорошо, звоните, если что. – Дин отключил телефон и пересказал Пэрис весь разговор.

Лэнси Рэя пытались расколоть, но парень твердо придерживается того, что уже рассказал. Полицейские проверили квартиру, в которой он отсиживался, и сообщили, что там, кроме него, никого не было.

– Никаких следов того, что он держал там Джейни? – спросила Пэрис.

– Нет. И никакой любительской фотолаборатории. Кроме единственного номера «Плейбоя», ничего подозрительного. Так что Кертису не терпится поймать Армстронга. Он намерен вновь побеседовать с Тони Армстронг.

– Да, ей придется нелегко. С одной стороны, ей хочется, чтобы мужа нашли и оказали ему помощь. С другой стороны, получается, что она его подставляет.

– Армстронг сам себя подставил, – возразил Дин.

– Я понимаю. Думаю, что и она тоже это понимает. Тони любит своего мужа, хочет, чтобы его вылечили, но если он

неизлечим, то как долго она собирается заступаться за него?

– Хороший вопрос, Пэрис.

Она слишком поздно сообразила, что сказанное относится не только к Тони Армстронг, но и к ней самой.

Дин остановил машину около ее дома, заглушил мотор и повернулся к ней, готовый произнести целую речь, но Пэрис заговорила первой:

– Я была нужна Джеку.

– Ты нужна мне.

– Едва ли ваши потребности совпадали.

– Да. Ты оставалась с ним из чувства долга. Я хотел, чтобы ты сделала выбор и осталась со мной. – Дин выдержал ее взгляд, потом открыл дверцу и вышел из машины.

Пэрис остановилась в самом начале дорожки, чтобы забрать почту, которая накапливалась в течение двух последних дней. Когда они вошли в дом, она бросила пачку на столик у двери.

– Одному богу известно, когда у меня дойдут руки до всего этого. На моем столе на работе уже висится...

И это было все, что она успела сказать прежде, чем Дин обнял ее и поцеловал. Он сорвал с нее очки, бросил на столик и еще крепче прижал ее к себе. Пэрис ответила на его поцелуй, обхватила его обеими руками, пальцы впились в сильные мускулы его спины.

Когда их губы слились, рука Дина оказалась под мягкой тканью юбки, он гладил обнаженное бедро Пэрис. Тело ее

таяло от его прикосновений, но она оторвалась от него и, задышавшись, прошептала:

– Дин, в моем распоряжении всего час.

– Тогда для нас это будет новый рекорд. До этого наши любовные игры не длились дольше трех минут. – Он зарылся лицом в ее волосы. – На этот раз я хочу увидеть тебя обнаженной.

Пэрис засмеялась глубоким, горловым смехом:

– А что, если тебе не понравится то, что ты увидишь?

– Черта с два не понравится.

Его руки пролезли под ее трусики. Она вскрикнула, но голос разума оказался сильнее.

– А что, если позвонит Кертис?

– Я привык мириться с разочарованиями. Кстати, это еще один повод поторопиться.

Взяв Пэрис за руку, Дин потащил ее за собой в спальню. Из груди Пэрис вырвалось девчачье хихиканье. Сердце забило быстрее. Она чувствовала себя удивительно распутной и восхитительно, обворожительно живой.

Дин тоже смеялся, пока пытался справиться с упрямыми пуговицами ее блузки.

– Проклятые штучки!

У Пэрис получалось лучше. Его рубашка была расстегнута, и она прижалась губами к теплой коже под левым соском, чувствуя, как его сердце бьется под ее поцелуем.

Справившись наконец с пуговицами, он снял с нее блузку

и расстегнул лифчик. Его сильные пальцы завладели ее грудями.

Пэрис смотрела ему в лицо. Это было выражение страсти и нежности. Ее соски отвердели. Их глаза на мгновение встретились, и он, нагнув голову, взял ее сосок в рот.

Пэрис расстегнула пряжку его ремня, опустила «молнию». Ее пальцы пробрались под резинку его трусов. Он был нежен, словно бархат, тверд, в нем ощущалось биение жизни. Большим пальцем она обвела головку, и Дин вздрогнул.

– Пэрис, не надо. – Он отступил от нее на шаг. – Если ты... Ты не должна так делать. Я сейчас кончу. А мне хочется, чтобы это продлилось.

Пэрис бросила на пол лифчик, вылезла из юбки. Его глаза не отрывались от ее тела. Одним быстрым движением он тоже скинул с себя все. Она посмотрела на него с откровенным восхищением. Но когда она снова протянула к нему руку, Дин опять отступил. Он опустился на колени, прижался губами к ее шелковому бикини, обхватив руками ее ягодицы. От его теплого влажного дыхания у Пэрис подогнулись колени. Дин снова поцеловал ее. Она закрыла глаза, ухватив его за плечи, чтобы не упасть.

А потом шелк белья словно растворился, потому что его уже не было. Его губы были горячими и быстрыми. Она ощутила движение его языка, ласкающего, раздвигающего, ныряющего и поглаживающего. Пэрис отдалась во власть удовольствия, и оно оказалось всепоглощающим.

Но ей удалось остановить его в последний момент, пока наслаждение не накрыло ее с головой.

Дин встал и обнял ее. Они крепко прижимались друг к другу, ее груди распластались на его груди, его пенис давил на нежную округлость ее живота.

Они все-таки улеглись на ее кровать, лицом к лицу. Ее рука порхала по его телу, спускаясь вниз к пупку и к густой поросли волос. Она провела пальцем по его члену. Дин накрыл ее руку своей и провел вверх, потом вниз.

– Господи, – простонал он.

– Я не могу поверить, что это происходит с нами.

– Я тоже. – Дин поцеловал ее пупок, лаская его языком. –

Мне все кажется, что я вот-вот проснусь.

– Если проснешься, не буди меня.

Он раздвинул ее бедра и медленно вошел в нее, давая возможность ее телу привыкнуть к нему, осознать каждое прикосновение, пока не оказался в ней целиком.

Погрузившись в негу, они не двигались так долго, как только могли, но им стало еще лучше, когда неподвижность сменилась ритмичным движением.

Дин вытряс воду из уха и поднес к нему телефон.

– Мэллой слушает, – произнес он.

– Это Кертис.

– Что случилось?

– Что там у вас за шум? – поинтересовался детектив.

– Душ, – ответил Дин, повернулся к Пэрис и подмигнул ей. Она смывала шампунь с волос, запрокинув голову назад. Мыльная вода стекала по ее груди, пенилась между ногами. Господи, она была просто великолепна.

– Вы принимаете душ?

– Чтобы выглядеть таким же свежим, как вы. Так в чем дело? – повторил Дин свой вопрос.

– Один из детективов беседовал с Лэнси Рэем. Вы помните, как Пэрис спрашивала его, зачем были нужны все эти уловки, почему он прямо не подошел и не поговорил с ней.

– Парень просто застенчив, – предположил Дин.

– Это так, но Лэнси проговорился, что не хотел мешать другому мужчине.

– Какому?

Пэрис вышла из душа и удивленно посмотрела на Дина. Он протянул ей полотенце.

– Стэну Криншоу, – ответил Кертис.

Такое заявление сумело отвлечь Дина от обнаженного тела Пэрис.

– Простите?

– Вы все правильно расслышали. Лэнси Рэй был уверен, что Стэн и Пэрис любовники, поэтому и вел себя соответственно.

– Откуда он это взял?

– Ему так сказал Криншоу.

Дин долго смотрел в пустоту, потом прикрыл микрофон рукой и попросил Пэрис поторопиться и побыстрее одеться. Его нетерпение передалось и ей, и она убежала в спальню.

– Рассказывайте по порядку, – попросил он Кертиса.

– Криншоу велел уборщику не докучать Пэрис. Наплел что-то о политике компании, согласно которой только он сам может говорить с ней. Стэн также заявил, что Пэрис терпеть не может, когда на нее глазают, из-за ее очков, что она любит темноту по причинам, которые никого не касаются. Лэнси Рэй хотел сохранить работу, поэтому вел себя, как ему было приказано. Он только отвечал на вопросы Пэрис, боясь, что Криншоу станет ревновать и уволит его. Лэнси Рэй говорит, что этот парень ревновал Пэрис ко всем, кто к ней приближался.

– Почему Лэнси не рассказал нам об этом при первом разговоре? – спросил Дин, пытаясь одновременно разговаривать и одеваться.

– Он решил, что все и без него знают о том, что эти двое

вместе.

– Вот это да! Недаром мне показалось, что с Криншоу что-то не так. Я понял это сразу, как только увидел его. Он и со мной вел себя так, словно у него на Пэрис все права. Я решил, что он просто дурак.

– Может быть, так оно и есть.

– Но, может быть, и нет. Я хочу вывернуть его наизнанку, Кертис. Я хочу знать о нем абсолютно все, и мне наплевать, кто его дядя и сколько у этого дяди денег.

– Я понял. На этот раз я обойду дядю Уилкинса. Мы отправимся прямо в управление полиции Атланты, в офис окружного прокурора и даже к самому губернатору Джорджии, если потребуется. Одно хорошо. Стэн Криншоу вышел на работу, как обычно. На радиостанцию поехали Григс и Карсон. Они сообщили, что он там.

– Мы немедленно выезжаем. Передай молодняку, пусть они его не выпускают, если он соберется уехать. Вы проверили его телефонные разговоры?

– Проверяем.

– Кто копает в его прошлом? – спросил Дин.

– Рондо. Он сам вызвался.

– Рондо? – Дин даже не старался скрыть свое неудовольствие.

– Он проверит все сведения, которые можно найти в компьютере.

– Предполагалось, что он уже это сделал, – язвительно

произнес Дин.

– Я сказал ему, что на этот раз надо копнуть поглубже.

– Было бы лучше, если бы Рондо сразу все сделал как следует.

– Какая кошка пробежала между вами? Я постоянно чувствую некоторую напряженность.

– Он слишком самоуверенный, – не нашел ничего лучшего Дин.

– Вот оно как? Вам не нравится его личность?

– Что-то в этом роде. Ладно, нам пора бежать.

– Возможно, Пэрис не следовало бы сегодня выходить в эфир. Пусть даст нам время проверить Криншоу.

– Сами попробуйте ее отговорить. Она настроена очень решительно. И потом, я от нее не отойду ни на шаг. Все, увидимся.

Прежде чем детектив успел сказать что-то еще, Дин отключился. Они с Пэрис вышли из дома. Уже по дороге она попросила посвятить ее в детали.

– Насколько я поняла, вы говорили о Стэне. – Дин повторил ей то, что ему сказал Кертис. Пэрис недоверчиво рассмеялась. – Я не могу в это поверить.

– Это несмешно.

– Нет, это очень смешно.

– Я так не думаю.

– Дин, – она тепло улыбнулась ему, – в свете недавних, скажем так, событий я могу понять твою ревность. Я польще-

на. Мне бы хотелось, чтобы ты мог ради меня сразиться с драконом. Но не трать время на Стэна, ради бога. Он не Валентино.

– Мы этого не знаем.

– Я знаю. Он действительно дурак, как ты и подумал. Меня огорчает, что он сбил с толку Марвина, то есть Лэн-си, и одному богу известно, кого еще. Но у него не хватило бы ни ума, ни решимости, чтобы стать Валентино.

– Мы это скоро узнаем, – сказал Дин и повернул на парковку возле радиостанции.

Григс и Карсон помахали ей, когда Пэрис открывала своим ключом парадную дверь. Как обычно, в здании было темно, кабинеты давно опустели. Гарри, диджей вечернего эфира, показал ей два больших пальца, когда они проходили мимо стеклянной стены. Дин уже изучил здание и уверенно шел вперед по темным коридорам.

Когда они вошли в кабинет Пэрис, то Стэн уже сидел там за ее письменным столом, положив ноги на его край. Он просматривал ее корреспонденцию, но как-то бессистемно.

– Стэн Криншоу, именно тебя я и хотел видеть, – объявил Дин с порога.

Тот начал спускать ноги со стола, но не успел поставить их на пол, потому что Дин схватил его за грудки и выдернул из кресла.

– Эй! – запротестовал Стэн. – Какого черта?

– Мне надо с тобой поговорить, Стэн, – угрожающе заявил Дин и тряхнул Криншоу.

– Дин. – Пытаясь его успокоить, Пэрис положила ему руку на плечо.

Дин отпустил Стэна.

– Ты лгал насчет Пэрис.

Изобразив обиду, Стэн выпрямился и стал тщательно разглаживать помятую рубашку. Но с тем же успехом он мог бы обманывать индейца. Стэн повернулся к Пэрис:

– О чем это толкует твой дружок?

– Если верить Лэнси, то ты сказал ему....

– Кто такой Лэнси? – перебил ее Стэн.

– Марвин Паттерсон, – ответила Пэрис.

– А его зовут Лэнси?

– Ты сказал ему, что спишь с Пэрис, – вмешался Дин.

Криншоу снова повернулся к нему:

– Я этого не говорил.

– То есть ты не давал ему понять, что вы с Пэрис не просто коллеги? И ты не предупреждал его, чтобы он держался от нее подальше, оставил ее в покое и даже не разговаривал с ней?

– Только потому что я ее хорошо знаю, – заявил Стэн.

– Неужели?

– Именно так. Я знаю, что Пэрис человек закрытый. Она не любит, когда ее беспокоят другие люди, особенно когда она сосредоточена на работе.

– Значит, ты велел Лэнси держаться подальше, чтобы защитить интересы Пэрис?

– Можно и так сказать.

– Но я не нуждаюсь в том, чтобы ты отгонял от меня людей, с которыми я работаю, Стэн, – вмешалась Пэрис. – Я не просила тебя об этом, и мне не нравится то, что ты сделал.

– Ладно, прости. Я пытался быть тебе другом.

– Только другом? Я так не думаю, – заявил Дин. – Я считаю, что ты предавался фантазиям. Ты обманывал себя, представляя, что между тобой и Пэрис завяжется роман. Ты ревнуешь ее ко всем мужчинам, которые проявляют к ней интерес, даже платонический.

– Откуда вам известно, что у Марвина платонический интерес?

– Он сам об этом сказал.

– Вот как? Значит, ему вы верите, а мне нет? Верите уборщику, живущему под чужим именем? – Стэн презрительно фыркнул. – Это вы бредите, доктор.

Он направился к двери, но следующие слова Дина пригвоздили его к месту.

– Чувство собственности может быть очень сильным мотивом.

Стэн мгновенно обернулся:

– Для чего?

– Скажем, для того, чтобы создать вокруг Пэрис некрасивую ситуацию, в которой она одна окажется виноватой. По-

явится риск, что она потеряет работу. Ее жизни будут угрожать. Мне продолжать?

– Вы говорите об этом Валентино и его звонках? – сердито поинтересовался Стэн. – Пэрис сама во всем виновата.

– Понимаю. Значит, это по ее вине Валентино похитил и убил семнадцатилетнюю девушку? – спросил Дин.

– Девушку, которая сама напрашивалась на неприятности, – презрительно пожал плечами Криншоу.

С обманчивым спокойствием Дин присел на угол стола.

– Ты вообще очень низкого мнения о женщинах?

– Я этого не говорил.

– Нет, ты не заявлял об этом прямо, но я чувствую, что в глубине души ты настроен против слабого пола. Это как заноза. Она тебя беспокоит, но избавиться ты от нее не можешь.

– Нет уж! – Криншоу помахал пальцем перед носом у Дина. – Оставьте эти ваши психологические заклинания. Со мной все в полном порядке.

От гнева на скулах Дина заходили желваки, но голос звучал по-прежнему невозмутимо.

– Значит, я должен поверить, что твои отношения с женщинами всегда были абсолютно нормальными и никаких проблем у тебя с этим не было?

– Какой мужчина может этим похвастаться? Как насчет тебя самого, Мэллой? – Стэн забыл о вежливости. Он быстро взглянул на Пэрис. – Думаю, у тебя у самого имеются про-

блемы.

– Ты не Дин, – спокойно ответила ему Пэрис. – На него нет досье в полиции.

Насмешливая дерзость Стэна лопнула, словно мыльный пузырь.

– Ты рассказала ему об обвинении в сексуальном домогательстве?

Дин тут же повернулся к ней:

– О чем?

– На прежнем месте работы женщина обвинила Стэна в сексуальном домогательстве.

Дин посмотрел на нее так, будто не мог поверить, что она не поделилась с ним такой информацией раньше. Пэрис поняла, что поступила неправильно. Наверное, ей стоило рассказать Дину о родителях Стэна и о жестокости его Дяди.

Но Дин уже снова смотрел на Криншоу.

– Судя по всему, тебе не везло с женщинами, Стэн.

– Мэгги была офисной шлюхой! – воскликнул он. – Она переспала со всеми мужиками, работающими на студии. Мэгги Райт делала минет под столом ведущему программы новостей прямо во время выпуска. Она приставала ко мне, заводила, а когда я захотел, повела себя как непорочная весталка.

– Почему?

– Потому что мисс Райт была очень жадной. Она увидела в этом возможность прикарманить часть денег моей семьи.

Мэгги так разорвалась, что дяде пришлось заплатить ей, чтобы она заткнулась и исчезла.

Дин обдумал полученную информацию и продолжал:

– Давай вернемся к тому моменту, когда ты «захотел».

– Погоди-ка, почему это я должен отвечать на твои вопросы? – попытался изобразить возмущение Стэн.

– Потому что я полицейский.

– Или потому что ты сам залез Пэрис под юбку. Глаза Дина гневно сузились.

– Видишь ли, если ты не ответишь на мои вопросы, я отвезу тебя в участок и буду держать там до тех пор, пока ты не разговоришься. Вне протокола добавлю следующее: если ты еще хоть раз заговоришь о Пэрис в подобном тоне, то я вытащу тебя на улицу и размажу твое хорошенькое личико об асфальт.

– Ты мне угрожаешь?

– Угрожаю. А теперь прекрати увиливать и расскажи то, что я хочу знать.

Дин, надо заметить, вел себя не совсем обычно. Он не говорил со Стэном в той спокойной доверительной манере, с которой он всегда общался с подозреваемыми. Но на Кришшоу скорее всего это бы и не подействовало. Дин догадывался, что здесь уместнее жесткое давление.

Стэн ожег его яростным взглядом, таким же убийственным взглядом наградил Пэрис, но потом уверенно скрестил руки на груди, словно пытаясь защитить себя.

– Я выдвину обвинение в полицейской жестокости. Мой дядя...

– Твоему дяде придется беспокоиться о другом, если выяснится, что ты и есть Валентино.

– Но я не Валентино! Ты что, не слушаешь меня?

– Когда та женщина сказал тебе «нет», ты принудил ее и завершил начатое?

Глаза Стэна метались от одного к другому.

– Нет, то есть да, в некотором роде.

– Так каков же твой ответ? Нет, да или в некотором роде? – настаивал Дин.

– Я ее ни к чему не принуждал, если вы это имеете в виду.

– Но ты довел дело до конца?

– Я же говорил вам, что Мэгги была...

– Офисной проституткой. Значит, она сама напросилась.

– Правильно.

– Чтобы ты ее изнасиловал.

– Ты опять говоришь вместо меня! – взорвался Стэн.

– А ты немедленно поедешь со мной в участок. Стэн попятился к двери.

– Ты не можешь... – Он с отчаянием посмотрел на Пэрис. – Сделай же что-нибудь. Если ты это допустишь, дядя отберет у тебя работу.

Пэрис ни на секунду не усомнилась в Дине. Честно говоря, теперь она уже боялась Стэна. Вероятно, она недооценила своего коллегу. Она всегда считала его никчемным,

неумелым неудачником, но, в общем-то, совершенно безвредным. А что, если Криншоу в самом деле похитил и убил Джейн и Кемп?

Если будет доказано, что он не Валентино, на Пэрис обрушится гнев Уилкинса Криншоу. Но лучше потерять работу, чем жизнь.

Дин твердо взял Стэна за локоть и повел к выходу. Тот начал отбиваться, и Дин держал его уже обеими руками. Поэтому, когда зазвонил его сотовый телефон, он бросил его Пэрис.

– Алло?

– Пэрис?

Она еле слышала говорившего, крики Стэна мешали ей.

– Гэвин, ты?

– Я должен поговорить с папой, Пэрис. Ситуация критическая.

Гэвин смотрел телевизор, чтобы скоротать время, потому что только этого развлечения отец его не лишил. Он поставил кассету со своим любимым фильмом, но то, с чем приходилось бороться Мелу Гибсону, не Шло ни в какое сравнение с его собственными переживаниями.

Он волновался об отце и Пэрис.

Известие о том, что этот ублюдок может охотиться за ними, пугало его, хотя он прилежно изображал спокойствие при отце. Маньяк мог сделать все, что угодно. Он ведь сума-

сшедший. Кто бы мог подумать, что он убьет Джейни?

Когда зазвонил домашний телефон, Гэвин даже обрадовался. Он быстро схватил трубку, даже не проверив по определителю, кто ему звонит.

– Алло?

– Почему твой сотовый не отвечает?

– Кто это?

– Мелисса.

Мелисса Хэтчер. Вот это здорово!

– Мой сотовый отключен. Тут кое-что...

– Гэвин, ты должен мне помочь. Она что, плачет?

– Что случилось? – забеспокоился Гэвин.

– Я должна тебя увидеть, но перед твоим домом стоит полицейская машина, так что я проехала мимо. Встреть меня.

– Я не должен выходить из дома.

– Гэвин, мне не до шуток! – Мелисса почти кричала.

– Просто заходи, и все.

– Прогуляться перед копами? Мысль неудачная.

– Почему нет? Ты под кайфом?

Она что-то пробурчала, шмыгнула носом и спросила:

– А я не могу зайти с черного хода?

Не хотел он разбираться с ее проблемами, что бы там ни было. Проверка на детекторе лжи может быстро поставить парню мозги на место и изменить его приоритеты. Гэвин уже пообещал себе, что если выйдет из этой передрыги без особых повреждений, то обзаведется новыми друзьями.

Еще один серьезный проступок, и отец отправит его обратно в Хьюстон. Гэвин не хотел возвращаться в дом матери. Теперь, когда между ним и отцом все как-то наладилось, он хотел остаться с ним до окончания школы.

В его интересах было сказать Мелиссе, что он занят, и повесить трубку. Но она была ужасно перепугана.

– Ладно, – неохотно согласился Гэвин. – Припаркуйся на параллельной улице позади нашего дома и пройди между домами. Там нет ограды. Я впусти тебя через дверь патио. Как скоро ты там будешь?

– Через две минуты.

Полицейские по очереди каждый час обходили дом. Гэвин посмотрел в окно. Оба полицейских сидели в патрульной машине. Он прошел на кухню, чтобы не пропустить Мелиссу. Когда она вылезла из кустов олеандра, отделяющих один участок от другого, она была похожа на играющего в казаки-разбойники.

От слез тушь растеклась у нее по щекам черными полосами. Ее одежда напоминала маскарадный костюм, который ни один нормальный человек надеть не захочет. Для Гэвина оставалось загадкой, как Мелисса может бегать в босоножках на такой огромной платформе, но ей это удавалось. Она обогнула бассейн, и ее подошвы застучали по плитам террасы. Гэвин отодвинул в сторону дверь, девушка тенью проскользнула в дом и прижалась к нему.

Гэвин закрыл дверь. Поддерживая Мелиссу за талию, он

почти отнес ее в гостиную и опустил в кресло. Бормоча что-то нечленораздельное, захлебываясь слезами, она продолжала цепляться за него.

– Мелисса, успокойся. Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь. Объясни, что происходит.

Она ткнула пальцем в сторону столика с напитками, стоявшего в углу.

– Сначала я должна что-нибудь выпить.

Девушка попыталась встать, но Гэвин толкнул ее обратно.

– Забудь об этом. Выпей лучше воды.

Он дал ей бутылку из мини-холодильника и, пока она пила, заметил:

– Ты выглядишь как помешанная. Что случилось?

– Я была... была с ним.

– С кем?

– С тем парнем... стоматологом... Армстронгом. Гэвин почувствовал, как у него невольно приоткрылся рот.

– Как? Где?

– Где? Ну...

Мелисса оглядела комнату с таким видом, будто Брэдли Армстронг мог скромно стоять в углу. Гэвину захотелось надавать ей пощечин. Ну как можно быть такой тупой?

– Так где ты была, Мелисса?

– Не ори на меня. – Она потерла лоб, словно пыталась выдавить ответ. – В мотеле. Кажется, на вывеске был ковбой или седло. Что-то в этом роде.

«Мотель в Остине, оформленный в стиле Среднего Запада. Таких наверняка найдется несколько сотен», – раздраженно подумал Гэвин.

– Если ты встретила с ним там...

– Не там. Он подобрал меня в баре на озере и отвез в мотель. Я была такая пьяная. Заливала тоску текилой, ну, ты понимаешь, из-за Джейни. Он вошел, купил мне выпить.

– И ты поехала с ним в мотель?

– Но мы немного знакомы. Я была с ним несколько ночей назад, и все получилось так здорово.

– И где ты с ним встретила в прошлый раз?

– Ну это... ты знаешь... то место, где мы все иногда тусуемся. – Гэвин только рукой махнул, чтобы она продолжала. – Мы занимались этим в его машине.

– Какая у него машина?

– Сегодня или тогда? Он приезжал на разных.

– Сегодня.

– Красная, кажется. Или синяя. Я не обратила внимания. Он был очень мил со мной. Его так завел мой сосок с колечком. – Мелисса улыбнулась Гэвину и гордо задрала прозрачный топ.

– Замечательно, – поморщился он.

На самом деле он думал, что Мелисса выглядела нелепо. Она никогда ему не нравилась, а теперь она внушала ему отвращение. Гэвин уже начал спрашивать себя, на самом ли деле у нее истерика или это все спектакль, чтобы попасть к

нему в дом и не только. Она испытывала ревность к Джейни и могла попытаться привлечь к себе капельку того внимания, которым пользовалась подруга.

Гэвин одернул ее топ.

– Ты уверена, что была с Брэдли Армстронгом, Мелисса?

– Ты что, мне не веришь? Думаешь, я специально вышла на улицу в таком виде?

Она была права.

– Когда ты узнала, что это тот парень, которого разыскивает полиция?

– Мы приехали в его мотель. Легли в постель. Мужик меня употреблял, а я взглянула на экран телевизора. Телик работал, только звук был выключен. И вдруг там его фотография. Огромная. Оказывается, его все ищут, а он трахает меня.

– И что ты сделала?

– А ты как думаешь? Спихнула его. Сказала, что мне пора, что вспомнила о назначенной встрече. Он начал спорить. Пытался уговорить меня остаться. Чем больше он говорил, тем больше дурел. Сначала назвал меня стервой-ди-намисткой, потом обозвал жестокой сукой, а потом вообще съехал с катушек. Схватил меня, начал трясти и заявил, что уйду только тогда, когда он кончит.

Мелисса вытянула руки и показала их Гэвину. На ее бицепсах уже начали проступать синяки.

– Говорю тебе, Гэвин, он просто сбрендил. Отвесил мне

оплеуху, орал, сказал, что я шлюха еще похуже, чем Джейни Кемп. Это меня и доконало. Я начала кричать, что он убийца, и тогда он меня отпустил. Я схватила свою одежду и смылась.

– Когда это было?

– Когда я сбежала? Час назад, наверное. Я остановила грузовик, парень подвез меня к тому месту, где я оставила машину, потом я приехала сюда, увидела копов. Я все время пыталась дозвониться тебе на сотовый. В конце концов я вспомнила твой домашний номер. Остальное ты знаешь. – Мелисса с мольбой посмотрела на Гэвина. – Мне так плохо, Гэвин. Налей мне хоть глоток, а?

– Я же сказал, нет. – Он встал перед ней, опершись на ручки кресла. – Ты говорила с ним о Джейни?

– Думаешь, я совсем дура? Я не хотела кончить так, как она.

– Ты видела в номере ее фотографии?

– Там валялись газеты.

– А обычные снимки были?

– Нет. Но когда я вошла, я не посмотрела, а потом мне было не до этого. Я хотела только одного: смыться оттуда побыстрее.

– Ты говорила, что, когда встретила его на той неделе, он показался тебе знакомым. Ты, наверное, видела его с Джейни?

– Не уверена. Может, он просто тусовался вместе со всеми. Он посещает сайт «Секс-клуба» и...

– Армстронг сказал об этом?

– Ага. И еще в тот вечер у него с собой было полно порножурналов. Ему нравится развлекаться.

Когда Гэвин взял трубку радиотелефона и стал нажимать кнопки, Мелисса вскочила с кресла.

– Ты кому звонишь?

– Моему отцу.

Она вырвала у него телефон.

– Твой папаша коп. Я не хочу иметь дела с полицией. Спасибо, не надо.

– Тогда зачем ты пришла ко мне?

– Мне нужен был друг. Мне требовалась помощь. Думала получить ее от тебя. Разумеется, я не знала, что ты так изменился с последней нашей встречи. Ни выпивки, ни...

– На этого уродца идет охота, – сердито оборвал ее Гэвин и отобрал у нее телефон. – Если это он убил Джейни, то его надо схватить.

Лицо Мелиссы дрогнуло, она захныкала, стала ломать руки.

– Не злись на меня, Гэвин. Я знаю, что копы должны его поймать, только...

Он смягчился.

– Мелисса, ты ведь и пришла ко мне именно потому, что знала, я могу позвонить отцу. В глубине души ты хотела поступить правильно.

Девушка прикусила нижнюю губу.

– Ладно, все может быть. Только дай мне время кое-что выбросить. Мне не хватало только срока за хранение. Где у тебя ванная?

Гэвин указал ей на дверь гостевой ванной на первом этаже и принялся снова набирать номер сотового телефона отца. Ему ответили после четвертого гудка.

Он едва расслышал «алло» за шумом борьбы и ругательствами.

– Пэрис?

– Гэвин, ты?

– Я должен поговорить с папой, Пэрис. Ситуация критическая.

– С вами Пэрис Гибсон. Я надеюсь, что вы собираетесь провести следующие четыре часа вместе со мной на волне сто один и три. Я предложу вашему вниманию песни о любви и выполню ваши заявки. Телефонные линии ждут вас. Позвоните мне. А начнем мы с хита группы «Стиликс» о том, на что похоже состояние влюбленности. Итак, слушаем «Ты заставляешь меня почувствовать себя обновленным».

Пэрис отключила свой микрофон. Лампочки телефонных линий уже мигали. Первая слушательница попросила исполнить песню Би Джея Томаса «Меня зацепило», раз уж «тема этого эфира – состояние влюбленности».

– Спасибо, что позвонили нам, Энджи. Я немедленно исполню вашу заявку.

– Пока, Пэрис.

Она следовала привычной рутине, хотя этот вечер не был ни привычным, ни рутинным. Почти час назад Дин умчался в полицейский участок в центре города, где он должен был встретиться с Гэвином и Мелиссой Хэтчер.

Сразу после разговора с сыном Дин перезвонил Кертису и вкратце изложил историю Мелиссы. Детектив подробно расспросил его и немедленно начал действовать.

– Скоро Армстронг будет за решеткой. – В голосе Дина Пэрис не услышала и нотки сомнения. – Можно начать с то-

го бара, где он встретился с Мелиссой. Она приблизительно представляет, сколько времени они с Армстронгом ехали до мотеля, так что радиус поиска будет невелик. Это, конечно, довольно большой район, но ведь раньше его искали по всему городу и окрестностям.

Пэрис еще спросила, сообщили ли Тони Армстронг о том, как развиваются события. Дин мрачно кивнул.

– Она как раз сидела у Кертиса, когда я позвонил. К ним присоединился семейный адвокат Армстронгов. – Дин крепко обнял Пэрис и пообещал: – Как только он окажется в тюрьме, ты будешь в безопасности. И дело будет закончено.

– Но едва ли я быстро забуду, что это чудовище сделало с Джейни.

– Да. – Дин вздохнул, но как настоящий полицейский он уже думал только о поимке преступника. – Кертис сказал, что патрульная машина останется у твоего дома, пока мы не схватим Армстронга. Григс все равно считает себя твоим личным телохранителем. – Тут Дин вспомнил, что в комнате находится Стэн, и повернулся к нему: – Полагаю, тебя мы можем снять с крючка, Криншоу.

– Ты еще пожалеешь о том, как обошелся со мной, – угрюмо произнес Стэн.

– Я уже пожалел. Мне бы хотелось как следует надрать тебе задницу, пока у меня были для этого основания. – Дин быстро поцеловал Пэрис в губы и вышел из комнаты.

Стэн убежал следом за ним. Пэрис не стала ничего ему го-

ворить. Он будет дуться, но переживет. Ей требовалось подготовиться к выходу в эфир. Потом, когда у нее будет время и у Стэна изменится настроение, она с ним помирится.

Прошло полчаса после начала программы, и Пэрис снова включила свой микрофон.

– Сейчас реклама, а потом я вернусь, и мы опять будем слушать музыку. Если вы хотите услышать определенную песню или просто поделиться со мной своими мыслями, звоните.

Она снова отключила микрофон, повернулась на своем вращающемся кресле и увидела перед собой Стэна.

– Я не слышала, как ты вошел, – недовольно произнесла она.

– Я проскользнул тихонько.

– Зачем?

– Я решил, что раз ты и твой дружок считаете меня последним мерзавцем, то и вести себя я буду соответственно.

Это было сказано так по-детски, так капризно и так похоже на Стэна.

– Прости, что предположения Дина показались тебе обидными, Стэн. Но ты должен признать, какое-то время казалось вполне вероятным, что ты и есть подозреваемый.

– То есть что я насильник и убийца?

– Я уже попросила прощения.

– Я думал, что ты лучше знаешь меня.

– Я тоже думала, что знаю тебя лучше! – воскликнула Пэ-

рис, теряя терпение. – Если бы тебя не в чем было упрекнуть, никто бы не стал тебя подозревать. Но, кроме обвинения в сексуальном домогательстве, из-за которого тебе пришлось уехать из Флориды, ты виновен еще и в том, что говорил всем, будто мы любовники.

– Только Марвину, или как там его зовут. И не так много словно.

– Что бы ты ни сказал, тебя поняли неверно. Зачем тебе было нужно, чтобы в это поверили?

– А ты как думаешь?

Его голос дрогнул, казалось, Стэн вот-вот расплачется. Этот всплеск эмоций озадачил Пэрис.

– Я и понятия не имела, что ты ко мне испытываешь, Стэн.

– Тебе следовало догадаться, – обиженно заявил Кришшоу.

– Я никогда не думала о тебе в... романтическом ключе.

– Возможно, эти чертовы очки мешают тебе видеть очевидное.

– Стэн...

– Ты видела во мне только некомпетентного мальчика для битья, неудачника, во всем послушного дяде.

В данном случае Стэн сказал о себе чистую правду, которую Пэрис не могла отрицать, но она все же предпочла извиниться еще раз.

– Прости.

– Ты уже три раза повторила эти пустые слова. Ты неис-

кренна. Если бы ты хотела изменить свое отношение ко мне, ты могла бы это сделать. Но ты этого не хочешь. Особенно теперь, когда твой дружок к тебе вернулся. Он над тобой сюсюкает, правильно? И ты, всегда изображавшая из себя недоτροгу, вдруг распалилась. Думаю, ты приехала в студию прямо из постели, да? Никогда раньше ты не являлась на работу с мокрыми волосами. Хорошо развлеклась, Пэрис? Разве не мило, что на этот раз тебе не пришлось убирать с дороги женишка?

– Ты ведешь себя подло и бесчувственно. Нагнувшись к ней, Стэн ухмыльнулся:

– Неужели в тебе заговорила совесть?

Пэрис пришлось сжать кулаки, чтобы не влепить ему пощечину.

– Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни об этой истории. Разговор окончен, Стэн.

Она повернулась к приборной доске, проверила часы, посмотрела на мигающие лампочки телефонных линий и нажала одну из кнопок.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис. Меня зовут Джорджия.

– Добрый вечер, Джорджия. – Пэрис старалась дышать глубоко и ровно, чтобы справиться с охватившим ее гневом и продолжать нормально работать.

– У меня появились кое-какие сомнения насчет моего приятеля, – сказала молодая женщина.

Пэрис слушала, пока та рассказывала о нежелании ее приятеля брать на себя любые обязательства по отношению к ней. В течение этого монолога Пэрис бросила взгляд через плечо. Студия была пуста. Стэн ушел также бесшумно, как и появился.

– Мы его взяли! – крикнул Кертис из своего закутка. – Армстронга привезут через десять минут!

Дин встретился с ним в узком проходе.

– Он оказал сопротивление?

– Те, кто производил арест, заставили управляющего motelом открыть дверь его комнаты. Армстронг сидел на кровати, обхватив голову руками, и плакал, как ребенок. Он все время повторял: «Что я наделал?» Дин пошел к выходу.

– Я хочу обо всем рассказать Гэвину.

– Поблагодарите его от моего имени. Он дал нам зацепку, которая сузила круг поиска. И не уходите пока, ладно? Мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали при допросе.

– Я собирался остаться. Я сейчас вернусь.

Гэвин и Мелисса сидели у дверей отдела расследований на той самой скамейке, где сидели они с Пэрис... Когда же это было? Накануне? Господи, сколько всего произошло с тех пор.

Двойные двери бесшумно закрылись за Дином. Он вскинул руку в победном жесте.

– Армстронга только что арестовали. Его уже везут сюда.

Ты отлично сработал, сынок. – Он быстро обнял Гэвина. – Я горжусь тобой.

Гэвин покраснел.

– Я рад, что они его поймали, – сказал он. Повернувшись к девушке, Дин поблагодарил и ее:

– И тебе, Мелисса, спасибо. Чтобы так поступить, надо иметь сильный характер.

Когда Дин приехал в полицейский участок, Мелисса и Гэвин уже разговаривали с Кертисом. Сержант и несколько детективов внимательно слушали ее подробнейший рассказ о том, как она проводила время с Брэдли Армстронгом.

Мелиссе нравилось быть в центре внимания, но выглядела она, как пугало. Позже она смыла с лица косметику, расчесала волосы, чтобы они не стояли дыбом, как пики. Кто-то, вероятно, одна из женщин-полицейских, нашел для нее трикотажный кардиган, чтобы прикрыть ее коротенький топ, смущавший даже выдавших виды полицейских.

Теперь она просияла от комплимента Дина, но тут же нервно облизала губы.

– А мне надо будет с ним встречаться?

– Нам необходимо, чтобы ты официально опознала в нем мужчину, напавшего на тебя.

– Ну, это было не совсем нападение. Я, конечно, одурела от наркотиков, но соображала, что делаю, когда я ушла вместе с ним из бара.

– Ты несовершеннолетняя. Армстронг занимался с тобой

сексом. А это преступление. К тому же он тебя ударил и попытался удержаться против твоей воли. По этим обвинениям мы сможем задержать его до тех пор, пока не будет закончен отчет о вскрытии Джейни. Я понимаю, что тебе будет нелегко встретиться с ним снова, но твоя помощь нам необходима. Твои родители уже приехали?

– Пока нет. Они испугались до смерти, когда я им позволила, но не так уж сильно на меня рассердились. Я думала, будет хуже. Они, наверное, обрадовались, что он меня не убил. А можно Гэвин останется со мной?

– Ты как, Гэвин? – спросил Дин сына. Он снисходительно пожал плечами:

– Я останусь.

– Тогда все о'кей, доктор Мэллой, – сказала Мелисса. – Тащите сюда этого извращенца. Я просижу здесь столько, сколько нужно.

– Говорит Пэрис.

– Это я.

Когда она услышала голос Дина, то ее сердце затрепетало от радости, а на губах заиграла глуповатая улыбка.

– Неужели ты потерял прямой номер в студию? Эта линия только для слушателей.

– Мне захотелось побывать в шкуре обычного слушателя.

– Ты, разумеется, слушатель, но совсем не обычный.

– Нет? Я рад, что ты так считаешь. – Пэрис почувствовала,

что Дин улыбается. – Они арестовали Армстронга. – Он снова заговорил серьезно: – Его привезут с минуты на минуту.

– Слава богу. – У Пэрис отлегло от сердца, но она сразу же вспомнила о Тони. – Ты видел его жену?

– Совсем недавно. Она нервничает, но, по-моему, рада, что его нашли до того, как он причинил вред кому-то еще.

– Или самому себе.

– Я тоже думал о том, что Армстронг может покончить с собой. Ты не хуже меня разбираешься в психологии.

– Ничего подобного. Так, подожди минутку, я должна напомнить слушателям, какую станцию они слушают. – Пэрис выполнила свои прямые обязанности и вернулась к прерванному разговору: – Отлично, у меня есть несколько минут.

– Я не задержу тебя надолго. Просто я обещал тебе позвонить, как только будут новости.

– Хорошо. Теперь мне легче будет вести программу, потому что я знаю, что преступник пойман. Каждый раз, когда я снимала трубку, я задерживала дыхание, боясь услышать его голос.

– Теперь ты можешь об этом забыть.

– Гэвин все еще с тобой?

– Он не дает заскучать Мелиссе. Парень просто молодец, правда?

– Да, я тоже так считаю.

– Гэвин как будто взрослеет на глазах.

– Он поверил тебе, Дин. Это очень важный шаг вперед.

– После нескольких срывов мы, я полагаю, вышли на верную дорогу.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказала Пэрис.

– Кстати, раз уж мы вспомнили о сбившихся с пути юнцах. Лэнси Рэя Фишера только что освободили.

– Я думаю предложить ему работу.

– Прости, я не понял.

Пэрис рассмеялась, услышав удивление в его голосе.

– У меня никогда раньше не было продюсера, хотя компания не раз предлагала мне нанять такого человека. У Лэнси будет возможность кое-чему научиться, набраться опыта.

– А как посмотрит на это Стэн?

– Такие решения принимает не он.

– Криншоу никак не отреагировал на то, что случилось?

Пэрис замаялась, не зная, что ответить.

– Стэн дуется, но все обойдется.

Она решила, что у Дина и так забот хватает. Зачем рассказывать ему об их стычке со Стэном? Ужасно глупо. Они столько наговорили друг другу, что вряд ли смогут восстановить прежние нормальные отношения.

И все-таки перспектива ссоры с коллегой не казалась ей такой мрачной, как это было бы еще неделю назад. Тогда жизнь Пэрис вращалась исключительно вокруг работы, потому что в жизни Пэрис не было ничего другого. Но теперь все изменилось.

Словно читая ее мысли, Дин сказал:

– Я хочу провести эту ночь с тобой.

Его слова пробудили воспоминания об их коротком, но таком потрясающем свидании. Легкая дрожь пробежала по телу Пэрис, тронув даже кончики пальцев.

– Предполагается, что я должна немедленно отключить линию, если слушатель заговаривает о таких вещах.

Дин хмыкнул:

– Я бы хотел очутиться с тобой рядом, но только не знаю, насколько еще задержусь.

– Дело прежде всего. Ты же знаешь, что я все понимаю.

– Знаю. – Дин вздохнул. – Но следующей ночи еще так долго ждать.

Пэрис чувствовала то же самое. Собрав остатки профессиональной выдержки, она поинтересовалась:

– Слушатель, у вас есть какая-нибудь просьба?

– Честно говоря, да.

– Слушаю.

– Люби меня, Пэрис.

Она закрыла глаза, затаила дыхание, а потом ответила тихо, но очень внятно:

– Я люблю.

– Я тебя тоже люблю.

Джон Рондо поднялся по лестнице, чтобы не ждать лифт. Обмен сведениями по электронной почте с управлением полиции Атланты принес новую информацию о Стэне Крин-

шоу. Молодому полицейскому не терпелось поделиться ею с Кертисом. Рондо решил лично встретиться с детективом.

Но когда он оказался в отделе расследований, там кипела работа. Если бы посторонний увидел такое количество народа, то наверняка решил бы, что на часах полдень, а не полночь. Мимо Рондо пробежала женщина-полицейский, и он придержал ее за локоть, заставив остановиться.

– Что происходит?

– Где ты пропал? – ответила она вопросом на вопрос, выдергивая свою руку и хмурясь. – Мы поймали Армстронга. Его вот-вот привезут сюда.

Рондо огляделся и увидел Дина Мэллоя, который беседовал с Тони Армстронг и мужчиной в сером костюме, по виду адвокатом. Кертиса он нашел в его закутке. Детектив разговаривал по телефону и тер ладонью короткий ежик волос:

– Нет, судья, он пока не признался, но против него много улик. Мы надеемся, что вскрытие позволит взять образец ДНК, хотя тело было вымыто...

Кертис замолчал, его, вероятно, прервали. Он снова потер голову.

– Да, мне известно, сколько времени занимает тест на ДНК, но есть вероятность того, что Армстронг, узнав о предполагающемся анализе, сломается. Разумеется, судья, как только я буду знать больше, я сообщу вам немедленно. Передайте мои соболезнования миссис Кемп. Спокойной ночи.

Кертис положил трубку на рычаг, долго смотрел на нее,

потом поднял голову и рявкнул:

– Что тебе?

Рондо предъявил папку, которую принес с собой.

– Сведения о Стэне Криншоу. Парень не в ладах с законом еще со школы. Задирал девочкам юбки. Ходил голышом. Это довольно интересно.

– Уверен в этом, но он не Валентино.

– Так что мне с этим делать? Выбросить?

Кертис встал, поправил запонки с монограммой, разгладил галстук.

– Оставь у меня на столе.

– Кто-то должен на это взглянуть, – настаивал Рондо.

Шум за стенами крохотного кабинета Кертиса дал понять, что там происходит нечто важное. Рондо вышел следом за детективом.

Рондо сразу узнал доктора Армстронга, которого видел на фотографиях. Армстронг был в наручниках, стоял, опустив голову, всем видом показывая, что он потерпел поражение. Рядом с ним стояли полицейские в форме. Его провели в комнату для допросов. Туда же вошли Мэллой, Тони Армстронг и адвокат. Кертис вошел последним и закрыл за собой дверь.

Рондо, чувствуя, что им пренебрегли, остался стоять, хлопывая по руке папкой. Если Кертис серьезно считает, что это и есть Валентино, то, возможно, Рондо следует оставить Стэна Криншоу в покое.

Но что, если после допроса Армстронга Кертис решит, что они поймали не того, кого надо? Что, если результаты вскрытия поставят под сомнение или даже опровергнут причастность дантиста к преступлению? Если образцы ДНК, взятые с останков Джейни, не совпадут с ДНК Армстронга? Да и найдут ли их эксперты, если учесть, что тело было вымыто специальным химическим составом?

Приняв решение, Рондо торопливо вышел из отдела исследований. Пройдя через двойные двери, он увидел Гэвина Мэллоя, сидевшего в вестибюле на скамье рядом с девушкой. Почему-то Рондо не заметил их, когда входил. Ну да, с лестницы он сразу повернул направо. А эта парочка сидела слева от лестницы. Услышав звук закрывающейся двери, девушка подняла голову.

Вот черт!

Рондо не знал ее имени, но видел ее не один раз. Если она его узнала, то его песенка спета.

Джон Рондо стрелой метнулся к лестнице.

– Слушай, Гэвин, кто этот парень? — А?

Усталость взяла свое, и Гэвин задремал. Мелисса ткнула его локтем в бок.

– Вон тот, посмотри! — Где?

Гэвин поднял голову, заморгал, потер глаза и посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Мелиссы. Сквозь металлические перила лестницы он увидел Джона Рондо, который

бегом поднимался наверх.

– Его зовут Джон Рондо.

– Он коп? – спросила Мелисса.

– Расследует компьютерные преступления, – пробормотал Гэвин. – Это он разоблачил «Секс-клуб».

– Серьезно? Я его где-то видела. Честно говоря, я почти уверена, что делала ему минет.

Ну просто здорово, подумал Гэвин. Если Мелисса сообразит, что Рондо тусовался вместе со школьниками и развлекался, как они, а потом выложит это кому-нибудь, Рондо решит, что это Гэвин его заложил.

– Да брось! Он из тех парней, которые всегда на кого-то похожи. – Не слишком удачное объяснение, но больше он ничего не смог придумать.

Мелисса задумчиво нахмурилась:

– Думаю, если бы я увидела его член, то знала бы наверняка. Но я могла бы поклясться...

И тут раздался мелодичный звонок, сообщающий о прибытии лифта. Они оба повернулись на звук и увидели приятную на вид, хорошо одетую пару, выходящую из-за угла. Мелисса встала.

– Твои предки? – спросил Гэвин, удивленный их респектабельным видом. Он ожидал увидеть семейку Осборнов, не меньше.

Мелисса неловко заковыляла к ним в своих босоножках на огромной платформе, машинально одергивая сверхкорот-

кую юбку.

– Привет, мама, привет, папа.

Они появились как нельзя кстати. Гэвин не хотел иметь с Рондо ничего общего, он даже говорить о нем не хотел. Он, конечно, с радостью раскрыл бы грязные тайны копа. Но, помня, что Рондо угрожал расправиться с его отцом, Гэвин был готов унести этот секрет с собой в могилу.

– Я виноват, Тони, я так виноват. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

Казалось, доктора Брэдли Армстронга куда больше волнует мнение жены, чем серьезные обвинения, выдвинутые против него. Если то, в чем его считали виновным, окажется правдой, смертная казнь ему гарантирована. Но он жалобно зывал к жене. Это было почти трогательно.

– Давай сначала закончим с этим, Брэдли. У нас еще будет время поговорить о прощении.

Тони Армстронг держалась твердо, ее голос звучал спокойно, и это было совершенно невероятно в подобных обстоятельствах. Пусть ее защитная броня была не толще целлофана, но она оставалась непробиваемой. Когда Тони покидала комнату для допросов, Дин попросил женщину не уходить далеко. Ее муж остался наедине с ним, Керти-сом и семейным адвокатом.

Детектив включил магнитофон, громко и четко назвал всех присутствующих, а затем подробно изложил Брэдли Армстронгу все, что было известно о нем полиции, и сказал, почему его подозревают в похищении и убийстве Джей-ни Кемп.

– Эту девушку я не похищал.

Брэдли не хотел признавать свою вину, но это не сбило с

толку Кертиса.

– К этому мы еще вернемся. А сейчас давайте поговорим о ваших непристойных действиях по отношению к Пэрис Гибсон. – Армстронг скорчил гримасу. – Я вижу, вы помните этот случай, – констатировал Кертис. – Вы до сих пор ненавидите мисс Гибсон, так?

– Из-за нее я лишился очень доходного места.

– Но вы признаете, что прикасались к ней неподобающим образом?

Армстронг опустил голову и кивнул.

– Ответьте вслух для магнитофонной записи, пожалуйста.

– Да, я признаю.

– Вы звонили к ней на программу в последнее время?

– Нет.

– Вы вообще ей не звонили?

– Все могло быть, – уклончиво ответил Армстронг.

– На вашем месте, доктор Армстронг, я не стал бы изворачиваться. Это очень простой вопрос, – сказал Кертис. – Так вы звонили мисс Гибсон во время программы, да или нет?

Стоматолог поднял голову и вздохнул.

– Да, я звонил ей, сказал какую-то грубость и повесил трубку.

– Когда это было?

– Очень давно. Тогда мы только переехали в Остин, и я узнал, что она ведет программу на радио.

– Вы звонили ей только тогда? – уточнил Дин.

– Клянусь вам.

– Вы знали, что мисс Гибсон, мистер Мэллой и человек по имени Джек Доннер связаны между собой?

Дин посмотрел на Кертиса и собирался уже спросить, какого черта он задает такие вопросы, но Армстронг ответил раньше, чем он успел открыть рот.

– В Хьюстоне об этом говорили во всех выпусках новостей.

И только тут Дин сообразил, насколько важен этот вопрос. Валентино говорил Пэрис, что она и Дин виноваты в смерти Джека, то есть он был знаком с их историей.

– Откуда вы звонили на радиостанцию?

– Из дома или с моего сотового. Я не помню точно, но я абсолютно уверен, что никогда не звонил этой женщине насчет Джейни Кемп.

Кертис уже знал, что в записях звонков с домашнего телефона Армстронгов и сотового телефона доктора нет звонков на радиостанцию. Но он проверял записи только за последние несколько месяцев. Армстронг мог говорить правду, но он мог звонить и из телефона-автомата. Кроме того, он мог иметь еще один сотовый, оформленный на другое имя, номера которого они не знали.

Детектив поинтересовался, менял ли Армстронг голос, когда звонил.

– Зачем? Эта Гибсон все равно никогда бы не узнала моего голоса. Мы встречались только в тот раз.

– Вы называли свое имя, когда звонили мисс Гибсон? – задал следующий вопрос Кертис.

– Нет. Я выпалил только «а пошла бы ты на...» или что-то в этом роде и сразу повесил трубку.

– Откуда вы взяли имя Валентино?

Армстронг посмотрел на своего адвоката, потом на Дина, словно ждал дополнительных объяснений.

– Чье имя?

– Валентино, – повторил Кертис.

В газетах и на телевидении сообщали о предупреждении, полученном Пэрис Гисбон, как о ключевом моменте дела, но имя звонившего оставалось тайной, чтобы избавить отдел расследований от череды ложных признаний и от необходимости проверять пустые версии.

– Вы позаимствовали это имя у актера немого кино? – продолжал спрашивать Кертис. – И почему именно семьдесят два часа? Почему не сорок восемь? Это ведь оказалось ближе к истине.

Армстронг повернулся к своему адвокату:

– О чем он говорит?

– Неважно, к этому мы еще вернемся. – Кертис легко сменил тему. – Расскажите нам о Джейни Кемп. Где вы с ней познакомились?

Адвокат строго следил за каждым словом своего клиента, но стоматолог признал, что он заходил на сайт «Секс-клуба» и в конце концов стал посещать места встреч его членов.

– Я уезжал из дома под надуманным предлогом.

– Вы лгали вашей жене.

– Это не преступление, – вмешался адвокат.

– Но сексуальные отношения с несовершеннолетними преступны, – не задержался с ответом Кертис. – Когда вы впервые увидели Джейни, доктор Армстронг?

– Я не помню точно. Около двух месяцев назад.

– При каких обстоятельствах?

– Я уже знал, кто она такая. Я обратил на нее внимание, начал расспрашивать и выяснил, что на доске объявлений сайта она подписывается именем Киска-в-сапогах. Я уже читал ее сообщения, знал, что она... – Он запнулся на последнем слове и решил, видимо, выразиться иначе: – Я знал, что эта девушка сексуально активна и готова практически на все.

– Иными словами, для таких хищников, как вы, она была добычей.

Адвокат приказал Армстронгу не отвечать. Кертис махнул рукой, словно нехотя извинился за свое предположение, и продолжал допрос:

– В тот вечер, когда вы познакомились с Джейни, вы занимались с ней сексом.

– Да.

– Джейни Кемп было семнадцать лет, – уточнил адвокат.

– Только исполнилось, – сказал Кертис.

Когда Армстронг заговорил, в его голосе появились страдальческие нотки.

– Вы должны понять, что эти девушки именно для этого туда и приезжали. Они искали секса. Мне ни разу не пришлось заставлять ни одну из них заняться со мной сексом. На самом деле одна из них – не Джейни, другая – заставила меня заплатить ей за пять минут ее времени и тут же перешла к другому клиенту. Она сказала, что зарабатывает на сумочку от Луи Вуиттона.

– У вас есть доказательства?

– Разумеется, она заходила, чтобы показать мне чек, – саркастически ответил Армстронг.

Но детектив не увидел в этом ничего смешного, его лицо словно окаменело. Дин поверил в рассказ Армстронга о проституции среди членов «Секс-клуба», потому что это совпадало с тем, что говорил ему Гэвин.

У Кертиса уже был наготове следующий вопрос:

– В тот вечер, когда вы познакомились с Джейни, где вы занимались с ней сексом?

– В мотеле, – ответил Армстронг.

– В том самом, где вас нашли сегодня? Стоматолог кивнул.

– У меня там однокомнатная квартира, – объяснил он.

– Которую вы снимаете для подобных случаев?

– Не отвечайте, – проинструктировал Армстронга адвокат.

– Вы делали снимки Джейни? – спросил Кертис.

– Снимки?

– Фотографии, – уточнил детектив, – правда, несколько иного свойства, чем из вашего семейного альбома, – сухо добавил он.

– Возможно, я не помню. Кертис хмуро посмотрел на него:

– В вашем гнезде разврата сейчас идет обыск. Почему бы вам не сказать мне, что мы можем там найти, и не сберечь нам время?

– Я храню порножурналы, порнофильмы. Иногда я... фотографировал женщин. Так что да, может быть, вы найдете и фотографии Джейни.

– И вы сами проявляете пленки?

Армстронг с искренним изумлением уставился на детектива:

– Я не умею проявлять.

– Тогда где же вы проявляли снимки женщин и печатали их? – последовал вопрос.

– Я отсылал пленки в лабораторию за городом.

– Что это за лаборатория?

– Я не знаю названия, у меня есть только номер почтового ящика. Могу вам его назвать.

– Позвольте предположить, что эта лаборатория обрабатывает пленки именно для таких клиентов, как вы?

Армстронг залился краской и кивнул.

– Я редко пользуюсь ее услугами, но все-таки пользуюсь.

Ответы Армстронга не подтверждали того, что Джейни го-

ворила Гэвину о своем новом мужчине и его увлечении фотографией. Либо Армстронг не лгал, либо лгал очень убедительно.

Вероятно, Кертис пришел к такому же выводу, потому что снова сменил тему и стал спрашивать доктора о том, когда тот в последний раз видел Джейни.

– Три дня назад. Думаю, именно в тот вечер она исчезла.

– Где вы ее видели?

– В условленном месте на берегу озера Трэвис.

– Вы поехали туда специально, чтобы встретиться с ней?

– Да, – ответил Армстронг прежде, чем адвокат успел предостеречь его. Брэдли слишком поздно заметил поднятую руку своего защитника. – Это не преступление назначить свидание и прийти на него, – тут же сказал Армстронг, стараясь исправить ситуацию. Адвокат обратился к Кертису:

– Я согласился позволить моему клиенту отвечать на все эти вопросы только потому, что он категорически отрицает свою причастность к похищению и убийству. Он общался со взрослой женщиной с ее на то согласия. Его слова не могут считаться признанием в совершении преступления.

Кертис кивнул и сделал знак Армстронгу продолжать.

– Джейни ждала меня в своей машине.

– В котором часу это было? – спросил Дин, вспомнив слова Гэвина о том, что он тоже был в машине Джейни. Девушка явно кого-то ждала.

– Я не могу вспомнить точно. – Армстронг наморщил

люб. – Думаю, около десяти.

– Что вы делали в ее машине? – Кертис не давал ему передышки.

– Мы занимались сексом.

– Это было совокупление?

– Минет.

– Вы пользовались презервативом? – Вопросы сыпались градом.

– Да.

– Что было дальше?

– Я... Я хотел побыть с Джейни еще немного, но она сказала, что у нее еще есть дела. Думаю, она ждала кого-то еще.

– Например?

– Другого мужчину. Джейни настояла на том, чтобы я ушел, но пообещала встретиться со мной на следующий день в это же время и в этом же месте. Когда я уезжал, она все еще сидела в своей машине и слушала музыку. Я приехал на следующий день. Ее не было. Я ничего не знал о ее исчезновении, узнал об этом из газет. Там была и ее фотография.

– Почему вы не пришли к нам и ничего не рассказали? – спросил Кертис.

– Я был напуган. А вы бы не испугались на моем месте?

– Не знаю. Как вы считаете? Испугался бы я или нет?

– Я нарушил условия моего условного наказания. Девушка, с которой я несколько раз занимался сексом, пропала. – Армстронг беспомощно поднял плечи. – Сами подумайте.

Кертис фыркнул:

– Я уже подумал, доктор Армстронг. И картина мне представляется вот какой. Вам захотелось получить от Джейни больше, чем она была согласна вам дать. Вы поспорили. Вы всегда впадаете в ярость, когда женщина не желает уступать вам, не так ли?

– Иногда я сержусь, но быстро остываю.

– Не слишком быстро. В тот вечер вы были так рассержены, что начали душить Джейни прежде, чем поняли, что вы делаете. Возможно, она умерла сразу или просто потеряла сознание, а умерла позже. Как бы там ни было, вы и впрямь перепугались. Вы отвезли Джейни в вашу нору в этом паршивом мотеле и попытались придумать, что делать дальше. В конце концов вы сбросили труп в озеро, а сами затаились в вашем логове, надеясь, что убийство сойдет вам с рук.

– Нет! Клянусь, я ни к чему не принуждал Джейни. Я на сто процентов уверен, что не убивал ее.

Адвокат тер виски, словно размышлял, как ему выстраивать защиту клиента на основании одних лишь голословных заявлений. Армстронг все отчаянно отрицал, но не более того. Кертис выглядел таким же суровым и бесстрастным, как индеец-манекен в табачном магазине.

– Не думаю, что вы сделали это намеренно, – спокойно сказал Дин.

Армстронг повернулся к нему с видом утопающего, хватающегося за соломинку.

Дину подходила роль «добрého» полицейского. Пусть Кертис грубит и давит. На несколько следующих минут Дин станет для Армстронга лучшим другом и единственным источником надежды. Мэллой сложил руки на столе и немного подался вперед.

– Брэдли, скажите, вам нравилась Джейни? Ведь я могу называть вас просто Брэдли, правда? – начал он.

– Конечно. – Армстронг как будто даже обрадовался.

– Так вам нравилась эта девушка? Я имею в виду как человек.

– Честно говоря, не слишком. Не поймите меня неправильно, она была такой... – Он осторожно покосился на своего адвоката.

– Сексуальной и готовой на все? – подсказал Дин. – С такой девушкой мы все хотели встречаться в старших классах школы.

– Именно такой она и была. Но как человек она мне не очень понравилась.

– Почему?

– Как большинство девушек с такой внешностью, Джейни была эгоистичной и тщеславной. Она обращалась с людьми, как с грязью. Либо вы играете по ее правилам, либо она с вами вообще не играет.

– Джейни когда-нибудь отвергала вас? – спросил Дин.

– Только однажды.

– Ради другого парня? Армстронг покачал головой:

– Нет, она сказала, что у нее ПМС и она не в настроении.
Дин приятельски улыбнулся ему:

– Мы все это проходили.

Но потом он выпрямился, сложил руки на груди, его улыбка превратилась в хмурую складку у губ.

– Проблема в том, Брэдли, что большинство парней на это бы просто наплевали. Да, конечно, им было бы досадно, но обычный нормальный парень отправился бы выпить пива, посмотрел бы футбол и нашел бы другую, более покладистую девчонку. Но вы не умеете мириться с отказом. Вы этого не выносите. Вы сразу же срываетесь, правда?

Армстронг тяжело глотнул и пробормотал:

– Иногда.

– Как это случилось накануне вечером с Мелиссой Хэтчер, – поставил точку Дин.

– У меня не было времени переговорить с моим клиентом о Мелиссе Хэтчер, – вмешался адвокат. – Поэтому я не могу позволить ему говорить о ней.

– Пусть молчит, – охотно согласился Дин. – Я сам все скажу за него. – Не дожидаясь разрешения адвоката, он продолжал: – Мы все видели эту девушку. Любой мужчина рассудил бы, что она одета так, словно говорит «подойди и возьми меня».

– Тогда кто может меня обвинить... – встрял Брэдли.

– Молчите, – оборвал его адвокат.

Не обращая на адвоката внимания, Дин внимательно на-

блюдал за Армстронгом.

– Вам не повезло, Брэдли. Законы штата Техас против вас. Если вы совокуплялись с ребенком, имели с ним оральный или анальный секс, это называется сексуальным преступлением с отягощающими последствиями. Верно? – Он посмотрел на адвоката. Тот коротко кивнул.

– Сколько лет Мелиссе? – спросил Брэдли.

– Семнадцать ей будет только в будущем феврале, – сказал Дин. – Она заявила, что имела с вами сексуальный контакт и совокупление.

– А что, если... А что, если это произошло по взаимному согласию? – робко задал вопрос Армстронг, словно не слыша призывов адвоката молчать.

– Не имеет значения, – ответил Кертис. – Вас уже судили по обвинению в сексуальных домогательствах. Согласно параграфу 62, вас нельзя оправдать.

Армстронг уронил голову на руки. Снова заговорил Дин:

– Вас обвиняли в правонарушении третьей степени. Но на этот раз, Брэдли, это преступление первой степени.

– За которое могут приговорить и к смертной казни, – услужливо подсказал Кертис.

Игнорируя его слова, Дин продолжал гнуть свою линию:

– Вы дорого заплатили за свое непристойное поведение. Вы потеряли работу и уважение коллег. Вы можете потерять семью. – Мужчина вздрогнул, его плечи затряслись от рыданий. – И, несмотря на все тяжелые последствия вашего

непристойного поступка, вы не прекратили подобное поведение.

– Я пытался! – воскликнул Армстронг. – Господь свидетель, я пытался. Спросите Тони. Она вам скажет. Я люблю ее, люблю детей. Но... я не могу справиться с собой.

Дин снова подался к нему.

– Именно об этом я и говорю. Вы не можете помочь себе сами. Мелисса так распалила вас, что, когда она вдруг сказала «нет», вы взорвались. Вы схватили ее, стали трясти, отвели ей пощечину. Вы не хотели этого, но вы не контролировали себя, даже зная наверняка, что потом пожалеете о своем порыве. Желание сексуально доминировать над ней лишило вас разума и здравого смысла. Вы должны были обладать ею, и все. Остальное не имело значения. Ни наказание, если бы вас поймали, ни любовь к Тони и детям не могли остановить вас. Вы так и не научились справляться со своим непреодолимым влечением. Из-за него вы так обошлись с Мелиссой и из-за него убили Джейни.

– Не отвечайте, – предупредил адвокат.

Дин еще больше понизил голос и заговорил с Армстронгом так, словно они были в комнате одни:

– Я ясно вижу, что произошло три дня назад, Брэдли. Вы встречались с молодой, очень сексуальной девушкой. Вы думали, что она влюблена в вас. Она регулярно встречалась с вами, и вы были уверены, что вы у нее единственный. И в тот вечер она снизошла к вам. Это замечательно, но вы знали,

что она неискренна. Вы знали, что она лгунья и безжалостная обольстительница. Вы знали, что она ждет другого мужчину, который придет и заменит вас. Когда вы прямо сказали ей об этом, Джейни велела вам убираться. Вы сказали, что ревнуете, что она должна принадлежать только вам. И ваши слова рассердили ее. «Неужели ты и в самом деле думал, что я брошу других мужчин ради тебя? – спросила она вас. – Ты просто бедный, мечтательный идиот». Тут вы разозлились не на шутку. Вы спросили себя, почему ей все сходит с рук. Как она посмела позвонить на радио Пэрис Гибсон и говорить о вас в эфире? Да за кого она себя, черт побери, принимает? – Дин взглядом гипнотизировал Армстронга. – Когда в тот вечер вы сели в машину Джейни, вы не планировали похищать и убивать ее. Я в этом не сомневаюсь. Думаю, вы собирались только поговорить с ней и все выяснить.

И, возможно, если бы Джейни вас не высмеяла, этим бы все и закончилось. Но она расхохоталась вам в лицо. Джейни просто кастрировала вас своими издевками, оскорбила вас так, что вы не могли этого вынести. И вы потеряли контроль над собой. Вы захотели наказать ее, что вы и сделали. Вы решили, что сексуальное насилие будет для нее самым лучшим наказанием. Несколько дней вы причиняли ей боль, а когда сочли, что отомстили, вы задушили ее. Вам было наплевать, что вы дали Пэрис срок в семьдесят два часа.

Окаменев от ужаса, Армстронг смотрел на Дина. Он перевел взгляд на Кертиса, чье лицо оставалось непреклонным

и суровым. Тогда, сложив руки на столе, он уронил на них голову и хрипло простонал:

– О господи, господи!

Кертис и Дин удовлетворили просьбу адвоката побыть с его подзащитным наедине и вышли в коридор. Кертис улыбался и потирал руки, предчувствуя скорую победу.

– Но Армстронг пока не подписал признания, – остудил его пыл Дин.

– Просто под рукой не оказалось ручки и бумаги, – не сдавался Кертис. – Кстати, вы отлично поработали.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил Дин. Это могло оказаться всего лишь первым раундом долгого и изматывающего допроса, и потом его мучили некоторые вопросы. – Я не спросил, слышал ли он, как Джейни рассказывала в эфире о любовнике, которого собиралась бросить.

– Вы намекнули на это, и он не стал отрицать.

– Но Армстронг отрицал, что звонил Пэрис по поводу Джейни.

– До того как мы его об этом спросили. Для меня это означает, что он виновен.

– Армстронг знал о звонках Пэрис, потому что об этом сообщали в прессе. Судя по записям, он на студию не звонил.

– Существует множество способов позвонить, чтобы не осталось никаких записей.

– Раньше Армстронг никогда никому не звонил с угрозами. Почему он поступил так теперь?

– Может быть, решил развлечься иначе. Звонки от имени Валентино возбуждали его, а с другой стороны, пугали Пэрис. Он хотел нагнать на нее страху и отомстить ей.

Это имело смысл, но только если укладывалось в общую схему.

– Я не вижу в Армстронге Валентино. Стоматолог, несомненно, болен, но в нем нет той злости и ненависти, которая есть в Валентино.

Кертис раздраженно нахмурился:

– Да забудьте вы на минуту о мотивации и посмотрите на факты.

– На какие именно?

– Его профессия. Он дантист.

– Химический состав для обмывания тела. – Дин рассуждал вслух. Эксперт подтвердил, что трупы Мэдди Робинсон и Джейни Кемп были тщательно вымыты. – Это мог сделать человек, знакомый с медициной, но и психопат, стремящийся смыть свою вину.

– Армстронг подходит под обе эти категории, – подытожил Кертис.

Дин обернулся и через плечо посмотрел на закрытую дверь комнаты для допросов.

– Джейни удерживали силой. Ее мучили. На ее теле нашли следы укусов.

– Мы сможем сравнить отпечаток зубов.

– Я говорю о том, что в предыдущих поступках Армстрон-

га не было даже намека на насилие. Он псих, согласен, но не склонный к насилию.

– В чем дело, Мэллой? – сердито поинтересовался Кер-тис. – Его собственная жена сказала нам, что в нем растет тяга к насилию. Вы сами говорили, что именно так обычно развивается психоз, которым страдает Армстронг. Вы что, себе самому не доверяете?

– Я помню, что я говорил, и я не ошибался, – задумчиво произнес Дин.

– И потом накануне вечером он ударил Мелиссу Хэтчер.

– От случайной оплеухи до пыток, насильственных действий сексуального характера и убийства путем удушения огромное расстояние.

– Я с вами не согласен. Да и убитые женщины с вами не согласятся.

– Не перегибайте палку, Кертис, – рассердился Дин. – Я никого не оправдываю. Я только говорю...

– Проклятие! Я слышу, что вы говорите, – пробурчал Кер-тис и с силой выдохнул, пытаясь снять раздражение. Помол-чав и немного успокоившись, он спросил: – Чем еще пора-дуете?

– Мы забыли о фотографиях.

– Армстронг признал, что мог сделать несколько снимков Джейни.

– «Мог», «несколько». Армстронг говорил о фотогра-фиях, как о пустяке. Джейни имела в виду совсем другое.

Прежде чем мы снова возьмемся за Армстронга, могу я привести сюда Гэвина и расспросить его об этом поподробнее?

Кертис пожал плечами:

– Я согласен на все, что поможет нам прижать этого парня.

Дин вышел в вестибюль и знаком подозвал к себе Гэвина. Мелисса осталась сидеть с женщиной и мужчиной. Дин догадался, что это ее родители.

– В чем дело, пап? – спросил Гэвин. – Он сознался?

– Пока нет. Мне нужно, чтобы ты повторил мне и сержанту Кертису все, что Джейни говорила тебе о Валентино Любую мелочь, все, что сможешь вспомнить. Согласен?

– Да я уже раз десять все рассказывал, – с досадой сказал Гэвин.

– Еще один раз, пожалуйста.

Когда они вошли в закуток Кертиса, тот наливал себе кофе. Детектив предложил кофе и им, но они отказались. Кертис сделал глоток из пластиковой чашки и произнес:

– Любое замечание Джейни может нам пригодиться, Гэвин. Не бойся повторить то, что уже говорил.

– Мне бы очень хотелось вспомнить что-то еще, сэр. Она говорила, что парень старше нас. Что он клевый, знает, как надо обращаться с женщинами.

– Нас особенно интересуют фотографии, – подсказал Дин.

– Джейни говорила, что парень просто помешан на этом. Свет, объективы, все самое лучшее, самое совершенное. Он сам показывал ей, какую позу принять. Укладывал ей руки

и ноги, поворачивал голову. В общем, все.

– Может быть, она преувеличивала, чтобы произвести на тебя впечатление? Чтобы ты думал о ней, как о модели, которая снимается, например, для «Пентхауса»?

– Возможно, – согласился Гэвин. – Но если она и преувеличивала, то заранее хорошо подготовилась и изучила тему. Джейни очень много об этом знала. Она упоминала скорость съемки и все такое прочее. Она говорила, что он трясется над каждым снимком и злится, если она отказывается ему помогать.

– Валентино не просто несколько раз щелкнул затвором, чтобы получить парочку непристойных снимков, – сказал Дин Кертису. – Если вы повнимательнее посмотрите на фотографию, которую Джейни подарила Гэвину, то увидите, что сделал ее любитель, стремящийся, чтобы его считали художником.

– И вы думаете, что Армстронг на это не способен?

– Способен, – согласился Дин. – Но если мужчина изменяет жене, которая его ждет, неужели он станет тратить время на фотографирование?

Обдумывая его слова, Кертис случайно поднял голову.

– А ты что здесь делаешь?

Дин повернулся, чтобы посмотреть, что отвлекло Кертиса, и увидел офицера Григса, идущего к ним. Улыбка новичка растаяла при виде рассерженного сержанта и звуке его сурового, неодобрительного голоса.

– Я... Меня отпустили, сэр. Сказали, что все в порядке, я могу ехать. Но мне не терпелось узнать, признался ли Армстронг, поэтому я...

– Ты оставил Пэрис одну? – встревожился Дин.

– Видите ли, сэр, не совсем...

– Кто разрешил тебе уехать?

– Джон Рондо.

Углом глаза Дин увидел, как на это имя прореагировал его сын. На лице Гэвина появилось выражение тревоги, а не отвращения, как ожидал Дин.

– Гэвин? В чем дело?

Парень молча смотрел на него. Его лицо побелело.

– Гэвин! – закричал Дин.

– Папа... – Он судорожно сглотнул и только потом смог говорить дальше. – Я должен тебе кое-что рассказать...

Бело-голубой дневной свет из вестибюля радиостанции, проникающий сквозь толстые стеклянные стены, чуть оживлял темноту коридоров, но лишь самую малость. Городские огни скрывались за окружающими здание холмами. Луна была совсем молодой и почти не давала света. В этот ночной час редкая машина проносилась мимо по узкой автостраде. Ближайший магазинчик закрывался в десять вечера.

От здания радиостанции открывался вид на холмы, поросшие кедрами, усеянные глыбами известняка, где иногда паслось небольшое стадо коров. Это было идеальное место для огромной антенны, мигавшей в вышине красными огнями, предупреждая низко летящие частные самолеты.

Рондо тянул время, бродя вокруг своей машины, пока задние фонари патрульной машины Григса не скрылись за холмом. Он с хмурым неодобрением посмотрел вслед уезжающим полицейским. Разумеется, он хотел, чтобы они уехали. Но разве копам не следовало проверить, действительно ли Кертис отдавал им приказ покинуть пост? Почему Григс поверил Рондо на слово? Такая неосторожность непростительна. Завтра он доложит об этом начальству. Он потеряет их расположение, но кто по дороге наверх обзаводится друзьями?

Рондо смотрел на парадную дверь, держа в руках папку

с материалами о Стэне Криншоу. Полученная информация рисовала тревожный портрет человека, которого ненормальная обстановка в семье и собственные комплексы привели к нарушающему приличия поведению в детстве и создали отличную почву для развития отклонений, которыми страдал Валентино.

Но Криншоу его непристойное поведение сошло с рук, и больше всего Рондо оскорбляла несправедливость этого. Дядя откупал племянника ото всех неприятностей. Поступая подобным образом, Уилкинс Криншоу постепенно выращивал чудовище, способное похитить, изнасиловать, пытаться и убить красивую молодую женщину.

Из-за непростительной близорукости и заикленности на Брэдли Армстронге сержант Кертис не ознакомился с самыми сочными фрагментами присланных документов. Сначала Рондо на него обиделся, но потом решил, что это ему только на руку. Не подозревая об этом, Кертис подарил ему золотой шанс стать героем в глазах окружающих.

Рондо решил не жать на кнопку звонка, а просто постучал в стеклянную дверь.

Ему не пришлось ждать долго. Вскоре он увидел совершенно невыразительную, вялую личность – Стэна Криншоу. Тот неторопливо вышел из полутемного коридора, прошел через вестибюль и стал вглядываться в дверь. Рондо знал, что благодаря ночной темноте стекло превратится в зеркало и Криншоу ничего не увидит. Мужчине пришлось прижать-

ся к стеклу, закрывая ладонями лицо с обеих сторон, чтобы увидеть, кто стучал.

Он посмотрел на Рондо с высокомерием человека, родившегося в богатой семье, перевел взгляд на пустую стоянку, где почему-то не оказалось патрульной машины.

– Где полицейские? – спросил Стэн.

Рондо, предчувствуя успех, предъявил свое удостоверение.

– Вы, конечно, узнали Джона Матиса и его песню «Туман». Под эту музыку так приятно прижаться к любимому человеку. Я надеюсь, что он рядом с вами сегодня ночью, пока вы слушаете песни о любви на волне 101.3 FM. Я Пэрис Гибсон, и теперь я предлагаю вам послушать Мелиссу Манчестер с песней «Я не знаю, как любить его». Телефонные линии работают. Звоните мне.

Когда зазвучала песня, Пэрис отключила свой микрофон. Две телефонные линии мигали. Она нажала на одну из кнопок, но послышались лишь гудки. Пэрис мысленно извинилась перед слушателем, которому пришлось ждать слишком долго.

Она нажала на вторую красную кнопку.

– Говорит Пэрис.

– Привет, Пэрис.

У нее буквально остановилось сердце, а потом забилось с новой силой, запульсировало в горле, кровь застучала в вис-

ках.

– Кто это? – хрипло спросила она.

– Ты знаешь, кто это. – Его смех испугал Пэрис еще больше, чем зловещий шепот. – Это твой верный поклонник Валентино.

Пэрис в отчаянии оглянулась, надеясь, что Стэн тихонько вошел в студию. Она была бы так рада его появлению. Но в комнате она была одна.

– Но как...

– Знаю, знаю, твой приятель уверен, что схватил преступника. Он мог бы показаться самодовольным, если бы не выглядел таким жалким. – Валентино рассмеялся снова, и по рукам Пэрис побежали ледяные мурашки ужаса. – Я был плохим мальчиком, правда, Пэрис?

У нее пересохло во рту. Сердце гулко билось о ребра, кровь прилила к щекам, в ушах шумело. Пэрис приказала себе успокоиться и подумать. Она обязана предупредить Дина, сержанта Кертиса, Григса у входа, что полиция арестовала не того человека, что Валентино до сих пор на свободе. Но как это сделать?

О чем она думает! У нее же есть микрофон. Одно нажатие, и ее услышит огромная аудитория.

Пэрис легко могла дотянуться до нужной клавиши, но передумала. Невозможно вот так просто заявить в прямом эфире, что управление полиции Остина село в лужу. А если этот звонок – просто жестокий розыгрыш? А если она зря

напугает людей?

Пусть этот тип продолжает говорить, а она тем временем придумает, как поступить.

– Помимо всего прочего, вы еще и лгун, Валентино. Вы не соблюдли указанного вами же срока.

– Это правда. Я бесчестен.

– Вы убили Джейни до того, как у меня появился шанс спасти ее.

– Несправедливо, верно? Но я никогда не говорил, что буду честным, Пэрис.

– Тогда зачем вы мне позвонили? Если вы все равно собирались ее убить, зачем вся эта история с телефонными звонками?

– Я хотел изуродовать твой мир. И у меня получилось, не так ли? Ты чувствуешь себя ужасно, потому что не смогла спасти жизнь этой потаскухи.

Пэрис не попала на эту удочку. Это она уже проходила, и Джейни была уже мертва. Пэрис могла принести пользу обществу только в том случае, если ей удастся узнать, кто этот сукин сын на самом деле, и увидеть его на скамье подсудимых. Если спорить с ним, то она ничего не добьется.

Она могла бы позвонить Дину по сотовому, но телефон остался в сумочке в ее кабинете. Может быть, создать какую-нибудь техническую проблему, чтобы в студию прибежал Стэн? Скоро песня Мелиссы Манчестер закончится. Она последняя в программе. Тишина в эфире заставит Стэна

заволноваться, и он придет.

Пока Пэрис искала выход из сложившегося положения, Валентино не умолкал:

– Джейни должна была умереть, потому что, видишь ли, она мне изменила. Она была, бессердечной сукой. Я наслаждался, глядя, как она медленно умирает. Я мог бы сказать наверняка, когда она поняла, что ей от меня не уйти. Она поняла, что не выживет.

– Для вас это было сногшибательным приключением.

– Совершенно верно. Хотя я бы скорее назвал его душещипательным. Особенно когда она смотрела на меня, взглядом умоляя оставить ей жизнь.

Это заявление заставило Пэрис забыть о ее намерении не поддаваться на его провокации.

– Ты просто сумасшедший ублюдок.

– Ты думаешь, я болен? – любезно поинтересовался он. – Я нахожу это странным, Пэрис. Я мучил и убил Джейни, но ты мучила и убила своего жениха, разве не так? Разве не мучительно было для него узнать, что ты изменила ему с его лучшим другом? Себя ты тоже считаешь больной?

– Это не я направила машину Джека на опору моста, он это сделал сам. Авария произошла по его вине. Он сам выбрал свою судьбу.

– Это бессердечная логика, – укорил ее Валентино голосом приходского священника. – Я не вижу разницы между твоим грехом и моим. Твой жених мучился дольше и уми-

рал медленнее, вот и вся разница. Значит, ты куда более жестока, чем я. Вот почему ты должна быть наказана. Разве я могу допустить, чтобы тебе все сошло с рук, чтобы ты стала жить с Мэллоем и была счастлива? Нет, я не могу, – произнес Валентино нараспев. – Вы никогда не будете вместе, потому что ты, Пэрис, скоро умрешь. А именно сегодня, сейчас. – Линия отключилась. Пэрис мгновенно потянулась к кнопке экстренной связи. Но и эта линия молчала. Тишина. Ничего, ни шороха, ни шуршания. Пэрис проверила все остальные линии, но связи не было.

Она осознала произошедшее, и ей стало страшно. Либо Валентино сумел повредить сложное телефонное оборудование извне, либо – и именно этого боялась Пэрис – он сумел проникнуть в здание.

Она вскочила с кресла, бросилась к двери, распахнула ее и крикнула в темный коридор:

– Стэн!

В эфире заканчивалась песня Уэбберов. Пэрис бегом вернулась к панели управления и схватила свой микрофон.

– Слушайте меня, говорит Пэрис Гибсон. – Ее голос прозвучал слишком высоко, слишком тонко, совсем не похоже на ее обычное контральто. – Это не...

Звонок тревоги прервал ее.

Она повернула голову на звук. Звенел сканер, записывавший все, что выходило в эфир. Он срабатывал только в случае перерыва передачи.

Пэрис охватил ужас. Она несколько раз нажала на кнопку своего микрофона, но ничего не работало.

Она снова метнулась к двери.

– Стэн!

Эхо ее крика преследовало ее, пока она бежала к своему кабинету. Сумочки на столе не было. Она валялась на полу, ее содержимое рассыпалось. Дрожащими пальцами Пэрис перебирала косметику, носовые платки, мелочь, надеясь найти сотовый. Но она уже знала, что его там не окажется.

Телефона не было.

Пропали и ее ключи.

Пэрис отчаянно рылась в сваленной на ее столе почте, упала на колени, заглянула под стол, но она знала, что ключи и телефон забрал тот же самый человек, который оборвал телефонный кабель и отключил передатчик. Она оказалась отрезанной от всего мира тем самым ненормальным, который уже убил Джейни и обещал убить ее саму.

Валентино.

Она так громко дышала, что ничего больше не слышала. Пэрис затаила дыхание, чтобы прислушаться. Она осторожно подошла к открытой двери своего кабинета и застыла на пороге. Коридор был темным, как всегда. Но теперь привычная темнота на давала ей ощущения безопасности и комфорта. Она стала зловещей, возможно, потому, что в здании было тихо, как в могиле.

Где же Стэн? Неужели он не заметил, что прервалось ве-

щение? Если он заглянул в студию и не нашел там Пэрис, то почему он не стал ее искать?

Но ее мозг еще не успел сформулировать вопрос, когда ответ возник сам собой. Стэн не мог прийти и проверить, что с ней случилось.

Валентино что-то сделал с ним, возможно, еще до того, как позвонил ей. Он мог провести в здании достаточно времени, и Пэрис ничего не слышала из-за звуконепроницаемой двери в студии.

Но как Валентино прошел мимо Григса и Карсона? Каким образом он открыл дверь в здание? Может быть, Валентино убедил Стэна открыть ему дверь? Но как ему это удалось?

На эти вопросы ответа пока не было.

Пэрис захотелось захлопнуть дверь своего кабинета, запереться и ждать, пока придет помощь. Слушатели ее программы и так уже задаются вопросом, почему прервали вещание. Может быть, и Дин уже об этом знает, и сержант Кертис. Кто-нибудь скоро примчится ей на выручку.

А пока она не может прятаться. Григс и Карсон могут быть ранены. И Стэн тоже.

Она осторожно вышла в коридор. Пэрис тихо двинулась вдоль стены, прижимаясь к ней спиной. Надо было попасть в вестибюль. У нее было одно преимущество по сравнению с Валентино. Она хорошо знала здание и привыкла двигаться в полутьме.

Ступая быстро, но осторожно и бесшумно, насколько это

было возможно, Пэрис добралась до выхода. К каждому перекрестку коридоров она приближалась с опаской, страшась того, что могло ждать ее за углом. Но, сделав последний поворот, она увидела, что вестибюль пуст и ярко освещен. Она подбежала к двери, намереваясь биться о стекло, чтобы привлечь внимание полицейских.

Но патрульной машины на парковке не оказалось, и дверь была заперта изнутри.

Вскрикнув от неожиданности, Пэрис попятилась и уперлась в стол секретаря. Она прислонилась к нему, пытаясь перевести дух и решить, что делать дальше.

Неожиданно ее лодыжку обхватили чьи-то пальцы. Пэрис закричала.

Она нагнулась и увидела мужскую руку, протянувшуюся к ней из-под стола. Но прежде чем она успела вырваться, пальцы разжались сами, и рука безжизненно упала на потертый ковролин.

Спотыкаясь, Пэрис обошла стол и тут же остановилась, увидев человека, лежащего лицом вниз. Она упала на колени, взяла мужчину за плечо и перевернула.

Джон Рондо застонал. Его веки затрепетали, но глаза были закрыты. Из раны на голове текла кровь.

Пэрис шепотом окликнула его:

– Джон, пожалуйста, придите в себя! Прошу вас!

Она легонько ударила его по щеке, но он лишь снова застонал. Голова упала на бок. Рондо был без сознания.

Рядом с ним почти под рукой Пэрис лежала внушительных размеров папка. Она прочла имя, написанное на табличке. Стэнли Криншоу.

Пэрис едва не упала.

– О господи!

Значит, это был Стэн? А почему бы и нет? Его профессиональная непригодность могла сыграть ему на руку. У Стэна было полно времени, чтобы задумать и совершить преступление. Он почти ничего не делал на студии и вечно был свободен. Он наверняка сумел бы переадресовать звонки. Стэн любил всякие электронные и технические новинки. Среди дорогих его сердцу игрушек, вне всяких сомнений, имелись и фотоаппарат, и сопутствующее оборудование. Он был достаточно хорош собой, чтобы привлечь внимание девушки-подростка, ищущей приключений.

И потом, Стэна переполняли злоба и ненависть, достаточные для того, чтобы убить женщину, которая ему изменила. С пугающей ясностью Пэрис вспомнила, что только сегодня вечером отвергла его.

– Помощь скоро придет, – прошептала она Рондо.

Он не ответил. Он все глубже проваливался в темноту. На него нечего было рассчитывать, Пэрис осталась наедине с убийцей.

Не станет она ждать, пока Валентино ее найдет. Она сама отправится на поиски.

Пэрис торопливо обшарила одежду Рондо. Она не знала,

вооружены ли полицейские из отдела компьютерных расследований, но надеялась на это. Пэрис не любила оружие, при одной мысли о револьвере ей становилось не по себе, но она им воспользуется, если придется спасти свою жизнь.

Пэрис радостно вздохнула, нащупав что-то под пиджаком. Но ее радость оказалась короткой, кобура была пуста.

Значит, Стэну это тоже пришло в голову. Итак, теперь он вооружен.

Пэрис осторожно выползла из-за своего временного прикрытия.

Выходя из вестибюля, она выключила лампы дневного света и только потом сообразила, что Стэн знает здание так же хорошо, как и она сама. Темнота перестала быть ее преимуществом.

Но Пэрис не собиралась прятаться. На радиостанции были только они со Стэном. Не будет она играть с ним в дурацкие кошки-мышки. Если Пэрис найдет его и начнет с ним разговор, то она сумеет протянуть время до прихода помощи.

В аппаратной никого не было, мужской туалет оказался пустым, как и кухня. Все кабинеты, включая и ее собственный, стояли темными. Очень медленно Пэрис добралась до задней части здания, где находился просторный склад. Дверь была закрыта.

Металлическая ручка показалась ей очень холодной. Пэрис повернула ее и открыла дверь. В лицо ударил запах запустения и тления. В этом помещении не было окон, и здесь

было еще темнее, чем в остальной части здания. Из открытой двери на бетонный пол падал призрачный свет, но его было слишком мало.

Пэрис задержалась на пороге, давая глазам возможность привыкнуть к темноте. Потом она заметила высокий стеновой шкаф, в котором Марвин, которого теперь звали Лэнси, хранил все необходимое для уборки. Дверь шкафа была чуть приоткрыта. Пэрис прислушалась. Ей показалось, что она слышит чье-то дыхание.

– Стэн, это глупо. Выходи оттуда. Прекрати это сумасшествие, пока еще кто-нибудь не пострадал, в первую очередь ты сам.

Собрав все свое мужество, Пэрис вошла в помещение склада.

– Я знаю, что у тебя теперь есть пистолет, но я не верю, что ты выстрелишь в меня. Если бы ты хотел меня убить, ты бы давно мог это сделать.

Человек в стеновом шкафу задышал чаще, или ей это только показалось? Может быть, она вообще слышит только эхо собственного дыхания?

– Я знаю, что ты злишься на меня, потому что я не ответила на твои чувства, но до недавнего времени я даже не подумывала о них. Давай поговорим об этом.

Пэрис на цыпочках подошла к шкафу, все время прислушиваясь и надеясь, что полиция спешит ей на помощь. Может быть, уже сейчас снайперы занимают позиции для

стрельбы? Или специально натренированные полицейские штурмуют стены, чтобы взобраться на крышу? Или она просто насмотрелась боевиков?

До приоткрытой двери стенного шкафа оставалось несколько шагов. Пэрис снова остановилась.

– Стэн!

Протянув руку, Пэрис распахнула дверь. Выстрелы не разорвали тишину, но она отчетливо слышала его дыхание. Пэрис напомнила себе, что он сделал с Джейни. Теперь, когда Стэн знал, что его вот-вот поймают, он способен на все. Он в отчаянии, он просто не понимает, что делает. Ситуация требовала от нее навыков, которых у нее не было. С такими людьми умел договариваться Дин.

Ее сердце, переполненное страхом, подсказало ей это имя, когда Пэрис сделала последний шаг и встала на пороге.

При виде Стэна она застыла от изумления.

Он тяжело дышал носом, потому что его рот был залеплен клейкой лентой. Ею же были связаны лодыжки и запястья. Ему согнули ноги так, что колени оказались под подбородком. Стэна запихнули в огромную мойку из нержавеющей стали.

– Стэн! В чем... – Пэрис потянулась к нему, чтобы сорвать ленту с его губ, но глаза Стэна, расширившиеся от ужаса, уставились ей за спину и стали еще больше.

Пэрис обернулась.

– Сюрприз! – воскликнул Джон Рондо голосом Валенти-

HO.

– Черт, черт, черт, – повторял Дин, нажимая кнопки своего сотового телефона.

Одной рукой он вел машину, другой снова и снова набирал номер прямой линии в студию Пэрис. Никто не отвечал. Дин позвонил по тому номеру, которым обычно пользуются радиослушатели, но в ответ услышал стандартные слова о том, что Пэрис ответит ему, как только сможет. Он набрал номер ее сотового, но там был включен автоответчик.

– Почему вы не сказали мне о Рондо? – Кертис, сидевший рядом с ним, тоже говорил по своему сотовому. Его попросили подождать, обещая сообщить дополнительную информацию о Джоне Рондо.

– Я услышал все это одновременно с вами, – отмахнулся от упрёка Дин.

Детектив стоял с ним рядом, когда Гэвин рассказал все, что ему было известно о Рондо. Трудно сказать, кто первым сорвался с места. Дин помнил, что отпихнул с дороги Кертиса, когда бежал к двери.

Он ненамного опередил его, детектив на бегу отдавал приказ патрульным машинам и подразделению спецназа ехать к радиостанции.

Дин не собирался сидеть в участке и ждать, когда другие выполнят приказ сержанта. Судя по всему, Кертис разделял

его нетерпение. Они одновременно миновали двойные двери, бегом спустились по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки. В гараже выяснилось, что машина Дина стоит ближе к выезду. Теперь он жал на акселератор и, вероятно, должен был оказаться около радиостанции раньше патрульных машин.

– Вы мне не сказали, что Рондо избил вашего сына в туалете, – зло сказал Кертис.

– Это было мое личное дело. Я думал, что он просто придурок.

– Придурок с... – Кертис замолчал, слушая то, что ему говорили по телефону. – Да, да. Что вы нашли?

Пока Кертису докладывали сведения о Рондо, снова набрал номер Пэрис. Получив тот же ответ, он грязно выругался и вжал педаль акселератора в пол.

И, словно педаль газа была как-то связана с радиоэфиром, тут же смолкла музыка. Дин ждал голос Пэрис, и внезапный свист и шуршание в эфире показались ему громким криком.

Гоня прочь страшные мысли, он начал нажимать на кнопки приемника. Другие станции работали в обычном режиме, звук оставался ясным и четким. Значит, дело было не в приемнике. 101.3 FM вышла из эфира.

– Станция только что прервала передачи, – произнес Дин. Кертис, поглощенный разговором, повернул к нему голову. —Что?

– Пэрис вышла из эфира. Передача прервалась.

– Господи. – Кертис обратился к своему невидимому собеседнику: – Этого пока хватит.

– Что? Расскажите мне, – попросил Дин, минуя поворот на двух колесах.

– Рондо рос без отца. Мои сотрудники сейчас проверяют, когда умер Рондо-старший и существовал ли он вообще. В его жизни не было мужчин, с которых он мог бы брать пример. Ни дяди, ни тренера...

– Я понял, продолжайте.

– Мать работала, чтобы содержать Джона и его сестру, которая была старше на год.

– И что они думают о нем? Что говорит мать о своем сыне?

– Ничего. Они обе умерли. Дин покосился на Кертиса:

– Рондо говорил о них в настоящем времени.

– Обеих женщин убили в их доме, когда Джону было четырнадцать. Он обнаружил трупы. Сестру утопили в ванной. Мать дремала, когда ей вонзили в голову нож для колки льда.

– Кто это сделал?

– Неизвестно. Убийцу так и не нашли.

– Теперь нашли. – Пальцы Дина крепче сжали руль.

– Мы не можем это утверждать, – ответил Кертис, догадываясь, о чем подумал Дин. – Его допрашивали, но никогда не считали подозреваемым. Это была настоящая любящая семья. Миссис Рондо очень много работала, чтобы их содержать. Брат и сестра сами о себе заботились. Они полагались друг на друга и были очень близки.

– Кто бы стал спорить, – напряженно ответил Дин. – Именно близки.

– Вы думаете об инцесте? – спросил Кертис.

– Поведение Валентино симптоматично. Почему ничего не отражено в личном деле Рондо?

– Факты были изложены. Управление полиции тщательно проверяет всех сотрудников.

– Никто не подумал о том, что скрывается за этой трагедией. Мысли об инцесте никому не пришли в голову. И что же стало с Джоном после этого двойного убийства?

– Его отправили к приемным родителям. Он жил в той семье до тех пор, пока не стал взрослым.

– Другие дети там были?

– Нет.

– Это удачно. Он ладил со своим приемным отцом?

– Видимо, да. Приемные родители на него только что не молились.

– Особенно жена.

– Не знаю, – ответил Кертис. – Они дали о нем отличный отзыв. Сказали, что Джон был идеальным ребенком, уважал родителей, прекрасно себя вел.

– Большинство психопатов именно такие.

– В школе никаких проблем, – продолжал Кертис. – Два года в колледже, потом академия. Рондо хотел стать полицейским. Отзывы из полицейской академии самые высокие.

– Позвольте, я угадаю: он пошел в полицию, чтобы изба-

вить других женщин от судьбы собственных матери и сестры.

– Что-то в этом роде. – Кертис взглянул на Дина. – Одна крохотная деталь...

– Да?

– Когда его сестра погибла, она была на шестом месяце беременности.

Дин рискнул оторваться от дороги и вопросительно посмотрел на детектива.

– Нет, – ответил Кертис. – Эксперты проверяли. Этот ребенок был не от Рондо.

– Я бы и сам вам сказал, что это не его ребенок, – мрачно заметил Дин. – Поэтому он ее и убил.

Зазвонил сотовый телефон Кертиса.

– Да, – резко бросил он в трубку.

Дин видел огни на вышке возле радиостанции. Сколько осталось? Миля или две? Он ехал по пятам за машиной спецназа. Фургон нагнал их на дороге, и Дин пропустил его вперед.

Фургон и так ехал с большой скоростью, но Дину хотелось, чтобы он мчался еще быстрее. Машина спецназа и автомобиль Дина возглавляли кавалькаду полицейских машин. замыкала колонну машина «Скорой помощи». Об этом Дин старался не думать.

Кертис закончил разговор.

– Наши люди побывали в квартире Рондо. Не слишком

много места, но очень много современного фотооборудования. Альбомы с порнографическими снимками. Очень много фотографий Джейни. На постельном белье нашли длинные белокурые волосы. Он тот парень, которого мы ищем.

Дин смотрел прямо перед собой. Он с такой силой сжал челюсти, что у Него заныли зубы.

Кертис проверил свои пистолеты, тот, который носил в кобуре на поясе, и второй в кобуре на щиколотке.

– У вас есть оружие? Дин коротко кивнул:

– Я ношу его с тех пор, как Валентино начал угрожать Пэрис.

– Хорошо. Но теперь послушайте меня. Когда мы приедем туда, вы будете стоять в стороне и дадите этим ребятам возможность выполнять свою работу. – Он кивком указал на фургон спецназа. – Вы меня поняли?

– Я вас понял, сержант.

Намек на то, что Дин выше по званию, не остался незамеченным, но Кертис как будто не заметил этого.

– Вы ворветесь туда вне себя от ярости, – спокойно пояснил он, – и можете нарушить процедуру ареста. Этот парень сумеет уйти от нас из-за какой-нибудь технической погрешности при задержании.

– Я же сказал, что все понял! – раздраженно рявкнул Дин.

– Значит, вы спокойны? – уточнил Кертис.

– Я абсолютно спокоен. Кертис пробормотал себе под нос:

– Черта с два вы спокойны.

– Вы совершенно правы, – ответил Дин. – Если он причинит боль Пэрис, я его убью.

Пэрис смотрела на ухмыляющееся лицо Джона Рондо, но ее удивление быстро прошло. Она среагировала очень быстро. Со всей силы она толкнула Рондо в грудь, но он успел отшвырнуть ее на металлические полки, одновременно наставив пистолет на Стэна.

Грохот выстрела оглушил Пэрис, а может быть, это был ее собственный крик.

Рондо отвесил ей пощечину.

– Заткнись!

Схватив ее за волосы, он выволок Пэрис из шкафа и ногой закрыл дверь. Рондо толкнул ее с такой силой, что Пэрис упала на бетонный пол.

– Привет, Пэрис, – произнес он тем вызывающим ужас голосом, который она так хорошо знала.

– Ты убил его?

– Криншоу? Надеюсь. Иначе зачем бы мне было стрелять ему прямо в сердце? Настоящий неудачник. Но он оказался крепче, чем выглядит. Это он меня огрел. – Рондо указал на широкую рваную рану на голове. – Сначала Стэнли был таким послушным. Показал, как прекратить вещание, разумеется, под дулом пистолета. А потом совершил эту смешную, но такую благородную попытку защитить тебя, ударив меня по голове бутылкой. – Рондо по-прежнему говорил голосом

Валентино.

– Твой голос... Ты здорово притворялся.

– Не правда ли? Я не хотел, чтобы кто-нибудь из моих товарищей-копов узнал мой голос, если среди них вдруг окажутся поклонники Пэрис Гибсон.

– Значит, ты и был Валентино с самого начала. – У Пэрис пересохло во рту, язык с трудом поворачивался.

– Да. Это возвращает нас к тому времени, когда... Дайка подумать. – Он почесал щеку дулом пистолета. – Приблизительно к тому времени, когда я познакомился с Мэдди Робинсон.

– Значит, ты убил двух женщин, – сказала Пэрис. Он снисходительно улыбнулся:

– Честно говоря, нет, Пэрис.

– Больше?

– Конечно.

«Продолжай разговаривать с ним. Чем дольше он будет говорить, тем дольше ты проживешь».

– Почему ты убил их?

– Потому что они не заслуживали того, чтобы жить, – ответил Рондо своим обычным голосом.

– Они изменили тебе, как это сделала Джейни.

– Мэдди, моя сестра.

– Ты убил свою сестру?

– Это было не убийство, а торжество справедливости.

– Понимаю. И что же случилось? Что тебе сделала твоя

сестра?

Он весело рассмеялся:

– Все, что я попрошу. Мы оба делали друг для друга все. Понимаешь, я спал между ними. Между сестрой и матерью. Представляешь картинку? – Он игриво изогнул бровь.

Рондо хотел шокировать ее, и ему это удалось, но Пэрис старалась сохранять на лице бесстрастное выражение. Не доставит она ему удовольствие увидеть отвращение на ее лице.

– Это был наш маленький семейный секрет, о котором никто не догадывался, – рассказывал Рондо театральным шепотом. – «Никому ничего не говорите, – предупреждала нас мамочка. – Потому что если вы расскажете, то вас заберут у меня и запрут вместе с плохими мальчиками и девочками, которые играют с пи-пи друг друга. Обещаете? Вот и хорошо. А теперь сососите мамочкины тити, а мамочка сделает вам что-то очень приятное».

К горлу Пэрис подступила тошнота.

А Рондо продолжал рассказывать в своей игривой манере:

– А потом мы стали старше. Сестра нашла работу. После школы она подрабатывала в музыкальном магазине. Она пропадала там каждый день, вместо того чтобы быть со мной дома и заниматься тем, что нам нравилось больше всего. Она задерживалась в магазине все дольше и дольше, чтобы побыть с одним парнем, который там работал. У нее больше не находилось для меня времени.

Сестра все время была не в настроении. Говорила, что

слишком устала, но это только потому, что она все время трахалась с ним. А мамочка считала, что это здорово, потому что моя сестра влюбилась. «Ну разве это не романтично и разве ты не счастлив за нее, Джонни?»

Рондо замолчал, явно расстроившись. Он засопел, словно собирался заплакать.

– Я любил их.

Пользуясь его задумчивостью, Пэрис попыталась оценить расстояние до двери. Его издевательский смех заставил ее взглянуть на него.

– Даже не думай об этом, Пэрис. Это небольшое путешествие в прошлое не отвлекло меня от того, ради чего я пришел сюда.

– Если ты убьешь меня... – начала Пэрис.

– Я тебя убью, а все решат, что это сделал Стэн Криншоу, – оборвал ее Рондо.

– Он мертв.

– Холоден, как дверной гвоздь. Я должен был убить его. Видишь ли, когда я приехал сюда, ты была уже мертва. Тебя задушил Криншоу, этот извращенец и насильник, отличавшийся непристойным поведением с самого детства. Все сведения вот в этой папке. Стэнли Криншоу был психопатом с сексуальными отклонениями. Один я сумел правильно оценить обстановку и попытался арестовать его. Мы боролись, и он успел ударить меня по голове. Кстати, это помогло мне сыграть с тобой славную шутку. Ловко получилось, правда?

Ты ведь поверила, да?

– Поверила, – призналась Пэрис.

– Прости, я не смог устоять перед искушением. Особенно удался этот фокус с твоей лодыжкой. – Рондо захихикал. – Так на чем я остановился? Ах, да, я рассказывал, как все-таки сумел справиться с Криншоу и попытался связать его клейкой лентой, которую нашел в шкафу. Но тут он решил сбежать, и мне пришлось застрелить его.

– Очень неплохо, – признала Пэрис, – но до идеала далеко. Эксперты обнаружат несовпадения твоего рассказа и той картины, которую обнаружат на месте преступления.

– Я сумею ответить на все вопросы, которые у них возникнут.

– А ты уверен, что подумал обо всем, Джон?

– Я хорошо поработал. Я отличный коп.

– Который охотится на женщин.

– Я на них не «охочусь», как ты выразилась. Едва ли моих мать и сестру можно считать жертвами. Они были моими учителями. Все женщины, с которыми я был потом, пользовались этим, все охотно соглашались спать со мной. Сначала Мэдди мне не слишком понравилась, но она не отставала от меня. А потом вдруг захотела со мной порвать. Подумать только. – Он неодобрительно покачал головой. – И девушек из «Секс-клуба» нельзя назвать жертвами. Ты просто ничего не знаешь. Это шлюхи, которые ищут приключений. Я не признаю никаких запретов, и за это они любят меня, – про-

шептал Рондо, показывая Пэрис язык. Это выглядело просто дико. Она снова сглотнула, борясь с тошнотой.

– А Джейни ты не понравился.

– Джейни любила только Джейни. Но ей нравилось то, что я с ней делал. Она была бессердечной маленькой сучкой, использовавшей чувства людей в своих интересах. Она на них тренировалась. И ты посочувствовала этой дряни, Пэрис. Ты выдала ее звонок в эфир, чтобы она могла на меня пожаловаться. А знаешь, почему ты это сделала? Потому что ты точно такая же, как она.

Ты тоже играешь с людьми. Ты думаешь, что ты очень крутая. Ты подцепила Мэллоя, даже Кертис исходит слюной, глядя на тебя, умоляет уделить ему хотя бы капельку твоего драгоценного внимания. – Рондо посмотрел на часы. – Кстати о Мэллое. Мне пора приниматься за дело. Твоя программа не выходит в эфир уже пять минут.

Пять минут? Пэрис они показались вечностью.

– Слушатели заметят это, начнут волноваться, и твой друг-психолог помчится сюда, словно рыцарь...

Раздался звон разбитого стекла, шум голосов и топот множества ног.

Пэрис изо всех сил ударила Рондо по колену.

Нога подогнулась, и он вскрикнул от боли.

Пэрис вскочила и метнулась к двери.

Она не услышала выстрела, пока не почувствовала удар.

Все оказалось хуже, чем она себе представляла. Боль, раз-

рывающая тело, лишила ее способности дышать, и Пэрис едва не потеряла сознание. Выброс адреналина дал ей силы выбежать из кладовой и из поля видимости Рондо. И только тогда она упала.

Пэрис попыталась крикнуть, позвать полицию, но с ее губ сорвался лишь еле слышный стон. Вокруг нее смыкалась темнота. Она хотела подняться, но ее ноги стали совсем ватными, ее едва не стошнило. Она снова попыталась закричать, но ее хорошо поставленный, модулированный голос отказался ее слушаться.

Рондо подходил все ближе к двери, завывая от боли. Пэрис слышала его стоны, пока он ковылял по цементному полу. Очень скоро он окажется в коридоре, и тот, кто выйдет из-за угла, сразу его не увидит.

– Дин, – прохрипела Пэрис.

Ей удалось встать на колени, она покачнулась и тяжело оперлась о стену. Боль пронзила ее, словно раскаленный прут. Сползая по стене вниз, на пол, она оставляла кровавый след.

В ушах у нее зазвенело, но Пэрис слышала, что голоса приближаются. Свет ручных фонарей метался по стенам в конце коридора.

Но тут она услышала другой звук и, повернув голову, увидела Рондо в дверях кладовой. Рыча от боли, он опирался о косяк. Пэрис с удовлетворением заметила, что его правая нога вывернута под странным углом. Его лицо заливал пот,

черты исказила уродливая маска ярости, когда он посмотрел на нее.

– Ты такая же, как и они, – прошипел он, – я должен тебя убить.

– Стоять! – Окрик рикошетом отлетел от стен.

Но Рондо не слушал предупреждений. Он направил оружие на Пэрис.

Раздался залп, коридор заполнился дымом.

Падая вперед, Пэрис успела удивиться, не понимая, теряет она сознание или умирает.

– Так кто же все-таки его убил?

– Я бы назвал это совместными усилиями. Рондо не оставил нам выбора. Многие из нас стреляли в него.

Пэрис откинулась на подушки, успокоенная ответом Кертиса. Она не хотела, чтобы Дин нес на себе груз вины за смерть Джона Рондо. Пэрис сказали, что именно Дин первым оказался в том коридоре, как она и ожидала. Но там были еще Кертис и несколько спецназовцев. Любая из пуль, попавших в Рондо, могла стать смертельной. В это утро Кертис выглядел еще более аккуратным, чем обычно, словно он специально принарядился, когда решил навестить ее в больнице. Детектив надел серый костюм, сшитый по тexasской моде. Его ботинки сияли ярче, чем обычно.

Пэрис чувствовала запах дорогого одеколona. Кертис принес ей коробку шоколадных конфет.

Но поведение его оставалось сугубо деловым.

– Рондо был достаточно технически грамотным, чтобы суметь переадресовать звонки, – продолжал рассказывать сержант. – В конце концов наши ребята проследили его последний звонок с сотового телефона, но это он планировал заранее. Телефон оказался незарегистрированным. Позвонил и выбросил.

– Он мог так легко менять свой голос. Я сама слышала это.

Просто удивительно и пугающе.

Иногда Пэрис переставала думать о Рондо и о том времени, что она провела с ним на складе. Но потом воспоминания возвращались к ней без предупреждения, и ей снова приходилось переживать эти страшные минуты.

Когда она описала свои ощущения Дину, он успокоил ее, сказав, что постепенно воспоминания будут возвращаться к ней все реже и станут не такими яркими. Хотя Пэрис никогда полностью не забудет случившегося с ней, эти события уйдут в подсознание. И еще Дин добавил, что сам проследит за тем, чтобы Пэрис жила только настоящим и будущим, не задерживаясь в прошлом.

– Рондо хотел перейти на работу в отдел расследований, – продолжал Кертис. – Он уже говорил со мной об этом. Сказал, что хочет работать в отделе, который занимается сексуальными преступлениями против детей.

– Где он получил бы неограниченный доступ к детской порнографии.

Кертис кивнул с явным отвращением.

– В тот вечер Рондо отправился на радиостанцию. У него были свои планы, но он намеревался еще и отличиться как офицер полиции, якобы обнаружив Валентино. Убив вас и Криншоу, он бы оказался вне подозрений. На трупе Джейни не обнаружили ДНК преступника. Судя по всему, Рондо узнал, о существовании специального состава, когда работал в Далласе в отделе убийств. – Кертис печально покачал го-

ловой. – Его хорошо обучили.

– А как себя чувствует Стэн? – спросила Пэрис. – У вас есть новости о нем?

– Его состояние стабильно. Думаю, что выкарабкается.

Каким-то чудом Стэн не погиб от выстрела Рондо, и хирургам удалось извлечь из груди пулю. У него спалось легкое и были повреждены ткани вокруг, но он будет жить.

Уилкинс Криншоу на частном самолете перевез племянника в Атланту.

– Я просила мистера Криншоу позвонить мне, как только Стэн сможет говорить по телефону. Я хотела извиниться, – сказала Пэрис.

– Уверен, ваш коллега не станет держать на вас обиду. Он будет слишком счастлив тем, что остался в живых.

– Рондо заявил мне, что выстрелил Стэну прямо в сердце.

– Он целился в сердце, но, видимо, маловато тренировался в тире. – Кертис мрачно усмехнулся. – Вам повезло, что это так.

Пэрис уже сказали, что она потеряла много крови, потому что пуля вошла ей в спину чуть ниже левого плеча и вышла наружу. У нее останется уродливый шрам, да и о ее великолепной теннисной подаче можно забыть, но она осталась жива.

Если бы пуля попала немного ниже, все было бы кончено. Дин посоветовал ей не задумываться об этом, хотя это было бы обычной реакцией человека, избежавшего смерти.

– Не думай о том, почему ты осталась жить, Пэрис, – говорил он. – Это напрасные размышления. Вполне возможно, ты никогда не узнаешь ответа на этот вопрос. Просто радуйся тому, что не покинула этот мир. Я, например, очень рад этому. – Голос Дина был хриплым от волнения.

Кертис продолжал свой рассказ. Инцест, пережитый Рондо в детстве, оставил серьезный отпечаток.

– Не думаю, что Рондо сам понимал, насколько сильна его ярость, – сказал Кертис. – Он научился хорошо ее скрывать, но глубоко в душе жил гнев против женщин из-за того, что сделала с ним его мать.

– Дин объяснил мне это.

– Я перефразирую его слова, – признал Кертис. Помолчав немного, он спросил, видела ли Пэрис утреннюю газету. – Судья Кемп использует убийство дочери в своей предвыборной кампании.

– Это переходит всякие границы.

– Что поделаешь с такими людьми? – Кертис недовольно фыркнул.

– А что будет с Брэдли Армстронгом? – спросила Пэрис. – Он отправится в тюрьму?

– Против него выдвинуты обвинения в сексуальном домогательстве с отягчающими обстоятельствами. Это, конечно, повлечет за собой серьезный приговор, если его осудят. Но Мелисса Хэтчер признала, что добровольно пошла с ним и согласилась на несколько половых актов и только потом по-

требовала от него остановиться. Армстронг может взять на себя менее тяжкие проступки в обмен на более легкий приговор. Но я предполагаю, что он все-таки отправится за решетку. Будем надеяться, что за это время он вылечится.

– Интересно, его жена останется с ним? – Пэрис посмотрела на букет, присланный Тони Армстронг.

– Поживем – увидим, – вздохнул Кертис. – Но если бы я был человеком азартным, я бы сделал ставку на то, что она останется. – Они немного посидели в тишине, потом детектив хлопнул себя по коленям и со вздохом встал. – Мне пора уйти и дать вам отдохнуть.

– Я уже опухла от отдыха, – рассмеялась Пэрис. – Не могу дождаться, когда меня выпустят.

– Не терпится вернуться к работе?

– Думаю, на следующей неделе я уже снова смогу вести передачу.

– Ваши поклонники будут счастливы. И персонал больницы тоже. Они утверждают, что вестибюль буквально завален присланными вам цветами.

– Вчера Дин возил меня туда посмотреть на букеты. Люди невероятно добры ко мне.

– Приходится признаться, что мне тоже не хватает ваших передач. – Кертис покраснел до корней волос, но он все-таки добавил: – Вы отлично работаете.

– Вы тоже, сержант Кертис.

Немного неловко он потянулся к ее правой руке и легко

сжал пальцы.

– Уверен, что мы еще увидимся. То есть теперь, когда вы и Мэллой... – Он не договорил.

Пэрис улыбнулась:

– Да, я не сомневаюсь, что мы обязательно увидимся.

Дин появился как раз в ту минуту, когда Пэрис заканчивала макияж.

– Пэрис? – позвал он, входя в палату.

– Я здесь, – откликнулась она из маленькой ванной комнаты. Он подошел к ней, и их глаза встретились в зеркале над раковиной. – Как я выгляжу?

– Потрясающе.

Пэрис с сомнением нахмурилась:

– Не так-то легко причесаться одной рукой. Хорошо еще, что вышла из строя левая.

Дин коснулся ее правой руки, тыльная сторона которой еще сохранила след от внутривенного катетера, снятого только накануне. Он поцеловал это место.

– С моей точки зрения, ты выглядишь фантастически.

– Твое мнение много для меня значит. – Пэрис повернулась к нему, но, когда он лишь на мгновение коснулся ее губ, она посмотрела на него с явным разочарованием.

– Я не хочу причинить тебе боль. – Дин указал на ее перевязанную и подвязанную левую руку.

– Я не сломаюсь.

Правой рукой она притянула его к себе и поцеловала по-

настоящему. Дин не мог ей не ответить. Они страстно целовались, снова вспоминая о том, что они едва не потеряли друг друга навсегда.

Когда они оторвались друг от друга, Пэрис сказала:

– Я получила карточку с пожеланиями скорейшего выздоровления от Лизы Дуглас. Очень мило с ее стороны при сложившихся обстоятельствах.

– Она настоящая леди. В ней был только один недостаток. Она не была тобой.

Они снова поцеловались, и его губы прошептали:

– Когда мы приедем домой... – Да?

– Не могли бы мы отправиться напрямиком в постель?

– Ты собираешься...

– Я готов на подвиги. Мы испробуем все. – Он быстро поцеловал ее. – Давай выбираться отсюда поскорее.

Они забрали кое-какие мелочи, еще остававшиеся в палате, и уложили в сумку. Пэрис надела солнечные очки. Дин усадил ее в кресло на колесиках и повез к лифту.

Когда они спускались на первый этаж, Пэрис сказала:

– Я думала, что Гэвин приедет вместе с тобой.

– Он шлет тебе наилучшие пожелания, но сегодня утром он уехал в Хьюстон, чтобы провести выходные с Патрисией. Он надеется помириться с ней и, возможно, даже протянет оливковую ветвь ее мужу.

– Я рада за него.

– Меня его слова не обманули, – усмехнулся Дин.

– Ты не веришь в его искренность? – удивилась Пэрис.

– Нет, когда он говорил о своем намерении наладить отношения с матерью и ее новым мужем, он не солгал. Но поехал он именно в эти выходные, чтобы мы могли побыть наедине. – Когда двери кабины плавно разъехались в стороны, Дин нагнулся к Пэрис и прошептал ей на ухо: – Я у него в долгу.

– Я тоже, – улыбнулась Пэрис.

– Теперь-то ты выйдешь за меня замуж? Она изобразила возмущение:

– Иначе я бы не согласилась на медовый месяц.

– Гэвин обрадуется. Он хочет обзавестись друзьями в новой школе и заявил мне, что у него будет изрядное преимущество, если его мачеха окажется не только знаменитостью, но и настоящей красоткой.

– Твой сын считает меня красоткой?

– И еще он называет тебя клевой. Ты получила стопроцентное одобрение.

– Так приятно, когда тебя любят.

Уже без намека на шутку Дин встал перед креслом, нагнулся к ней и сказал:

– Я хочу тебя.

Их слушали персонал больницы и люди, пришедшие навестить родственников или друзей. Не обращая на них внимания, Дин взял руку Пэрис и поднес ее к губам. Они обменялись взглядами, исполненными глубоким смыслом и обе-

щаниями. Дин выпустил ее руку и спросил:

– Готова?

– Готова.

– Должен тебя предупредить, Пэрис. Тебе придется пройти сквозь строй. На улице тебя с нетерпением ждут журналисты, фотографы, операторы. Их целая толпа. Все каналы от Далласа до Хьюстона и Эль-Пасо прислали своих людей, чтобы снять твой выход из больницы. Ты – сенсация!

– Я знаю.

– И тебя это не волнует?

– Нет. И потом... – Пэрис сняла солнечные очки и посмотрела на Дина. – Пришла пора выйти из тени.

Улыбающийся Дин повез ее коляску к автоматическим дверям. Они распахнулись, защелкали камеры. Пэрис даже не моргнула.